КОЛДОВСКИЕ СКАЗКИ СТРАШНЫЕ









ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА СКАЗОК ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

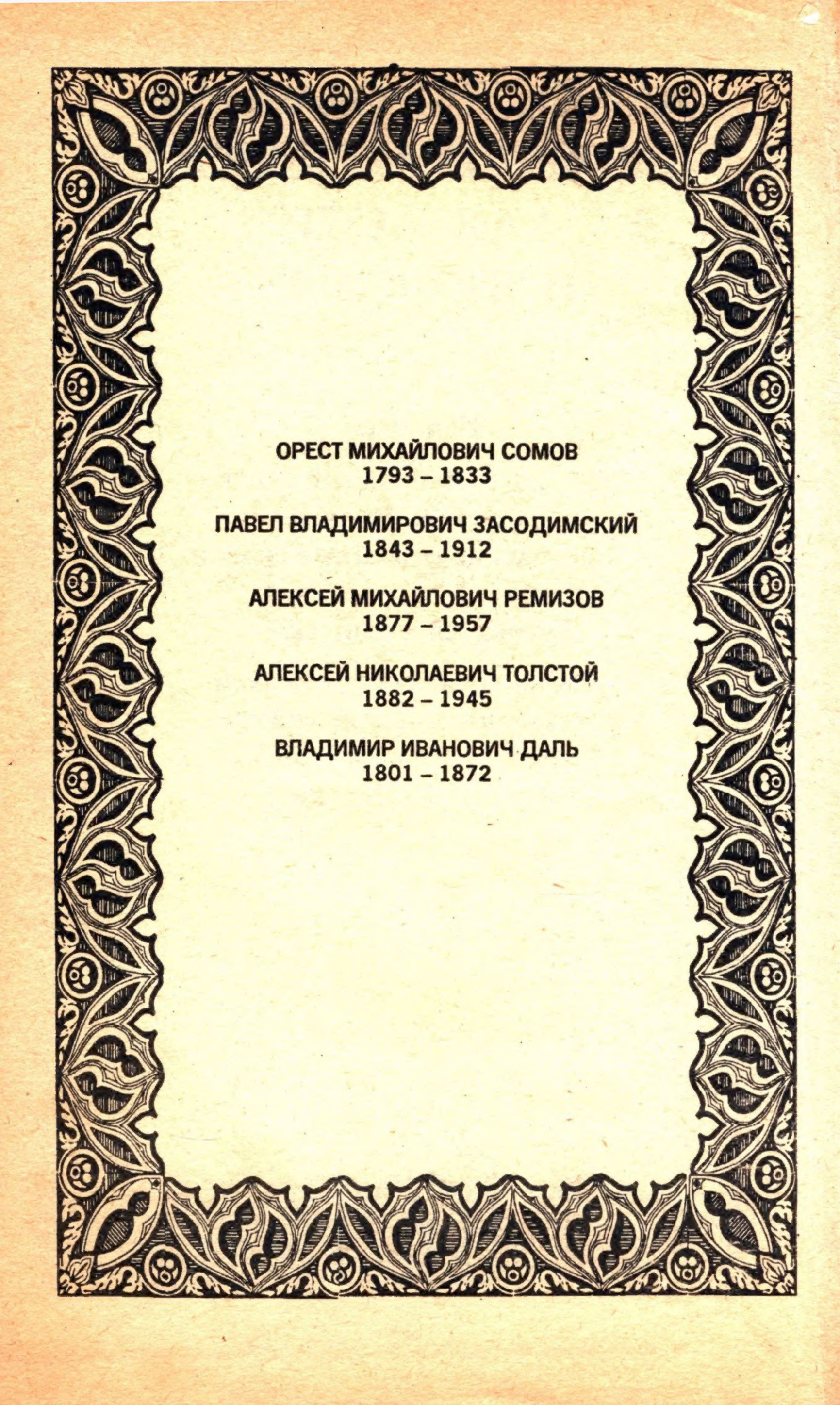
Изданы:

1. Лабулэ Э. Избранные сказки.
2. Санд Ж. Сказки.
3. Колдовские страшные сказки.

Готовятся к выпуску:

Русские богатырские сказки.
Русские плутовские сказки.
Лабулэ Э. Сказки (том 2).
Музеус И. Сказки.





ОРЕСТ МИХАЙЛОВИЧ СОМОВ
1793 – 1833

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАСОДИМСКИЙ
1843 – 1912

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ РЕМИЗОВ
1877 – 1957

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ
1882 – 1945

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ
1801 – 1872



БАНК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ
1992

ББК 84Р1
К60

Текст печатается по изданиям:
Даль В. Полное собрание сочинений: В 10 т. - Т. 10 - СПб, М.: Издание тов-ва М.О.Вольф, 1898.
Русская литературная сказка. - М.: Сов. Рос., 1989.
Ремизов А.М. Неуёмный бубен. - Кишинев: Лит. артистикэ, 1988.
Сомов О.М. Были и небылицы. - М.: Сов. Рос., 1984.
Сомов О. Купалов вевер. - Киев: Дніпро, 1991.
Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. - Т. 8. - М.: Худ. лит., 1985.

Колдовские страшные сказки./Сост. А.Гущин. - Екатеринбург: Банк культурной информации, 1992. - 496 с., ил. (сер. «Иллюстрированная библиотека сказок для детей и взрослых).

ISBN 5-85865-005-8

Третью книгу серии «Иллюстрированная библиотека сказок для детей и взрослых» составили сказки русских писателей о русалках, оборотнях, ведьмах...

Мир таинственного, сверхъестественного, основанный на славянских суевериях, вдохновлял не одно поколение мастеров русской прозы, пытавшихся воскресить чудесные представления предков.

В книгу также включен в полном объеме обзор русских суеверий В.И.Даля, ставший сегодня библиографической редкостью.

К $\frac{4703010200 - 002}{040127 - 92}$ Без объявл. - 92 ББК 84Р1

ISBN 5-85865-005-8

ВСТУПЛЕНИЕ

Настоящую книгу составили сказки, в основе которых лежит причудливый мир славянских суеверий. Лешие, оборотни, русалки, ведьмы...

Открыв книгу, вы сумеете ещё раз окунуться в мир таинственного, не всегда доброго, но и не такого уж непобедимого сверхъестественного. Того, что заставляло замирать дух наших предков. Вы побываете на Лысой горе, с глубоким щемящим чувством наблюдая, как самый близкий вам человек участвует в шабаше ведьм, вы сумеете, хоть на миг, но почувствовать, как страшно, будучи от природы добрым, вдруг оказаться в шкуре оборотня... А насколько коварны замыслы нечисти - всех этих русалок, колдунов, покойников!..

Сегодняшний мир, в чём-то более жестокий, отнимающий веру в справедливость своим полуразрушенным бытом, нарушенными идеалами, порой даёт куда больше страха, чем старые сказки о победах нечистой силы над человеком. И составляя эту книгу мы не хотели только пугать людей. В каждом из этих, собранных под одним переплётом произведений есть мощный заряд веры в высшую справедливость, в духовность, в силу русского характера, в итоге - непобедимого и вечного. И написаны эти сказки мастерами русской литературы.



РУСАЛКА

Малороссийское предание



Давным-давно, когда ещё златоглавый наш Киев был во власти поляков, жила-была там одна старушка, вдова лесничего. Маленькая хатка её стояла в лесу, где лежит дорога к Китаевой пустыни: здесь, пополам с горем, перебивалась она трудами рук своих вместе с шестнадцатилетнею Горпинкою, дочерью и единою своею отрадою. И подлинно дочь дана была ей на отраду: она росла, как молодая черешня, высока и стройна; чёрные её волосы, заплетённые в *дрибушки,* отливались, как вороново крыло под разноцветными скиндячками, большие глаза её чернелись и светились тихим огнём, как два полуистухших угля, на которых ещё перебегали искорки. Бела, румяна и свежа, как молодой цветок на утренней заре, она росла на беду сердцам молодецким и на зависть своим подружкам. Мать не слышала в ней души, и труженики божии, честные отцы Китаевой пустыни, умильно и приветливо глядели на неё, как на будущего своего собрата райского, когда она подходила к ним под благословение.



Что же милая Горпинка (так называл её всякий, кто знал) стала вдруг томна и задумчива? Отчего не поёт она больше, как вешняя птичка, и не прыгает, как молодая козочка? Отчего рассеянно глядит она на всё вокруг себя и невпопад отвечает на вопросы? Не дурной ли ветер подул на неё, не злой ли глаз поглядел, не колдуны ли обошли?.. Нет! не дурной ветер подул, не злой глаз поглядел, и не колдуны обошли её: в Киеве, наполненном в тогдашнее время ляхами, был из них один, по имени Казимир Чепка. Статен телом и пригож лицом, богат и хорошего рода, Казимир вёл жизнь молодецкую: пил венгерское с друзьями, переведывался на саблях за *гонор,* танцевал краковяк и мазурку с красавицами. Но в летнее время, наскуча городскими потехами, часто целый день бродил он по *сагам* днепровским и по лесам вокруг Киева, стрелял крупную и мелкую дичь, какая ему попадалась. В одну из охотничьих своих прогулок встретился он с Горпинкою. Милая девушка, от природы робкая и застенчивая, не испугалась, однако ж, ни богатырского его вида, ни чёрных, закрученных усов, ни ружья, ни большой лягавой собаки: молодой пан ей приглянулся, она ещё больше приглянулась молодому пану. Слово за слово, он стал ей напевать, что она красавица, что между городскими девушками он не знал ни одной, которая могла бы поспорить с нею в пригожестве; и мало ли чего не напевал он ей? Первые слова лести глубоко западают в сердце девичье: ему как-то верится, что всё, сказанное молодым



красивым мужчиной, сущая правда. Горпинка поверила словам Казимира, случайно или умышленно они стали часто встречаться в лесу, и оттого теперь милая девушка стала томна и задумчива.

В один летний вечер пришла она из лесу позже обыкновенного. Мать пожурила её и пугала дикими зверями и недобрыми людьми. Горпинка не отвечала ни слова, села на лавке в углу и призадумалась. Долго она молчала; давно уже мать перестала делать ей выговоры и сидела, также молча, за пряжею; вдруг Горпинка, будто опомнясь или пробудясь от сна, взглянула на мать свою яркими, чёрными своими глазами и промолвила вполголоса:

- Матушка! у меня есть жених.

- Жених?.. кто? - спросила старушка, придержав своё веретено и заботливо посмотрев на дочь.

- Он не из простых, матушка: он хорошего рода и богат: это молодой польский пан... - Тут она с детским простодушием рассказала матери своей всё: и знакомство своё с Казимиром, и любовь свою, и льстивые его обещания, и льстивые свои надежды быть знатною паней.

- Берегись, - говорила ей старушка, сомнительно покачивая головою, - берегись лиходея; он насмеётся над тобою, да тебя и покинет. Кто знает, что на душе у иноверца, у католика?.. А и того ещё хуже (с нами сила крестная!), если в виде польского пана являлся тебе злой искуситель. Ты знаешь, что у нас в Киеве, за грехи

наши, много и колдунов и ведьм. Лукавый всегда охотнее вертится там, где люди ближе к спасенью.

Горпинка не отвечала на это, и разговор тем кончился. Милая, невинная девушка была уверена, что её Казимир не лиходей и не лукавый искуситель, и потому она с досадою слушала речи своей матери. «Он так мил, так добр! он непременно сдержит своё слово и теперь поехал в Польшу для того, чтоб уговорить своего отца и устроить дела свои. Можно ли, чтобы с таким лицом, с такою душою, с таким сладким, вкрадчивым голосом он мог иметь на меня недобрые замыслы? Нет! матушка на старости сделалась слишком недоверчива, как и все пожилые люди». Таким нашёптыванием легковерного сердца убаюкивала себя неопытная, молодая девушка; а между тем мелькали дни, недели, месяцы - Казимир не являлся и не давал о себе вести. Прошёл и год - о нём ни слуху ни духу. Горпинка почти не видела света божьего: от света померкли ясные очи, от частых вздохов теснило грудь её девичью. Мать горевала о дочернем горе, иногда плакала, сидя одна в ветхой своей хатке за пряжею, и, покачивая головою, твердила: «Не быть добру! Это наказание божие за грехи наши и за то, что несмыслёная полюбила ляха-иноверца!»

Долго тосковала Горпинка; бродила почти беспрестанно по лесу, уходила рано поутру, приходила поздно ночью, почти ничего не ела, не пила и иссохла как былинка. Знакомые о ней



жалели и за глаза толковали то и другое; молодые парни перестали на неё заглядываться, а девушки ей завидовать. Услужливые старушки советовали ей идти к колдуну, который жил за Днепром, в бору, в глухом месте: он-де скажет тебе всю правду и наставит на путь, на дело! Горе придаёт отваги: Горпинка откинула страх и пошла.

Осенний ветер взрывал волны в Днепре и глухо ревел по бору; жёлтый лист, опадая с деревьев, с шелестом кружился по дороге, вечер хмурился на дождливом небе, когда Горпинка пошла к колдуну. Что сказал он ей, никто того не ведает; только мать напрасно ждала её во всю ту ночь, напрасно ждала и на другой день, и на третий: никто не знал, что с нею сталось! Один монастырский рыболов рассказывал спустя несколько дней, что, плывя в челноке, видел молодую девушку на берегу Днепра: лицо её было исцарапано иглами и сучьями деревьев, волосы разбиты и скиндячки оборваны; но он не посмел близко подплыть к ней из страха, что то была или бесноватая, или бродящая душа какой-нибудь умершей, тяжкой грешницы.

Бедная старушка выплакала глаза свои. Чуть свет вставала она и бродила далеко, далеко по обоим берегам Днепра, расспрашивала у всех встречных о своей дочери, искала тела её по песку прибрежному и каждый день с грустью и горькими слезами возвращалась домой одна-одинёхонька: не было ни слуху, ни весточки о милой её Горпинке! Она клала на себя набожные

обещания, ставила из последних трудовых своих денег большие свечи преподобным угодникам печёрским: сердцу её становилось от того на время легче, но мучительная её неизвестность о судьбе дочери всё не прерывалась. Миновала осень, прошла и суровая зима в напрасных поисках, в слезах и молитвах. Честные отцы, черноризцы Китаевой пустыни, утешали несчастную мать и христиански жалели о заблудшей овце; но сострадание и утешительные их беседы не могли изгладить горестной утраты из материнского сердца. Настала весна; снова старуха начала бродить по берегам Днепра, и всё так же напрасно. Она хотела бы собрать хоть кости бедной Горпинки, омыть их горючими слезами и прихоронить, хотя тайком, на кладбище с православными. И этого, последнего утешения лишала её злая доля.

Те же услужливые старушки, которые наставили дочь идти к колдуну, уговаривали и мать у него искать помощи. Кто тонет, тот и за бритву рад ухватиться, говорит пословица. Старуха подумала, подумала - и пошла в бор. Там, в страшном подземелье или берлоге, жил страшный старик. Никто не знал, откуда он был родом, когда и как зашёл в заднепровский бор и сколько ему лет от роду; но старожилы киевские говаривали, что ещё в детстве слыхали они от дедов своих об этом колдуне, которого с давних лет все называли Боровиком: иного имени ему не знали. Когда старая Фенна, мать Горпинки, пришла на то место, где, по рассказам, можно

было найти его, то волосы у неё поднялись дыбом и лихорадочная дрожь её забила... Она увидела старика, скрюченного, сморщенного, словно выходца с того света: в жаркий майский полдень лежал он на голой земле под шубами, против солнца и, казалось, не мог согреться. Около него был очерчен круг, в ногах у колдуна сидела огромная чёрная жаба, выпуча большие зелёные глаза; а за кругом кипел и вился клубами всякий гад: и ужи, и змеи, и ящерицы; по сучьям деревьев качались большие нетопыри, а филины, совы и девятисмерты дремали по верхушкам и между листьями. Лишь только появилась старуха - вдруг жаба трижды проквакала страшным голосом, нетопыри забили крыльями, филины и совы завыли, змеи зашипели, высунув кровавые жала, и закружились быстрее прежнего. Старик приподнялся, но увидя дряхлую, оробевшую женщину, он махнул чёрною ширинкою с какими-то чудными нашивками красного шёлка - и мигом всё исчезло с криком, визгом, витьём и шипеньем: одна жаба не слазила с места и не сводила глаз с колдуна. «Не входи в круг, - прохрипел старик чуть слышным голосом, как будто б этот голос выходил из могилы, - и слушай: ты плачешь и тоскуешь об дочери; хотела ли бы ты её видеть? хотела ли б быть опять с нею?»

- Ох, *пан-отче* ! как не хотеть! Это одно моё детище, как порох в глазу...

- Слушай же: я дам тебе клык чёрного вепря и чёрную свечу... - Тут он пробормотал что-то на неведомом языке, и жаба, завертев глазами, в



один прыжок скакнула в подземелье, находившееся в нескольких шагах от круга, другим прыжком выскочила оттуда, держа во рту большой белый клык и чёрную свечу; то и другое положила она перед старухой и снова села на прежнее своё место.

- Скоро настанет *зелёная неделя,* - продолжал старик, - в последний день этой недели, в самый полдень, пойди в лес, отыщи там поляну, между чащею; ты её узнаешь: на ней нет ни былинки, а вокруг разрослись большие кусты папоротника. Проберись на ту поляну, очерти клыком круг около себя и в середине круга воткни чёрную свечу. Скоро они побегут; ты всматривайся пристально и чуть только заметишь свою дочь - схвати её за левую руку и втащи к себе в круг. Когда же все другие пробегут, ты вынь свечу из земли и, держа её в руке, веди дочь свою к себе в дом. Что бы она ни говорила - ты не слушай её речей и всё веди её, держа свечу у неё над головою; и что бы после ни случилось, не сказывай своим попам да монахам, не служи ни панихид, ни молебнов и терпи год. Иначе худо тебе будет...

Старухе показалось, что в эту минуту жаба страшно на неё покосилась и захлопала уродливым своим ртом. Бедная Фенна чуть не упала от испуга. Поскорее отдала она поклон колдуну и дрожащими ногами поплелась из бора. Однако ж до чего не доведёт любовь материнская! Надежда отыскать дочь свою подкрепила силы старухи и придала ей отваги.

В последний день *зелёной недели,* когда солнце шло на полдень, она пошла в чащу леса, отыскала там сказанную колдуном поляну, очертила около себя круг клыком чёрного вепря, воткнула посередине в землю чёрную свечу - и свеча сама собою загорелась синим огнём. Вдруг раздался шум: с гиканьем и ауканьем, быстро как вихрь помчалась через поляну несчётная вереница молодых девушек; все они были в лёгкой, сквозящей одежде, и на всех были большие венки, покрывавшие все волосы и даже спускавшиеся на плеча. На одних венки сии были из осоки, на других из древесных ветвей, так что казалось, будто бы у них зелёные волосы. Девушки пробегали, минуя круг, но не замечая или не видя старухи; и она, откинув страх, всматривалась в лицо каждой. Смотрит - вот бежит и её Горпинка. Старуха едва успела её схватить за левую руку и втащить в круг. Другие, видно, не заметили того на быстром, исступлённом бегу своём и, гикая и аукая, пронеслись мимо. Старая Фенна поспешно выхватила из земли пылавшую чёрную свечу, подняла её над головой своей дочери - и мигом зелёный венок из осоки затрещал, загорелся и рассыпался пеплом с головы Горпинкиной. В кругу Горпинка стояла как оцепенелая; но едва мать вывела её из круга, то она начала у неё проситься тихим, ласкающим голосом:

- Мать! отпусти меня погулять по лесу, покачаться на *зелёной неделе* и снова погрузиться в подводные наши селения... Знаю, что ты тоску-

ешь, ты плачешь обо мне: кто же тебе мешает быть со мною неразлучно? Брось напрасный страх и опустись к нам на дно Днепра. Там весело! там легко! там все молодеют и становятся так же резвы, как струйки водяные, так же игривы и беззаботны, как молодые рыбки. У нас и солнышко сияет ярче, у нас и утренний ветерок дышит привольнее. Что в вашей земле? Здесь во всём нужды: то голод, то холод; там мы не знаем никаких нужд, всем довольны, плещемся водой, играем радугой, ищем по дну драгоценностей и ими утешаемся. Зимою нам тепло под льдом как под шубой; а летом, в ясные ночи, мы выходим греться на лучах месяца, резвимся, веселимся и для забавы часто шутим над живыми. Что в том беды, если мы подчас щекочем их или уносим на дно реки? разве им от того хуже? Они становятся так же легки и свободны, как и мы сами... Мать! отпусти меня: мне тяжко, мне душно будет с живыми! Отпусти меня, мать, когда любишь...

Старуха не слушалась и всё вела её к своей хате; но с горестью узнала, что дочь её сделалась русалкою. Вот пришли; старуха ввела Горпинку в хату; она села против печки, облокотясь обеими руками себе на колена и уставя глаза в устье печки. В эту минуту чёрная свеча догорела, и Горпинка сделалась неподвижною. Лицо её посинело, все члены окостенели и стали холодны как лёд; волосы были мокры, как будто бы теперь только она вышла из воды. Страшно было глядеть на её безжизненное лицо, на её глаза, открытые, тусклые и невидя смотрящие! Стару-



ха поздно вскаялась, что послушалась лукавого колдуна; но и тут чувство матери и какая-то смутная надежда перемогли и страх и упрёки совести: она решилась ждать во что бы ни стало.

Проходит день, настаёт ночь - Горпинка сидит по-прежнему, мертва и неподвижна. Жутко было старухе оставаться на ночь с своей ужасною гостьей; но, скрепя сердце, она осталась. Проходит и ночь - Горпинка сидит по-прежнему; проходят дни, недели, месяцы - всё так же неподвижно сидит она, опершись головою на руки, всё так же открыты и тусклы глаза её, бессменно глядящие в печь, всё так же мокры волосы. В околотке разнёсся об этом слух, и все добрые и недобрые люди не смели ни днём, ни ночью пройти мимо хаты: все боялись мертвеца и старой Фенны, которую расславили ведьмою. Тропинка близ хаты заросла травою и почти заглохла; даже в лес ходили соседние обыватели изредка и только по крайней нужде. Наконец бедная старуха мало-помалу привыкла к своему горю и положению: уже она без страха спала в той хате, где страшная гостья сидела в гробовой своей неподвижности.

Прошёл и год: всё так же без движения и без признаков жизни сидела мёртвая. Настала и *зелёная неделя.* На первый день, около полуденного часа, старуха, отворя дверь хаты, что-то стряпала. Вдруг раздались гиканье и ауканье и скорый шорох шагов. Фенна вздрогнула и невольно взглянула на дочь свою: лицо Горпинки вдруг страшно оживилось, синета исчезла, глаза зас-

веркали, какая-то неистовая и как бы пьяная улыбка промелькнула на губах. Она вскочила, трижды плеснула в ладоши и, прокричав: «Наши, наши, наши!» - пустилась как молния за шумною толпою... и след её пропал!

Старуха, мучаясь совестью, положила на себя тяжкий зарок: она пошла в женский монастырь в послушницы, принимала на себя самые трудные работы, молилась беспрерывно и, наконец, успокоенная в душе своей, тихо умерла, оплакивая несчастную дочь свою.

На другой день после того, как русалка убежала от своей матери, нашли в лесу мёртвое тело. Это был поляк в охотничьем платье, и единоземцы его узнали в нём Казимира Чепку, ловкого молодого человека, бывшего душою всех весёлых обществ. Ружьё его было заряжено и лежало подле него, но собаки его при нём не было; никакой раны, никакого знака насильственной смерти не заметно было на теле; но лицо было сине, и все жилы в страшном напряжении. Знали, что у него было много друзей и ни одного явного недруга. Врачи толковали то и другое; но народ объяснял дело гораздо проще: он говорил, что покойника русалки защекотали.

ОБОРОТЕНЬ

Народная сказка



«Это что за название?» - скажете или подумаете вы, любезные мои читатели (какому автору читатели не любезны!). И я, слыша или угадывая ваш вопрос, отвечаю: что ж делать! виноват ли я, что неусыпные мои современники, романтические поэты в стихах и в прозе, разобрали уже по рукам все другие затейливые названия? Корсары, Пираты, Гяуры, Ренегаты и даже Вампиры попеременно, одни за другими, делали набеги на читающее поколение или при лунном свете закрадывались в будуары чувствительных красавиц. Воображение моё так наполнено всеми этими живыми и мёртвыми страшилищами, что я, кажется, и теперь слышу за плечами щёлканье зубов Вампира или вижу, как «от могильного белка адского глаза Ренегатова отделяется кровавый зрачок...». Напуганный сими ужасами, я и сам, хотя в шутку, вздумал было попугать вас, милостивые государи! Но как мне в удел не даны ни мрачное воображение лорда Байрона, ни живая кисть Вальтера Скотта, ни даже скрипучее перо г. д'Арленкура и ему по-

добных, и сама моя муза так своевольна, что часто смеётся сквозь слёзы и дрожа от страха; то я, повинуясь свойственной полу её причудливости, пущу слепо моё воображение, куда она его поведёт. Скажу только в оправдание моего заглавия, что я хотел вас подарить чем-то *новым, небывалым;* а русские оборотни, сколько помню, до сих пор ещё не пугали добрых людей в книжном быту. Я мог бы вместо оборотня придумать что-нибудь другое или подменить его каким-либо лихим разбойником; но всё другое новое, как я уже имел честь доложить вам, разобрано по рукам другими, а в книжных наших лавках залегли теперь такие большие шайки разбойников - не всегда клеймёных (по крайней мере клеймом гения), но всегда печатных, - что если б мыши и моль не составили против них своей Santa Hermandad, то от них не было б житья порядочным людям.

Я думал написать это вступление в виде разговора кого-нибудь из моих приятелей с кем-нибудь из моих неприятелей, но побоялся, что меня тотчас уличат в подражании; а признаюсь, мне не хотелось бы прослыть подражателем... Своё, господа мои сподвижники на поприще бумаги и перьев, станем творить своё! Я хочу вам подать похвальный пример и для того вывожу напоказ небывалого русского *оборотня.*

В одном селении... Вы, добрые мои читатели, верно, не спросите, как называется это селение, в какой губернии и в каком уезде лежит оно.



Удовольствуйтесь же тем, что я вам буду рассказывать, и не требуйте от меня лишнего.

Итак, дослушайте ж...

В одном селении жил-был старик по имени Ермолай. Все знали, что он умывается росою, собирает разные травы, ходя, беспрестанно что-то шепчет себе в длинные, седые усы, спит с открытыми глазами и пр. и пр. Чего же больше? он колдун, и злой колдун: так о нём толковало всё селение. Надобно сказать, что селение было раскинуто по опушке большого, дремучего леса, а изба ермолаева была на самом выезде и почти в лесу. Ермолай сроду не был женат, но лет за пятнадцать до того времени, в которое мы с ним знакомимся, взял он к себе приёмыша, сироту, которого все сельские крестьяне называли прежде бобылём Артюшей; а теперь, из уважения ли к колдуну, или по росту и дородству самого детины, стали величать Артёмом Ермолаевичем: подлинного его отца никто не знал или не помнил, а и того больше никто о нём не заботился.

Артём был видный детина: высок, толст, бел и румян, ну, словом, кровь с молоком. И то сказать, мудрёно ли было колдуну вскормить и выхолить своего приёмыша? Крестьяне были той веры, что колдун отпоил Артёма молоком летучих мышей, что по ночам кикиморы чесали ему буйную голову, а нашёптанный мартовский снег, которым старик умывал его, придавал его лицу белизну и румянец. Одного добрые крестьяне не могли добиться: каким образом старый

Ермолай, так сказать, перегодя Артёма из тощего, бледного мальчишки в дородного и румяного парня, не научил его уму-разуму? ибо Артюша был прост, очень прост: молвит, бывало, что с дуба сорвёт, до сотни не сочтёт без ошибки и не всегда, бывало, впопад ответит, когда у него спросят, которая у него правая рука и которая левая. Он так нехитро смотрел большими своими серыми глазами, так простодушно развешивал губы и так смешно переплетал ногами, когда случалось ему бежать, что сельские девушки подсмеивали его исподтишка и шёпотом говаривали про него: «Красен, как маков цвет, а глуп, как горелый пень». В селении прозвали его *вислогубым красиком,* и всё это не вслух, а тайком от колдуна, потому что все боялись обидеть его в лице его приёмыша.

И то, однако ж, многие начали смекать, что злой старик догадывается о насмешках поселян над его наречённым сыном. В селении вдруг начал пропадать мелкий рогатый скот: у того из поселян не явится пары овец, у другого трёх или четырёх коз, у третьего пропадут все ягнята. Пастухи не раз видали, как из лесу вдруг выбежит большой-пребольшой волк, схватит одну или пару овец, стиснет им горло зубами, взбросит их к себе на спину - и был таков: мигом умчит их к лесу. Сколько ни кричи, ни тюкай - он и ухом не ведёт; сколько ни трави собаками: они поплетутся прочь, поджав хвосты, и робко озираются назад. Крестьяне тотчас взяли догадку, что это не простой волк, а оборотень; вслед же за



этою догадкой пришла к ним и другая: что этот оборотень не иной кто, как сам Ермолай Парфентьевич.

Делать было нечего. Все боялись колдуна, хотя, сказать правду, до сих пор он не делал ещё никакого зла селению; но всё-таки он был колдун. Жаловаться на него - у кого найдёшь расправу, когда и сам священник отрекался заклясть его? Самим его доконать - грешно, хоть он и колдун; притом же эти дела так пахнут торговой казнью и ссылкой, что у всякого невольно руки опустятся. Да и кто знает, что после смерти не станет он приходить из могилы мертвецом и душить уже не овец, а людей, которые озлобили бы его преждевременным отправлением на тот свет? Как ни раскладывали крестьяне умом, сколько ни толковали на мирской сходке, а всё дело не клеилось. Пришлось им стать в тупик, горевать, закуся губы, да молиться святым угодникам за себя и за стада свои.

В селении том жила красная девушка, Акулина Тимофеевна. Лицо у неё было, что наливное яблочко, очи соколиные, брови соболиные - словом, она уродилась со всеми достоинствами и приманками красавиц, о которых перешли к нам достоверные предания в старинных русских песнях и сказках.

Одна она никогда не смеялась над простаком Артюшей, а напротив того ещё заступалась за него между своими подругами и уверяла их, что он детина хоть куда. Лукавая девушка смекнула, что старик Ермолай очень богат и очень

стар, что жить ему на свете оставалось недолго и что после него единственным наследником его имения должен быть Артём Ермолаевич. Она так умильно поглядывала на Артёма, так ласково говорила ему, встречаясь: «Здравствуй, добрый молодец!», что Артём, как ни был прост, а всё заметил её приветливость. Часто он, избочась и выступая гоголем, подходил к ней и заводил с нею речи - грех сказать: умные, а такие, которые, видно, нравились красавице и на которые она охотно отвечала. Короче: Акулина Тимофеевна скоро заслужила всю доверенность нелюдима Артюши: он ещё чаще стал подходить к ней, облизываясь и с глупым смехом выкрикивая: «Здорово, Акуля», отвешивал ей дружеский удар тяжёлою своею ладонью по белому круглому плечу и таял пред нею... Да, таял, в полном смысле слова, потому что щёки его делались ещё краснее, глаза ещё мутнее и глупее, а багровые губы никак уже не сходились между собою и становились час от часу толще, час от часу влажнее, как вишня, размокшая в вине. Девушка стала уже не шутя подумывать, как бы ей пристроиться: то есть, с помощью обручального кольца да честного венца, прибрать к рукам и Артёма и будущие его пожитки.

К ней-то, наконец, смышлёные крестьяне обратились с просьбою помочь их горю. «Ты-де, Акулина Тимофевна, в селе у нас умный человек; а нам вестимо, что благоприятель твой Артём Ермолаевич с неба звёзд не хватает, хоть и слывёт сыном такого человека, у которого в

седой бороде много художества. Порадей нам, а мы тебе за то чем по силам поклонимся. Одной только милости у тебя и просим: как бы досконально проведать, подлинной ли то волк душит наших овец или это - не в нашу меру будь сказано - Ермолай Парфентьевич оборотнем над нами потешается?» Акулина Тимофеевна молчала несколько времени, покачивая в раздумье головушкой: с одной стороны, боялась она прогневить колдуна, который знал всю подноготную; с другой стороны, манили её подарки... а кто к подаркам не лаком? Спросите у стряпчих, спросите у судей, спросите у того и другого (не хочу называть всех поимённо): всякий если не словами, так взглядом припомнит вам старую пословицу: *кто богу не грешен, царю не виноват!* И Акулина Тимофевна была в этом смысле ежели не закоснелою грешницей, то, по крайней мере, не совсем чиста совестью. Она подумала-подумала - и дала крестьянам обещание похлопотать об их деле.

На другой день, встретясь с Артёмом, больше прежнего была она с ним приветлива и ласкова, и больше прежнего таял бедный Артём: щёки его так и пылали, губы так и пухли. Умильно потрепав его по щеке полненькими своими пальчиками, плутовка сказала ему:

- Артюша, светик мой! Молвила бы я тебе словцо, да боюсь: старик твой нас подметит. Где он теперь?

- А кто его весть! Бродит себе по лесу словно леший, да, тово-вона, чай, дерёт лыка на зиму.

- Скажи, пожалуйста: ты ничего за ним не примечаешь?

- Вот-те бог, ничего.

- А люди и невесть что трубят про него: что будто бы он колдун, что бегает оборотнем по лесу да изводит овец в околотке.

- Полно, моя ненаглядная: инда мне жутко от твоих речей.

- Послушай меня, сокол мой ясный: ведь тебя не убудет, когда ты присмотришь за ним да скажешь мне после, правда ли, нет ли вся та молва, которая идёт о нём по селу. Старик тебя любит, так на тебя и не вскинется.

- Не убудет меня? Да что же мне прибудет?

- А то, что я ещё больше стану любить тебя, выйду за тебя замуж и заживём припеваючи.

- Ой ли? да что же мне делать-то?

- А вот что: не поспи ты ночь да примечай, что старый твой станет кудесить. Куда он, туда и ты за ним; притаись где-нибудь в углу или за кустом и всё высматривай. После расскажешь мне, что увидишь.

- Ахти! страшно! Да ещё и ночью. А когда же спать-то буду?

- Выспишься после. Зато уж как женою твоею буду, ты, мой голубчик, будешь спать вволю. Тебя не пошлют тогда ни дрова рубить, ни воду таскать: всё я за тебя; а ты себе, пожалуй, поваливайся на печи да покушивай готовое.

- Ладно! будь по-твоему: стану приглядывать за моим стариком. Да скажи, он мне бока-то не отлощит?

- Не бойся ничего: он не узнает; а какова не мера, так я сама принесу ему повинную и скажу, что тебя научала.

- Ну, то-то, смотри же! чур, не выдавать меня.

- И, статимо ли дело! прощай же, дружочек.

- Ин прощай, моя любушка!

При всей своей простоте, Артём не вовсе был трус: он уважал и боялся названого своего отца, а впрочем, по слабоумию ли, по врождённой ли отваге, не мог себе составить понятия о страхах сверхъестественных. Может быть, и старик, воспитывая его в счастливом невежестве, старался удалять от него всякую мысль о колдунах, недобрых духах и обо всём тому подобном, чтобы не внушить ему каких-либо подозрений на свой счёт и не заставить его замечать того, в чём нужно было от него таиться.

Наступила ночь. Артём, по обыкновению, лёг рано в постелю, укутался с головою; но не спал и прислушивался, спит ли старик. С вечера было темно; старик ворочался в постеле и бормотал что-то себе под нос; но когда взошёл месяц, тогда Ермолай встал, оделся, взял с собою какую-то вещь из сундука, стоявшего у него в изголовье, и вышел из избы, не скрипнув дверью. Мигом Артём был тоже на ногах, накинул на себя балахон и вышел так же тихо. Притаясь в сенях, он выглядывал, куда пошёл старик, и, видя, что он отправился к лесу, пустился вслед за ним, но так, чтобы всегда быть в тени... Так-то и самый простодушный человек имеет на свою

долю некоторый участок природной тонкости и употребляет его в дело, когда нужно ему провести другого, кто его посильнее или похитрее. Но довольно о тонкости простаков: посмотрим, что-то делает наш Артём.

Лепясь вдоль забора, прокрадываясь позадь кустов и, в случае нужды, ползучи по траве как ящерица, успел он пробраться за стариком в самую чащу леса. Середь этой чащи лежала поляна, а середь поляны стоял осиновый пень, вышиною почти вполчеловека. К нему-то пошёл старый колдун, и вот что видел Артём из своей засады, которою служили ему самые близкие к поляне кусты орешника.

Лучи месяца упадали на самый сруб осинового пня, и Артёму казалось, что сруб этот белелся и светился как серебряный. Старик Ермолай трижды обошёл тихо вокруг пня и при каждом обходе бормотал вполголоса такой заговор: «На море Океане на острове Буяне, на полой поляне, светит месяц на осинов пень: около того пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый. Месяц, месяц, золотые рожки! Расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страх на зверя и на человека, чтоб они серого волка не брали и тёплой бы с него шкуры не драли». Ночь была так тиха, что Артём ясно слышал каждое слово. После этого заговора старый колдун стал лицом к месяцу и, воткнув в самую сердцевину пня небольшой ножик с медным черенком, перекинулся чрез него трижды таким образом, чтобы в третий раз

упасть головою в ту сторону, откуда светил месяц. Едва кувырнулся он в третий раз, вдруг Артём видит: старика не стало, а наместо его очутился страшный серый волчище. Злой этот зверь поднял голову вверх, поглядел на месяц кровавыми своими глазами, обнюхал воздух во все четыре стороны, завыл грозным голосом и пустился бежать вон из лесу, так что скоро и след его простыл.

Во всё это время Артём дрожал от страха как осиновый лист. Зубы его так часто и так крепко стучали одни о другие, что на них можно б было истолочь четверик гречневой крупы; а губы его, впервые может быть от рождения, сошлись вместе, сжались и посинели. По уходе оборотня он, однако ж, хотя и не скоро, оправился и ободрился. Простота, говорят, хуже воровства: это не всегда правда. Умный человек на месте нашего Артёма бежал бы без оглядки из лесу и другу и недругу заказал бы подмечать за колдунами; а наш Артём сделал если не умнее, то смелее, как мы сейчас увидим. Он подошёл к пню, призадумался, почесал буйную свою голову - и после давай обходить около пня и твердить то, что слышал перед сим от старого колдуна. Мало этого: он стал лицом к месяцу, трижды кувырнулся через ножик с медным черенком и за третьим разом, глядь - вот он стоит на четвереньках, рыло у него вытянулось вперёд, балахон сделался длинною, пушистою шерстью, а задние полы выросли в мохнатый хвост, который тащился как метла. Дивясь такой скорой пере-

мене своего подобья и платья, он попробовал молвить слово - и что же? вместо человечьего голоса завыл волком; попытался бежать - новое чудо! уже ноги его не цеплялись, как бывало прежде, друг за друга.

Новый оборотень не мог говорить, но не лишился способности рассуждать, то есть столько, сколько он обыкновенно рассуждал в человеческом своём виде. Мне, признаться, никогда не случалось слышать, чтобы оборотни в волчьей шкуре становились умнее прежнего. Вот наш Артём остановился и призадумался, как ему употребить в пользу и удовольствие новую свою личину? Тут ему пришла мысль, достойная того, в чьей голове она зародилась: он вспомнил, как часто молодые парни их селения над ним смеивались. «Давай-ка, - думал он, - посмеюсь и я над ними: пойду утром в селение и стану бросаться на всякого... как же эти удальцы будут меня бояться! Однако ж прежде попытаюсь-ка выспаться; в этой шубе мне будет и тепло и мягко даже на сырой траве...» Вздумано - сделано: наш Артём, или оборотень, забрался снова в кусты орешника, лёг и заснул крепким сном.

Долго ли спал он, не знаю наверное; только солнце было уже очень высоко, когда он пробудился. Он встряхнулся, посмотрел на себя, и новый его наряд при дневном свете так показался ему забавен, что смех его пронял: он хотел захохотать - но вместо хохота раздался такой пронзительный, отрывистый волчий вой, что бедный Артём сам его испугался. Потом, опом-

нясь и видя, что он пугается собственного смеха, он захохотал ещё сильнее прежнего, и ещё громче и пронзительнее раздался вой. Нечего делать: как ни смешно ему было, а поневоле должно было удерживаться, чтобы не оглушить самого себя. Тут он вспомнил о вчерашнем своём намерении - потешиться над своими сверстниками, молодыми сельскими парнями. Вот он и пошёл к селению. Дорогою попадались ему крестьяне, ехавшие в поле на работу; каждый из них, завидя издали смелого, необыкновенной величины волка, никак не подозревал, чтоб это был простак Артём; все думали, что то был точно оборотень, - только отец его, старый колдун Ермолай. Оттого каждый крестился, закрывал себе глаза руками и говорил: *чур меня! чур меня!* Это ещё и больше веселило простодушного Артёма, ещё больше поджигало его идти в селение; никогда, никто его столько не боялся, как теперь: какая радость! Да то ли ещё будет в селении? Как все всполошатся, крикнут: «Волк!» - станут его травить собаками, уськать, тюкать, соберутся на него с копьями и рогатинами, а он и ухом не будет вести: его ни дубина, ни железо, ни пуля не возьмёт и собаки боятся... Вот потеха!

И в самом деле, всё селение поднялось на *серого забияку*. Сперва встречные бежали от него, крестьянки поскорее заперли овец и коз своих в хлева, а сами запрятались в подушки: все знали, что то был не простой волк. Скоро, однако ж, нашлись удальцы, крикнули по селению, что один конец должен быть со старым колдуном, и

повалили толпою: кто с дубиной, кто с топором, кто с засовом - обступили волка и давай нападать на него. Сначала он храбрился, бросался то на того, то на другого, щетинился, скалил зубы и щёлкал ими; но наконец робость его одолела: он знал, что, в силу заговора, его не убьют и даже не наколотят ему боков; но могут ощипать на нём шерсть, оборвать хвост, и тогда - как он явится к строгому своему отцу в разодранном балахоне и с оторванными полами? Беда!

Правда, не нашлось ещё смельчака, который бы вышел с ним переведаться: все уськали, кричали только издали, а ни один не подавался вперёд. Собак же и вовсе не могли скликать; они разбрелись по конурам и носов не выказывали. Зато люди все стояли в кругу и прорваться сквозь них никак нельзя было. Ещё новое горе бедному нашему оборотню: он ничего не ел от самого вечера и желудок его громко жаловался на пустоту. Как быть? и кто поручится, что отец его уже не в селении и не узнает о его проказах? Ахти! вот до чего доводит безрассудство! он и забыл посмотреть, каким образом отец его получит свой человеческий вид! Ну, придётся горюну Артёму умереть с голоду или исчахнуть с тоски-кручины в волчьей коже... Он задрожал всеми четырьмя ногами, упал, свернулся в комок и уключил голову промеж передних лап.

Крестьяне рассуждали, что им делать с оборотнем: зарыть ли его живого в яму или связать и представить в волостное правление? В это время слух о трусости оборотня разнёсся уже по

селению, и женщины отважились показаться на улице. Одна девушка пришла даже к кругу, составленному крестьянами около мнимого волка: эта смелая девушка была Акулина Тимофевна. Она тотчас смекнула дело, просила крестьян расступиться, вошла в круг и повела такую умную речь:

- Добрые люди! Не дразните врага, когда он сам, как видно, оставляет слово на мир. Смертью оборотня вы добра себе немного сделаете, а худа не оберётесь; в судах же, я слыхала, так водится, что и оборотень с деньгами оправится почище всякого честного бедняка. Послушайте меня: разойдитесь с богом по домам, а этого оборотня я поведу к себе и ручаюсь вам, что вам же от того будет лучше.

Все крестьяне слушали в оба уха и дивились уму-разуму красной девицы. Никто из них не придумал умнее того, что она говорила: они послушались её речей и расступились в разные стороны. Тут она выплела из косы своей цветную ленту и подошла к оборотню, который в это время потянулся и сам вытянул шею, как будто бы знал, что затевала девушка.

Акулина Тимофевна обвязала ему ленту вокруг шеи и повела его к себе в дом. По простоте и робости оборотня она тотчас отгадала, кто он таков. Введя его в пустую клеть, она накормила его, чем могла, и постлала ему в углу свежей соломы; потом начала его журить за безрассудную его неосторожность. Бедный Артём жалким и вместе смешным образом сморщил волчье своё

рыло, слёзы капали из мутно-красных его глаз, и он, верно бы, заревел как малый ребёнок, если бы не побоялся завыть по-волчьи и снова взбудоражить всю деревню. Девушка заперла его замком в клети и оставила его отдыхать и горевать на свободе.

Вечером Акулина Тимофевна пошла к старику Ермолаю, кинулась ему в ноги, рассказала ему, что сама знала, и сняла всю вину на себя. Старый колдун уже знал обо всём, сердился на Артёма и твердил: «Ништо ему, пусть-ка погуляет в волчьей коже!» Но просьбы и слёзы печальной красавицы были так убедительны и красноречивы, что старик и сам почти от них растаял. Он заткнул за пояс известный уже нам ножик с медным черенком, взял жестяной фонарик под полу и пошёл с девушкой. Вошедши в клеть, прежде всего порядком выдрал уши мнимому волку, который в это время делал такие кривлянья, каких ни зверю, ни человеку не удавалось никогда делать, и выл так звонко и пронзительно, что чуть не оглушил и старика, и девушку, и всю деревню. Вслед за сим наказанием колдун обошёл трижды около оборотня и что-то шептал себе под нос; потом растянул его на все четыре лапы и колдовским своим ножиком прорезал у него кожу накрест, от затылка до хвоста и впоперёк спины. Распоротый балахон упал на солому, и в тот же миг Артём вскочил на ноги, с открытым своим ртом, простодушным взглядом и очень-очень красными ушами. Отряхнувшись и потёршись плечами о стену, он со

всех ног повалился на землю перед наречённым своим отцом и, всхлипывая, кричал жалким голосом: «Виноват, батюшка! прости». Старик отечески потазал его снова, пожурил - да и простил.

Акулина Тимофевна очень полюбилась старому Ермолаю: он заметил в ней природный ум и расчёл в мыслях, что лучше всего дать такую умную жену его приёмышу, который, после его смерти, живучи с нею, по крайней мере не растратит того, что старому сребролюбцу досталось такою дорогою ценою - то есть накопленных им за грехи свои червончиков и рублёвичков.

Короче: дня через три вся деревня пировала на свадьбе Артёма Ермолаевича с Акулиной Тимофевной; и хотя все знали, что старик Ермолай злой колдун, но от пьяной браги и сладкого мёду немногие отказывались. Скоро после того Ермолай продал свою избу и поле и перешёл вместе с молодыми,названым сыном и невесткою, в какую-то дальнюю деревню, где дотоле и слыхом про него не слыхали. Сказывают, что он провёл остальные годы своей жизни честно и смирно, делал добро и помогал бедным, зато умер тихо и похоронен как добрый на кладбище с прочею усопшею братией. Сказывают также, что Артём, пожив несколько лет с умною и сметливою женою, сделался вполовину меньше прежнего прост и даже в степенных летах был выбран в сельские старосты. Каково он судил-рядил, не знаю; а только в деревне все в один голос трубили, что Акулина Тимофевна была чёлышко изо всех умных баб.

Эпилог

Многие той веры, что после всякой сказки, басни или побасёнки должно непременно следовать нравоучение; что всякое повествование должно иметь нравственную цель и что всё печатное должно служить для общества самым спасительным антидотом от пороков. Как вы думаете об этом, любезные мои читатели, и какое нравоучение присудите мне прибрать к этой истинной или, по крайней мере, очень правдоподобной повести? Что до меня касается - я ничего не умел к ней придумать, кроме следующего наставления: *что тот, у кого нет волчьей повадки, не должен наряжаться волком.* Нравоучение близкое и ясное, и кажется - если, впрочем, самолюбие меня не обманывает, - оно ничем не хуже того, которое покойник Ломоносов, вечно-лирической памяти, прибрал к своей басне «Волк пастух».*

---

* *Я басню всю коротким толком*
Хочу вам, господа, сказать:
Кто в свете сём родился волком,
Тому лисицей не бывать.

КИЕВСКИЕ ВЕДЬМЫ



Молодой казак Киевского полка, Фёдор Блискавка, возвратился на свою родину из похода против утеснителей Малороссии, ляхов. Храбрый гетман войска Малороссийского, Тарас Трясила, после знаменитой Тарасовой ночи, в которую он разбил высокомерного Конецпольского, выгнал ляхов из многих мест Малороссии, очистив оные и от коварных подножков польских, жидов предателей. Много их пало от руки ожесточённых казаков, которые, добивая их, напевали те же самые ругательства, каковыми незадолго пред тем жиды оскорбляли православных. Всё было припомянуто: и наушничество жидов, и услужливость их полякам, и мытарство их, и содержание на аренде церквей божих, и продажа непомерною ценой святых пасок к Светлому Христову Воскресению. Само по себе разумеется, что имущество сих малодушных иноверцев было пощажено столь же мало, как и жизнь их. Казаки возвратились в домы свои, обременясь богатою добычей, которую считали

весьма законною и которую летописец Малороссии оправдывает в душе своей, рассудив, сколь неправедно было стяжание выходцев иудейских. Это было справедливым возмездием за утеснения; и в сём случае казаки, можно сказать, забирали обратно свою собственность.

Те, которые знали Фёдора Блискавку, как лихого казака, догадывались, что он пришёл домой не с пустыми руками. И в самом деле, при каждой расплате с шинкаркой или с бандуристами он вытаскивал у себя из кишени целую горсть дукатов, а польскими злотыми только что не швырял по улицам. При взгляде на золото разгорались глаза у шинкарей и крамарей, а при взгляде на казака разгорались щёки у девиц и молодиц. И было от чего: Фёдора Блискавку не даром все звали лихим казаком. Высокий его рост с молодецкою осанкой, статное, крепкое сложение тела, чёрные усы, которые он гордо покручивал, его молодость, красота и завзятость хоть бы кому могли вскружить голову. Мудрёно ли, что молодые киевлянки поглядывали на него с лукавою, приветливою усмешкой и что каждая из них рада была, когда он заводил с нею речь или позволял себе какую-нибудь незазорную вольность в обхождении?

Перекупки на Печёрске и на Подоле знали его все, от первой до последней, и с довольными лицами перемигивались между собою, когда, бывало, он идёт по базару. Они ждали этого как ворон крови, потому что Фёдор Блискавка, из казацкого молодечества, расталкивал у них

латки с кнышами, сластёнами либо черешнями и раскатывал на все стороны большие вороха арбузов и дынь, а после платил за всё втрое.

- Что так давно не видать нашего завзятого? - говорила одна из подольских перекупок своей соседке. - Без него и продажа не в продажу: сидишь, сидишь, а ни десятой доли в целый день не выручишь того, чем от него поживишься за один миг.

- До того ли ему! - отвечала соседка. - Видишь, он увивается около Катруси Ланцюговны. С нею теперь спознался, так и на базарах не показывается.

- А чем Ланцюговна ему не невеста? - вмешалась в разговор их третья перекупка. - Дивчина как маков цвет; поглядеть - так волей и неволей скажешь: красавица! Волосы как смоль, чёрная бровь, чёрный глаз, и ростом и статью взяла; одна усмешка её с ума сводит всех парубков. Да и мать её - женщина не бедная; скупа, правда, старая карга! зато денег у неё столько, что хоть лопатой греби.

- Всё это так, - подхватила первая, - только про старую Ланцюжиху недобрая слава идёт. Все говорят - наше место свято! - будто она ведьма.

- Слыхала и я такие слухи, кумушки, - заметила вторая. - Сосед Панчоха сам однажды видел своими глазами, как старая Ланцюжиха вылетела из трубы и отправилась, видно, на шабаш...

- Да мало ли чего можно о ней рассказать! -

перебила её первая. - Вот у Петра Дзюбенка извела она корову, у Юрчевских отравила собак за то, что одна из них была ярчук и узнавала ведьму по духу. А с Ничипором Проталием, поссорившись за огород, сделала то, что не приведи Бог и слышать.

- Что, что такое? - вскричали с любопытством две другие перекупки.

- Ну, да уж что будет, то будет, а к слову пришлось рассказать. Старая Ланцюжиха испортила Ничипорову дочку так, что хоть брось. Теперь бедная Докийка то мяучит кошкой и царапается на стену, то лает собакой и кажет зубы, то стрекочет сорокой и прыгает на одной ножке...

- Полно вам щебетать, пустомели! - перервала их разговор одна старая перекупка с недобрым видом, поглядывая на всех такими глазами, с какими злая собака рычит на прохожих. - Толковали бы вы про себя, а не про других, - продолжала она отрывисто и сердито, - у вас все пожилые женщины с достатком - ведьмы; а на свои хвосты так вы не оглянетесь.

Все перекупки невольно вскрикнули при последних словах старухи, но мигом унялись; ибо не смели с нею ссориться: про неё тоже шла тишком молва, что и она принадлежала к кагалу киевских ведьм.

Нашлись, однако же, добрые люди, которые хотели предостеречь Фёдора Блискавку от женитьбы на Катрусе Ланцюговне; но молодой казак смеялся им в глаза, отнюдь не думая отстать от Катруси. Да как было и верить чужим



наговорам? Милая девушка смотрела на него так невинно, так добросердечно, улыбалась ему так умильно, что хотя бы целый Киев собрался на площади у Льва и присягнул в том, что мать её точно ведьма - и тогда бы Фёдор не поверил этому.

Он ввёл молодую хозяйку в свой дом. Старая Ланцюжиха осталась в своей хате одна и отказалась от приглашения своего зятя перейти к нему на житьё, дав ему такой ответ, что ей, по старым её привычкам, нельзя было б ужиться с молодыми людьми. Фёдор Блискавка не мог нарадоваться, глядя на милую жену свою, не мог нахвалиться ею. И жаркие ласки, и пламенные поцелуи, и угодливость её мужу своему, и досужество в домашнем быту - всё было по сердцу нашему казаку. Странно казалось ему только то, что жена его, среди самых сладостных излияний супружеской нежности вдруг иногда становилась грустна, тяжело вздыхала, и даже слёзы навёртывались у ней на глазах; иногда же он подмечал такие взоры больших чёрных её глаз, что у него невольно холод пробегал по жилам. Особливо замечал он это под исход месяца. Тогда жена его делалась мрачною, отвечала ему коротко и неохотно, и, казалось, какая-то тоска грызла её за сердце. В это время всё было не по ней: и ласки мужа, и приветы друзей его, и хозяйственные заботы; как будто Божий мир становился ей тесен, как будто она рвалась куда-то, но с отвращением, с крайним насилием самой себе и словно по некоторому непреодолимому

влечению. Порой заметно было, что она хотела в чём-то открыться мужу; но всякий раз тяжкая тайна залегала у ней в груди, теснила её - и только смертная бледность, потоки слёз и трепет всего её тела открывали мужу её, что тут было нечто не просто: более никакого признания не мог он от неё добиться. Катруся, вдруг овладев собою, оживлялась, начинала смеяться, играть как дитя и ласкать своего мужа больше прежнего; потом уверяла его, что это был болезненный припадок от порчи, брошенной на неё с малолетства дурным глазом какой-то злой старухи; но что это не бывает продолжительно. Фёдор верил ей, потому что любил жену свою и сверх того видал примеры подобной порчи или болезни.

Однако, под исход месяца, с наступлением ночи всегда замечал он в жене своей необыкновенное беспокойство. Она видимо начинала чего-то бояться, поминутно вздрагивала и бледнела час от часу более. Хотел он дознаться причины тому, но это было сверх сил его: всякий раз, когда он с вечера подмечал в Катрусе какое-то душевное волнение, какую-то скрытную тревогу, - неразгадаемый, глубокий сон одолевал его, лишь только он припадал головою к подушкам. Сам ли он догадался, или добрые люди надоумили, только однажды, в такую ночь под исход месяца, Фёдор, ложась в постелю, начал шарить рукой у себя под подушкой и нашёл узелок каких-то трав. Едва он дотронулся до них рукою, вдруг почувствовал, что рука стала

тяжелеть и кровь утихать в ней мало-помалу, как будто засыпая. Жена его на тот раз была занята хозяйственными хлопотами и не примечала за ним. Фёдор мигом отдёрнул форточку у окна и выбросил узелок. Дворная собака, лежавшая на приспе, вероятно, думала, что бросили ей кость или другую поживу; она встала, отряхнулась, с одного скачка очутилась над узелком и начала его обнюхивать; но только что понюхала, как зашаталась, упала и заснула крепким сном. «Эге! так вот отчего и я спал, дорогая моя жёнушка!» - подумал Фёдор. Сомнения его отчасти подтвердились; но чтобы совершенно убедиться в ужасной тайне и не навести подозрения жене своей, он притворился спящим и храпел так, как будто бы трое суток провёл без сна. Катруся, возвратясь из клети, куда она выносила остатки ужина, подошла к своему мужу, положила руку на его грудь, поглядела ему в лицо и, тяжело вздохнув, отошла к печи. Фёдор Блискавка, не переставая храпеть изо всей силы, открыл до половины глаза и следил ими за своею женою. Он видел, как она развела в печи огонь, как поставила на уголья горшок с водою, как начала в него бросать какие-то снадобья, приговаривая вполголоса странные, дикие для слуха слова. Внимание Фёдора увеличивалось с каждою минутою: страх, гнев и любопытство боролись в нём; наконец последнее взяло верх. Притворяясь по-прежнему спящим, он высматривал, что будет далее.

Когда в горшке вода закипела белым клю-



чом, то над ним как будто прошумела буря, как будто застучал крупный дождь, как будто прогремел сильный гром; наконец раздалось из него писклявым и резким голосом, похожим на визг железа, чертящего по точилу, трижды слово: «Лети, лети, лети!» Тут Катруся поспешно натёрлась какою-то мазью и улетела в трубу.

Дрожь проняла бедного казака, так что зуб на зуб не попадал. Теперь уже нет больше сомнения: жена его ведьма; он сам видел, как она снаряжалась, как отправилась на шабаш. На что решиться? В тогдашнем волнении чувств и тревоге душевной он ничего не мог придумать, даже не доставало у него ни на что смелости; лучше отложить до следующего раза, чтоб иметь время всё обдумать, ко всему приготовиться и запастись отвагой. Так он и решился. Однако же бессонница его мучила, страх прогонял дремоту; ему всё чудились какие-то отвратительные пугалища. Он ворочался на постеле, потом встал и ходил по хате; напрасно! сон бежал от него, в хате ему было душно. Он вышел на чистый воздух; тихая, прохладная ночь немного освежила его; месяц последним, бледным светом своим как будто прощался с землёю до нового возрождения. При его чуть брезжущем свете Фёдор увидел спавшую собаку и подле ней заколдованный узелок. Чтоб избавиться от тяжкой бессонницы и скрыть от жены своей, что он проник в её тайну, Фёдор поднял узелок двумя щепками; и вмиг собака встрепенулась, вскочила, потрясла головой и начала ласкаться к своему

хозяину. Не теряя времени, молодой казак возвратился в хату, положил узелок под изголовье, прилёг на него и заснул как убитый.

Когда он открыл глаза, то увидел, что Катруся лежала подле него. На лице её не было заметно даже и следов вчерашнего исступления, ни в глазах её той неистовой дикости, с которою она делала заклинания свои. Какая-то томная нега, какая-то тихая радость отражались в её взорах и улыбке. Никогда ещё не расточала она столько страстных поцелуев, столько детских ласк своему мужу, как в это утро. Словом, это была молодая, милая и любящая женщина, творение бесхитростное и младенчески резвое, но отнюдь не та страшная чародейка, которую муж её видел ночью. И казалось, это не было и не могло быть в ней притворством: она дышала только для любви, видела всё счастие жизни только в милом друге своём. Уже казак начал колебаться мыслями: вправду ли случилось то, чему он был свидетелем? не сон ли такой привиделся ему ночью? не злой ли дух смущал его страшными грёзами, чтоб отвратить его сердце от жены любимой?

Прошёл и ещё месяц. Катруся во всё это время по-прежнему была домовитою хозяйкою, милою, весёлою молодицей, ласковою, услужливою женой. Однако же Фёдор Блискавка обдумывал втайне, что должно ему было делать, и наконец надумался. Под исход месяца стал он прилежнее наблюдать за своей женою и заметил в ней те же самые признаки: и слёзы, и тяжкие

вздохи, и тайную тоску, и отвращение от всего, даже от ласк её мужа, и порою дикий, неподвижный взор. Ещё с вечера Фёдор объявил, что ему было душно в хате, и отворил оконце; когда же ложился в постелю, то, запустив руку под изголовье, выхватил узелок и выбросил его на двор с такою же быстротою, с какою обыкновенно отбрасывал он горящий уголь, когда доставал его из печи, чтоб закурить трубку. Всё это было исполнено мигом, так что Катруся никак не могла сего заметить. Радуясь успеху, казак притворился спящим и захрапел, как и в первый раз. Жена таким же образом подошла к постели и поглядела ему в лицо, положила руку на его грудь, наклонилась, поцеловала мужа своего, и он почувствовал, что горячая слеза упала ему на щёку. Потом, с тяжким вздохом и отирая себе глаза рукавом тонкой сорочки, она принялась за богоотступное своё дело. Внимание казака, подкрепляемое твёрдою его решимостью и отвагой, на сей раз удвоилось. Он присматривался, где и какие снадобья брала жена его, вслушивался в чудные слова и затвердил их. Уже ничто не было ему страшно: ни пламенное, неистовое лицо и сверкающие глаза жены, ни рёв бури, ни гром, ни резкий, отвратительный голос из горшка. И едва молодая ведьма исчезла в трубу, муж её вскочил с постели, подбросил новых дров на потухавшие уголья, налил свежей воды в горшок и поставил его на огонь. Потом отыскал небольшой ларец, спрятанный под лавкою в подполье и заклáденный каменьями, раскрыл его - и остолбенел от

ужаса и омерзения. Там были человеческие кости и волосы, сушёные нетопыри и жабы, скидки змеиной кожи, волчьи зубы, чёртовы пальцы, осиновые уголья, кости чёрной кошки, множество разных невиданных раковин, сушёных трав и кореньев и... всего нельзя припомнить. Победив своё отвращение, Фёдор схватил полную горсть сих колдовских припасов и бросил их в котёл, приговаривая те слова, которые перенял у жены своей. Но когда котёл начал кипеть, то Фёдор почувствовал, что лицо его кривлялось и подёргивалось, как от судороги, глаза искосились, волосы поднялись дыбом, в груди как будто кто стучал молотком, и все кости его хрупали в составах. После сего он пришёл в какое-то исступление ума, ощутил в себе непомерную отвагу, нечто похожее на крайнюю степень опьянения; в глазах его попеременно мелькали яркие искры, светлые полосы, какие-то дивные, уродливые призраки; над ним и буря злилась, и дождь шумел, и гром гремел - но он уже ничего не боялся. И когда услышал зычный, резкий голос из горшка и слово: «Лети, лети, лети!» - то, не владея собою от бешенства, торопливо схватил коробочку с мазью, натёр себе руки, ноги, лицо и грудь... и вмиг какая-то невидимая сила схватила его и бросила в трубу. Это быстрое движение заняло у него дух и отбило память. Когда же он очувствовался, то увидел себя под открытым небом, на Лысой горе, за Киевом...

Что там увидел наш удалой казак, того, верно, кроме его, ни одному православному

христианину не доводилось видеть; да и не приведи Бог! И страх, и смех пронимали его попеременно: так ужасно, так уродливо было сборище на Лысой горе! По счастью, неподалёку от Фёдора Блискавки стоял огромный костёр осиновых дров: он припал за этот костёр и оттуда выглядывал, как мышь из норки своей выглядывает в хату, которая наполнена людьми и кошками.

На самой верхушке горы было гладкое место, чёрное, как уголь, и голое, как безволосая голова старого деда. От этого и гора прозвана была Лысою. Посреди площадки стояли подмостки о семи ступенях, покрытые чёрным сукном. На них сидел пребольшой медведь с двойною обезьяньею мордой, козлиными рогами, змеиным хвостом, ежовою щетиной по всему телу, с руками остова и кошачьими когтями на пальцах. Вокруг него, поодаль от площадки, кипел целый базар ведьм, колдунов, упырей, оборотней, леших, водяных, домовых и всяких чуд невиданных и неслыханных. Там великан-жид сидел на корточках перед цымбалами величиною с барку, на которых струны были не тоньше каната; жид колотил по ним большими граблями, потряхивая остроконечною своей бородою, хлопая глазами и кривляя свою рожу, и без того очень гадкую. Инде, целая ватага чертенят, один другого гнуснее и неуклюжее, стучала в котлы, барабанила в бочонки, била в железные тарелки и горланила во весь рот. Тут вереница старых, сморщенных как гриб ведьм водила

журавля, приплясывая, стуча гоцки сухими своими ногами, так что звон от костей раздавался кругом, и припевая таким голосом, что хоть уши зажми. Далее долговязые лешие пускались вприсядку с карликами домовыми. В ином месте беззубые, дряхлые ведьмы, верхом на мётлах, лопатах и ухватах, чинно и важно, как знатные паньи, танцевали польский с седыми, безобразными колдунами, из которых иной от старости гнулся в дугу, у другого нос перегибался через губы и цеплялся за подбородок, у третьего по краям рта торчали остальные два клыка, у четвёртого на лбу столько было морщин, сколько волн ходит по Днепру в бурную погоду. Молодые ведьмы с безумным, неистовым смехом и взвизгиваньем, как пьяные бабы на веселье, плясали горлицу и метелицу с косматыми водяными, у которых образины на два пальца покрыты были тиной; резвые, шаловливые русалки носились в дудочке с упырями, на которых и посмотреть было страшно. Крик, гам, топот, возня, пронзительный скрип и свисты адских гудков и сопелок, пенье и визг чертенят и ведьм - всё это было буйно, дико, бешено; и со всем тем видно было, что сия страшная сволочь от души веселилась.

Фёдор Блискавка из своей засады смотрел на это, и жутко ему было, так что холод сжимал всю внутренность. Невдалеке от себя увидел он и тёщу свою, Ланцюжиху, с одним заднепровским пасечником, о котором всегда шла недобрая молва, и старую Одарку Швойду, торговав-

шую бубликами на Подольском базаре, с девяностолетним крамарём Артюхом Холозием, которого все почитали чуть не за святого: так этот окаянный ханжа умел прикидываться набожным и смиренником; и нищую калеку Мотрю, побиравшуюся по улицам киевским, где люди добрые принимали её за юродивую и прозвали Дзыгой; а здесь она шла рука об руку с богатым скрягою, паном Крупкою, которого незадолго перед тем казаки выжили из Киева и которого сами земляки его, ляхи, ненавидели за лихоимство. И мало ли кого там видел Фёдор Блискавка из своих знакомых, даже таких людей, о которых прежде бы никак не поверил, что они служат нечистому, хоть бы отец родной уверял его в том под присягой. Вся эта шайка пожилых ведьм и колдунов пускалась в плясовую так задорно, что пыль вилась столбом и что самым завзятым казакам и самым лихим молодицам было бы на зависть. Немного в стороне оттуда увидел Фёдор и свою жену. Катруся отхватывала казачка с плечистым и круторогим лешим, который скалил зубы и подмигивал ей, а она усмехалась и вилась перед ним, как юла. Фёдор в гневе и ревности хотел бы броситься на неё и на рогатого плясуна и порядком потузить обоих; но, подумав, удержался, и сделал умно. Где бы ему было сладить с целым чертовским кагалом, который верно напал бы на него, и тогда поминай, как звали.

Вдруг раздался, как внезапный порыв бури, густой, сиповатый рёв чёрного медведя, сидев-



шего на подмостках - и покрыл собою всё: и звон гудков и цымбалов, и свист волынок и сопелок, и гарканье, хохот и говор веселившейся толпы. Всё утихло: каждый из плясунов, подняв в эту минуту одну ногу, как будто прирос на другой к своему месту; те из них, которые подпрыгнули вверх, так остались на воздухе; отворённые рты не успели сомкнуться, поднятые в пляске руки и вздёрнутые вверх плечи и головы не успели опуститься; грабли жида на цымбалах и смычки чертенят на гудках словно окаменели у струн. Чёрный медведь протянул костяную руку - и мигом все запели:

Высоки скоки
В сороки,
Низки поклоны
В вороны, -

подскокнули снова вверх и повалились на землю, головами к тому месту, где сидел медведь. «Ах ты, проклятое племя! - шептал про себя Фёдор Блискавка. - Оно же ещё смеет и кощунствовать над обрядами православных и напевать честные весельные песни на своём мерзостном шабаше перед этим уродом, в насмешку над добрыми людьми! Чтоб вы все провалились в тартарары, да и жёнушка моя с вами; чтоб вам всем по горячей пекельной головне в глотку: тогда бы, небось, позабыли вы горланить и запели бы иную песню, чёртова челядь!»

Чёрный медведь долго принюхивался во все стороны и наконец проревел, как из бочки: «Здесь есть чужой дух!» В минуту все всполоши-

лись: нечистые духи, ведьмы, колдуны, упыри, русалки - все бросились искать с зверскими, кровавыми глазами, с пеною бешенства на губах. И Катруся - Катруся была из первых! Сердце замерло у Фёдора, холод пронимал его до костей! «Теперь-то, - думал казак, - настал мой смертный час!» Прижавшись вплоть к земле за дровами, он ни жив ни мёртв выглядывал исподлобья. Вдруг видит, Катруся первая подбежала к тому месту, заглянула за костёр, злобно сверкнула на мужа своим огненным взором, скрыпнула зубами... но в тот же миг сорвала с себя намитку, накинула на Фёдора, сунула под него лопату, провела пальцем черту по воздуху на Киев - и прежде чем Фёдор опомнился, он уже лежал в своей хате на постеле.

Когда чувства его поуспокоились, он сел на постелю, как человек, едва выздоравливающий от горячки, в которой грезились ему страшные мечты. Скоро мысли его приняли течение более правильное: он припоминал себе и страхи, и смешное, отвратительное гаёрство прошлой ночи, и жену свою с её любовью, с её нежными ласками, с её заботливостью о нём и о доме, с её детскою игривостью... «И всё это было только притворство! - думал он. - Всё это нашёптывала ей нечистая сила, чтобы лучше меня обмануть». То вдруг представлялась ему жена в минуту чародейских обрядов, то опять сверкала на него огненным взором и скрежетала зубами, как на Лысой горе... В задумчивости он и не приметил, что жена стояла подле него. Фёдор, взглянув на

неё, вздрогнул, словно босою ногою наступил на змею. Катруся была бледна и томна, губы её помертвели, глаза покраснели от слёз, которые ручьями текли по её лицу.

- Фёдор! - сказала она печально, - зачем ты подсматривал, что я делала? зачем, не спросясь меня, пускался на Лысую гору? зачем не хотел довериться жене своей?.. Бог с тобою! ты сам растоптал наше счастье!..

- Прочь от меня, змея, злодейка, ведьма богомерзкая! - отвечал Фёдор с негодованием и отвращением. - Ты опять хочешь меня обойти бесовскою лестью?.. Так нет, не надейся!

- Послушай, Фёдор, - подхватила она, обвив его руками вокруг тела, припав головою к нему на грудь и умильно смотря ему в глаза. - Послушай! Не я виновата, мать моя всему виною: она неволей отвела меня на шабаш, неволей обрекла в ведьмы и вымучила из меня страшную клятву... Мне было тогда ещё четырнадцать лет. И тогда я, не хотя, летала на шабаш, боясь матери: ведьмы, и все их проклятые обряды, и все их проклятые повадки были мне как острый нож, а от одной мысли про шабаш мутило у меня на душе. Суди же, каковы они были для меня, когда ты стал моим мужем - ты, кого люблю я, как душу, как своё спасенье на том свете... Не раз хотела я отшатнуться от шабаша, не бывать на нём; только под исход месяца, чем больше я о том думала, тем больше меня мучила тоска несказанная. Ты сам знаешь, каково мне тогда бывало... Не приведи Бог и татарину того вытер-

петь!.. И сколько я ни силилась одолеть тоску-злодейку, сколько ни отмаливалась - ничто не помогало! Всё мне и днём, и ночью кто-то надувал в уши про шабаш, всё мне так и мерещилось, чтоб быть там. А наступал срочный день - какая-то невидимая сила так и тянула меня туда назло моей воле. Когда же я прилетала на Лысую гору, там меня словно дурь охватывала: буйно бросалась я в толпу ведьм, колдунов и всей бесовщины, сама себя не помнила, что делала, и не могла не делать того, что другие... Как Бога с небес, ждала я страстной недели: тогда кинулась бы я в ноги чернецам Божьим и упросила бы их, чтобы заперли меня на все последние три дня в Пещерах, до самой воскресной заутрени, и отмолили бы от меня бесовское наваждение... Теперь это поздно! Ты, милый муж мой, сокол мой ясный! ты сам погубил и меня и себя и навеки затворил от меня двери райские...

- Так живи же со своими родичами, лешими да русалками, коли запал тебе след туда, где веселятся души христианские!.. Сгинь отсюда! Оставь меня...

- Не властна я тебя оставить! - прервала его Катруся, сжав его ещё крепче в объятиях и, так сказать, приросши к нему. - Я тебе сказала, что на мне лежит страшная клятва... В силу этой клятвы, кто бы ни был из близких нам: муж ли, брат ли, отец ли... кто бы ни был тот, кто подсмотрит наши обряды, - но мы должны... ох! тяжело сказать!.. должны высосать до капли кровь его...



И подлинно дочь дана была ей на отраду... (стр. 7)



Статен телом и пригож лицом, богат и хорошего рода, Казимир вёл жизнь молодецкую... (стр. 9)



В последний день зелёной недели, когда солнце шло на полдень, она пошла в чащу леса... (стр. 19)



Акулина Тимофеевна обвязала ему ленту вокруг шеи и повела его к себе в дом... (стр. 40)



...только чудились ей во сне то сады с золотыми яблочками... (стр. 70)



За третьим разом показались ему разные страхи... **(стр. 96)**



Девушки, одна другой краше, одна другой милее, окружают витязя... (стр. 110)



Вот синий огонёк на одной могиле затеплился постоянным светом. **(стр. 114)**

- Пей же мою кровь!.. Мне тошно жить на свете! Что мне в жизни?.. Одна мне приглянулась, стала моей женою; любил я её пуще красного дня, пуще радости... и та обманула меня и чуть не породнила с бесовщиной... Всё мне постыло на этом свете... Пей же, соси мою кровь!

- И мне не жить после тебя на свете! Увидит то душа твоя. Грустно мне, тяжко мне, что злая доля развела нас и здесь, и там... - Катруся зарыдала и упала в ноги мужу. - Об одном только прошу тебя, - продолжала она, - погляди на меня умильно, дай на себя насмотреться, поцелуй меня впоследние и прижми к своему сердцу, как прижимал тогда, когда любил меня!

Добрый Фёдор был тронут слёзными просьбами жены своей. Он ласково взглянул на неё, обнял её, и уста их слились в один долгий, жаркий поцелуй... В ту же минуту она рукой искала его сердца по биению... Вдруг какая-то острая, огненная искра проникла в сердце Фёдора; он почувствовал и боль и приятное томление. Катруся припала к его сердцу, прильнула к нему губами; и между тем, как Фёдор истаивал в неге какого-то роскошного усыпления, Катруся, ласкаясь, спросила у него: «Сладко ли так засыпать?»

- Сладко!.. - отвечал он чуть слышным лепетом - и уснул навеки.

Тело казака похоронено было с честью усердными его товарищами. Ни жены, ни тёщи его никто не видел на погребении; но в следующую ночь жители Киева сбежались на пожар: хата

Фёдора Блискавки сгорела дотла. Тогда же видно было другое зарево от Лысой горы, и смельчаки, отважившиеся на другой день посмотреть вблизи, уверяли, что на горе уже не было огромного костра осиновых дров, а наместо его лежала только груда пеплу, и зловонный, чёрный дым стлался по окружности. Носилась молва, будто бы ведьмы сожгли на этом костре молодую свою сестру, Катрусю, за то, что она отступилась от кагала и хотела, принеся христианское покаяние, пойти в монастырь; и что будто бы мать её, старая Ланцюжиха, первая подожгла костёр. Как бы то ни было, только ни Катруси, ни Ланцюжихи не стало в Киеве. О последней говорили, что она оборотилась в волчицу и бегала за Днепром по бору.

Теперь Лысая гора есть только песчаный холм, от подошвы поросший кустарником. Видно, ведьмы её покинули, и оттого она просветлела.

КИКИМОРА

Рассказ русского крестьянина на большой дороге



Вот видите ли, батюшка барин, было тому давно, я ещё бегивал босиком да играл в бабки... А сказать правду, я был мастер играть: бывало, что на кону ни стоит, всё как рукой сниму...

- Ты беспрестанно отбиваешься от своего рассказа, любезный Фаддей! Держись одного, не припутывай ничего стороннего, или, чтобы тебе было понятнее: правь по большой дороге, не сворачивай на сторону и не режь колёсами новой тропы по целику и пашне.

- Виноват, батюшка барин!.. Ну дружней, голубчики, с горки на горку: барин даст на водку... Да о чём бишь мы говорили, батюшка барин?

- Вот уже добрые полчаса, как ты мне обещаешь что-то рассказать о Кикиморе, а до сих пор мы ещё не дошли до дела.

- Воистину так, батюшка барин; сам вижу, что мой грех. Изволь же слушать, милостивец!

Как я молвил глупое моё слово вашей милости, в те поры был я ещё мальчишкой, не боль-

но велик, годов о двенадцати. Жил тогда в нашем селе старый крестьянин, Панкрат Пантелеев, с женою, тоже старухою, Марфою Емельяновною. Жили они как у бога за печкой, всего было довольно: лошадей, коров и овец - видимо-невидимо; а разной рухляди да богатели и с сором не выметешь. Двор у них был как город: две избы со светёлками на улицу, а клетей, амбаров и хлебных закромов столько, что стало бы на обывателей целого присёлка. И то правда, что у них своя семья была большая: двое сыновей, да трое внуков женатых, да двое внуков подростков, да маленькая внучка, любимица бабушки, которая её нежила, холила да лелеяла, так что и синь пороху не даст, бывало, пасть на неё. Всё шло им в руку; а все крестьяне в селении готовы были за них положить любой перст на уголья, что ни за стариками, ни за молодыми никакого худа не важивалось. Вся семья была добрая и к Богу прибежная, хаживала в церковь Божию, говела по дважды в год, работала, что называется, изо всех сил, наделяла нищую братию и помогала в нужде соседям. Сами хозяева дивились своей удаче и благодарили господа Бога за его Божье милосердие.

Надобно вам сказать, барин, что хотя они и прежде были людьми зажиточными, только не всегда им была такая удача, как в ту пору: а та пора началась от рождения внучки, любимицы бабушкиной. Внучка эта, маленькая Варя, спала всегда с старою Марфой, в особой светёлке. Вот когда Варе исполнилось семь лет, бабушка стала

замечать диковинку невиданную: с вечера, бывало, уложит ребёнка спать, как малютка умается играя, с растрёпанными волосами, с запылённым лицом; поутру старуха посмотрит - лицо у Вари чистёхонько, бело и румяно как кровь с молоком, волосы причёсаны и приглажены, инда лоск от них, словно тёплым квасом смочены; сорочка вымыта белым-бело, а перина и изголовье взбиты как лебяжий пух. Дивились старики такому чуду и между собою тишком толковали, что тут-де что-то не гладко. Перед тем ещё старуха не раз слыхала по ночам, как вертится веретено и нитка жужжит в потёмках; а утром, бывало, посмотрит - у неё пряжи прибавилось вдвое против вчерашнего. Вот и стали они подмечать: засветят, бывало, ночник с вечера и сговорятся целою семьёю сидеть у постели Вариной всю ночь напролёт... Не тут-то было! незадолго до первых петухов сон их одолеет, и все уснут кто где сидел; а поутру, бывало, смех поглядеть на них: иной храпит, ущемя нос между коленами; другой хотел почесать у себя за ухом, да так и закачался сонный, а палец и ходит взад и вперёд по воздуху, словно маятник в больших барских часах; третий зевнул до ушей, когда нашла на него дрёма, не закрыл ещё рта - и закоченел со сна; четвёртый, раскачавшись, упал под лавку, да там и проспал до пробуду. А в те часы, как они спали, холенье и убиранье Вари шло своим чередом: к утру она была обшита и обмыта, причёсана и приглажена как куколка.

Стали допытываться от самой Вари, не видала ли она чего по ночам? Однако ж Варя божилась, что спала каждую ночь без просыпу; а только чудились ей во сне то сады с золотыми яблочками, то заморские птички с разноцветными пёрышками, которые отливались радугой, то большие светлые палаты с разными диковинками, которые горели как жар и отовсюду сыпали искры. Днём же Варюша видала, когда ей доводилось быть одной в большой избе, что подле светёлки, - превеликую и претолстую кошку, крупнее самого ражего барана, серую, с мелкими белыми крапинами, с большою уродливою головою, с яркими глазами, которые светились как уголья, с короткими толстыми ушами и с длинным пушистым хвостом, который как плеть обвивался трижды вокруг туловища. Кошка эта, по словам Варюши, бессменно сидела за печкой, в большой печуре, и когда Варе случалось проходить мимо её, то кошка умильно на неё поглядывала, поводила усами, скалила зубы, помахивала хвостом около шеи и протягивала девочке длинную, мохнатую свою лапу со страшными железными когтями, которые как серпы высовывались из-под пальцев. Малютка Варя признавалась, что, несмотря на величину и уродливость этой кошки, она вовсе не боялась её и сама иногда протягивала к ней ручонку и брала её за лапу, которая, сдавалось Варе, была холодна как лёд.

Старики ахнули и смекнули делом, что у них в доме поселилась Кикимора; и хотя не

видели от неё никакого зла, а всё только доброе, однако же, как люди набожные, не хотели терпеть у себя в дому никакой нечисти. У нас был тогда в деревне священник, отец Савелий, вечная ему память. Нечего сказать, хороший был человек: исправлял все требы как нельзя лучше и никогда не требовал за них лишнего, а ещё и своим готов был поступиться, когда видел кого при недостатках; каждое воскресенье и каждый праздник просто и внятно говаривал он проповеди и научал прихожан своих, как быть добрыми христианами, хорошими домоводцами, исправно платить подати государю и оброк помещику; сам он был человек трезвенный и крестьян уговаривал отходить подальше от кабака, словно от огня. Одно в нём было худо: человек он был учёный, знал много и всё толковал по-своему.

- А разве крестьяне ему не верили?

- Ну, верили, да не во всём, батюшка барин. Бывало, расскажут ему, что ведьма в белом саване доит коров в таком-то доме, что там-то видели оборотня, который прикинулся волком либо собакой; что в такой-то двор к молодице летает по ночам огненный змей; а батька Савелий, бывало, и смеётся, и учнёт толковать, что огненный змей - не змей, а... не припомню, как он величал его: что-то похоже на мухомор; что это-де воздушные огни, а не сила нечистая; напротив-де того, эти огни очищают воздух; ну, словом, разные такие затеи, что и в голову не лезет. Это и взорвёт прихожан; они и твердят между

собою: батька-де наш от ученья ума рехнулся.

- Глупцы же были ваши крестьяне, друг Фаддей!

- Было всякого, милосердый господин: ум на ум не приходит; были между ними и глупые люди, были и себе на уме. Все же они держались старой поговорки: отцы-де наши не глупее нас были, когда этому верили и нам передали свою старую веру.

- Вижу, что благомыслящий священник не скоро ещё вобьёт вам в голову, чему верить и чему не верить. Об этом надобно б было толковать сельским ребятам с тех лет, когда у них ещё молоко на губах не обсохло; а старым бабам запретить, чтоб они не рассевали в народе вздорных и вредных суеверий.

- Как вашей милости угодно, - проворчал Фаддей и молча начал потрогивать вожжами.

- Что ж ты замолчал? Рассказывай дальше.

- Да, может быть, мои простые речи не под стать вашей милости, и у вас от них, как говорится, уши вянут?.. Мы, крестьяне, всегда спроста соврём что-нибудь такое, что барам придётся не по нутру.

- И, полно, приятель: видишь, я тебя охотно слушаю, и ты славно рассказываешь. Неужели ты доброю волею отступишься от гривенника на водку, который я тебе обещал?

- Ин быть по-вашему, батюшка барин, - промолвил Фаддей веселее и бодрее прежнего. - Вот видите ли, старики и взмолились отцу Савелью, чтоб он отмолил дом их от Кикиморы. А отец

Савелий и давай их журить: толковал им, что и старикам, и девочке, и всей семье только мерещилось то, чему они будто бы сдуру верили; что Кикимор нет и не бывало на свете и что те попы, которые из своей корысти потворствуют бабьим сказкам и народным поверьям, тяжко грешат перед Богом и недостойны сана священнического. Старики, повеся нос, побрели от священника и не могли ума приложить, как бы им выжить от себя Кикимору.

В селении у нас был тогда управитель, не ведаю, немец или француз, из Митавы. Звали его по имени и по отчеству Вот-он Иванович, а прозвища его и вовсе пересказать не умею. Земский наш Елисей, что был тогда на конторе, в барском доме, называл его ещё господин фон-барон. Этот фон-барон был великий балагур: когда, бывало, отдыхаем после работы на барщине, то он и пустится в россказни: о заморских людях ростом с локоть, на козьих ножках, о заколдованных башнях, о мертвецах, которые бродят в них по ночам без голов, светят глазами, щёлкают зубами и свистом пугают прохожих, о жар-птице, о больших морских раках, у которых каждая клешня по полуверсте длиною и которых он сам видал на краю света... Да мало ли чего он нам рассказывал: всего не складёшь и в три короба. Говорил он по-русски не больно хорошо: иного в речах его, хоть лоб взрежь, никак не выразумеешь; а начнёт, бывало, рассказывать - так и сыплет речами: инда уши развесишь и о работе забудешь; да он и сам на тот раз не скоро,

бывало, о ней вспомнит. Крестьяне были той веры, что у Вот-он Ивановича было много в носу; что до меня, я ничего не заметил, кроме табаку, который он большими напойками набивал себе в нос из старой закоптелой тавлинки. Он, правда, выдумывал на барском дворе какие-то машины для посева и для молотьбы хлеба; только молотильня его чуть было самому ему не размолотила головы, и сколько ни бились над нею человек двенадцать - ни одного снопа не могли околотить; а сеяльная машина на одной борозде высеяла столько, сколько и на целую десятину в неё было засыпано. Однако же крестьяне всё попрежнему думали, что в нём сидит бесовщина и что его недостанет только на путное дело. К нему-то на воскресной мирской сходке присоветовали старому Панкрату идти с поклоном и просьбою, чтоб он избавил его дом от вражьего наваждения.

Пантелеич с старухою пустились в барский двор, где жил тогда Вот-он Иванович, и принесли ему, как водится, на поклон барашка в бумажке, да того-сего прочего, примером сказать, рублей десятка на два. Наш иноземец было и зазнался: «Сотна рублоф, менши ни копейка». Насилу усовестили его взять за труды беленькую, и то ещё - отдай ему деньги вперёд. Да велел он старикам купить три бутылки красного вина: его-де Кикиморы боятся; да штоф рому и голову сахару - опрыскивать и окуривать избу с наговором. Нечего было делать; старик отправил самого проворного из своих внуков на лихой

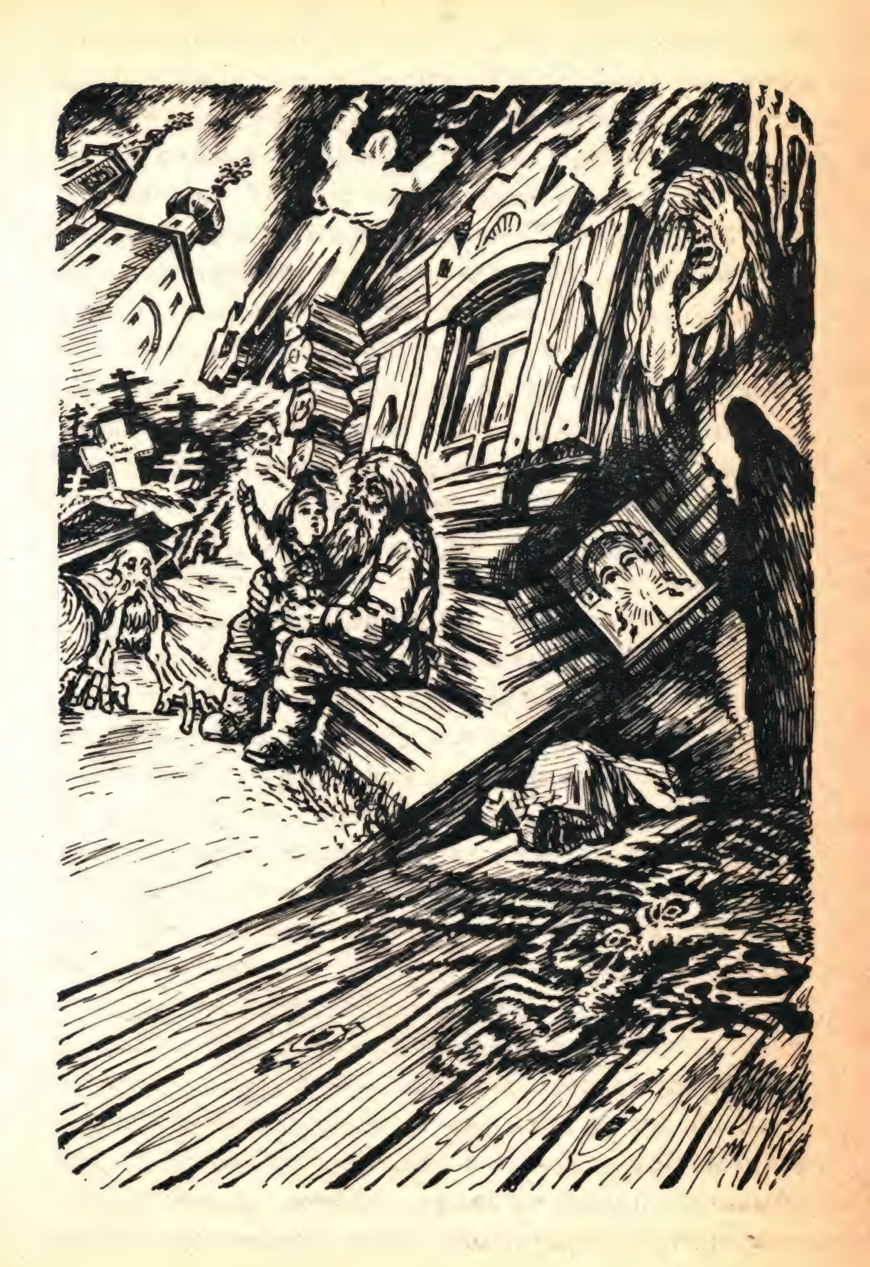
тройке за покупками, и к вечеру как тут всё явилось. Пошли с докладом к Вот-он Ивановичу, он и приплёлся в дом к Панкрату, весь в чёрном. Сперва начал отведывать вино, велел согреть воды, отколол большой кусок сахару, положил в кипяток и долил ромом; и это всё он отведывал, чтоб узнать, годятся ли снадобья для нашёптыванья. Вот как выпил он бутылку виноградного да осушил целую чашку раствору из рому с сахаром, - и разобрала его колдовская сила. Как начал он петь, как начал кричать на каком-то неведомом языке, - ну, хоть святых вон неси! Велел подать четыре сковороды с горячими угольями, всыпал в каждую по щепотке мелкого сахару и расставил по всем четырём углам; после того шептал что-то над бутылками и штофом, взял глоток рому в рот, пустился бегать по избе да прыскать на стены, ломаться да коверкаться, кричать изо всей силы, инда у всех волосы дыбом стали. Так он принимался до трёх раз; после сказал, что все нашёптанные снадобья должны вынесть из дому в новой скатерти и никогда ничего этого не вносить снова в дом; что с ними-де вынесется из дому Кикимора; велел подать скатерть, положил в её бутылки, штоф и сахар, поздравил хозяев с избавлением от Кикиморы и понёс скатерть с собою, шатаясь с боку на бок, надобно думать, от усталости.

- Что же, Кикимора больше не оставалась в доме Панкратовом?

- Вот то-то и беда, сударь, что вышло наоборот. Видно, что колдовство нашего фон-барона

было не в добрый час, или он кудесник только курам на смех, или просто хотел надуть добрых людей и полакомиться на чужой счёт; только вышло, как я вам сказал, наоборот. Доселе Кикимора делала только добро: холила ребёнка да пряла на хозяйку, никто её за тем не видал, ни слыхал; а с этих пор, видно, её раздразнили шептаньем да колдовством, она стала по ночам делать всякие проказы. То вдруг загремит и затрещит на потолке, словно вся изба рушится; то впотьмах подкатится клубом кому-либо из семьян под ноги и собьёт его как овсяный сноп; то, когда все уснут, ходит по избе, урчит, ревёт и сопит как медвежонок; то середь ночи запрыгает по полу синими огоньками... Словом, что ночь, то новые проказы, то новый испуг для семьи. Одну только маленькую Варю она и не трогала; и ту перестала обмывать и чесать, а часто на рассвете находили, что ребёнок спал головою вниз, а ногами на подушках.

Так билась бедная семья круглый год. В один день пришла к ним в дом старушка нищая, вся в лохмотьях, и лицо у неё сжалось и сморщилось, словно сушёная груша или прошлогоднее яблоко от морозу. Тётка Емельяновна, как вы уже слышали, сударь, была старуха добрая и любила наделять нищую братию. Посадила она божью странницу за стол, накормила, напоила, дала ей денег алтын пять и наделила её платьишком. Вот нищая и начала молить бога за всю семью; а после молвила: «Вижу, православные христиане, что господь бог наградил вас своею



милостью: дом у вас как полная чаша; только не всё у вас в дому здорово». «Ох! так-то нездорово, что и не приведи бог! - отвечала тётка Марфа. - Посадили к нам, знать, недобрые люди из зависти окаянную Кикимору; она у нас по ночам всё вверх дном и ворочает». - «Этому горю можно помочь; у вас не без старателей. Молитесь только Богу да сделайте то, что я вам скажу: всё как рукою снимет». - «Матушка ты наша родная! - взмолилась ей Емельяновна. - Чем хочешь поступимся, лишь бы эту нечисть выжить из дому».

- «Слушайте ж, добрые люди! Сегодня у нас воскресенье. В среду на этой неделе, ровно в полдень, запрягите вы дровни... Да, дровни; не дивитесь тому, что нынче лето; этому так быть надобно... Запрягите вы дровни чётом, да не парой...» - «Как же этому можно быть, бабушка?» - спросил середний внук Панкратов, молодой парень лет семнадцати и, к слову сказать, большой зубоскал. - Ведь что чёт, что пара - всё равно!» - «Велик парень вырос, да ума не вынес, - отвечала ему старуха нищая, - не дашь домолвить, а слова властно с дуба рвёшь. Вот как люди запрягают чётом, да не парой: в корень впрягут лошадь, а на пристяжку корову или наоборот: корову в корень, а лошадь на пристяжку. Сделайте же так, как я вам говорю, и подвезите дровни вплоть к сеням; расстелите на дровнях шубу шерстью вверх. Возьмите старую метлу, метите ею в избе, в светлице, в сенях, на потолке под крышей и приговаривайте до трёх раз: «Честен дом, святые углы! отметайтеся вы от летающего,

от плавающего, от ходящего, от ползущего, от всякого врага, во дни и в ночи, во всякий час, во всякое время, на бесконечные лета, отныне и до века. Вон, окаянный!» Да трижды перебросьте горсть земли чрез плечо из сеней к дровням, да трижды сплюньте; после того свезите дровни этою ж самою упряжью в лес и оставьте там и дровни, и шубу: увидите, что с этой поры вашего врага и в помине больше не будет». Старики поблагодарили нищую, наделили её вдесятеро больше прежнего и отпустили с богом.

В эти трое суток, от воскресенья до середы, Кикимора, видно, почуяв, что ей не ужиться дольше в том доме, шалила и проказила пуще прежнего. То посуду столкнёт с полок, то навалится на кого в ночи и давит, то лапти все соберёт в кучу и приплетёт их одни к другим бечёвками так плотно, что их сам бес не распутает; то хлебное зерно перетаскает из сушила на ледник, а лёд из ледника на сушило.

В последний день и того хуже: целое утро даже не было никому покою. Весь домашний скарб был переворочен вверх дном, и во всём доме не осталось ни кринки, ни кувшина неразбитого. Страшнее же всего было вот что: вдруг увидели, что маленькая Варя, которая играла на дворе, остановилась середи двора, размахнув ручонками, смотрела долго на кровлю, как будто бы там кто манил её, и, не спуская глаз с кровли, бросилась к стене, начала карабкаться на неё как котёнок, взобралась на самый гребень кровли и стала, сложа ручонки, словно к смерти

приговорённая. У всей семьи опустились руки; все, не смигивая, смотрели на малютку, когда она, подняв глаза к небу, стояла как вкопанная на самой верхушке, бледна как полотно, и духу не переводила. Судите же, батюшка барин, каково было её родным видеть, что малютка Варя вдруг стремглав полетела с крыши, как будто бы кто из пушки ею выстрелил! Все бросились к малютке: в ней не было ни дыхания, ни жизни; тело было холодно как лёд и закостенело; ни кровинки в лице и по всем составам; а никакого пятна или ушиба заметно не было. Старуха бабушка с воем понесла её в избу и положила под святыми; отец и мать так и бились над нею; а старик Панкрат, погоревав малую толику, тотчас хватился за ум, чтоб им доле не терпеть от дьявольского наваждения. Велел внукам поскорее запрягать дровни, как им заказывала нищая, и подвезти к сеням; а сам приготовил всё, как было велено, и ждал назначенного часа. На старика и внуков его, бывших тогда на дворе, сыпались черепья, иверни кирпичей и мелкие каменья; а женщин в избе беспрестанно пугал то рёв, то гул, то вой, то страшное урчанье и мяуканье, словно со всего света кошки сбежались под одну крышу. То потолок начинал дрожать: так и перебирало всеми половицами и сквозь них на голову сеяло песком и золою. Все бабы, лепясь одна к другой, сжались около тела маленькой Вари и дух притаили. Так прошло не ведаю сколько часов. Вот на барском дворе зазвонили в колокол. Это бывало всегда ровно в

полдень, когда садовых работников сзывали к обеду. Пантелеич опрометью кинулся в избу, схватил метлу - и давай выметать да твердить заговор, которому нищая его научила. Проказы унялись; только мяуканье, и фырканье, и детский плач, и бабий вой раздавались по всем углам. Скоро и этого не стало слышно: обе избы, светлицы, потолки и сени были выметены; старик трижды бросил через плечо землю горстями, трижды плюнул и велел двоим внукам взять лошадь и корову под уздцы да вести их с дровнями со двора, вон из деревни, через выгон и к лесу. На дворе и по улице столпились крестьяне целой деревни, все, от мала до велика, и провожали Кикимору до самого леса...

- И ты был тут же?

- Как не быть, батюшка барин. И теперь помню, что меня в жаркую пору такой холод пронял со страху, что зуб на зуб не попадал; а за ушами так и жало, словно кто стягивал у меня кожу со всей головы.

- Да видел ли ты Кикимору?

- Нет, грех сказать, не видал. Видел только дровни, а на них тулуп овчиной вверх; больше ничего.

- Кто ж её видел?

- Да бог весть! Сказывала мне, правда, тётка Афимья, спустя после того годов с десяток, будто она слышала от соседки, а та от своей золовки, что была у нас тогда в селе одна старуха, про которую шла слава, что она мороковала колдовством и часто видала то, чего другие не

видели; и что эта-де старуха видела на дровнях большую-пребольшую серую кошку с белыми крапинами; что кошка эта сидела на тулупе, сложа все четыре лапы вместе и ощетиня шерсть, сверкала глазами и страшно скалила зубы во все стороны. Как бы то ни было, только с сей поры ни в Панкратовом доме, ни в целой деревне и слыхом не слыхали больше про Кикимору.

- Радуюсь и поздравляю вашу деревню... А что ж было с малюткою Варей?

- Бедняжка всё лежала как мёртвая. Старики и вся семья поплакали над нею и хотели её похоронить. Позвали отца Савелья. Он посмотрел на тело и сказал, что малютке сделался младенческий припадок, словно от испугу, и ни за что не хотел её хоронить до трёх суток. Через три дня, в воскресенье, та же старушка нищая постучалась у окна в Панкратовом доме; её впустили. Емельяновна рассказала ей всю подноготную и повела её в светлицу, где лежало тело Варюши. Нищая велела его переложить со стола на лавку, поставила икону подле изголовья, затеплила свечку, села сама у изголовья, положила голову ребёнка к себе на колени и обхватила её обеими руками. После того выслала она всю семью из светлицы и даже вон из избы. Что она делала над ребёнком, она только сама знает; а через несколько часов Варя очнулась как встрёпанная и к вечеру играла уже с другими детьми на улице.

- Ну, что же далее?

- Да больше ничего, сударь. Всё пошло с тех пор подобру-поздорову.

- Благодарствую, друг мой, за сказку: она очень забавна.

- Гм! какая вам, сударь, сказка; а бедной-то семье вовсе было не забавно во время этой передряги.

- Но послушай, приятель: ведь ты сам не видал Кикиморы?

- Нет. Я уж об этом докладывал вашей милости.

- И Пётр, и Яков, и все крестьяне вашей деревни тоже её не видали?

- Вестимо, так!

- Что же рассказывал о ней старик Панкрат?

- Ничего, до гробовой своей доски. Ещё, бывало, и осердится, старый хрен, как поведут об этом слово, и вскинется с бранью: «Вздор-де вы, ребята, мелете, только на мой дом позор кладёте!» И детям и внукам, видно, заказал об этом говорить: ни от кого из них, бывало, не добьёшься толку... Так она, проклятая, напугала старика.

- Так я тебе объясню всё дело; слушай. Старые бабы или завистники Панкратовы взвели на дом его небылицу, потому что на семью его нельзя было выдумать какой-либо клеветы. Эту небылицу разнесли они по всей деревне; вам показалось то, чего вы на самом деле не видели, а поверили чужим словам. Молва эта удержалась у вас в селении; старухи твердят её малым ребятам, и, таким образом, она переходит от старшего к младшему... Вот и вся история твоей Кикиморы.

- Моей, сударь? Упаси меня бог от неё...

Тут Фаддей перекрестился и вслед за тем прикрикнул на лошадей, замахал кнутом и помчал во весь дух. Со всем моим старанием я не мог от него добиться более ни слова. В таком упрямом молчании довёз он меня до следующей станции, где так же молчаливо поблагодарил меня поклоном, когда я отдал ему условленные сверх прогонов деньги.

СКАЗКА О НИКИТЕ ВДОВИНИЧЕ



Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки; рассказывается не сзади, а спереди, не как дядя Селиван тулуп надевал. А эта сказка мною не выдумана, из старых лык не выплетена и заново шёлком не выстрочена: мне её по летним дням да по осенним ночам рассказывал Савка-Журавка долгоног, железный нос.

Савка-Журавка по двору ходит, чёрным глазом поводит, с ноги на ногу переступает, долгую шею через плетень перегибает, острым носом друга и недруга допекает. А как крыльями встрепенётся да звонким голосом озовётся: «курлы-курлы!» - так у всякого и ушки на макушке, и слюнка изо рта потечёт... Савка-Журавка голосную песню затягивает, умную речь заговаривает и такую сказку рассказывает... *курлы-курлы!*

Во славном городе во Чухломе жила-была старушка горемычная, вдова человека посад-

ского, а имя ей Улита Минеевна. Муж её Авдей Федулов, не тем покойник-свет будь помянут! большой был гуляка: торг повести да на счётах раскинуть не его было дело; а пиры пировать да именины справлять - его подавай. Так и все свои животы прогулял да пропил, а не в добрый час и его самого подняли мёртвого в царёвом кружале под лавкою. Бедная вдова после его смерти обливала горючими слезами не столько могилу своего друга сердечного, сколько своё вдовье платье и сиротские недоимки. Не было у неё, что называется, чем собаки из двора выманить; а которых крох не растерял покойный её сожитель, и те пошли по его же душе, на похороны да на поминки. Худо быть человеку семейному горьким пьяницей: и перед богом грешит, и людей смешит, и чужой век заедает.

Не на радость остался и сынок бедной вдове горемычной, единое её детище, Никита: и тот по отцу пошёл. Пить не пришла ещё ему пора, потому что после отца он остался молоденек, годов о двенадцати; зато к работе его, бывало, не присадишь. Мать бедная перебивалась кое-как своими трудами, из того кормила его и одевала; а он только с утра до ночи рыскал по улицам да играл в бабки с чужими ребятами. Этого дела, нечего сказать, был он мастер; а как, по пословице, *всякое дело мастера боится,* то и бабки словно его боялись и слушались. Не выискивалось ещё молодца, кто б обыграл Никиту Вдовинича: такое в насмешку дали ему на улице прозвание вместо Никиты Авдеича.



Никитино уменье не полюбилось соседним ребятам, которых он день при дне дочиста обыгрывал, так что они не могли у себя напастись бабок. Не раз они щипали Вдовинича за его удачу и однажды стакнулись ворваться всей гурьбой к нему в дом и отъёмом отнять у него все бабки. Шепнул ли кто Никите, сам ли он догадался, - только он как-то об этом спроведал. «Постой же! - молвил он сам про себя. - Я упрячу мои бабки в такое место, куда из этих сорванцов ни один не посмеет просунуть нос». Сказано и сделано: как наступила ночь, Никита Вдовинич собрал все свои бабки, склал их в запол и снёс на кладбище. Там отыскал он могилу своего отца и принялся рыть в ней яму, чтобы туда спрятать любимую свою потеху до поры до времени. Видно, Никита, хоть и слыл дурачком и служил посмешищем всему соседнему миру, а был-таки себе на уме: небось не стал же рыться в чужой могиле! Он смекнул, что и после смерти *свой своему поневоле друг.*

Вот как он раскапывал землю, вдруг послышался ему голос из могилы: «Кто тут?» Никита не оробел и смело ответил: «Я, батюшка!» - «Сын мой любезный, дитя моё милое! Тяжко мне под сырой землёй! - простонал ему тот же голос. - А ещё мне тяжеле оттого, что тебя с матерью, по грехам моим, покинул при недостатках. Слушай же: я знаю, что тебя вовсе не тянет к работе; ты весь в меня, и личиком и станком, и разумом и умом. Я тебе помогу, детище моё желанное, и вызволю тебя из бедности; только приходи по

три ночи сюда, ко мне на могилу, в глухую полночь, за час - за два до первых петухов. Что бы здесь ни деялось, не робей; станут играть в бабки - играй, только старайся весь кон сбивать и все бабки к себе забирать. Теперь же покамест ступай себе с богом! прощай!»

Никита смекнул делом, в какую честную компанию звал его родной батюшка и с какими игроками должно ему было тянуться; однако ж как малой не трус он вздумал пойти наудалую и отведать своего счастья. Вот, пришедши домой, молвил он своей матери, Улите Минеевне: «Благослови, государыня матушка, на доброе дело: меня зовут лавочники по три ночи стеречь лавок, а сулят за то гривну медью, да хлеба вволю, да новые рукавицы». Улита Минеевна была рада-радёшенька, что бог надоумил её детище жить на белом свете трудовою копейкою; она чуть не прослезилась от доброй вести. Матери за благословеньем не в ларец ходить: не раздумывая, не разгадывая, благословила Улита Минеевна своего Никиту и отпустила его с крестом и молитвой. Только он, вместо лавок, поплёлся на кладбище, раскидывая умом-разумом, что-то из этого будет.

Вот прилёг он на отцовой могилке, ни шкнёт, ни чихнёт и ни ухом поведёт. Не спится ему, правду сказать: да ведь батюшка родимый не за сном же и звал его туда. Долго ли, коротко ли было дело, только вдруг подул и пронёсся полуночный ветерок по кладбищу и запрыгали огоньки над могилами, словно клады из-под земли

выскакивали морочить люд православный, либо затейник какой, стоя на кладбище, сеял по нём гнилушкой. Вдовиничу послышалось, что под землёю мертвец мертвеца спросил: «Пора?», а тот ему ответил: «Пора». И пошла трескотня по могилам: каждый мертвец упирался ногами и руками в гроб, сшибал долой крышку вместе с земляной насыпью и выходил на белый свет в белом саване. И все они сходились на поляну перед кладбищенской часовней, здоровались, кланялись друг другу, будто люди путные из миру крещёного. Никита Вдовинич всё лежал по-прежнему и смотрел на такие предивные диковинки; вдруг его невесть что-то отбросило: он скатился с могилы вместе с ворохом земли, и перед ним как лист перед травой очутился его батюшка Авдей Федулович. «Сын мой любезный, дитя моё милое! - возговорил он детищу своему желанному. - Слушай в оба, а не в полтора, что я тебе говорить буду. Наши честные покойники в эту пору встают да от скуки потешаются в бабки; не робей, играй с ними. Если в игре будешь удачлив, так и в житье будешь счастлив и талантлив; а нет - на себя пеняй. Помни же, сын мой любезный, дитя моё милое: что ни есть на кону - всё сбивай, ничего не оставляй; особливо в третью ночь почтись и весь последний кон сорви, - не то с тебя сорвут твою буйную головушку. Пуще всего, не робей. Теперь пойдём, благословясь».

Не любо было Никите Вдовиничу слышать, какой был зарок на игре положен; да нечего де-

лать: взявшись за гуж, не ворчи, что не дюж! Вот и пошли они к гурьбе покойников; а там крик, гам, беготня, толкотня, хохотня. Никиту мороз по коже подирал, когда он воззрился да вслушался, что там было. Иной мертвец, вытянув костлявую шею и выставя свой череп из-под савана, страшно скалил зубы и грохотал, как из пустой бочки; видно, по русской поговорке, он и на том свете чудак был покойник: умер, да зубы скалил. Другой - бледен как полотно, глаза как плошки, да не видят ни крошки, стоял да бородой кивал, словно репку жевал; третий, отдувши губы, что-то с посвистом в себя втягивал так, как, не применно будучи, добрый человек тянет чару зелена вина; четвёртый... Ну да бог им судья! все они были на ту же стать.

Вот и завопила вся гурьба покойников: «Давай в бабки!» Поставили на кон бабок видимо-невидимо, да у каждого было в заполе савана по целому вороху. Опять запрыгали огоньки на могилах, скок да скок - и столпились в два ряда вокруг поляны, что перед часовней, наподобие как, если кто видал из вас, люди добрые, зажигаются плошки для потешных огней по большим праздникам и ими, словно бисером да каменьями самоцветными, унизываются городские улицы и площади. Нашему Вдовиничу сызнова стало жутко, когда он с отцом вошёл в середину сходбища. Все мертвецы заорали не своим голосом: «Чужой! чужой!» - как будто собаками на него уськали. Добро бы тем и кончилось; так нет! Они косились на него глазами, моргали бровя-

ми, щёлками зубами, морщили носы, щетинили усы и кривляли рты, словно не они, а он был покойником. Вот один и подкатился и молвил отцу Никитину: «А ты, дядя Авдей, что ж не играешь в бабки? поставил бы своего мальца на кон, авось бы мы его срезали». - «Где вам мякинникам, со мной тягаться! - ответил Авдей Федулов. - Вот гляди-ка на моего мальца: он, кажись, и невзрачен, и не нашего ещё лесу кочерга, а дайте-ка ему бабки в руки - всех вас за пояс заткнёт!» - «Хвастливого с богатым не распознаешь! - завопили мертвецы в один голос. - Не в похвале б сила, а в деле. Ну-ка, ин выпусти своего щенка на наших волков. Только, знаешь: уговор лучше денег. Его выигрыш - его и счастье, а проиграет - головой отвечает; да и ты на свою долю столько добудешь совков да пинков, что всех не уложишь к себе в могилу». - «Ладно! - сказал Авдей Федулов. - Грозите богатому, авось-либо копейку даст; а с меня-то вам взятки гладки». - «Ну-ну! пустого не болтать и делу не мешать! - крикнул-гаркнул один долговязый мертвец, который был у них в игре старостой и уставщиком. - Начинать так начинать; а то вы, пожалуй, и до петухов прокалякаете». Тут он схватил Никиту за оба плеча, толкнул вперёд, уткнул носом чуть не в землю, указал на груду бабок и примолвил: «Бери, да ставь, да замётывай!» Никите не люба была такая грубая поведенция, он осерчал; однако прикусил язык, набрал бабок и пустился в игру. Хвать да хвать, глядишь - и весь кон сбил; поставили другой - и

тот будто рукою снял; поставили третий - и того как не бывало: не дал мертвецам, что называется, ни росинки подобрать. Дивовались покойники такой удаче и захлопали глазами да заскрыпели зубами пуще прежнего. Никите сдавалось, что ему не сдобровать; ан вот как тут по посаду раздалось: кукареку! Никита глядь - ни огоньков, ни мертвецов не стало, могилы заровнялись так, что не было ни следа, ни приметы; с той стороны, откуда солнышко всходит, занималась утренняя заря, и перед нашим Вдовиничем лежала груда сбитых им бабок, чуть не с головой его в уровень. Он подрылся под часовню и туда запрятал свои бабки; видно, отец-батюшка родимый шепнул ему, что тут-де ни мёртвый, ни живой их тронуть не посмеет. Ещё православные в городе глаз не продрали, а Никита приплёлся домой, залез на полати и такую дал высыпку, что чуть обеда не проспал.

На другую ночь было ему поваднее идти на кладбище. Опять прилёг он на отцовской могиле; опять чуть только повеял полуночный ветерок, заиграли огоньки на могилах, и опять пошла трескотня и хлопотня по кладбищу. Батюшка Никитин, Авдей Федулович, снова встал и повёл его на сходбище разгульных покойников, а там по-вчерашнему - крик, гам, беготня, толкотня, хохотня; только уж на этот раз Вдовинич наш не робел и раскланивался что ни с самыми лихими мертвецами, будто со старыми знакомыми. Все вскрикнули, увидя его: «Подавай сюда молодца! подавай игрока!» - инда гул пошёл по

кладбищу; а Никита кинулся к своим вчерашним бабкам, набрал их сколько надо было и поставил на кон. Хвать да хвать - бабки валяются, инда пыль столбом идёт; глядь-поглядь - трёх конов как не бывало. Зашевелилось и загудело племя покойничье, зачесалась буйная головушка у Никиты Вдовинича; а петухи как тут: кукареку! Никита глядь - всё по-прежнему: мертвецов не стало, огоньки потухли, могилы заровнялись, а перед ним опять бабок несметная сила. Никита убрал их в свою старую похоронку, под часовню; а сам был таков: прибежал домой, залез на полати и давай отхрапывать, инда бревенчатые переборы задрожали.

Вот наступила и третья ночь. Никита наш соколом полетел к погосту, и уж ему невтерпёж лежать на могиле: так ему слюбилось обыгрывать покойников. «Есть же простяки на том свете! - смекал он про себя. - Да мне их обыграть как пить дать...» Не успел он додумать своей думы про покойников и их простоту, как вдруг вместо тихого полуночного ветерка взвыла буря, закрутился вихорь, и пошёл дым коромыслом по кладбищу. Благо, что на Никите не было шапки, да и не важивалось; а то бы её занесло за тридевять земель; чуть и головы-то с него не сорвало. Огоньки лениво выпархивали из могил, и те такие тусклые, что чуть брезжились. Трескотня да возня поднялись по кладбищу, что хоть святых вон неси. Все мертвецы вскакивали как опаренные, встрёпывались и бегом бежали на поляну, облизываясь, как кот перед куском мяса.

Словно нехотя поднялся вдовиничев батюшка, Авдей Федулович, и повёл такую речь с сынком своим: «Сын мой любезный, дитя моё милое! наши честные покойники на тебя зубы вострят и губы разминают, за то что ты в бабках с них спесь посбил. Смотри же, дитятко моё желанное! Не положи охулки на руку. В эту ночь, а особливо за последним коном, будут тебе всякие помехи и страсти; только ты скрепись и не бойся: гляди зорко, бей метко и старайся пуще всего снять на последнем кону чёрную бабку; в ней-то вся сила. Кто этой бабкой завладеет, тот чего ни похочет - мигом всё у него уродится; надо только знать, как с нею водиться. Коли ты эту бабку сшибёшь да к рукам приберёшь, так тебе стоит только ударить ею оземь да приговаривать: «Бабка, бабка, чёрная лодыжка! служила ты басурманскому колдуну Челубею Змеулановичу ровно тридцать три года, теперь послужи мне, доброму молодцу», а затем и примолвить, чего ты от ней добыть хочешь; вот оно и явится перед тобой как лист перед травой. Да смотри, береги эту бабку пуще своего глаза: у тебя будут её выручать всякими хитростями, только ты не давайся в обман». - Тут Авдей Федулович взял сына за руку и повёл на поляну. Загудела вся ватага мертвецкая, что пчёлы в улье: «Давай его, давай!» - а наш Вдовинич и ухом не ведёт; набрал бабок, поставил на кон и начал пощёлкивать. Только теперь было не по-прежнему: то гром прогремит, то дождь зашумит, то свист пробежит; огоньки чуть брезжутся и всё тусклее

да тусклее; а на Вдовинича выпустили игроков что ни самых удальцов. Никита всё-таки не унывал; он прищуривался то с правого глаза, то с левого, приглядывался и прицеливался - и сбил два конца дочиста. За третьим стало ещё хуже: поднялась метель; ветер так и рвал, и крутил, и сдувал огоньки на сторону; свету не было и настолько, чтобы доброму человеку ложку мимо рта не пронести, а снег хлопьями так глаза и залепливал. Никита взял догадку: он левою рукою сделал себе кровельку над глазами, выглядывал, высматривал - и заприметил на кону чёрную бабку, к самому левому краю. Давай в неё бить: раз, два... а буря-то пуще злится, а гром так и трещит, словно небо расседается, а молния так и сверкает сзади и с боков, и сманивает глаз на сторону, чтобы смигнул, а снег так и застилает глаза... Это ещё цветики, а ягодки будут впереди. Два раза промахнулся наш Вдовинич: приладился совсем, ему бы только ударить; ан тут гром и грянет, а молния да снег так и заслепят его очи ясные. За третьим разом показались ему разные страхи: то змеи Горынычи, то Полканы-богатыри с казачьими усами и конскими хвостами, то Чуда-Юда, железные зубы, то лешие, то водяные... ну, в добрый час молвить, в худой промолчать - вся нечисть подземная, вся тьма кромешная. Никита оторвал клок рукава, расщипал и заткнул себе по охлопку в оба уха, правый глаз зажал, левую руку свернул в трубку и приставил к левому глазу, чтоб ему не слыхать никакого шума и не видать

ничего, кроме чёрной бабки. Тут он начал причитать в уме-разуме все посты и все заговенья, середы и пятницы, понедельники и честные сочельники, а родительскую субботу помянул чуть не трижды; навёл на чёрную бабку глаз с левою рукою, приладился правою, замахнулся, хвать - и вдруг что-то хряснуло, инда нашему Вдовиничу небо с овчинку показалось. Он со всех ног бросился к кону: глядит, а перед ним чёрная бабка лежит, сбитая его метким молодецким ударом. Он за неё - и схватил в обе руки; а мертвецы к нему сыпнули всею гурьбою, а петухи как тут: кукареку! - и не стало ни мертвецов, ни огоньков, заровнялись могилы, и на погосте наступила тишь да гладь, да божья благодать. Никита Вдовинич зажал чёрную бабку у себя под мышкой, остальные пометал в своё упрятище под часовней, поклонился ещё однажды батюшкиной могилке, пришёл домой и улёгся на полатях. «Теперь, - смекал он, - вольно мне спать вплоть до вечера; а захочу поесть, так найду кусок полакомее да посытнее матушкиных ленивых щей, где крупинка за крупинкой не угоняется. Они уж и так мне бока промыли!»

Никита Вдовинович был крепок на слово: он спал богатырским сном вплоть до вечера. Матушка его, Улита Минеевна, не будила его и к обеду: намаялся-де, сердечушко, на стороже, третью ночку не спал. В сумерки Вдовинич проснулся, встал, встрепенулся, умылся, богу помолился и опрометью вон из избы пустился; прибежал на огород, ударил бабкой оземь и приго-

варивал: «Бабка, бабка, чёрная лодыжка! служила ты басурманскому колдуну Челубею Змеулановичу ровно тридцать три года; теперь послужи мне, доброму молодцу: дай мне с начинкой пирог в сажень длиной да в охват толщиной». - Не успел он глазом смигнуть, а уж перед ним лежал пирог в сажень длиной и в охват толщиной. «Ладно! - молвил Никита. - Дело-то так, да сладить-то как?» Пытался он разломить пирог, так не под силу, а целиком донести до избы - и того пуще. Думал-думал наш Вдовинич и вздумал: отыскал под навесом старые дровнишки, прикатил их в огород; опять беда: как поднять пирог на дровни? «Эх ты, моя нечёсаная башка! не разумна, хоть и велика! - вскрикнул Вдовинич, схватя свою буйную голову за кудри кольчатые и встряхнув их, как злая мачеха своего пасынка. - Ну что я стал в пень? Велико диво, как пирог снесть! Вот побольше того, коли одному его съесть». - Тут он, не разгадывая и не откладывая, ударил чёрной бабкой оземь, протвердил как зады свой заученный наговор: «Бабка, бабка, чёрная лодыжка! - и примолвил: - Взвали мне пирог на дровни». Пирог очутился на дровнях, а Никита впрягся в оглобли и ну тащить изо всех жил, да не тут-то было! *Тпрю* не едет, и *ну* не везёт. Опять принялся он за чёрную бабку: «Помоги-де мне пирог в избу привезти», и дровни покатились сами собою; Никита чуть успевал бежать, чтоб они ему в сугорбок пинков не надавали. Прикатились к дверям, а двери-то узеньки да низеньки; только ведь у нас не по-вашему,

хоть тресни, а полезай; двери расступились, дровни вкатились и свалили пирог на дубовый стол, а сами тем же следом назад, на попятный двор, под навес, - и опять всё стало по-старому, по-бывалому. И возговорил Никита Вдовинич своей матушке, Улите Минеевне: «Вот тебе, государыня матушка, гостинец от гостей торговых; кушай себе на здоровье». Улита Минеевна, увидя пирог, от радости руками всплеснула и голосом взвыла, словно покойницу свекровь хоронила. «Ах они мои батюшки, купчики-голубчики! потешили меня, вдову горемычную! Пошли им, господи, втрое того за их добродетель». Тотчас взяли топор, разрубили пирог на куски и принялись вдвоём уписывать; куда! и сотой доли съесть не могли. Никита наелся так, что инда пить ему захотелось. Вот он выбежал в присенок, ударил бабкой оземь и сказал: «Бабка, бабка, чёрная лодыжка! служила ты басурманскому колдуну Челубею Змеулановичу ровно тридцать три года, теперь послужи мне, доброму молодцу: дай мне браги ушат, чтобы стало со днём на неделю, пусти в него красный ковш и поставь здесь в уголку». Махом проявился в углу ушат браги, полнёхонек и с краями ровнёхонек, а посередине плавал гоголем красный ковшик. Опять Никита сказал своей матушке, что это купцы дали ему за добрую сторожу, и Улита Минеевна так обрадовалась, что всех купцов чухломских чуть заживо в угодники не причла. «А куда же ты, моё дитятко, девал свои новые рукавицы да гривну денег? - спросила она

у Никиты. - Аль потерял да потратил?» - «Нет, государыня матушка, не потерял, не потратил, а в тёплое местечко попрятал». Тут он опять выскочил в присенок и хватил бабкой оземь: «Чтобы, дескать, уродились мне рукавицы новые строчёные да денег семь алтын с деньгой». Всё это поспело как за ухом почесать. Рукавицы новые строчёные, на них каймы золотые тиснёные, сами наделись на руки, а семь алтын с деньгой, в цветной калите шёлку шемаханского, висели у Вдовинича за поясом. Опять матушка его, вдова горемычная Улита Минеевна, диву дивовалась и дарами любовалась, да молила бога за своего сынка ненаглядного, который сам теперь стал ей кормильцем.

На другой день Улита Минеевна пошла звать старушонок-соседок да кумушек-голубушек попировать даровыми пирогом да брагой; а они, дело домышлённое, лакомы на то, что не на свой грош куплено: пили, ели, чуть не лопнули, а всё ещё пирога да браги осталось на неделю.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наш Никита Вдовинич, чёрной бабкой оземь постукивая да того-другого, прочего попрашивая, как сыр в масле катался и рос не по дням, по часам. Прошло семь лет с походом, и он стал таким молодцом взрачным да ражим, что все на него заглядывались: лицо кругло и полно, что светел месяц, бело и румяно, что твоё наливное яблочко; а сила у него проявилась такая, что с одного щелчка между рог быка убивал. Двор у него был как город, изба как терем, и в ней



всякой рухляди да богачества, что и в три года не счесть. Матушка его Улита Минеевна в одну ночь охнула, воздохнула, да и ножки протянула, обкушавшись на именинах своего детища возлюбленного яств сахарных да опившись мёду сладкого. И стал наш Никита Вдовинич сам себе старшим, сам себе хозяином, и вошёл он в честь и славу великую, в те поры как Пошехонье поднялось войною на Чухлому. А той войне была такова вина: чухломский богатырь Куроцап Калинич напоил на молодецком разгулье пошехонского богатыря Анику Шибайловича сонным зельем да обрил ему половину головы, половину бороды и вытравил его заповедные луга своими конями богатырскими; вот и взорвало это пошехонцев, и вздумали они отсмеять насмешку чухломцам. Зашумела рать-сила несметная, началась битва кочерёжная, поднялась стрельба веретённая, наступили на твердыни крепкие, на жернова мукомольные. И взмолились чухломцы всею громадой Никите Вдовиничу, чтобы вступился за своих земляков-однокашников. Никита Вдовинич всё дело разом порешил: как выехал он на борзом коне в полстяном колпаке да крикнул-гаркнул молодецким голосом, богатырским покриком на сильных могучих пошехонских витязей, Анику Шибайловича да Шелапая Селифонтьевича: «Что вы, мелкие сошки, сюда носы показали? много ли вас и на одну руку мне? Куда вы годитесь? вас бы только спаровать да чёрту подаровать!» Аника Шибайлович да Шелапай Селифонтьевич прогневались на та-

кие речи обидные и бросились с двух сторон на Никиту Вдовинича; только он был не промах: одного взял за ус, другого за бороду и подбросил их выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. Тут пошехонцы оробели, дрогнули, побежали и давай прятаться: кто в гору, кто в нору, а иные, поджав хвосты, в часты кусты.

В те поры жила-была в Чухломе дочь купецкая Макрида Макарьевна, красота ненаглядная; жила она в неге и в холе, в девичьем раздолье, пока батюшка её не проторговался дочиста. Добрые молодцы по дням не едали и по ночам не сыпали, заглядевшись на её очи соколиныя, на её уста кармазинныя; красные девицы завидовали её русой косе, девичьей красе да её парчовым шубейкам и золотым повязкам; а старые старухи поговаривали, что она спесива, причудлива и своеобычлива, - в пологу спать не ляжет, в терему шить не сядет: в пологу-де спать душно, в терему шить скучно. Полюбилась нашему Никите Вдовиничу дочь купецкая Макрида Макарьевна, красота ненаглядная, заслал он свах к её батюшке, и те свахи наговаривали столько добра о Никите Вдовиниче, а пуще о его житье-бытье и богачестве, что отец и мать Макриды Макарьевны, да и сама невеста, рады-радёшеньки были такому жениху. Никите Вдовиничу не пиво варить, не меды сластить; всё мигом уродилось; так весёлым пирком да и за свадебку. Вдовинич задал пир на весь мир; а после стал жить да поживать со своею молодой женой Макридою Макарьевной, красотой ненаглядною.

Скорая женитьба - видимый рок: наш Никита Вдовинич женился как на льду обломился. Солона пришлась ему жена, красавица ненаглядная; ни днём ни ночью покоя не знай, всё ей угождай. Уж ей ли не было неги и во всём потехи! да правда, что прихотливой и сварливой бабе сам чёрт не брат. Никита Вдовинич, сказать не солгать, из рук не выпускал чёрной бабки; извёлся совсем, швыряя её оземь на женины прихоти. Всё было не по Макриде Макарьевне: то дом тесен - ставь хоромы; то углы не красны - завесь их коврами узорчатыми; то посуда не люба - подавай золотую да серебряную; то наряды не к лицу - подавай парчи золотые да камки дорогие. А даровал им бог детище желанное, сынка Иванушку, - так чтобы колыбель была диковинная, столбы точёные, на них маковки позолочёные. Ну не то, так другое; а бедному Вдовиничу не было ни льготы, ни покоя.

Так бился он с годом трижды три года; не раз заносил он чёрную бабку, чтобы стукнуть оземь да и сказать: «Бабка, бабка, чёрная лодыжка! унеси ты мою жёнушку в тартарары, во тьму кромешную, чертям на беду, сатане на мученье», да всякий раз у него руки опускались и язык прилипал: жаль ему было жены, красавицы ненаглядной, хотя она и мучила его с утра до вечера; а пуще жаль ему было детища желанного, сынка Иванушки, чтоб он в сиротстве не натерпелся горя. Правду молвить, и сынок Иванушка пошёл по батюшке да по дедушке: на дело не горазд, а всё бы ему гули да гули, всё бы ему рыскать по

улице да играть в бабки с соседними ребятишками.

Вот под конец Никита Вдовинич совсем из сил выбился от причуд и свар жениных. Вышел он на широкий двор, ударил бабкой о сыру землю и приговаривал: «Бабка, бабка, чёрная лодыжка! служила ты басурманскому колдуну Челубею Змеулановичу ровно тридцать три года; теперь послужи мне, доброму молодцу: чтоб у жены моей были полны ларцы золота и полны лари серебра; пусть её тратит на что пожелает, только моего века не заедает. А мне чтоб было ровно на семь лет зелена вина да мёду пьяного, запивать моё горе тяжкое!» Сказано и сделано. Макрида Макарьевна почала без счёту сыпать серебро и золото на свои затеи женские; а Никита Вдовинич с утра до вечера у себя в светлице посиживал, да хмельное потягивал, и втянулся так, что у него лицо раздулось, как волынка, глаза стали красны, как у вора, и от него несло сивухой, как из винной бочки. Ведомо и знаемо, что русский человек напивается от двух причин: на радости да с горя; а есть у нас добрые люди, у которых что день - то радость, что день - то горе, либо день при дне радость и горе с перемежкою. У Никиты же Вдовинича было всё горе, да горе, да при горе горе. Ни о чём он не хлопотал, не заботился, на всё смотрел спустя рукава. И то сказать, у горького пьяницы одна заботушка: напиться да выспаться, а после опохмелиться, чтобы снова напиться.

Жёнушка его ненаглядная, Макрида Ма-

карьевна, тою порою творила свою волю и не думала о своём сожителе, а так про себя смекала: «Пусть его с пьянства околеет; мне же руки развяжет». Детищу его желанному, сынку Иванушке, исполнилось двенадцать годков и пошёл тринадцатый; он по-прежнему не знал себе иного дела, кроме того, чтобы воробьёв поддирать да в бабки играть. И нашёл он однажды в батюшкиной светлице под лавкой чёрную бабку, которую Никита Вдовинич спьяна обронил, да и не спохватился: ведь пьяный свечи не поставит, а разве дюжину повалит. Иванушка рад был своей находке, побежал играть с соседними ребятишками и всё, что на кону ни стояло, как рукой подгребал.

Спустя малое время проявился в Чухломе чёрненький мальчик. Он был чёрен, как жук, лукав, как паук, а сказывался Чётом-Нечётом, бобылём безродным. Такого доки в бабки играть ещё и не видывали: всех ребят дочиста обобрал. Вот и взяла Иванушку зависть: «Что-де за выскочка, что всех обыгрывает? Посмотрю, как-то он потянется против моей чёрной бабки!» И схватились они играть вдвоём, рука на руку. Чёрненький мальчик, Чёт-Нечёт, бобыль безродный, сперва проиграл Иванушке кона два-три; а после вынул красную бабку с золотой насечкой, так хорошо изукрашену, что, как свет стоит, такой бабки ещё и во сне не видывали и слыхом о ней не слыхивали. Красная бабка как стекло лоснится, ярким цветом в глаза мечется, золотою насечкой как жар горит и всякого на

себя поглядеть манит; а чёрненький мальчик, Чёт-Нечёт, бобыль безродный, Иванушку ею призаривает и такие речи заговаривает: «Ну-ка ты, Иванушка, буйная головушка, синяя шапка! посмотри, какова моя красная бабка? уж не твоей чёрной чета! Выиграй-ка её у меня, так будешь молодец и на всё удалец; а не выиграешь - будешь мёрзлый баран, обгорелый чурбан. Лих тебе не видать её, как ушей своих!» Иванушка озлился, чуть бобылю в чёрные кудри не вцепился и так на него забранился: «Ах ты, смоляная рожа, цыганское отродье, материн сын, отцов пасынок! Тебе ль со мной тягаться? я так тебя облуплю, что станут и куры смеяться». - «Ну, что будет, то будет, - молвил вполсмеха чёрненький мальчик, - ставь чёрную бабку, а я поставлю свою красную, да и померяемся, кому первому бить». - «Изволь, коли тебе не жаль своей красной бабки!» - отвечал Иванушка. Только он не в пору расхвастался. Поставили бабки, чёрную да красную, стали мериться на палочке - верх остался за чёрненьким мальчиком. Чёт-Нечёт, бобыль безродный, приладился, хвать - и снёс обе бабки. «Моя!» - крикнул он таким голосом, что в ушах задребезжало, кинулся вперёд, схватил чёрную - и мигом не стало ни его, ни чёрной, ни красной бабки. Иванушка с горя побрёл домой; смотрит: отцовских хором как не бывало, а наместо их стоит лачужка, чуть углы держатся, и от ветра пошатывается. Матушка его Макрида Макарьевна сидит да плачет, голосом воет, жалобно причитает, уж не в

золотой парче, не в дорогой камке, а просто-запросто в крестьянском сарафане; батюшка лежит пьяный под лавкою в смуром кафтане. Оглянулся Иванушка на себя - и на нём лохмотье да лапти! Не знал он, не ведал, отчего такая злая доля приключилась? а вся беда неминучая приключилась оттого, что он проиграл заветную чёрную бабку, а выиграл её чертёнок, который подослан был старшими чертями да проклятыми колдунами и сказывался Чётом-Нечётом, бобылём безродным. Так-то от лукавого сатаны, да от сумбурщицы жены, да от сынка-дурака, да от своего хмеля беспутного, беспросыпного Никита Вдовинич потерял всё: и счастье, и богатство, и людской почёт, да и сам кончил свой живот, ни дать ни взять, как его батюшка, в кабаке под лавкой. Макрида Макарьевна чуть сама на себя руки не наложила и с горя да с бедности исчахла да изныла; а сынок их Иванушка пошёл по миру с котомкой за то, что в пору да вовремя не набрался ума-разума.

Вот вам сказка долгенька, а к ней присловье коротенько: избави боже от злой жены, нерассудливой и причудливой, от пьянства и буянства, от глупых детей и от демонских сетей. Всяк эту сказку читай, смекай да себе на ус мотай.

КУПАЛОВ ВЕЧЕР

Из малороссийских былей и небылиц



Витязь廿Кончислав ехал ночью по берегу Днепра, возвращаясь из дальних похождений в стольный град Киев, ко двору ясного солнышка, ласкового князя Владимира.

Светлый месяц катился по тёмно-синему небу и отсвечивал бледно-жёлтые лучи свои на богатырских доспехах Кончиславовых. Витязь думал крепкую думу. Когда он оставил стольный град и двор Владимира ясного солнышка, тогда люди киевские веровали Перуну, Купалу, Велесу и Золотой бабе; теперь, ещё на чужбине, перепала к богатырю весточка, что кумиры славянские разбиты и потоплены, а в Киеве красуются храмы Бога Живого и сияют кресты на золотых маковках. Грешное сомнение и презорливая гордость закрались в душу витязя. Он думал: «Когда Князь и все люди Киевские изменили старым богам своим, то Кончислав один останется им верен».

Светлый месяц катился по тёмно-синему небу, и бледно-жёлтые лучи его скользили по

белым полотняным ставкам, раскинутым в одной весёлой долине, куда лежал путь Кончиславов. Шум, песни, звон гуслей и соловьиные посвисты свирелей далеко разносились по долине. Витязь толкнул бодцем своего верного коня и пустился к ликующим. Белые тени мелькали перед ним на поляне, в стороне от ставок, перед ярко горящими огнями. Витязь подъезжает туда - и целая вереница красных девушек подбегает к нему, схватясь рука за руку. Девушки, одна другой краше, одна другой милее, окружают витязя и умильно зовут его сойти с борзого коня и веселиться с ними. Из хоровода выскочила девушка самая пригожая, самая резвая, самая приветливая, подлетела птичкой к витязю, схватила его за руку и молвила:

- Сегодня Купалов вечер, храбрый, могучий богатырь! Мы все держимся старой веры и ушли сюда из стольного Киева, чтобы здесь на приволье скакать через зажжённые костры и плясками праздновать нашего бога. Знаем, витязь Кончислав, что и ты из наших: кроме тебя, все витязи отступились от веры отцовской. Сойди с коня и пируй с нами!

Витязь проворно соскочил с коня, которого с весёлым криком и визгом увели другие девушки. Кончислав остался глаз на глаз с приветливою незнакомкой; соколиный взор витязя загорелся огнём желания; высокая грудь его волновалась и силилась вырваться из берегов своих. Идучи рука об руку с красавицей и склонясь на белое плечо её, он спросил умильным голосом:

- Как тебя зовут, красная девица?

- Меня зовут Усладой, - отвечала она с таким взглядом и усмешкой, что у витязя огонь пробежал по всем жилам и кровь пронзительным пламенем прихлынула к сердцу.

Девушки не возвращались. Кончислав и Услада прыгали только вдвоём через огонь перед истуканом Купаловым. Игривость и одушевлённый смех милой девушки совершенно очаровали витязя. И вдруг красавица, схватя его за руку и взглянув ему в лицо с страстною, щиплющею за сердце улыбкой, указала на одну ставку и быстро туда побежала, легка и стройна, как серна. Витязь побежал за нею, догнал её у самого входа ставки, обвил рукою гибкий стан девушки, и вместе, сплетясь в нежных объятиях, ускользнули они под белый, волнистый кров шатра.

- Что так холодны твои поцелуи, милая красавица? - молвил Кончислав, опомнившись от первого упоения. - Они словно льдом осыпают моё сердце.

Услада только смеялась в ответ и ласково щекотала витязя.

- Здесь сыро и холодно, - сказал он снова, - меня смертная дрожь пронимает до самых костей.

Услада всё громче и громче смеялась, сильнее и сильнее щекотала витязя.

- Нет, это нестерпимо! - вскричал Кончислав, усиливаясь вырваться из объятий красавицы. - И в самый день Коляды я никогда не терпел такого мучительного озноба!

В это мгновение что-то зашумело и заволновалось вокруг ставки. Витязь поднял глаза вверх... Седые, пенные волны бурно клубились над ним. Не было уже ставки: только белая пена завивалась кудрями на том месте, где прежде трепетали от ночного ветерка полотняные пологa её... Витязь взглянул на Усладу... перед ним сидела, ему коварно усмехалась злобная Русалка, которой зелёные, длинные волосы мшистым шёлком упадали на бледные, обнажённые плеча и на грудь, холодную, как вечные льды Кавказа. И вмиг она снова залилась громким, исступлённым смехом; и вмиг волны набежали ещё яростнее прежнего, налегали на Кончислава, теснили его дыхание, всё ближе и ближе, пока наконец совсем поглотили витязя, отвергавшего в душе своей приветные призывы Благочестия.

БРОДЯЩИЙ ОГОНЬ

Из малороссийских былей и небылиц



Скачет, летит богатырь к Киеву. На богатыре доспехи воронёные, и булатный меч его, висящий на серебряной цепи, тяжело бьёт по рёбрам коня борзого, богатырева товарища верного. Не с пышного пира княжеского возвращается витязь: возвращается он с пира кровавого, где острый меч его начертал глубокими браздами на телах касожских имя Велесилово.

Скачет, летит богатырь к Киеву. Там ждёт его невеста верная, Милава прекрасная. Давно уже витязь и дева юная обменялись кольцами; и только война суровая разлучила на время два сердца, тлевшие пламенем чистым, предпразднеством пламенников брачных.

Но что за синий, перелётный огонёк мелькает в туманной мгле зыблющимся светом? Витязь ограждает себя крестным знамением, думая, что то был дух, искуситель путников; но огонёк не исчезает и дале, дале переносится с приближением Велесила.

«Если ты дух, то исчезни; если чародей, то

яви свою враждебную силу в борьбе со мною!» - воскликнул витязь и бодро пустился вслед за обманчивым сиянием. Борзый конь, храпя, перескакивает чрез ограду, и витязь мчится по могилам, и синий огонёк перелетает с одной на другую, беспрестанно уносясь от витязя.

Печально было место, где скакал тогда богатырь: то было селение усопших - кладбище мирное. Вот синий огонёк на одной могиле затеплился постоянным светом. Витязь туда... то была свежая могила: примятый дёрн ещё не успел подняться на ней ковром бархатным. И вдруг синий огонёк исчез - и густой мрак охватил окрестность.

Конь богатыря храпел и, приклонив голову, бил копытом землю. Вещая тоска впилась в ретивое сердце; витязь молвил: «Не добро ты чуешь, борзый конь, верный мой товарищ! не к радости ты занываешь, бедное сердце! Видно, здесь положен предел пути моему; видно, здесь похоронены все мои радости».

И, сошед с коня, витязь припал ко кресту могильному, как будто в нём только видел всё родное в жизни. Конь стоял по-прежнему с поникшей головою и бил копытами землю. Долго грустные думы сменялись в душе Велесила; наконец лёгкий сон спорхнул на его вежди.

И видит он: из райских сеней, из садов вечнозелёных выглядывает лик Милавы, сияющий зарёю бессмертия. Милава приветливою, неземной улыбкой манит к себе жениха... И вдруг ужасный гром, разразившись в воздухе, упал



огненной струёю и прервал видение... Конь взвился на дыбы; но витязь сидел недвижен.

Тихое утро ясно горело после бурной ночи. Люди пришли на кладбище отдать последний долг одному усопшему собрату. Они нашли Велесила мёртвого на могиле прекрасной Милавы.

НЕДОБРЫЙ ГЛАЗ

Малороссийское предание



I

Ой, хорошие дочки у казака Никиты, да и казак Никита человек нескудный: на четырнадцати парах волов чумаков отправляет то на Дон по рыбу, то в Крым за солью; а все волы большие, круторогие, широкочёлые, с оттянутыми пахами, с седловатым хребтом, с навислою, волосастою грудовиною. А на выгоне у казака Никиты пасётся косяк коней что ни самых лихих, что ни самых борзых. А дома у казака Никиты добра столько, что не переписать в неделю и бойкому скорописцу. Ещё же говорят люди, что у казака Никиты есть заветная скрынька с дукатами, да серебра столько, что четвериком не загребёшь.

II

Ой, хорошие дочки у казака Никиты; и Галя чернобровая, и Докийка румяная, и Наталка белолицая. Отец и мать научили их страху Божию. Любо смотреть, как они в летние праздники и дни воскресные идут к обедне чинно и смиренно,

в белых тонких кунтошах с строчёнными усами, в сафьянных чоботах с подковками, в разноцветных скиндячках, размётанных по плечам, и с цветами махрового маку, чернобривцами и барвенками в волосах. Все парубки тогда на них заглядываются и твердят, почёсывая за ухом: «Ой, тяжко хорошие дочки, и вельми богатый батько!»

III

Сидит казак Никита на прилавке за воротами, курит роменский табак из кореньковой трубки в медной оправе и посматривает на свет Божий. Вот видит он: за селом по дороге пыль вьётся клубом, скачет ездок, сломя голову; вот внёсся в село, ближе и ближе; под ним конь, как зверь, чёрен как вороново крыло, из ноздрей дым валит как из винокурни, вот поравнялся ездок с казаком Никитой, натянул повода - и конь упёрся ногами в землю, согнул шею кольцом, уключил голову, заржал и засверкал беглыми своими глазами так, что казаку Никите почудилось, будто искры полетели во все стороны.

IV

«Здорово, добрый человек!» - сказал проезжий. «Бог помочь! - отвечал казак Никита, вынув трубку изо рта и приподняв шапку. - Куда Бог несёт?» Казаку Никите показалось, что прохожий дважды моргнул усами, а конь его дважды фыркнул. «Еду далёко, далёко: отсюда глазом не смеряешь и не одни постолы изобьёшь, пока пешком дойдёшь. Да не в том дело, а вот в чём: где бы мне ночлег найти?» - «Милости просим!



рады добрым людям. Бог про всякого посылает человеку хлеб насущный».

Проезжий молча сошёл с коня, повёл его за повод, привязал к столбу под навесом и вошёл в хату с казаком Никитой.

V

Не пригож был этот проезжий: лицо бледное, ни кровинки, нос толстый, луковицей, губы втянуты; по обе стороны лица торчали клоками скомшеные рыжие усы; такие ж рыжие брови густо нависли вниз как щетина, заслоняли глаза так, что их вовсе не было видно; красно-рыжий оселедец, как полоса запёкшейся крови, пролегал по виску и вился за ухом. Ещё скажу: не пригож был проезжий! Он с виду был не стар и не молод; какая-то кислая ужимка вместо усмешки и глухой голос, вырывавшийся из гортани, как из могилы, не сулили в нём ничего доброго. На нём был жупан тонкого сукна; за персидским кушаком заткнут был турецкий нож с серебряною рукояткой, на которой как жар горели дорогие каменья. Не помолясь Богу, как водится у православных, и чуть головой кивнув хозяйке и дочкам, сел он без чинов за стол и заломался, словно в шинке.

VI

«Как вижу, вы из запорожцев, добродию?» - спросил его казак Никита. «Может статься», - был ему ответ. «И давно уже гарцуете с молодцами?» - «Да не со вчерашнего дня». - «А как вас величать?» - «Лавро Хоробит». - «Что подумаешь: куда вы много положили бусурманских

голов на своём веку?» - «Было всяких; пусть их лежат». «А далёко вы часом хаживали на войну?» - «Да; из вашего села галки туда не залетали». – «И много, чай, трудов понесли?» - «На доброй паре волов всех не свезёшь». - «Что-то, как порасскажут бывалые чумаки, за приволье в бусурманских землях! что за места богатые! чего там не родится!» - «Везде хорошо, где нас нет». - «А какое злое племя турки да татаре!» - «Есть и христиане не лучше их». Казак Никита смекнул, что гость не поддаётся на расспросы и что от него путного слова не добьёшься; он взглянул исподлобья на проезжего и замолчал.

VII

За ужином проезжий гость зарился сквозь навислые свои брови на пригожих дочек казака Никиты, как щука зарится сквозь тростник на маленьких резвых рыбок; но красавицы не слышали от него ни одного привета, ни одного слова. Угрюмо сидел он и только пыхтя потягивал запеканку и терновку казака Никиты. Когда же взглядывал порою на которую-нибудь из девушек, та невольно опускала глаза вниз, не от стыда, а от страха: красавиц пугали эти взгляды невидимого глаза, чуть-чуть светившегося из-за густых рыжих бровей. Гость встал из-за стола, как и сел за него: не молясь Богу, не сказав доброго слова хозяевам. Что за человек был он? Все думали, гадали, и никто не мог дознаться.

VIII

Всю ночь выла под окном собака, и душно и жутко было красавицам. Они не могли спать, по-

минутно ворочались в постеле, и если на миг забывались, то страшные грёзы тотчас перерывали их сон. То слышалось им похоронное пение и звон по покойнике; то незнакомый гость смотрел на них такими глазами, что холод сжимал им грудь, захватывал дыхание и оковывал льдом все их составы. Красавицы метались, стенали сквозь крепкий сон, пробуждались в страхе и поутру встали с тяжёлыми головами и смущённым духом.

IX

«Слушай, казак Никита, - сказал Хоробит своему хозяину поутру за снеданьем, - отдай за меня свою дочку Галю чернобровую». - «Моя дочка Галя уже просватана: жених из хорошего рода и человек достаточный; а кто без причины жениху от заручёной невесты откажет, того Бог накажет». - «Так отдай за меня Докийку румяную». - «У моей дочки Докийки тоже есть женихи на славу. Бог поможет, одну под венец отпустим, а за другую ручники подадим». - «Ну, хоть Наталку белолицую». - «Моя дочка Наталка дитя молодое, ничего ещё не знает. Где ж её отдать в такую дальнюю сторону?» - «Отказал ты мне, казак Никита, накормил ты меня печёным гарбузом; смотри же, чтобы после не каялся». - «Что будет, то будет; а будет то, что Бог велит!» - отвечал казак Никита.

X

Ни слова не сказал больше Лавро Хоробит и пошёл седлать своего вороного, который ржал, и сарпал, и бил копытами землю. Тогда вошли в

хату три дочки казака Никиты. Они вышли из своей светлицы, думая, что проезжий гость уже ускакал и больше не воротится. А вот и он, как с дуба сорвался, идёт гордо и осанливо, побрякивая серебром и золотом. «Вот тебе, хозяин, за ночлег и за ласку, - молвил он, опустя руку в кишеню и вынув полную горсть серебряных денег». - «У нас не постоялый двор и не шинок, - отвечал казак Никита с досадой, - проезжих угощаем чем Бог послал, а денег за хлеб-соль ни с кого не берём». - «Так позволь же мне подарить твоих дочек на память!» - сказал Хоробит и, запустя снова руку в кишеню, вытащил горсть золотых вещиц. У девушек глаза разбежались на перстни, на серьги, на дорогие monисты и запонки. Каких тут не было и видом, и цветом, и ценою! Одни как жар горели, другие светились, как ночью глаза у кошки, на иных сверкали радуги, ярче той, что спускается с неба на землю и пьёт воду из ручьёв и колодязей. Девушки то любовались дорогими вещицами, то переглядывались друг с другом, то искоса посматривали на отца: куда девался и страх от проезжего! «Берите, коли добрый человек даёт на память, - сказал им отец, - это дар, а не плата».

XI

«Начинай ты, Галя чернобровая! - сказал Лавро Хоробит, - подойди и выбери, что тебе приглянётся». Галя подошла, протянула руку к столу, глянула на Хоробита - и, вскрикнув, отскочила прочь, словно на змею наступила. «Экая стыдливая! - молвил смеясь проезжий, - ну, быть

так; коли ты не хочешь, пусть выбирает себе Докийка румяная». Докийка подступила поближе, посмотрела на подарки и на гостя - и также вскрикнула, и также отскочила не вспомнясь. «Вот так! куда одна, туда и другая, - сказал Хоробит с тем же смехом. - Твоя очередь, Наталка белолицая!» И Наталка робко подвинулась вперёд, невольно посмотрела на проезжего - вскрикнула и чуть не упала. Ей показалось, что рыжие брови Хоробита дыбом поднялись вверх, как иглы на еже, а из бледно-серых глаз его струёю полились на неё две тонкие нити света, острого, жгущего, мертвящего. От него и дрожь пробегала по телу, и страх заронялся в душу, и тоска впивалась в сердце. Таков-то недобрый глаз: на зелёный лес взглянет - и зелёный лес вянет!

XII

«Ну, спасибо за вашу хлеб-соль: буду её помнить, да и вы меня не забудете, хоть дочки ваши поспесивились и не взяли моих подарков», - сказал Хоробит, поглядев на девушек таким взглядом, каким демон смотрит на душу человеческую. А они, бедненькие, стояли, сложа руки крестом, и дрожали всем телом. «Прощайте, - молвил он, - не поминайте лихом!» - и засмеялся так, что у всех на душе похолодело. Тут разом за дверь скок на своего коня - и след простыл.

XIII

«Неня! мне тяжко, мне нудно!» - говорила Галя чернобровая. «Неня! меня мороз подирает по коже; руки и ноги - всё как во льду, а внутри

горит», - говорила Докийка румяная: ах! она уж была бледнее полотна. «Неня! у меня голова трещит от боли, и свет идёт кругом, и всё в глазах темнее да темнее», - говорила Наталка белолицая. «Спаси, спаси нас, неня! - твердили все трое, - спаси нас от лихого человека! Призови знахаря: пусть отворожит силу недоброго глаза!» Напрасно! ни знахарь, никто не помог: чем дальше скакал Хоробит, тем тяжелее становилось красавицам. С закатом солнца закатился и у них свет в ясных очах... Ночью набожные старушки собрались сидеть при восковых свечах у широкого стола, на котором лежали под белою пеленою три покойницы. Дьячок заунывно читал над ними псалтырь. Отец и мать сами чуть дышали с тоски и горести.

XIV

Стоит среди кладбища за селом большая часовны; на часовне три креста; под часовней высокая и широкая могила. В этой могиле похоронены три дочки казака Никиты. Люди добрые, идучи мимо, крестятся и молятся: «Пошли, Господи, вечный покой и вечную память покойницам». После каждой волей и неволей приговаривает: «И пусть не будет добра ни на сём свете, ни в будущем злому человеку, который змеиным своим глазом иссушил и извёл три прекрасные цветка свежие и пышные!»

П.В.ЗАСОДИМСКИЙ

РАЗРЫВ-ТРАВА



За синими морями, за высокими горами, за лесами дремучими, за песками сыпучими, в чужедальной земле, жил-был один почтенный старик. Перед смертью он созвал к себе всех нищих той страны...

- Нищая братия! - шамкал старик своими беззубыми челюстями. - Знаю я, что у вас ничего нет... Но у вас могло бы быть много...

Старик закашлялся и стал задыхаться. А нищие-оборванцы, обступив его кругом и затаив дыхание, жадно прислушивались к каждому его слову.

- Вот вам моё завещание! - слабым голосом продолжал старик. - Выберите вы из своей голи человека самого крепкого, сильного да смелого... Много испытаний будет ему... и пошлите вы этого сильного да смелого на край света белого, в тот лес непроходимый, где за каждым деревом в потёмках лешие с ведьмами в прятки играют.

Старик опять закашлялся и бормотал всё несвязнее и несвязнее. Нищие ближе к нему понадвинулись.

- Середи леса стоит избушка с красным

оконцем, - чуть слышно говорил умирающий, - а на крыше - на коньке - сидит дряхлый, седой ворон и каркает прямо на восток день и ночь. В этой самой избушке живёт старушка; ей ровно триста лет и три года. Она-то и знает про ваше богатство. От неё вы узнаете: что у вас могло бы быть, если бы...

Тут старик захрипел и умер.

В раздумье разбрелась голь перекатная по своим трущобам и норам.

«Что бы такое значило «если бы»? - рассуждали нищие. - Ну, задал старик загадку! Ведь угораздило же его умереть на этом самом слове... Может быть, сбрехнул старый? Последнее-то время, говорят, его из ума вышибало... А может быть, в самом деле слыхал что-нибудь? Кто ж его знает!..»

- Ну, так и быть! - решила нищая братия. - Выберем самого сильного, крепкого да смелого и пошлём его в дремучий лес, на край света белого!.. Пускай ту старуху поищет!

Все единогласно выбрали Трусивого.

Храбрости Трусивого никто не пытал, а сила у него была страшная, про то ведали: двадцать человек не подступай - раскатает! И нравом был крепок, жизнь вёл самую умеренную. И смирён - даром, что этакая сила сидела в нём: мухи, бывало, не обидит... Трусивый не ослушался мирского приговора, взял в руки по палице - в 50 пудов каждая - и пошёл. Идёт.

Народ-то смотрит на него да сторонится - диву даётся.

А Трусивый только ухмылялся: «Вот, дескать, каков я!..»

Шёл-шёл Трусивый. Сапоги износил он, на дороге бросил; палицы поистёрлись - у каждой по 10 пудов весу сбавилось. Наконец, приходит он на край света белого, к лесу дремучему. Лес тёмный-тёмный, ни зги в нём не видно, и конца ему, кажется, нет. Вступил Трусивый в лесной сумрак, в тишь лесную, смутился духом и вздрогнул, как осиновый лист. Тут разом припомнились ему все ужасные поверья и бывальщины. Из-за каждого дерева, казалось ему, чей-то хвост торчит, чьи-то уши из-за листьев мелькают. Ему уж послышалось вдали и дикое ржание, и визг, и хохот. Ему уже чудилось, что лесная сила на него наступает, и за пнями, за кустами мерещились ему всякие безобразные чудовища... Храбрым Трусивый никогда отроду не был, а теперь в лесу и подавно напала на него трусость великая.

Немного шагов сделал он и скоро во мраке разглядел в стороне избушку. Подошёл он к этой маленькой избушке и тихонько постучал в оконце.

- Эй, отзовись, коли есть живая душа! - взмолился он и задрожал пуще прежнего, заслышав звуки своей речи: ему почудилось, что в лесу как будто кто-то его передразнивает, смеётся.

У Трусивого со страху зубы застучали... Трепетно прилип он к маленькому оконцу и отшатнулся. В тот же миг оконце отодвинулось, из него показалась взъерошенная старушечья го-



лова с грязной тряпицей вместо платка на седых всклокоченных волосах.

- Для чего ты, добрый молодец, покой мой смущаешь? - сердито спросила старуха, протирая свои заспанные глаза.

- Скажи мне, родная, - обратился к ней странник, - как мне пройти в самую середину леса к той баушке, что живёт на свете ровно триста лет и три года?

Старуха как бы в недоумении широко раскрыла глаза.

- Гм! - промычала она. - Трудное дело ты задумал. Длинна дорожка до той избушки... Придётся тебе идти до неё лет тридцать, а может, и побольше... Да смотри, не пугайся!.. (Тут старуха улыбнулась, оскалив остатки своих почерневших зубов.) Станет нападать на тебя наша сила лесная - крепись! Ежели не испугаешься, то долго ли, коротко ли, добредёшь, куда тебе надо. А если побежишь - пропала твоя головушка! Не найти тебе дороженьки ни вперёд, ни назад, так и станешь блуждать по лесу веки вечные. Сгинешь!.. Ну, вот иди по этой тропинке да помни: не сворачивай с неё!..

Старуха, зевая, указала ему костлявой рукой на тропинку, заросшую травою, и захлопнула окно. У Трусивого зуб с зубом не сходится, по телу мурашки побежали, и волосы вставали дыбом. Посмотрел Трусивый за тёмные, вековые сосны и ели; их толстые, мшистые ветви, как длинные и цепкие руки бесчисленных лесных духов, простирались над ним... Понурив голову,

пошёл Трусивый вперёд маленькими шагами - шагами воробьиными. «Не воротиться ли лучше подобру-поздорову, пока не поздно?» - раздумывал детинушка, не зная, что делать и с палицами и со всей своей силой богатырской. Что поделаешь с палицами противу силы нечистой! Мысль уйти из лесу подобру-поздорову шибко пришлась ему по сердцу; она-то и мешала ему подвигаться вперёд. Шагнёт Трусивый, да и остановится, озирается по сторонам, нюхает: чем пахнет, не смолой ли, не серным ли, едким дымом? И всё думает: не воротиться ли?.. Оглянулся, а избушки уж не видать за деревьями. Холодный пот крупными каплями выступил на лбу у Трусивого, и руки отяжелели, а ноги - словно свинцовые, и язык онемел, как сухая щепка лежит во рту, не шевелится. Страх обуял доброго молодца, но всё-таки он ещё шагнул раз.

И вдруг поднялся ветер, зашатались деревья, заскрипели, треск и вой пошёл по лесу. Помутилось в глазах у Трусивого, покатились палицы на землю, опустились рученьки могучие. «Конец пришёл!» - мелькнуло у него в голове.

Вот выскакивают на него из-за деревьев чудища косматые, безобразные, гадкие, машут своими тёмными крыльями, шипят, свистят, грозно сверкают на него огневыми очами. То весь лес с верхушек до корней ползучих красным полымем осветит, словно заревом, то вдруг тьма кромешная упадёт. А по лесу-то из конца в конец хохот, грохот раскатывается, гул гудит,

стон стоит... Тут почудилось Трусивому, что кто-то мохнатой лапой хватает его за ноги, за шею, тащит за волосы, за бороду дерёт, а отмахнуться - моченьки нет. Набралось много силы бесовской, а Трусивому с перепугу показалось её вдвое более. Лесная сила всё прибывала да прибывала; сползалась, слеталась она со всех сторон... Шатнулся Трусивый с тропинки и побежал от неё без оглядки, как заяц... Разом всё смолкло. Оглянулся Трусивый - нечисть исчезла, а всё было спокойно и тихо в глубине лесной. Стал он искать тропинки; нет тропинки, - и найти не мог. Так он с той поры и пропал без вести...

* * *

Напрасно ждала нищая братия своего могучего богатыря, не дождалась и решила, что, видно, с ним что-нибудь недоброе приключилось. Выбрали опять сильного, крепкого да смелого, разудалого, лихого молодца - Любивого. Даром, что молод был Любивый, но в силе его никто не сомневался - ни стар, ни млад; смелость свою он уже доказал не однажды на деле. Человек был жизни хорошей, примерной...

Взял он с собой одну дудочку и смело вошёл в лес. Тотчас же, за первыми деревьями, увидел он избушку и, не долго думая, постучал кулаком в окно.

- Кто тут есть? Отзовись-ка! - крикнул он без всякой опаски.

Отодвинулось оконце, выглянуло в него за-

спанное старушечье лицо и послышался брюзгливый, недовольный голос:

- Эк тебя развозило! Ополоумел, что ли!..

- Скажи-ка мне лучше, - перебил молодец, подбоченившись - как тут пройти в середину леса к баушке, что живёт на свете ровно триста лет и три года?

- Прыток ты, я вижу! Прыток... Да путь-то долог! Смотри, парень! - брюзжала старуха. - Не умаялись бы твои косточки, не изменила бы тебе твоя молодость. Укатали не одного такого бурку, как ты, крутые горки. Знай же: нападёт на тебя наша сила лесная, станет пугать тебя...

- Не боюсь я вашей силы лесной... Выходи! Ещё поборемся! - промолвил молодец.

- Эх ты, шустрый какой! - сказала старуха. - Ну, ладно! Не испугаешься ты наших образин лесных... Положим, так! Да человек-то ты молодой; не мечом, а тонким волосом, не с побоями, с лаской снимут с тебя голову. Не от тёмных страхов, не от зелья или какого-нибудь дурмана закружится твоя победная головушка; закружится она оттого, что жизни в тебе много, - вишь, как она в тебе кипит, по жилочкам ходит, переливается... По глазам твоим вижу, что ты ласков, много мягкости в тебе...

Правда, в Любивом жизни было много - кипела и била она, что твой горный ключ. Правда и то, что он был человек мягкий...

- Не страхом, так соблазном станет донимать тебя наша сила лесная! - шамкала старуха. - Боек ты, а она посильнее тебя... Помни же: не

сворачивай с тропинки! Свернёшь с неё - прощайся с крещёным миром. Пропадёшь! Не дойти тебе до баушки да не найти дороги и назад... Будешь ты блуждать веки вечные в нашем лесу неисходном.

- Не грози! Не испугался! - сказал Любивый, тряхнул своими русыми кудрями и смело пошёл вперёд, по указанию старухи.

А старуха ему вслед только молча улыбнулась, оскалив свои отвратительные зубы, потом окошечко захлопнула.

Едва Любивый сделал два-три шага в глубь дремучего бора, как вдруг со всех сторон поднялись на него нечистые силы - завыли, заголосили, завизжали, словно тысячи народа живьём жарились на сковороде. Страшилища машут своими тёмными крыльями, стонут, ревут, - треск и вой расходятся по заколдованным дебрям. Махнул Любивый своей дудочкой и пошёл вперёд. Мигом всё исчезло и по-прежнему тихо стало в лесу. Вокруг немного посветлело...

И видит Любивый: в стороне хатка стоит, а у той хатки, на крылечке, под навесом сидит молодица, такая нарядная да пригожая, что Любивый загляделся на неё. Шаль на молодице расписная, разноцветная; на ножках - сапожки красные сафьяновые; на руках жемчуг, жемчуг на шее, а в ушах драгоценные камни горят...

- Зайди, добрый молодец, ко мне на перепутье! - зазывает его молодица и ласково машет ему рукой. - Зайди! Отдохни немного...

- Не устал! - говорит Любивый.

Тут молодица выбегает к нему на дорогу, раскраснелась вся, как маков цвет, хватает его белой рученькой за рукав и молит:

- Пожалей меня! Ведь я измучилась по тебе... Ночью не спится мне, днём покоя нет... уж я давно ждала, насилу дождалась тебя, моя радость!.. Да ты хоть в хатку-то ко мне загляни! Посмотри, как в ней привольно. Не найти тебе уголка уютнее, хоть весь свет пройди... Не ходи! Останься! Я буду лелеять тебя, как дитя малое, буду веселить тебя в скучный час, стану петь тебе такие песни, что ты сам от них никуда не уйдёшь. Ты не увидишь, как в довольстве, в радости - с верною, покорною женой - твоя жизнь пройдёт и тихо закатится, как вечер красный...

Любивый рассказал, по какому делу он идёт.

- Сбрехнул старик, а вы и послушались... - возразила молодица. - Ах! тебе предстоит трудный путь, далёкий путь... Много опасностей на нём! Для чего гоняться за несчастьем, когда можно счастье взять? Останься!

- Братья меня послали! - твердил Любивый.

- Братья! - передразнила его молодица. - А братья не пожалеют тебя... Темны у твоих братьев головы... Измучишься ты понапрасну, пропадёшь где-нибудь на дороге, лютые звери тебя растерзают, вороньё выклюет очи твои светлые, умрёшь ты безо времени - без радости, а братья мигом забудут тебя, как будто ты и не жил на свете... Если же ты и не погибнешь, то всё-таки не найти тебе баушки; ничего ты не узнаешь о своём деле. С пустыми руками к своим братьям

воротишься!.. Они тебя же и обесславят, над тобою же и надругаются. Не стоит умирать за них! А здесь-то, смотри, какое приволье!..

Любивый вырвал у молодицы свой рукав и пошёл вперёд. Та повалилась ему в ноги.

- На кого же ты покидаешь меня! - слёзно взмолилась она, - сокол мой ясный! Останься! Постой!..

Но Любивый даже не оглянулся. Не хотел он изменять своей нищей братии.

Идёт он и видит: на берегу голубого озера, в мягкой густой траве, посреди цветов, под развесистыми деревьями лежит красавица, вся тёмными волосами, как шёлковой волной, позакрылась. Глаза светят из-под бархатных ресниц, как звёздочки ясные из-за чёрных облаков. Губки алые полураскрылись... Смотрит Любивый, дивуется. И во сне-то не приходилось ему видеть таких чудес...

- Иди ко мне! - зовёт его красавица. - День жарок, а здесь - прохлада и тень; трава здесь мягка, цветы душисты... Ты устал, а путь далёк, пустынен. Приляг, отдохни! Смотри: острые камни тебе все ноги изрезали, колючий кустарник все руки тебе исколол. Лицо твоё в крови... Это ветки в лесу так исхлестали тебя! Ты весь в пыли... Иди же сюда! Вот чистое озеро... Выкупайся! А потом отдохни...

И своим чудесным, чарующим голосом красавица тихо поёт:

Мы живём здесь без печали -
В тишине лесной...

Красавица, как будто в забытьи, то откидывает свои тёмные волосы, то снова бросает их на себя. Она манит, зовёт Любивого. Она издали обжигает его своими блестящими, огневыми очами и влечёт неотступно. Она говорит:

- Отдохнёшь, освежишься и с обновлёнными силами снова пустишься в путь - бодр и весел.Не помня себя, Любивый уже готов сделать шаг к красавице, но вовремя вспоминает он зловещие слова старухи, отворачивается и, махнув рукой, идёт вперёд.

Идёт он, идёт и вдруг видит: сидит под деревом, пригорюнившись, молодая девушка и такая грустная, такая печальная, что, кажется, зверь лютый пожалел бы её, самая кровожадная тигрица с материнской нежностью поласкала бы своею лапой её поникшую головку. Сидит девушка, опершись на колени руками, и тихо плачет... На ней чёрное траурное платье, застёгнутое наглухо, и никаких украшений. Только в виде украшения распустились по плечам её мягкие белокурые волосы... Любивый слышит, как девушка всхлипывает.

- О чём ты, девушка, плачешь? - спрашивает он её, а у самого сердце надрывается от жалости.

Она вздрагивает при звуке его голоса, как бы не заметив его прихода, и отнимает руки от своего разгоревшегося лица. Доверчиво смотрит она на Любивого своими голубыми глазами, полными слёз, - такими глазами, кажется, только ангелы смотрят на небесах.

- Как мне не плакать! - со вздохом говорит

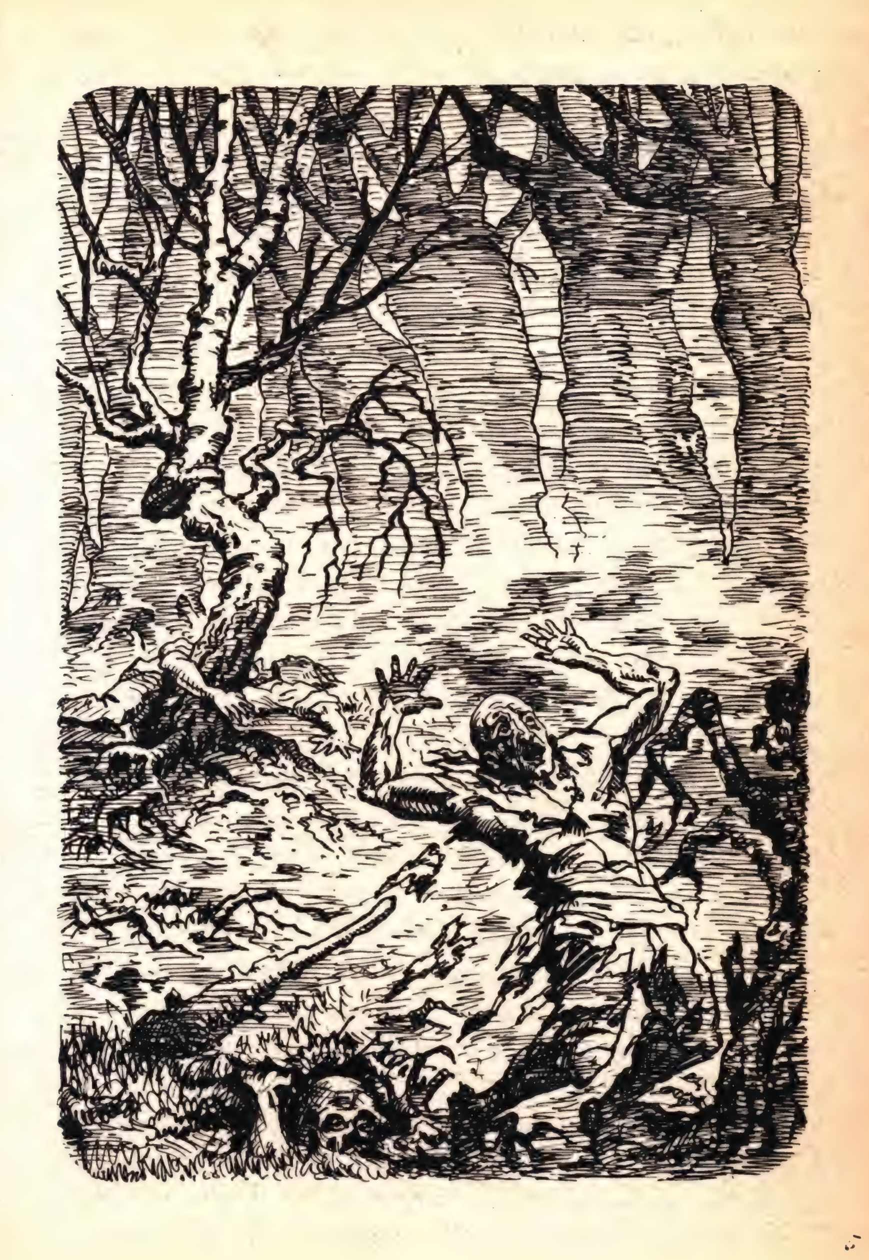
она. - Я - сирота. Нет у меня ни отца, ни матери и никого из родных на всём свете. Друга нет... Ох, тяжко-тяжко мне!.. Был у меня жених, вместе мы с ним росли, играли. Я думала: мы вместе и жизнь проживём. Как я его любила! Как любила! А он бросил меня, променял на богатство... Были у меня братья, пятеро таких же молодцов, как ты, - смелы были мои братья: оттого теперь их и нет со мной. Они поплыли в море спасать погибавших. Разразилась страшная буря... Они не спасли погибавших, да и сами теперь лежат на дне морском. Вот я и осталась одна, хожу в лесу, выхода не нахожу... А тёмная сила со всех сторон наступает на меня...

Слёзы застлали глаза девушки; её милая белокурая головка опять понурилась. Как железными тисками сжалось сердце у Любивого. «Бедная ты, бедная!» - вырвалось у него прямо из души. Невыразимо стало жаль ему одинокую, брошенную девушку... Сошёл он с тропинки, сел рядом с девушкой и стал утешать её. Чем более смотрел он на неё, тем она казалась ему лучше, милее.

- Не плачь! - говорил он ей. - Осуши слёзы, посмотри веселее на белый свет, улыбнись приветно! Раны всякие залечиваются, время исцеляет и великое горе... Не плачь! Ну, не плачь же!

Так он говорил нежно, ласково...

- Ты - добрый человек! - промолвила девушка. - Не гони же меня от себя, я всюду пойду с тобою! Станем делить и радость и горе, станем вместе бороться с силой лесной... Согласен?



Любивый взял крепко девушку за руку, наклонился и поцеловал её.

- О да! Согласен! - в восторге шептал он, позабыв слова старухи о том, что не мечом, а тонким голосом снимут с него голову. - Теперь, - говорил он, - мы пойдём с тобой рука об руку через этот тёмный лес смело, бодро, весело. Теперь мы не будем унывать.

Как в чаду похмелья, закружилась голова у доброго молодца. Прошло ни много ни мало времени, очнулся он. Девушки-друга, верного спутника, как не бывало! А Любивый, вместо неё, обнимал серый, мшистый пень старой берёзы... Тут он догадался, что сердце ввело его в обман, что его верная спутница была лишь одно лживое видение... Вокруг него, как тёмные тени, толпились высокие деревья, грозно, зловеще помахивая над ним ветвями, словно желая промолвить: «Теперь ты наш - и навсегда!» Они со всех сторон протягивали над ним, как над своею жертвой, толстые, сучковатые ветви, как длинные, цепкие руки, словно собирались схватить его и удержать. И удержали... Куда он ни шёл, от деревьев не мог уйти, не мог убежать от их ветвей, тянувшихся за ним. Они его ловили на каждом шагу, цеплялись за его одежду, хватали за руки, за плечи и страшным явственным шёпотом говорили: «Стой! Не уйдёшь!..» И в то же время густая, ползучая трава ему ноги опутывала, и он напрасно бился в ней, как в зелёных сетях, украшенных цветами.

Сгинул Любивый...

***

Ждала-пождала нищая братия своего удалого молодца, не дождалась; догадалась, что, видно, напрасно пропадают силы богатырские в том проклятом лесу.

- Кто ни пойдёт, никто не возвращается... Что за чудо! - рассуждали люди. - То ли не силён был у нас Трусивый, то ли не смел был Любивый! Какого ещё надо?

- Не на таковских, видно, мы попадаем! - молвил один оборванный мудрец. - Давайте-ка бросим жребий! Это будет вернее.

Сказано - сделано.

Созвали всех людей оборванных, холодных и голодных, бросили жеребий. Упал жеребий на Ваню - мальчугана по десятому году. Все диву дались, но никто не прекословил... Ванина мать слезами обливалась, но не удерживала своё детище, пустила его на все четыре стороны ради мирского дела. Плача, она говорила:

- Ступай, Ваня! Послужи миру верой и правдой! Не для того я тебя на свет родила, чтобы тебе на печке лежать... Иди, потрудись!

Плачет, а сама сына в путь снаряжает. Целует, милует, а сама отталкивает: Иди! Уходи!..

Сколько палок Ване ни давали, все ему оказывались не под силу. Сорвал Ваня голубой цветочек в поле и отправился в путь.

- Прости, дитятко! - стонала мать. - Ты, может быть, проведаешь о нашем кладе, да меня-то в живых не застанешь, ко мне на могилу придёшь...

А Ваня идёт - ушёл. Вошёл в лес и прямо к избушке: стук-стук!

- Коли есть душа живая, откликнись! - вскричал Ваня.

Выглянуло в оконце сморщенное старушечье лицо.

- Как тут у вас пройти к баушке, что живёт на свете триста лет и три года? - храбро спросил её Ваня-Юныш.

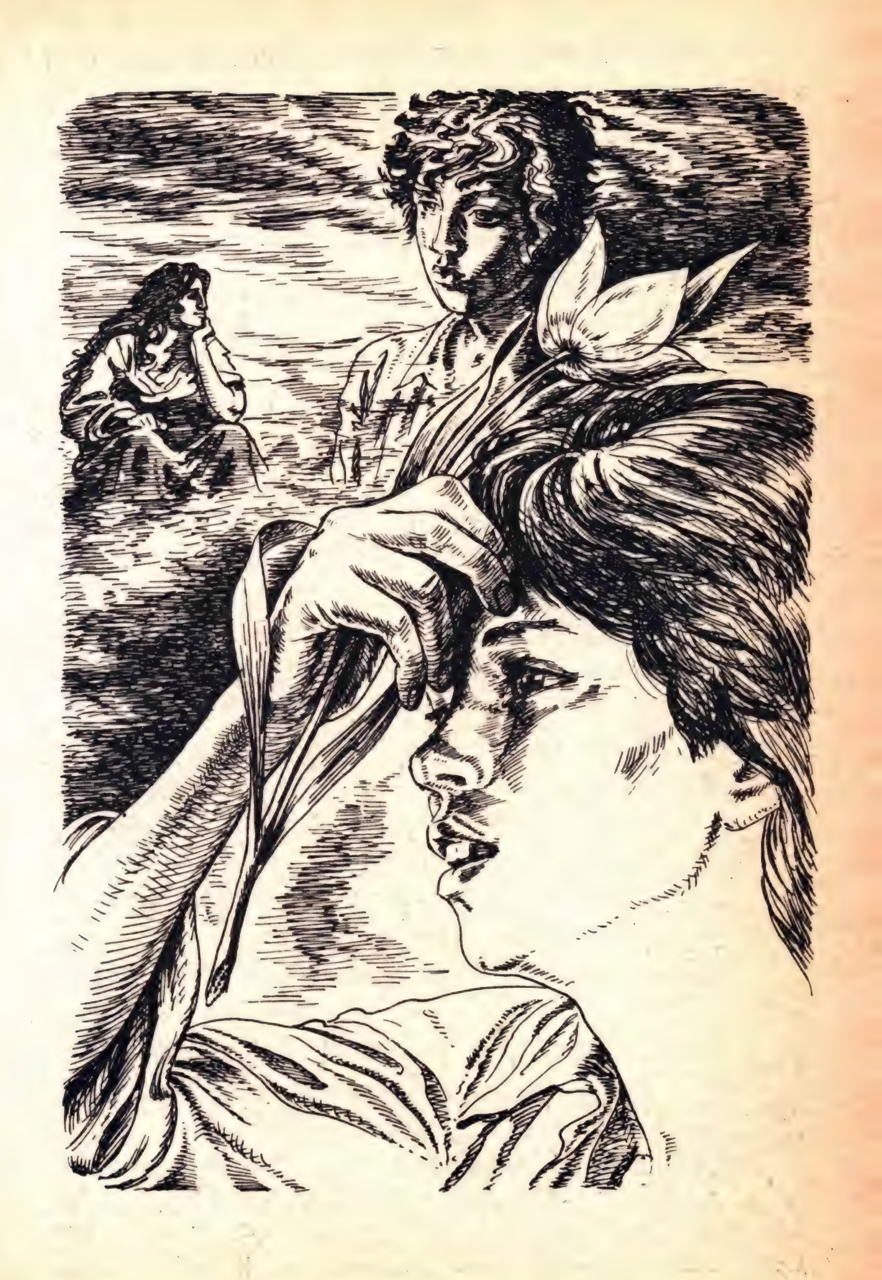
- Где же тебе дойти туда! - прошамкала старуха. - Путь дальний и опасный... Страшилища окружат тебя... А сойдёшь с тропинки - и пропал: ни к баушке не дойдёшь, ни домой не возвратишься! Пропадёшь, как червь...

- Не стращай! Дорогу-то только укажи... - проговорил Ваня.

Старуха молча указала на заросшую тропу. Ваня сказал «спасибо» и пошёл.

Напали на него страшилища ужасные, завыли, закружились кругом него, не дают прохода, визжат, скалят зубы, словно съесть хотят. Ваня нахмурил брови, махнул цветочком и смело двинулся вперёд. Страшилища мигом исчезли, гробовое безмолвие воцарилось в лесу... Прошёл Ваня-Юныш ни много ни мало и видит: в стороне, неподалёку от дороги, стоит избушка, у избушки на завалинке старушка сидит, пряжу прядёт и не столько прядёт, сколько нитки рвёт. Увидала она Ваню и зовёт к себе.

- Куда ты один идёшь, Ваня? - ласково говорила старушка. - Ступай-ка лучше ко мне, будешь ты у меня за сына любимого... Я тебя накор-



млю, напою и одену, и обую. Жить тебе будет привольно. И мне-то веселее... Видишь: я - одна-одинёхонька в этой лесной глуши. Иди, голубчик!.. Дорогой-то ещё, пожалуй, тебя обидят. Мало ли что может случиться! Змея ужалит, волк закусит, разбойники могут напасть... Жаль мне тебя, малого!

Уговаривала, уговаривала старушка - напрасно. Напрасно жалостливо покачивала она головой: не могла она сманить Ваню... Он всё своё твердит: «Нет! Мне к баушке нужно»... - и ушёл.

Идёт Ваня - то песенку запоёт, то вспомнит о матери, о своей братии нищей и думает: как ужо он обрадует их, когда из леса возвратится здоров и невредим, принесёт ответ от старой бабушки, - и вдруг он, Ваня-Юныш, откроет большим и умным людям заветную тайну... Смотрит Ваня: сидит под деревьями молодица, такая красивая, такая добрая с виду, и на коленях у неё разложены всякие сласти: конфеты, печенья, пряники заморские, орехи и всякая всячина. Молодица подзывает к себе Ваню и ласково-приветливо улыбается.

- Иди сюда! Отдохни! Гостинцев дам! - говорит она, протягивая ему кисть сочного винограда. - Ведь ты устал, бедняга! Пить-есть тебе хочется... Вот булка сдобная, вот пирог! Кушай на здоровье, сколько хочешь, досыта...

Правда, Ваня устал и пить и есть ему хочется до смерти, пристально смотрит он на пирог и на лакомства. Пересохло во рту... Хоть бы одну

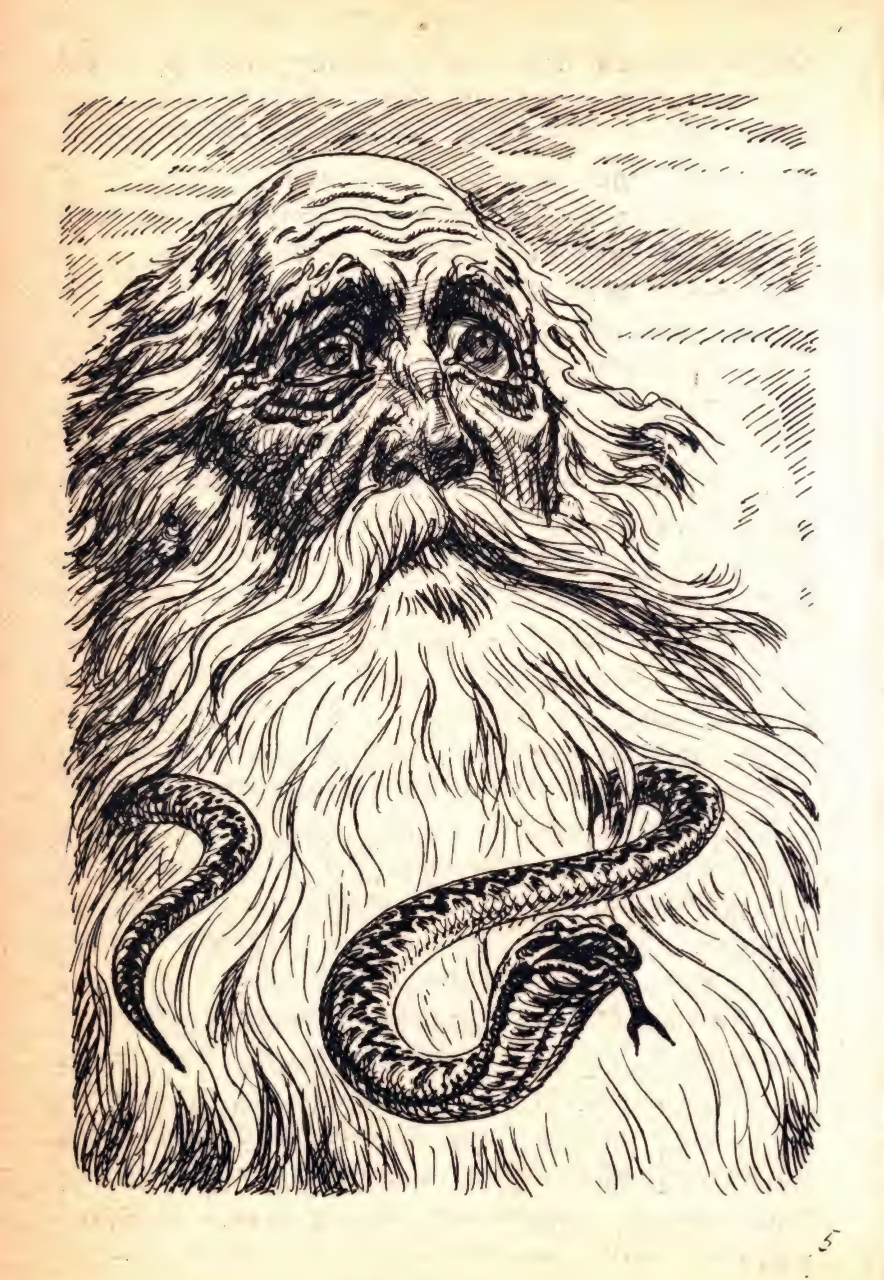
ягодку в рот положить! Всё же полегче бы стало...

- Нельзя мне с тропинки сворачивать! - говорит он, невольно оглядываясь на ласковую молодицу.

А та манит его к себе, показывает ему гостинцы один другого лучше... Ваня ушёл.

Порой Ване грустно становилось, брало его раздумье о том, что он, пожалуй, заблудится в этом тёмном, дремучем лесу, не видать ему своей братии нищей, не застать ему матери в живых. Вдруг Ваня слышит вблизи весёлые крики, смех и хохот. Смотрит: на лужайке дети играют - бегают, ловят друг друга, обручи катают, мячи перебрасывают, прячутся за кустами, аукаются. Весело детям, зовут они Ваню играть, показывают ему игрушки. И что же это за игрушки! Таких игрушек Ване и во сне не снилось... Большие нарядные куклы - барышни «на пружинах» сами по лугу ходят, раскланиваются, головками кивают. Ручки у них лайковые, головки фарфоровые, розовые щёки, блестящие, но безжизненные глаза, - словом, как настоящие, живые барышни. И тут же игрушечные лошади, собачки, барашки, колясочки. Целые города выстроены. По луже корабли плавают, а на берегу лужи крепость выстроена, и перед крепостью картонный генерал потешно командует картонными солдатиками... Остановился Ваня, глаза у него разбежались. Очень захотелось ему посмотреть вблизи на эти игрушки, но вспомнил о братьях и, махнув цветочком, пошёл дальше.

Идёт Ваня, но песенок уже не поёт, шибко



закручинился. Дремота нападает на него, жажда томит его нестерпимо, голод мучит, усталость одолевает... Вдруг встречается ему старик. Длинная седая борода у старика спускается за пояс; чёрная змея у него на плечах извивается. Старик опирается на костыль и всё смотрит в далёкое небо своими тусклыми очами.

- Как мне пройти, старичок, к баушке, что посреди леса живёт? - спросил его Ваня.

- Дойдёшь ты скоро до такого места, где три тропинки в разные стороны расходятся... - ответил старец, смотря на небо и оглаживая свою серебристую бороду, между тем как змея у него на плече ворочалась и шипела. - Одна тропинка идёт прямо, другая - вправо, третья - влево. Ты иди прямо! Выйдешь ты на полянку и увидишь на той полянке избушку с красным оконцем... В ней-то баушка и живёт.

Ваня простился со стариком и отправился далее.

Прошло ни много ни мало времени. Выходит Ваня на полянку и видит избушку с красным оконцем; на её крыше - на самом коньке - сидел чёрный ворон и каркал прямо на восток. Густые деревья окружали избушку своею зелёною тенью. Войдя в избушку, Ваня увидел на лавке старуху, старую-престарую. Рядом с ней на лавке сидел белый кот и пел свои песни. На жёрдочке, протянутой над головой старухи, висели какие-то сухие травы и цветы, и тут же сова сидела, вытаращив свои большие круглые глаза.

- Откуда и кто ты такой есть? - спросила Ваню старуха.

- Я - посланец к тебе от нищей братии! - ответил он, спокойно усаживаясь рядом с баушкой и с её белым котом.

- Что же тебе от меня надо? - продолжала старуха, брюзгливо посматривая на него.

- Сначала, баушка, дай мне помыться, накорми, напои меня, дай выспаться, а потом я и поведу с тобой речь... - сказал Ваня.

Но не вдруг сладил он со старухой. На каждом шагу она ему перечила... Попросил он у баушки помыться, принесла она ему в корыте воды со льдом. Ваня сказал, что в ледяной воде он не моется, тогда старуха притащила ему кипятку. Наконец, когда Ваня сильно нахмурился, она затопила баню. Вымылся Ваня отлично мылами пахучими, цветочным веником попарился...

Когда после того Ваня попросил есть, старуха принесла ему чёрствый, сухой хлеб, совершенно чёрный, сожжённый в уголь, потом принесла щей горьких - горче полыни. Наконец-то уж Ваня добился у неё всяких вкусных кушаний и даже целого блюда сластей... Ваня повеселел, распоясался и попросил пить. Старуха принесла ему в ковшике мутной водицы. Ваня, не говоря ни слова, выплеснул её за окно. Потом она принесла какого-то кислого квасу - кислее уксуса. Но Ваня добился своего: принесла-таки ему старуха чару мёда сладкого.

- Теперь бы ещё поспать надо! Постели-ка

мне постель, баушка! - сказал Ваня и стал разоболокаться.

Старуха принесла ему осиновую плаху; потом вытащила откуда-то дырявый, грязный и пыльный половик и бросила на пол, у самой двери. Ваня опять нахмурился. Тут уж старуха постлала ему в переднем углу мягкую постель, белой простынкой накрыла, положила пуховую подушечку и шёлковое одеяльце. Выспался Ваня на славу и, выспавшись, рассказал старухе своё дело.

- Вот я пришёл к тебе, баушка, узнать, - закончил Ваня, - что могло быть у нищей братии и что нужно сделать для того, чтобы несчастные себе счастье завоевали?

- А Разрыв-трава у вас есть? - строго спросила баушка.

- Такой травы, кажется, у нас нет! Не слыхал что-то... - сказал Ваня, подумав и качнув головой.

- Как же вы хотите без Разрыв-травы обойтись? - нахмурив брови, промолвила старуха. - Будете вы без неё пытаться, да всё неладно... Ну, слушай же теперь, запомни всё толком и передай *своим*... - сказала старуха и начала своё повествование:

«Давно-давно жили на свете злые разбойники. Перед смертью злые разбойники зарыли в землю свой великий клад. Одна великая волшебница видела, как разбойники зарывали в землю свой клад, и положила на этот клад своё заклятье. «Клад скоплен не добром, скоплен от

крох, от слёз и крови людской, к обобранным людям он и перейти должен! Пусть он пока остаётся на земле! Когда люди завладеют Разрыв-травой, тогда клад достанется им!..»

- Вот, мальчуга, так и скажи своим! - закончила баушка своё повествование. - Скажи: клад у них под ногами лежит в земле, они ходят по нём. Видеть его можно, а вытащить трудно. Скажи, если отыщут скоро Разрыв-траву - ладно, не отыщут - пусть пеняют сами на себя, придётся подождать! Скажи: когда станут вырывать клад, чтобы каждый из них носил на груди, ближе к сердцу, эту Разрыв-траву. Но скажи им ещё: клад с каждым днём уходит в землю всё глубже и глубже... Ну, теперь прощай! Спать хочу.

Сказала и полезла на печь. А белый кот по-прежнему сидел на лавке и мурлыкал какую-то загадочную песенку. Сова по-прежнему таращила свои круглые оловянные глаза.

Попрощался Ваня со старухой и отправился в обратный путь. Но из леса он выходил не так бодро, как входил в него. В ногах его чувствовалась слабость, руки дрожали, спина побаливала, словно была палками отколочена, и его спутник - цветочек, сорванный им в поле перед отходом в лес, завял и облетел, - остался от него один стебелёк. Идёт Ваня потихоньку - шатается, пойдёт поскорее - за кочки, за корни дерев запинается, чуть не падает. Он стал худо видеть: в глазах точно туман стоит. Подошёл Ваня к тихому ручью напиться, поосвежить свою голову. Голубая речка в зелёных, цветущих берегах

казалась зеркалом в изумрудной оправе. Наклонился Ваня, заглянул в спокойную воду и сам не поверил своим глазам, взглянул ещё раз попристальнее, пониже склонился над водой... вода чиста, невозмутима; полуденное солнце ярко светит с безоблачных небес, - и Ваня сознаёт, что он не спит, не грезит, а живёт наяву. И всё-таки ему как-то не верится... В воде, как в ясном зеркале, увидел он своё лицо сухое, жёлтое, всё в глубоких морщинах, увидел тусклые, угасшие глаза, увидел на голове, вместо своих кудрей, седые пряди, увидел седую бороду... Где же его молодые, блестящие глаза, где его румяные щёки, его беззаботная улыбка, где Ваня-Юныш? Ваня успел состариться... Долго же, значит, он пробыл в заповедном лесу.

***

Радостно встретила Ваню нищая братия. «Первый-то из трёх посланцев выбрался, наконец, из проклятого леса!..» Ванины сверстники за это время также стариками стали, а из тех стариков, что провожали его, остался в живых один, да и тот, кажется, уж не вполне сознавал: живёт ли он.

Насилу отыскал Ваня могилу матери, припал к ней головушкой, словно хотел услышать: что происходит в могиле.

- Родина моя! - шептал он с любовью. - Не привелось нам увидеться! Всю жизнь прослуждал я в тёмном лесу, боролся с лесными страшилищами, всю молодость свою убил в скитаниях

тяжких... Твою заповедь сын твой исполнил: он узнал великую тайну о кладе и откроет её своим бедным братьям.

Так говорил он. А могила молчала, только густая, зелёная трава на ней по ветру наклонялась. Почти рядом с могилой матери нашёл Ваня и могилу той, которую прочили ему в невесты. Провожая, она просила Ваню принести ей из леса цветов. Он принёс их и бросил на могилу.

- Жених твой сделал своё дело! - молвил он, склонившись над зеленеющим бугром. - Спи, моя прекрасная невеста! Твой жених счастье с тобою променял на тяжёлое дело... Но он верен остался тебе, не променял он тебя на те блестящие, лживые видения, что мерещились ему в лесу...

Явился Ваня на сходку - отдавать миру отчёт. Оказалось, что Разрыв-травы ни у кого не было. Братия приуныла, но всё-таки пожелала достойно отпраздновать возвращение Вани и устроила пир... Не на мягких ложах утопали пирующие, - лежали они на голой земле; не ясное небо синело у них над головой, - низко ходили над ними тёмные, грозовые тучи; не музыка гремела на том пиру, - сердитый, порывистый ветер свистал и шумел кругом, по опустевшим, молчаливым рощам и лугам, утопавшим в тумане; не цветущие и весёлые девы забавляли пирующих, а ходили между ними какие-то бледные привидения. Не мёд пили на том пиру, но воду ключевую, не белым калачом закусывали, но чёрствою коркой; не весёлые песни

пели, сидели и пели песни заунывные. И на председателе пира красовался венок не из пахучих, роскошных цветов, а из колючего терния...

Стали искать Разрыв-траву, искал и старый и малый, насилу нашли несколько пучков. Сто человек добыли эту траву и носили её на груди, у сердца; остальная же братия осталась без Разрыв-травы. «Ведь баушка сказала: без Разрыв-травы нельзя взять клад, но найти его можно и без неё, ведь он тут же, у всех под ногами, лежит; ведь по нём почти ходят... А разве попытаться? Благо, сто человек заручились Разрыв-травой»... Так рассудила нищая братия.

Принялись рыть. А клад-то оказался уж очень глубоко. Рыли-рыли, не одну сотню лет рыли, наконец, дорылись кое-как. Немного открыли клад, - и видят: злато и серебро, и каменья самоцветные. Всё недро земли словно жар горит. Но все эти драгоценности сплавились в одну сплошную громадную массу, и эта масса пластом залегла по всей земле - от края до края. Ясное дело, что нужна была великая сила для того, чтобы поднять этот глубоко зарывшийся громадный и тяжёлый клад. Тяжёл был клад, трудно было поднять его. Ведь Разрыв-трава оказалась только у сотни человек, а остальной народ пришёл с пустыми руками. Как же быть? «Надо попытаться! - сказали люди. Все помнили, что клад, по словам баушки, с каждым днём уходит глубже в землю. - Если не поднимем сегодня, завтра будет ещё труднее!..» Решили и взялись за один конец клада, стали поднимать.

Тогда вдруг солнце померкло, и от земли до самых далёких звёзд встали на небе страшные тени злых разбойников. Едва лишь тронули клад, тени разрослись в чёрные тучи и омрачили всё небо. Разразилась гроза, загрохотал гром. Поднялось страшное землетрясение... Толстые, вековые стены, поросшие мохом, разваливались, старинные здания разрушались; горы дали трещины, море разбушевалось... Так люди и не могли достать клад.

Но голь не унывает. Нужно найти более Разрыв-травы; нужно, чтобы каждому досталось по стеблю этой заповедной травы; нужно, чтобы каждый носил её на сердце. Идут дни, годы... Осенью лист на деревьях желтеет и опадает, зимой снежною белою пеленой покрывается земля, весной цветы расцветают, облака плывут по небу, тают и исчезают, цветы облетают, люди рождаются и умирают, - и всё идёт своим чередом. А люди собирают Разрыв-травы всё более и более, всё ждут, надеются и верят в то, что долго ли, коротко ли они достанут клад.

А.М. РЕМИЗОВ

ПОСОЛОНЬ

Вячеславу Ивановичу Иванову

НАТАШЕ

Засни, моя деточка милая!
В лес дремучий по камушкам Мальчика с пальчика,
Накрепко за руки взявшись и птичек пугая,
Уйдём мы отсюда, уйдём навсегда.
Приветливо нас повстречают красные маки.
Не станет царапать дикая роза в колючках,
Злую судьбу не прокаркнет птица-вещунья,
И мимо на ступе промчится косматая ведьма,
Мимо мышиные крылья просвищут Змия
с огненной пастью,
Мимо за мёдом-малиной Мишка пройдёт
косолапый...
Они не такие...
Не тронут.

Засни, моя деточка милая!
Убегут далеко-далеко твои быстрые глазки...
Не мороз - это солнышко едет по зорям шелковым,
Скрипят его золотые, большие колёса.
Смотри-ка, сколько играет камней самоцветных!
Растворяет нам дверку избушка на лапках куриных,
На пятках собачьих.
Резное оконце в красном пожаре...
Раскрылись желанные губки.
Светлое личико ангела краше.
Веют и греют тихие сказки...
Полночь крадётся.
Тёмная темь залегла по путям и дорогам.

Где-то в трубе и за печкой
Ветер ворчливо мурлычет.

Ветер... ты меня не покинешь?
Деточка... милая...

ВЕСНА-КРАСНА

МОНАШЕК

Мне сказали, там кто-то пришёл, в сенях стоит.

Вышел я из комнаты, а там, гляжу, - монашек стоит.

- Здравствуй! - говорит и смотрит на меня пристально, словно проверяет что-то.

Маленький монашек, беленький.

- Здравствуй, что тебе надо?

- Так, по домикам хожу. - Подаёт мне веточку.

- Что это, монашек, никак листочки!

- Листочки. - И улыбается.

А я уж от радости не знаю, что и делать. Комната, рамы и вдруг эта ветка с зелёными, совсем-совсем крохотными маслеными листочками.

- Хочешь, монашек, баранок турецких, у нас тут на углу пекут?

- Нет.

- Чего же тебе, молочка хочешь?

- Нет.

- Ну, яблочков?

- Медку бы съел немножко.

- Медку... Господи, монашек!.. Я тебя где-то видел.

Монашек улыбается.

Крепко держу зелёную ветку. Листочки выглядывают.

Моя ветка, мои и листочки!

Монашек стоит, улыбается.

КРАСОЧКИ

- Динь-динь-динь...

- Кто там?

- Ангел.

- Зачем?

- За цветком.

- За каким?

- За незабудкой.

Вышла Незабудка, заискрились синие глазки. Принял Ангел синюю крошку, прижал к тёплому белому крылышку и полетел.

- Стук-стук-стук...

- Кто там?

- Бес.

- Зачем?

- За цветом.

- За каким?

- За ромашкой!

Вышла Ромашка, протянула белые ручки.

Пощекотал Бес вертушке жёлтенькое пузичко, подхватил себе на мохнатые лапки и убежал.

- Динь-динь-динь...

- Кто там?

- Ангел.

- Зачем?

- За цветом.

- За каким?

- За фиалкой.

Вышла Фиалка, кивнула голубенькой головкой. Приголубил Ангел черноглазку и полетел.

- Стук-стук-стук...

- Кто там?

- Бес.

- Зачем?

- За цветом.

- За каким?

- За гвоздикой.

Вышла Гвоздика, зарумянились белые щёчки. Бес её в охапку и убежал.

Опять звонил колокольчик, - прилетал Ангел, спрашивал цвет, брал цветочек. Опять колотила колотушка, - прибегал Бес, спрашивал цвет, забирал цветочек.

Так все цветы и разобрали.

Сели Ангел и Бес на пригорке в солнышко. Бес со своими цветами налево, Ангел со своими цветами направо.

Тихо у Ангела. Гладят тихонько цветочки белые крылышки, дуют тихонько на пёрышки.

Уговор не смеяться, кто засмеётся, тот пойдёт к Бесу.

Ангел смотрит серьёзно.

- В чём ты грешна, Незабудка? - начинает исповедовать плутовку.

Незабудка потупила глазки, губки кусает - вот рассмеётся.

Налево у Беса такое творится, будь ты кисель киселём, и то засмеёшься. Поджигал Бес цветочки: сам мордочку строит, - цветочки мордочку строят, сам делает моську, - цветочки делают моську, сам рожицы корчит, - цветочки рожицы корчат, мяукают, кукуют, юлой юлят и так-то и этак-то - вот как!

Незабудка разинула ротик и прыснула.

- Иди, иди к Бесу! - закричали цветочки.

Пошла Незабудка налево.

Тихо у Ангела. Гладят тихонько цветочки белые крылышки, дуют тихонько на пёрышки.

А налево гуготня, - Бес тешится.

Ангел смотрит серьёзно, исповедует:

- В чём ты грешна, Фиалка?

Насупила бровки Фиалка, крепилась-крепилась, не вытерпела и улыбнулась.

- Иди, иди к Бесу! - кричали цветочки.

Пошла Фиалка налево.

Так все цветочки, какие были у Ангела, не могли удержаться и расхохотались.

И стало у Беса многое множество и белых и синих - целый лужок.

Высоко стояло на небе солнышко, играло по лужку зайчиком.

Тут прибежало откуда-то семь бесенят, и ещё семь бесенят, и ещё семь, и такую возню подняли, такого рогача-стрекоча задавать пустились, кувыркались, скакали, пищали, бода-

лись, плясали, да так, что и сказать невозможно.

Цветочки туда же, за ними - и! как весело - только платьица развеваются синенькие, беленькие.

Кружились-кружились. Оголтели совсем бесенята, полезли мять цветочки да тискать, а где под шумок и щипнут, ой-ой как!

Измятые цветочки уж едва качаются. Попить запросили.

Ангел поднялся с горки, поманил белым крылышком тёмную тучку. Приплыла тёмная тучка, улыбнулась. Пошёл дождик.

Цветочки и попили досыта.

А бесенята тем временем в кусты попрятались. Бесенята дождика не любят, потому что они и не пьют.

Ангел увидел, что цветочкам довольно водицы, махнул белым крылышком, сказал тучке:

- Будет, тучка, плыви себе.

Поплыла тучка. Показалось солнышко.

Ангелята явились, устроили радугу.

А цветочки схватились за ручки да бегом горелками с горки -

Гори-гори ясно,
Чтобы не погасло...

Очухались бесенята, вылезли из-под кустика да сломя голову за цветочками, а уж не догнать, - далёко. Покрутились-повертелись, показали ангелятам шишики, да и рассыпались по полю.

Тихо летели над полем птицы, возвращались из тёплой сторонки.

Бесенята ковырялись в земле, курлыкали - птичек считали, а с ними и Бес-зажига рогатый.

КОСТРОМА

Чуть только лес оденется листочками и тёплое небо завьётся белёсыми хохолками, сбросит Кострома свою колючку - ежовую шубку, протрёт глазыньки да из овина на все четыре стороны, куда взглянется, и пойдёт себе.

Идёт она по талым болотцам, по вспаханным полям да где-нибудь на зелёной лужайке и заляжет; лежит-валяется, брюшко себе лапкой почёсывает, брюшко у Костромы мяконькое, переливается.

Любит Кострома попраздновать, блинков поесть да кисельку клюквенного со сливочками да с пеночками. А так она никого не ест, только представляется: поймает своим жёлтеньким усиком мушку какую, либо букашку, пососёт язычком медовые крылышки, а потом и выпустит, - пускай их!

Теплынь-то, теплынь, благодать одна!

Ещё любит Кострома с малыми ребятками повозиться, поваландаться: по сердцу ей лепуны-щекотуньи махонькие.

Знает она про то, что в колыбельках деется, и кто грудь сосёт, и кто молочко хлебает, зовёт каждое дитё по имени и всех отличить может.

И все от мала до велика величают Кострому песенкой.

На то она и Кострома-Костромушка.

Лежит Кострома, валяется, разминает свои белые косточки, брюшком прямо к солнышку.

Заприметят где ребятишки её рожицу да айда гурьбой взапуски.

И скачут пичужки пёстренькие, бегут бегом, тянутся ленточкой и чувыркают-чивикают, как воробышки.

А нагрянут на лужайку, возьмут друг дружку за руки да кругом вокруг Костромушки и пойдут плясать.

Пляшут и пляшут, поют песенку.

А она лежит, лежона-нежона, нежится, валяется.

- Дома Кострома?

- Дома.

- Что она делает?

- Спит.

И опять закружатся, завертятся, ножками топают-притопывают, а голосочки, как бубенчики, и звенят и заливаются, - не угнаться и птице за такими свистульками.

- Дома Кострома?

- Дома.

- Что она делает?

- Встаёт.

Встаёт Кострома, подымается на лапочки, обводит глазыньками, поводит жёлтеньким усиком, прилаживается: кого бы наперёд поймать.

- Дома Кострома?

- Дома.

- Что она делает?

- Чешется.

Так круг за кругом ходят по солнцу вкруг Костромушки, играют песенку, допытывают: что Кострома поделывает?

А Кострома-Костромушка и попила, и поела, и в баню пошла, и из бани вернулась, села чай пить, чаю попила, прикурнула на немножечко, встала, гулять собирается...

- Дома Кострома?

- Дома.

- Что она делает?

- Померла.

Померла Кострома, померла!

И подымается такой крик и визг, что сами звери-зверюшки, какие вышли было из-за ельников на Костромушку поглазеть, лататы на попятный, - вот какой крик и визг!

И бросаются все взахлёс на мёртвую, поднимают её на руки и несут хоронить к ключику.

Померла Кострома, померла!

Идут и идут, несут мёртвую, несут Костромушку, поют песенку.

Вьётся песенка, перепархивает, голубым жучком со цветка по травушке, повевает ветерком, расплетает у девочек коски, машет ленточками и звенит-жужжит, откликается далёко за тем синим лесом.

Поле проходят, полянку, лесок за леском, проходят калиновый мост, вот и овражек, вот ключик - и бежит и недвижен - серая искорка-пчёлка...

И вдруг раскрывает Кострома свои мёртвые глазыньки, пошевеливает жёлтеньким усиком, - ам!

Ожила Кострома, ожила!

С криком и визгом роняют наземь Костромушку да кто куда - врассыпную.

Мигом вскочила Костромушка на ноги да бегом, бегом - догнала, переловила всех, - возятся. Стог из цветочков! Хохоту, хохоту сколько, - писк, визготня. Щекочет, целует, козочку делает, усиком водит, бодается, сама поддаётся, - попалась! Гляньте-ка! гляньте-ка, как забарахтались! - повалили Костромушку, салазки загнули, щиплют, щекочут - мала куча, да не совсем! И! - рассыпался стог из цветочков.

Ожила Кострома, ожила!

Вырвалась Костромушка да проворно к ключику, припала к ключику, насытилась, и опять на лужайку пошла.

И легла на зелёную, на прохладную. Лежит, развалилась, валяется, лапкой брюшко почёсывает, - брюшко у Костромы мяконькое, переливается.

Теплынь-то, теплынь, благодать одна!

Там распаханные поля зеленей зеленятся, там в синем лесе из нор и берлог выходят, идут и текут по чёрным утолокам, по пробойным тропам божии звери, там на гиблом болоте в красном ивняке Леснь-птица гнездо вьёт, там за болотом, за лесом Егорий кнутом ударяет...

Песенка вьётся, перепархивает со цветочка по травушке, пёстрая песенка – ленточка...

А над полем и полем, лесом и лесом прямо над Костромушкой - небо - церковь хлебная, калачом заперта, блином затворена.

КОШКИ И МЫШКИ

Путались мышки в поле. Тащили кулёк с костяными зубами: немало их за зиму попало от ребят в норку. А теперь приходила пора за зуб костяной отдавать зуб железный, а много ли надо зубов, мышки не знали.

Путь им лежал полем в молоденький березняк. Там под *Заячьими ушками* - ландышами, у Громовой стрелки могли они хорошо примоститься и сладить нелёгкое дело. Ни Громовая стрелка, ни белые Заячьи ушки не выдадут мышек.

Прошёл вечор дождик с громом да с молнией, и жарынь, что твоё лето.

Подвигались мышки не споро.

Одна мышка во главе шла, казала дорогу хвостиком, - свистуха отчаянная, дурила всем мышкам голову.

- Никого я не боюсь, - егозила егоза, подшаркивала розовой лапочкой, - самому Коту на лапу наступлю, ищи-свищи, вывернусь!

Пыхтели мышки, диву давались да отговор сказывали: накличет ещё беды какой, ног не соберёшь.

А уж Кот-Котонай и идёт с своей Котофеевной, пыжит седые усищи, поёт песенку.

Мышка на него:

- Кто ты такой?

- Да я Кот-Котонай! - удивился Кот.

- А я тебя не боюсь.

- Чего меня бояться, - завёл Котонай сладко зелёные глазки, - я ничего худого не сделаю.

- А тебе меня не поймать!

- Ну, это ещё посмотрим.

- И не смотревши...

Но уж Кот наершился, прицелил глаз, хотел на мышку броситься.

А мышка стала на пяточки, поджала хвостик промеж лапок, пошевеливает хвостиком.

- Нет уж, - говорит, - так этого не полагается, ты сядь вот тут на камушек и сиди смирно, а нам давай твою Котофеевну, и пускай она меня ловит.

Потянулся Кот-Котонай, мигнул Котофеевне. Пошла Котофеевна к мышкам, сам уселся на камушек, задрал заднюю лапу вверх пальцем, запрятал мордочку в брюшко, стал искаться.

Блоховат был Кот, строковат Котонай, пел песенку.

- Мы с тобой, кошка, станем в серёдку, а они пускай за лапки держатся и пускай вокруг нас вертятся, я куда хочу, туда могу выскочить, а тебе будет двое ворот, вот эти да эти, ну, раз, два, три - лови!

Пискнула мышка да с кона от кошки жиг! - закружилась. Кошка за мышкой, мышка от кошки, кошка налево, мышка направо, кошка лапкой хвать мышку, а мышка:



- Брысь, кошка! - да за ворота: - Что, кошка, съела?

Крутится, вертится, мечется кошка.

Крутятся, кружатся, вертятся мышки, держатся крепко за лапки, да дальше по полю, да дальше по травке, да дальше по кочкам.

Заманивает мышка-плутовка кошку под Заячьи ушки.

- Где ты, Кот, где, Котонай! - Котофеевна кличет.

Потеряли совсем Кота-седоуса из виду.

Блоховат был Кот, строковат Котонай, пел песенку.

Кошка из кона в ворота:

- Берегись, мышка, поймаю!

Мышка бегом, сиганула - живо-два - да в кон.

Кошка за мышкой, мышка от кошки, крутятся, кружатся мышки, хитрая мышка, плутиха, вот поддаётся, уж прыгнула кошка...

Стой! - березняк, Заячьи ушки, Громовая стрелка...

Туда-сюда, глянь, а мышек и нет, - канули мышки.

Изогнула сердито Котофеевна хвостик, надула брезгливо красненький ротик, язычок навострила: «Тут они где-то, а где, не поймёшь».

- Чтоб вас нелёгкая! - И пошла Котофеевна.

Шла искать Котоная, курлыкала.

Вянули ветры, пыхало зноем.

А мышки оскалили зубки, взялись за зубы.

Полкулька растеряли по дороге, - эка доса-

да! - спросит с них Громовая стрелка, не даст им железные зубы.

Заячьи ушки - белая стенка загораживали мышек.

И тихо качались берёзы, осыпали на мышек золотые серёжки, висли прохладой.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Ещё до рассвета, когда черти бились на кулачки, и собиралась заря в восход взойти, и вскидывал ветер шелковой плёткой, вышел из леса волк в поле погулять.

Канули черти в овраг, занялась заря, выкатилось в зорьке солнце. А под солнцем *рай-дерево* распустило свой сиреневый медовый цвет.

Гуси проснулись. Попросились гуси у матери в поле полетать. Не перечила мать, отпустила гусей в поле, сама осталась на озере, села яйцо нести. Несла яйцо, не заметила, как уж день подошёл к вечеру.

Забеспокоилась мать, зовёт детей:

- Гуси-лебеди, домой!

Кричат гуси:

- Волк под горой.

- Что он делает?

- Утку щиплет.

- Какую?

- Серую да белую.

- Летите, не бойтесь...

Побежали гуси с поля. А волк тут как тут. Перенял всё стадо, потащил гусей под горку. Ему, серому, только того и надо.

- Готовьтесь, - объявил волк гусям, - я сейчас вас есть буду.

Взмолились гуси:

- Не губи нас, серый волк, мы тебе по лапочке отдадим по гусиной.

- Ничего не могу поделать, я - волк серый.

Пощипали гуси травки, сели в кучку, а уж солнышко заходит, домой хочется.

Волк в те поры точил себе зубы: иступил, лакомясь утками.

А мать, как почуяла, что неладное случилось с детьми, снялась с озера да в поле. Полетала по полю, покликала, видит - пёрышки валяются, да следом прямо и пришла к горке.

Стала она думать, как ей своих найти, - у волка были там и другие гуси, - думала, думала и придумала: пошла ходить по гусям да тихонько за ушко дёргать. Который гусь пикнет, стало быть, её, - матернин, а который закукарекает, не её, - волков.

Так всех своих и нашла.

Уж и обрадовались гуси, содом подняли.

Бросил волк зубы точить, побежал посмотреть, в чём дело.

Тут-то они на него, на серого, и напали. Схватили волка за бока, поволокли на горку, разложили под рай-деревом да такую баню задали, не приведи бог.

- Вы мне хвост-то не оторвите! - унимал гусей волк, отбрыкивался.

Пощипали-таки его изрядно, уморились да опять на озеро: пора и спать ложиться.



Поднялся волк не солоно хлебавши, пошёл в лес.

Возныла тёмная туча, покрыла небо.

А во тьме белые томновали по лугу девки-пустоволоски да бабы-самокрутки, поливали *одолень-траву.*

Вылезли на берег водяники, поснимали с себя тину, сели на колоды и поплыли.

Шёл серый волк, спотыкался о межу, думал-гадал о Иване-царевиче.

На озере гуси во сне гоготали.

КУКУШКА

Давным-давно прилетел кулик из-за моря, принёс золотые ключи, замкнул холодную зиму, отомкнул землю, выпустил из неволья воду, траву, тёплое время.

Размыла речка пески, подмыла берег, подплыла к орешенью и ушла назад в берега.

Расцвела яблонька в белый цвет, поблёкли цветы, опадал цвет.

Из зари в зарю перекатилось солнце, повеяли нежные ветры, пробудили поле.

Сторожил кулик поле, ранняя птичка, подчищал носок. По полю гурьбой шли девочки, рвали запашные васильки, закликали кукушку.

Кукушечье-горюшечье на виловатой сосне соскучилась, не сиделось кукушке в бору, поднялась в луга.

По дубраве дорожка лежит. Девочки свернули на дорожку. Под широким лопухом несли *кукушку,* плели венки.

За дубравой на красе стоит гора-круча. На той горе на круче супротив солнца стоит берёзка.

Обливалась росой кудрявая берёзка.

Посадили девочки *кукушку* на берёзку. Заломили белую, заплели веночком. Схватились рука об руку и пошли вкруг *кукушки*.

- Кукушечка боровая, чего в бору не сидела?

- Воли нету, воды нету.

- Где же воля?

- Пошла воля по лугам.

- Где вода?

- Пошла вода по болотам.

- Лети, кукушечка, лети, боровая, в лугах птички поют, соловей свищет.

Сели девочки на примятую траву, поели лепёшек, целовались, покумились друг с дружкой и в венках тронулись к речке.

Там разделись и с берега вошли в воду. По воде пустили венки.

Плыли венки, куковала кукушка.

- Кукушка, кукушка, сколько годов мне осталось жить?

Ушли обнявшись девочки с речки, закатилось солнце.

Вышла из бора старая старуха Ворогуша, пошла с костылём по полю.

Преклонялось поле, доцветал хлеб.

Перехожая звёздочка перешла к горе-круче, заблистала синим васильком.

Плыли венки, куковала кукушка.

- Кукушка, кукушка, сколько годов мне осталось жить?

Красная жар-жаром заря не гасла.

В высокой траве в петушках всю ночь до первых петухов стрекотал кузнец-чирюкан.

У ЛИСЫ БАЛ

У лисы бал.
- Я пёс.
- Я бас.
- Я баран.
Это ноты.
Барабан.

Трам-там-там,
Трам-там-там.

По высоким горам,
по зелёным долам
чинно шествуем на бал.
Разбреда-емся,
собира-емся,
переходим ров и вал.
Осёл, козёл,
олень да лев,
медведюшка -
звери страшные,
звери важные,
сам с усам,
сам с рогам.

Трам-там-там.
Трам-там-там.

У лисы бал.
- Я пёс.
- Я бас.
- Я баран.

Это ноты.
Барабан.

Трам-там-там,
Трам-там-там.
Там, там.
Там.

ЛЕТО КРАСНОЕ

Сергею Городецкому

КАЛЕЧИНА-МАЛЕЧИНА

Курица со двора -
Калечина в ворота.
Заберётся Малечина в гибкий плетень,
тоненько комариком песню заведёт, ждёт:
«Не покличет ли кто Калечину
погадать о вечере?»

У Калечины одна - деревянная нога,
У Малечины одна - деревянная рука,
У Калечины-Малечины один глаз -
маленький, да удаленький.
- Калечина-Малечина,
сколько часов до вечера?
Скок Калечина-Малечина с плетня,
подберётся вся - прыг-прыг-прыг...
1, 2, 3, 4, 5, 6, 7!
Да юрк в плетень. Пригорюнится,
тоненько комариком песенку ведёт,
ждёт:
«Не покличет ли кто Калечину погадать
о вечере?»

У Калечины семь братов -
У Малечины семь ветров,
а восьмой неродной - вихорь витной -
маленький, да постыленький.

- Калечина-Малечина,
сколько часов до вечера?
Вечером врывается, крутит вихрь в лесу,
Вечером Калечине весело в виру.
Ночка по небу лучинки зажжёт,
Тёмная, тёмную нитку прядёт...
Курица в ворота -
Калечина со двора.

ЧЁРНЫЙ ПЕТУХ

От недели до недели подоспело лето.

Последняя отлётная птичка прилетела до витого гнёздышка. Зацвели белые и алые маки. Голубые цветочки шёлкового льна морем разлились по полю. Белая греча запорошила пряным снегом без конца все пути. Встали по тыну, как козыри, золотые подсолнухи. Сухим золотом-стрелками затеплилась липа, а серебряные овсы и алатырное жито раскинулись и вдаль и вширь; неоглядные, обошли они леса да овраги, заняли округ небесную синь и потонули в жужжанье и сыти дожатвенной жажды.

С цветка на цветок, с травки на травку день до вечера перелетает пчёлка, несёт праздники.

И не упасть первой росе, а уж щёлкает, звонко хлопает в воздухе кнут, звякают коровьи колокольчики - гонят стада.

А за стадом высоко, как дым, подымается пыль вдоль по улице.

И они чахлые и заморённые - Коровья смерть да Веснянка-Подосенница с сорока сёстрами пробегают по селу, старухой в белом саване, кличут на голос.



Много они натворили бед - съешь их волк! - то под тыном прикинется - Подтынница, то на дворе пристягнёт - Навозница, то соскочит с веретена да заскочит в пряху - Веретённица, то выскочит с болотной кочки - Болотница: им бы портить скотину, вынимать румянец из белого лица, вкладывать стрелы в спину, крючить на руках пальцы, трясьмя трясти тело.

И не гулянье от них ребятишкам: не век же голопузым носить на себе змеиного выползка.

Но и нечисть знает черёд.

Собирается нечисть зноем в полдень к ведьмаку Пахому, - Пахома изба на краю села: там ей попить, там ей поесть.

В курнике петух взлетает на насест, схватившись с места, как шальной, кричит по селу. Кричит петух целые ночи, несёт змеиные спорыши, напевает, проклятый, на голову от недели до четверга. Сам Пахом-ведьмак об эту пору в печурке возится, стряпает из ребячьего сала свечу, - той свечой наведёт колдун мёртвый сон на человека и на всякую божию тварь. Джурка, Пахомова дочка, не смыкая глаз, летает перепёлкой, собирает *золотой гриб.*

Так от недели до четверга.

В четверг в полночь на пятницу подымается на ноги всё село.

С шумом врываются в Пахомов курник, чадят зажжёнными мётлами, ловят чёрного петуха. Изловили чёрного петуха и с петухом идут на другой край села.

Алёна верхом на рябиновой палке с мутовкой на плече, нагая, впереди с горящим угольком, за Алёной двенадцать девок с распущенными волосами в белых рубахах, с серпами и кочергами в руках и другие двенадцать с распущенными волосами, в чёрных юбках, держат чёрного петуха.

А за ними ватагой и стар и мал.

Шумя и качаясь, вышли девки за село, запалили угольком сложенный в кучу назём, трижды обнесли петуха вокруг кучи.

Тут выхватила Алёна от девок петуха и, высоко держа над головой чёрнопёрого, пустилась с петухом по селу, забегая к каждой избе, мимо всех клетей с края на край.

С пронзительным криком, с гиканьем погнались за ней и белые и чёрные девки.

- А, ай, ату, сгинь, пропади, чёрная немочь!

Рвётся чёрный петух, наливаются кровью глаза, колотится чёрное сердце. Обежав всё село, бросила Алёна петуха в тлеющий назём.

Кинули за ним девки хвороста, сухих листьев, - и вспыхнул костёр, с треском взвились листья и неслись, жужжа, как красные жучки, - неслись красные перья, завивались в косицы, и красная голова пела зимовые песни.

- Сгинь, сгинь, пропади, чёрная немочь! - Скачут вкруг костра хороводом и чёрные и белые девки, притопывают, приговаривают, звенят в косы, бьют в чугуны, пока не ухнет красная голова, не зашипит уж больше ни одно красное пёрышко.

Сонной сохой по селу протянулась дорога, белая от высокого месяца. На месяце всё попрежнему подымал на вилы Каин Авеля.

Шатаясь, шёл по вымершему селу ведьмак Пахом, хватался за верею, дыхал гарным петушьим духом.

У Алёнина двора со двора в ночёвку бежит кот; ударил его Пахом посередь живота, сел на него, подкатил, как месяц, к окну, глазом надел на Алёну хомут, шептал в её след:

- Чтоб у неё, у миленькой, и спинушка и брюшенько красным опухом окинулись и с зудом.

Притрепался ведьмак, поманул зарю, иссяк, как дым: волю снимать, неволю накладывать.

Не дождалась Джурка отца, поужинала. Поужинав, обернулась в галочку, полетела за речку росицу пить.

Занялась заря.

БОГОМОЛЬЕ

Петька, мальчонка дотошный, шаландать куда гораздый, увязался за бабушкой на богомолье.

То-то дорога была. Для Петьки вольготно: где скоком, где взапуски, а бабушка старая, ноги больные, едва дух переводит.

И страху же натерпелась бабушка с Петькой и опаски, - пострел, того и гляди, шею свернёт либо куда в нехорошее место ткнётся, мало ли! Ну, и смеху было: в жизнь не смеялась так старая, тряхонула на старости лет старыми костя-

ми. Умора давай разные разности выкидывать: то медведя, то козла начнёт представлять, то кукует по-кукушечьи, то лягушкой заквакает. И озорничал немало: напугал бабушку до смерти.

- Нет, - говорит, - сухарей больше, я всё съел, а червяков, хочешь, я тебе собрал, вот!

«Вот тебе и богомолье, - полпути ещё не пройдено, господи!»

А Петька поморочил, поморочил бабушку да вдруг и подносит ей полную горсть не червяков, а земляники, да такой земляники, все пальчики оближешь. И сухари все целы-целёхоньки.

Скоро песня другая пошла. Уморились странники. Бабушка всё молитву творила, а Петька «Господи помилуй!» пел.

Так и добрались шажком да тишком до самого монастыря. И прямо к заутрене попали. Выстояли они заутреню, выстояли обедню, пошли к мощам да к иконам прикладываться.

Петьке всё хотелось мощи посмотреть, что там внутри находится, приставал к бабушке, а бабушка говорит:

- Нельзя, грех!

Закапризничал Петька. Бабушка уж и так и сяк, крестик ему на красненькой ленточке купила, ну помаленьку и успокоился. А как успокоился, опять за своё принялся. Потащил бабушку на колокольню колокол посмотреть. Уж лезли-лезли, и конца не видно, ноги подкашиваются. Насилу вскарабкались.

Петька, как колокольчик, заливается, гудит, - колокол представляет. Да что - ухватился

за верёвку, чтобы позвонить. Ещё, слава богу, монах оттащил, а то долго ли до греха.

Кое-как спустились с колокольни, уселись в холодке закусить. Тут старичок один, странник, житие пустился рассказывать. Петька ни одного слова мимо ушей не проронил, век бы ему слушать.

А как свалила жара, снова в путь тронулись.

Всю дорогу помалкивал Петька, крепкую думу думал: поступить бы ему в разбойники, как тот святой, о котором странник-старичок рассказывал, грех принять на душу, а потом к богу обратиться - в монастырь уйти.

«В монастыре хорошо, - мечтал Петька, - ризы-то какие золотые, и всякий божий день лазай на колокольню, никто тебе уши не надерёт, и мощи смотрел бы. Монаху всё можно, монах долгогривый».

Бабушка охала, творила молитву.

1905

КУПАЛЬСКИЕ ОГНИ

Закатное солнце, прячась в тучу, заскалило зубы - брызнул дробный дождь. Притупил дождь косу, прибил пыль по дороге и закатился с солнцем на ночной покой.

Коровы, положа хвост на спину, не мыча, прошли. Не пыль - тучи мух провожали скот с поля домой.

На болоте болтали лягушки-квакушки.

И *дикая кошка* - жёлтая иволга унесла в клюве вечер за шумучий бор, там разорила гнез-



до соловью, села ночевать под чёрной смородиной.

Тёплыми звёздами опрокинулась над землёй чарая Купальская ночь.

Из тенистых могил и тёмных погребов встало Навьё.

Плавали по полю воздушные корабли. Кудеяр-разбойник стоял на корме, помахивал красным платочком. Катили с погостов погребальные сани. Сами вёдра шли на речку по воду. И чаще расставлялись столы, убирались скатертями. И гремел в болотных огнях Навий пир мертвецов.

Криксы-вараксы скакали из-за крутых гор, лезли к попу в огород, оттяпали хвост попову кобелю, затесались в малинник, там подпалили собачий хвост, играли с хвостом.

У развилистого вяза растворялась земля, выходили из-под земли на свет посмотреть зарытые клады. И зарочные три головы молодецких, и сто голов воробьиных, и кобылья сивая холка подмаргивали зелёным глазом, - плакались.

Бросил Чёрт свои кулички, скучно: небо заколочено досками, не звонит колокольчик, - поманулось рогатому погулять по Купальской ночи. Без него и ночь не в ночь. Забрал Чёрт своих чертяток, глянул на четыре стороны, да как чокнется обземь, посыпались искры из глаз.

И потянулись на чёртов зов с речного дна косматые русалки; приковылял дед Водяной,



старый хрен кряхтел да осочьим корневищем помахивал, - чтоб ему пусто!

Выползла из-под дуба-сорокавца, из-под ярого руна сама змея Скоропея. Переваливаясь, поползла на своих гусиных лапах, лютые все двенадцать голов - пухотные, рвотные, блевотные, тошнотные, волдырные и рябая и ясная катились месяцем. Скликнула-вызвала Скоропея своих змей-змеёнышей. И они - домовые, полевые, луговые, лозовые, подтынные, подрубежные - приползли из своих нор.

Зачесал Чёрт затылок от удовольствия.

Тут прискакала на ступе Яга. Стала Яга хороводницей. И водили хоровод не по-нашему.

- Гуш-гуш, хай-хай, обломи тебя облом! - отмахивался да плевал заплутавшийся в лесу колдун Фаладей, неподтыканный старик с мухой в носу.

А им и горя нет. Защекотали до смерти под ёлкой Аришку, втопили в болото Рагулю - пошатаешься! ненароком задавили зайчонка.

Пошла заюшка собирать подорожник: авось поможет!

С грехом пополам перевалило за полночь. Уцепились непутные, не пускают ночь.

Купальская ночь колыхала тёплыми звёздами, лелеяла. Распустившийся в полночь купальский цветок горел и сиял, точно звёздочка.

И бродили среди ночи нагие бабы - глаз белый, серый, жёлтый, зобатый, - худые думы, тёмные речи.

У Ивана-царевича в высоком терему сидел в

гостях поп Иван. Судили-рядили, как русскому царству быть, говорили заклятские слова. Заткнув ладонь за семишёлковый кушак, играл царевич насыпным перстеньком, у Ивана-попа изпод ворота торчал козьей бородой чёртов хвост.

- Приходи вчера! - улыбнулся царевич.

А далёким-далёко гулким походом гнался серый Волк, нёс от Кощея живую воду и мёртвую.

Доможил-Домовой толкал под ледящий бок - гладил Бабу-Ягу. Притрушённая папоротником, задрала ноги Яга: привиделся Яге на купальской заре обрада - молодой сон.

Леший крал дороги в лесу да посвистывал, - тешил мохнатый свои совьи глаза.

За горами, за долами по синему камню бежит вода, там в дремливой лебеде Сорока-щектуха загоралась жар-птицей.

По реке тихой поплынёй плывут двенадцать грешных дев, белый камень алатырь, что цвет, томно светится в их тонких перстах.

И восхикала лебедью алая Вытарашка, раскинула крылья зарёй, - не угнать её в чёрную печь, - знобит неугасимая горячую кровь, ретивое сердце, истомлённое купальским огнём.

ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ

Валили валом густые облака, не изникали, - им сметы нет. За облаками возили копы, и туча шла за тучей, как за копой весёлая копа, поскрипывали колёса.

Ветром повеяло б, грянул бы гром! Не веяли ветры, не крапнул дождик.

Ни звериного потопу, ни змеиного пощипу.

В тихих заводях лебеди пели.

И разомкнулось тридевять золотых замков, раскуталось тридевять дубовых дверей - туча за тучу зашла - затрещало, загикало, свистело, гаркало.

Воробушки - ночные полуночники, выпорхнув, кинулись по небу летать.

Ковал кузнец воробьиную свадебку, ковал крепко-накрепко, вечно-навечно, - не рассушить её солнцем, не размочить дождём, не раскинет ветер, не расскажут люди.

Ковал кузнец Кузьма-Демьян вековой венок.

И стала перед невестою-воробушкой чужая сторона, не изюмом, горем усаженная, не травой, слезами покрытая.

Узлюлёкнула воробушка:

- Понеситесь вы, ветры, с высоких гор! Подуйте, ветры, на звонки колоколы! Вы ударьте, звонки колоколы, по сырой земле, расшатайте пески, раздвоите сыру землю на могиле матери. Вы сшибите, звонки колоколы, гробову доску! Сдуйте тонко-белое полотенце! Разомкните руки матери, раскройте глаза её, поставьте её на ноги. Не придёт ли она, не прилетит ли к моему дню, к часу великому.

Летали воробушки, прятались-тулились рахманные под небесные ракиты, под мосты калиновые, нагуливались воробушки до любви.

Раскунежились, пошли они пляс плясать



вприсядку, квасили, жарили друг дружку по носам. Один воробей в трубу скаканул, другой воробей в колодец упал, третий воробей невесть что наделал.

И падали кто как попало, бесхвостые, бесклювые, с неба на землю, - навалили горы воробьёвые. И ничего-то не родила гора, родила воробьёва гора один бел-горюч камень.

Заныло сердце, как малое дитятко:

- Родимая моя матушка! Что же ты ко мне не подшатнёшься? Призагуньте, призамолкните! Расступитесь, пропустите! Подшатнись-ка ты, посмотри на меня...

Засвирило небо, красно, что жар.

Раскачен жемчуг - васильковая слеза катится на грудь, с груди на траву.

Перекати-поле унесло слезу.

Не разжалила невеста сердце матери: знать, отволила она волю, отнежила негу, открасовала свою девичью красу?

Сердце матери оборотливо, сердце матери обернётся, - даст великое благословение.

И раскрылась могила, - стала мёртвая.

А там разбили сорок сороков, тридцать три бочки, - и хлынуло пиво-мёд пьяное-распьяное.

Все поля и луга, леса, перелески, заборы и крыши до корня смочены.

Первые петухи пропели - полночь прошла. И вторые петухи пропели - перед зарёй. И третьи петухи пропели - на самой заре.

А они, неугомонные, справляли великий за-



пой, хмельные ворушили, с пьяных глаз вили воробушки не воробьиное - гнездо ремезовое.

Догорела четверговая страстная свеча, закурились избы, - волоком от трубы до трубы стлались книзу сизые дымы.

Поросятки-викуны рылись под грушей в сладких падалках, а их была целая груда - непочатый край.

БОРОДА

С горки на горку, от ветлы до ветлы примчался ильинский олень, окунул рога в речке, - стала вода холоднее.

Тын зарастает горькой полынью, не видать перелаза.

В садах наливается яблоко: охота ему поспеть к Спасову дню.

И шумя висят, призаблёкнувши, листья. Утомлённые, клонятся никлые ветви.

Щебетливая птичка научает дитят перелётному делу. Один у неё лад на все прилучья:

- Скоро в путь опять!

Дождётся ль рябина студёных дней, нарядная, опустила она свои красные бусы к земле.

Шумный колос стелет по ниве сухое время.

На проходе страда. Подоспели дожинки.

Дожинают и вяжут последний сноп.

Уж кличут на Бороду.

И потянулся народ - белый мак - по селу на жнивьё.

А Борода стоит, развевается, золотая, ра-



- Вот вам моё завещание! - слабым голосом продолжал старик.
(стр. 126)



- Среди леса стоит избушка с красным оконцем... (стр. 126)



Старуха молча указала на заросшую тропу. (стр. 142)



А люди собирают Разрыв-травы... и верят в то, что... они достанут клад.
(стр. 154)



Из тенистых могил и тёмных погребов встало Навьё. (стр. 184)



Выползла из-под дуба-сорокавца, из-под ярого руна сама змея Скоропея. (стр. 186)



Вся затряслась Кикимора, заколебалась, от хохота за тощие животики схватилась. (стр. 195)



- Милая, - говорит, - моя, не боишься ли ты меня? (стр. 214)

зукладная, много янтаря в ней, много усика долгого, тонкого, острого, как серп.

- Завивать, завивать бородушку!

Разогнули солому, посыпают земли: пусть мать-сыра земля покроет её материнской пеленой на красное годьё, на новое лето, на весёлый дород.

- Нивка, отдай мою силу! - причитает-приговаривает жнея, красивая молодка Василиса в длинной белой рубахе с серпом на плече.

И катается молодка по жнивью, просит и молит свою ниву.

Несут девки межевые васильки, подвивают васильками Бороду, расцвечивают её васильками - крестовой слезой. И кругом, как ковёр, васильки.

Собрала Борода людей вместе, - поднялось на всю ниву веселье. Запалили солому, заварилась отжинная каша.

- Нивка, отдай мою силу!

И идут хороводом вокруг Бороды, ведут долгие песни, перевиваются долгие песни пригудкой, и опять на широкий разливной лад хороводы.

Село за орешенье солнце, тучей оделась заря.

А Борода в васильках разгорается.

Берёт коновода пляс.

Бросила молодка серебряный серп, подсучила рукава, сбила подпояску да из кона, пустилась в пляс.

Звенел её голос, звенела песня.

Катил за облаками Илья, грохотал Громовник на своей колеснице, аж поджилки тряслись.

И сбегался хоровод, разбегался, отклонившись назад, запрокинув голову, - это ласточки быстро неслись по земле, черкая крыльями.

Седой ковыль, горкуя голубем, набирался гульбы, устилал, шевелил, шёл по полю дальше и дальше за покосы, за болото, за зарю.

И зарёй ничего так не слышно, только слышно, только слышно, только слышно, только чутко:

- Нивка, отдай мою силу!

От четырёх птиц - железных носов, из-за тёмных каточин вышла молодая медведица посмотреть на Бороду.

Купёна-лупёна стращала медведицу тремя пальцами, ровно дитё рогатой козой.

Вындрик-зверь стремглав бежал за сине море.

И горел хоровод, пока солнце взошло.

КИКИМОРА

На петушке ворот, крутя курносым носом, с ужимкою крещенской маски, затейливо Кикимора уселась и чистит бережно своё копытце.

- Га! - прыснул тонкий голосок, - ха! ищи! а шапка вон на жерди... Хи-хи!.. хи-хи! А тот как чебурахнулся, споткнувшись на гладком месте!.. Лебёдкам-молодухам намяла я бока... Га! ха-ха-ха! Я Бабушке за ужином плюнула во щи, а Деду в бороду пчелу пустила. Аукнула-мяук-

нула под поцелуи, хи!.. - Вся затряслась Кикимора, заколебалась, от хохота за тощие животики схватилась.

- Тьфу! ты, проклятая! - отплёвывался прохожий.

- Га! ха-ха-ха! - И только пятки тонкие сверкнули за поле в лес сплетать обманы, причуды сеять и до умору хохотать.

1903

ОСЕНЬ ТЁМНАЯ

БАБЬЕ ЛЕТО

Унёс жаворонок тёплое время.

Устудились озёра.

Цветы, зацветая пустыми цветами, опадают ранней зарёй.

Сорвана бурей верхушка ёлки. Завитая с корня, опустила верба вялые листья. Высохла белая берёза против солнца, сухая, небелая пожелтела.

Дует ветер, надувает непогоду.

Дождь на дворе, в поле - туман.

Поломаны, протоптаны луга, уколочены зелёные, вбиты колёсами, прихлыснуты витою плёткой.

Скоро минует гулянье.

Стукнул последний красный денёк.

Богатая осень.

Встало из-за леса солнце - не нажить такого на свете - приобсушило лужи, сгладило скучную расторопицу.

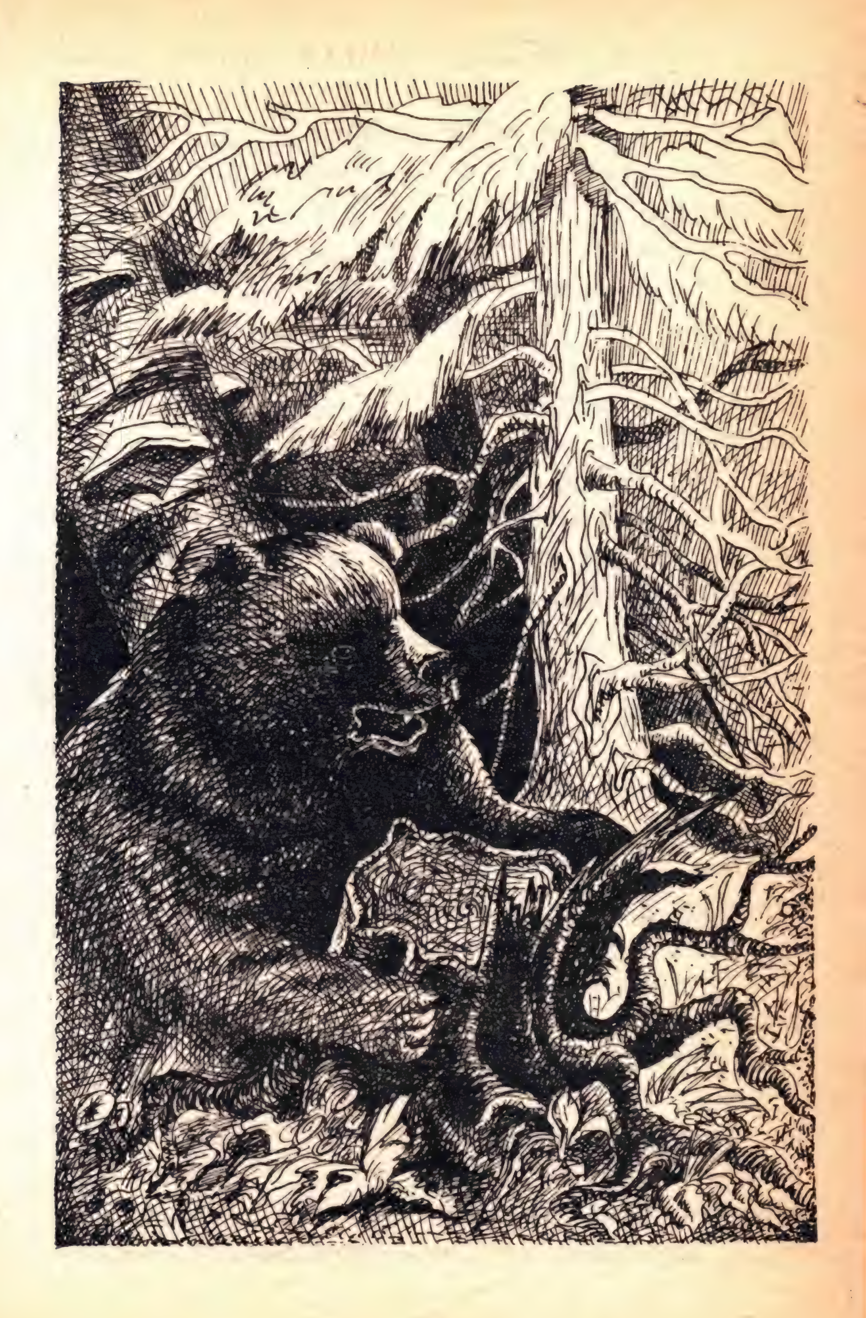
По полесью мимо избы бежит дорожка, - мхи, шурша сырым серебром среди золота, кажут дорожку.

Лес в пожаре горит и горит.

В белом на белом коне в венке из зелёной озими едет по полю Егорий, и сыплет и сеет с рукава бел жемчуг.

Изунизана жемчугом озимь.

И дальше по лесу вмиг загорается красный -



солнце во лбу, огненный конь, - раздаёт Егорий зверям наказы.

Лес в пожаре горит и горит.

И птицы не знают, не домекнуться певуньям, лететь им за море или вить новые гнёзда, и водные - лебеди - падают грудью о воду, плывут:

- Вылынь, выплывь, весна! - вьют волну и плывут.

Богатая осень.

Летит паутина.

Катит пеньё косолапый медведь, воротит колоды - строит мохнатый на зимовье берлогу: морозами всласть пососёт он до самого горлышка медовую лапу.

Собирается зайчик линять и трясётся, как листик: боится лисицы.

Померкло.

Занывает полное сердце:

«Пойти постоять за ворота!»

Тихая речка тихо гонит воды.

По вечеру плавно вдоль поля тянется стая гусей, улетает в чужую сторонку.

- Счастливая дорожка!

Далеко на селе песня и гомон: свадьбу играют.

Хороша угода, хорош хмель зародился - золотой венец.

Богатая осень.

Шум, гам, - наступают грудью один на другого, топают, машут руками, вон сама по себе от-

чаянно вертится сорвиголова молодуха - разгарчиво лицо, кровь с молоком, вон дед под хмельком с печи сорвался...

Кипит разгонщица каша.

Валит дым столбом.

Шум, гам, песня.

А где-то за тёмною топью конь колотит копытом.

Скрипят ворота, грекают дверью - запирает Егорий вплоть до весны небесные ворота.

Там катается по сеням последнее времечко, последний часок, там на своё житьё-бытьё испроведовают, там плачут по русой косе, там воля, такой не дадут, там не можно думы раздумать...

«Ей, глаза, почему же вы ясные, тихие, ненаглядные не источаете огненных слёз?»

Мать по-тёмному не поступит, вернёт тёплое время...

Сотлело сердце чернее земли.

- Вернитесь!

И звёзды вбиваются в небо, как гвозди, падают звёзды.

ЗМЕЙ

Петьку хлебом не корми, дай только волю по двору побегать. Тепло, ровно лето. И уж закатится непоседа, день-деньской не видать, а к вечеру, глядишь, и тащится. Поел, помолился богу, да и спать, - свернётся сурком, только посапывает.

Помогал Петька бабушке капусту рубить.

- Я тебе, бабушка, капустную муку сделаю, будет нам зимой пироги печь, - твердит таратора да рубит, что твой заправский: так вот себе и бабушке по пальцу отрубит.

А кочерыжки, как ни любил лакома, хряпал не очень много, а всё прибирал: сложит в кучку, выждет время и куда-то снесёт. Бабушке и невдомёк: знай похваливает, думает себе, - корове носит.

Какой там корове! Стоял у бабушки под кроватью старый-престарый сундучок, железом кованный, хранила в нём бабушка смертную рубашку, туфли без пяток, саван, рукописание да венчик, - собственными руками старая из Киева от мощей принесла, батюшки-пещерника благословение. И в этот-то самый сундучок Петька и складывал кочерыжки.

«На том свете бабушке пригодятся, сковородку-то лизать не больно вкусно...»

Случилось на Воздвиженье, понадобилось бабушке в сундучок зачем-то, открыла бабушка крышку да так тут же на месте от страха и села.

А как опомнилась, наложила на себя крёстное знамение, кочерыжки все до одной из сундучка повыбрасывала, окропилась святою водой, да силён, верно, окаянный - змей треклятый.

Стали они нечистые,.эти Петькины кочерыжки, представляться бабушке в сонном видении: встанет перед ней такая вот дубастая и торчит целую ночь, не отплюёшься. Притом же и дух нехороший завеялся в комнатах, какой-то

капустный, и ничем его не выведешь, ни *монашкой,* ни скипидаром.

А Петька диву даётся, куда из сундука кочерыжки деваются и нет-нет да и подложит.

«Пускай себе ест, корове и сена по горло».

Думал пострел, съедает их бабушка тайком на сон грядущий.

Бабушка на нечистого всё валила.

И не проходило дня, чтобы Петька чего-нибудь не напроказил. Пристрастился гулёна *змеев* пускать, понасажал их тьму-тьмущую по всему саду, и много хвостов застряло за дом.

Запускал Петька как-то раз змея с трещоткой, и пришла ему в голову одна хитрая хватка:

«Ворона летает, потому что у вороны крылья, ангелы летают, потому что у ангелов крылья, и всякая стрекоза и муха - всё от крыла, а почему змей летает?»

И отбился от рук мальчонка, ходит, как тень, не ест, не пьёт ничего.

Уж бабушка и то и другое, - ничего не помогает, двенадцать трав не помогают!

«А летает змей потому, что у него дранки и хвост!» - решает наконец Петька и, не долго думая, прямо за дело: давно у Петьки в голове вертело полетать под облаками.

Варила бабушка к празднику калиновое тесто - удалась калина, что твой виноград, сок так и прыщет, и тесто вышло такое разваристое, халва да и только. Вот и Петька этим самым тестом-халвой и вымазался, приклеил себе

дранки, как к змею, приделал сзади хвост из мочалок, обмотался ниткой да и к бабушке:

- Я, - говорит, - бабушка, змей, а то он так без подсадки летать не любит.

А старая трясётся вся, понять ничего не может, одно чувствует, наущение тут бесовское, да так, как стояла простоволосая, не выдержала и предалась в руки нечистому, - взяла она обеими руками клубок Петькин, пошла за Змием подсаживать его, окаянного.

Хочет бабушка молитву сотворить, а из-под дранок на неё ровно кочерыжка, хоть и малюсенькая, так крантиком, а всё же она, нечистая, - и запекаются от страха губы, отшибает всю память.

Влез Петька на бузину.

- Разматывай! - кричит бабушке, а сам как сиганёт и - полетел, только хвост зачиклечился.

Бабушка клубок разматывать разматывала, но что было дальше, ничего не помнит.

- Пала я тогда замертво, - рассказывала после бабушка, - и потоптал меня Змий лютый о семи голов ужасных и так всю царапал кочерыжкой острой с когтём и опачкал всю, ровно тестом, липким чем-то, а вкус - мёд липовый.

На Покров бабушка приобщалась святых тайн и Петьку с собой в церковь водила: прихрамывал мальчонка, коленку, летавши, отшиб, - хорошо ещё, что на бабушку пришлось, а то бы всю шею свернул.

«Конечно, всё дело в хвосте, отращу хвост,



хвачу на седьмое небо уж прямо к богу либо птицей за море улечу, совью там гнездо, снесусь...» - Петька усердно кланялся в землю и, будто почёсываясь, ощупывал у себя сзади под штанишками мочальный змеев хвостик.

Бабушка плакала, отгоняла искушения.

РАЗРЕШЕНИЕ ПУТ

- Иди к нам, бабушка, иди, пожалуйста, глянь: наша Вольга уж твёрдо на ножки встаёт!

Старая вещая знает: с верёвкой дитё народилось, крепко-накрепко запутаны ноги верёвкой, надо верёвку распутать - и дитё побежит.

Старая вещая знает, ножик вострит.

Девочка ручками машет, смеётся, а ротик зубатый - зубастая щука, знай тараторит...

Да стой же, постой! - Тянутся жёсткие пальцы к рубашке, защепила старуха за ворот, разрывает тихонько.

Заискрились синие глазки, светится тельце.

Старая вещая знает, - видит верёвку, шепчет заклятье, режет.

- Пунтилей, Пунтилей, путы распутай, чтобы Вольге ходить по земле, прыгать и бегать, как прыгает в поле зверьё полевое, а в лесе лесное. Сними человечье проклятье с младенца...

И девочка ножками топ-топ топочет. Вот побежит... не поспеть и серому волку!

- Бабушка, ты за плечами распутай, бабушка... чтобы летать...

Старая вещая знает. Ножик горит под костлявой землистой рукой.

Девочка вся задрожала... Шепчет старуха:

- Будет летать.

ПЛАЧА

Красное солнце, высоко ты плаваешь в синих сумрачных реках небес - там волнистые поля облаков неустанно бегут.

И ты, сын красного солнца, белый мой свет, ты озаряешь мать-землю.

И ты, ухо ночи - подруга-луна, ты тихо восходишь, идёшь над землёю, следишь за ростом трав, за шумом леса, за плеском рек, за моим сном.

И ты, семицветная радуга, бык-корова небесных полей, ты жадно пьёшь речную студёную воду.

Пожелайте счастья мне от матери-земли, сколько на небе осенних звёзд!

Пожелайте счастья мне от светлого востока, сколько белых цветов земляники!

Пожелайте счастья мне от синих сумерок запада, сколько алых лепестков диких роз!

Пожелайте счастья мне от ледяного севера, сколько зелёных цветов смородины!

Пожелайте счастья мне от знойного юга, сколько на ниве золотого зерна!

Пожелайте счастья мне от широкой реки, сколько рыб на глубоком дне!

Пожелайте счастья мне от дремучего леса, сколько скрыто вольных птиц!

Пожелайте счастья мне от тёмного бора, сколько зреет ягод в бору!

Пожелайте счастья мне от топких болот, сколько сосен стоит кругом!

Пожелайте счастья мне, солнце! белый свет! луна, радуга!

Пожелайте великим своим пожеланием с поверх головы до подножия ног.

ТРОЕЦЫПЛЕННИЦА

С дерева листьё опало, раздувается ветром.

По полям ходит ветер, всё поднимает, несёт холод и дождик.

Протяжная осень.

Запустели сады, улетают последние птицы. Приунывши, висят сорные гнёзда.

Попрятались звери. Некому вести принесть на хвосте: скрылся в нору хомяк, залёг лежебока.

Намутили воду дожди, не состояться воде, река - половодье.

И по тинистым ямам, где раки зимуют, сонные бродят водяники.

Протяжная осень.

Все пути и дороги исхожены, - невылазная грязь.

Черти торят пути, не траву - трын-траву очертя голову косят да на межевом бугорке, на черепках, в свайку играют.

Волей-неволей, без прилуки летают стада-



ми с места на место чёрные галки, падают накось, кричат. Воробьи, гоняя собак, почувыркивают.

Пошла непогода. Ненастье.

Бедовое время в тёплой избе.

В свины-поздни, лишь засмеркалось, трубой ввалились в избу непорочные благоверные вдовы.

Наглухо заперли двери.

Бросили вдовы свои перекоры, прямо с места уселись за стол.

На Хватавщину вдовы угощались блинами - поминали родителей, на Семик собирали сохлые старые цветы, а теперь черёд и за курицей: не простая курица - *троецыпленница*. Троецыпленница - трижды сидела на яйцах, три семьи вывела: пятьдесят пять кур, шестьдесят петухов - добыча немалая!

Чинно роспили вдовы бутылку церковного, поснимали с себя подпояски, обмотали подпояской бутылку и пустую засунули Кузьме за пазуху.

Долговязый Кузьма, по-бабьи повязанный, петухом петушится, улещает словами, потчует вдов наповал.

И в полном молчании не режут - ломают курицу вдовы, едят по-звериному, чавкают.

Так по косточкам разберут они всю троецыпленницу да за яичницу.

А она, глазунья, и трещит и прыщет на жаркой сковородке, обливается кипящим душистым салом.

Досыта, долго едят, наедаются вдовы.

Оближут все пальчики да с заговором вымоют руки и до последней пушинки всё: косточки, голову, хвост, перья и воду соберут всё вместе в корчагу.

И зажигаются свечи.

Мокрыми курицами высыпают вдовы с корчагой на двор.

Вырыли ямку, покрыли корчагу онучей, закапывают курочку.

И все, как одна, не спеша с пережёвкой, с перегнуской затянули вдовы над могилкой куриную песню.

Песней славят-молят троецыпленницу.

Тут Кузьма, не снимая платка, избоченился.

Не подкузьмит Кузьма, вьёт из себя верёвки, хочешь, пляши по нём, только держись!

И разводят вдовы бобы, кудахчут, как куры, алалакают.

Обдувает холодом ветер, помачивает дождик.

Вцепляется бес в ребро, подаёт Водяной человеческий голос.

Темь, ни зги. Скоро петух запоёт.

Мольба умолкает. В избе тушат огни.

Протяжная осень.

На задворках щенята трепали онучу, потрошили священные перья троецыпленницы.

Растянувшись бревном, гнал по дому Кузьма, кукурекал.

А дождь так и сеет и сеет.

Протяжная осень.

НОЧЬ ТЁМНАЯ

Не в трубы трубят, - свистит ветер-свистень, шумит, усбушевался. Так не шумела листьями липа, так не мели мётлами ливни.

Хунды-трясучки шуршали под крышей.

Не гавкала старая Шавка, свернувшись, хоронилась Шавка в сторожке у седого Шандыря - Шандырь-шептун пускал по ветру нашёпты, сторожил, отгонял от башни злых хундов.

В башне шёл пир: взбунтовались ухваты, заплясала сама кочерга, Пери да Мери, Шуды да Луды - все шуты и шутихи задавали пляс, скакали по горнице, инда от топота прыгал пол, ходила ходуном половица.

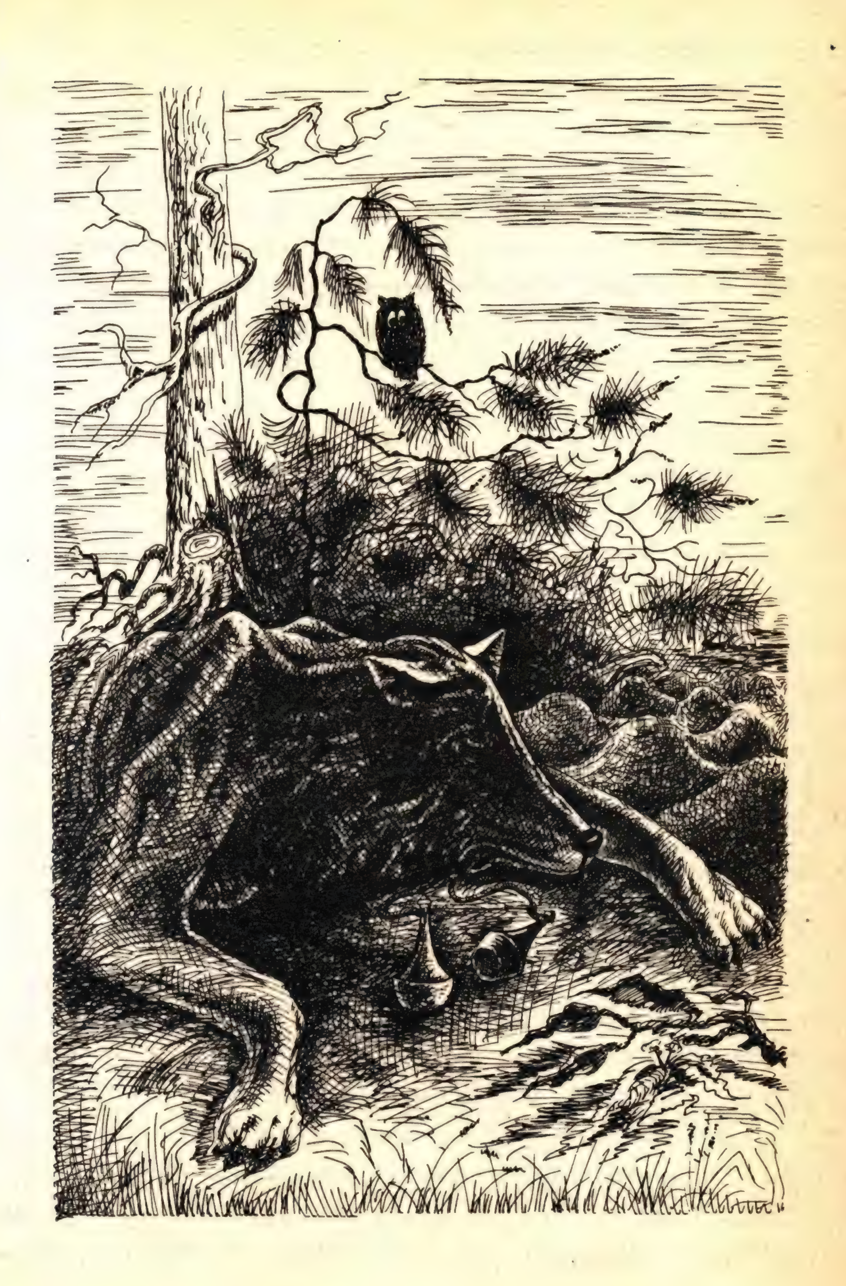
Бледен, как месяц, сидел за столом Иван-царевич.

За шумом и непогодой не было слышно, сказал ли царевич хоть слово, вздохнул ли, посмотрел ли хоть раз на невесту царевну Копчушку.

В сердце царевны уложил ветер все её мысли.

Прошлой ночью царевне нехороший приглазился сон, но теперь не до сна, только глазки сверкают.

Ждали царевича долго, не год и не два, тёмные слухи кутали башню. Каркал Кок-Кокоряшка: «Умер царевич!» А вот дождались: сам прилетел ясный сокол.



Всем заправляла Коза: известно, Коза - на все руки, не занимать ей ума - и угостить, и позабавить, и хохотать верховая.

А ветер шумел и бесился, свистел свистень, сёк тучи, стрекал звезду о звезду, заволакивал тёмно, гнул угрюмо, уныло густой сад, как сухую былину, и колотил прутья о прутья.

Ходила ведьма Коща вокруг башни, подслушивала.

Плотно в башне затворёны ставни, - чуть видная щёлка. Покажется месяц, западёт в башню и бледный играет на мёртвом - на царевиче мёртвом.

Давным-давно на серебряном озере у семи колов лежит друг его, серый Волк, и никто к серому не приступится. Отгрызли серому Волку хвост, - не донёс серый Волк до царевича воду! - и рядом с волком в кувшинчиках нетронутая стоит живая вода и мёртвая: не придёт ли кто, не выручит ли серого! А Иван-царевич за крепкими стенами, и никто к нему не приступится. Ивана-царевича - уж целая ночь прошла - за крепкими стенами повесили.

- Пронюхает Коза, догадается... скажет царевне, возьмёт, вспрыснет царевну: «С гуся вода, с лебедя вода...» - тут ведьма Коща поперхнулась, крикнула Соломину-воромину.

Соломина-воромина тут как тут.

Села Коща на корявую да к щёлке. Отыскала сучок, хватила безымянным пальцем сучок - украла язык у Козы:



- Как сук ни ворочается, как безымянному пальцу имени нет, так и язык не ворочайся во рту у Козы.

И вмиг онемела Коза, испугалась Коза, бросила башню. Ушла Коза в горы.

Черви выточили горы. Червей поклевали птицы. Птицы улетели за тёплое море.

Пропала Коза. И никто не знает, что с Козой и где она колобродит рогатая.

А ведьма Коща вильнула хвостом и - улизнула: ей, Коще, везде место!

И кончился пир.

Пери да Мери, Шуды да Луды - все шуты и шутихи нализались до чёртиков, в лёжку лежали.

Хунды-трясучки трясли и трепали седого шептуна-Шандыря. Мяукала кошка Шавка от страха.

Сел царевич с Копчушкой-царевной, поехали.

Едут.

А ночь-то тёмная, лошадь чёрная.

Едет-едет царевич, едет да пощупает: тут ли она?

Выглянет месяц. Месяц на небе, - бледный на мёртвом играет. Мёртвый царевич живую везёт.

Проехали гремуч вир проклятый.

А ночь-то тёмная, лошадь чёрная.

- Милая, - говорит, - моя, не боишься ли ты меня?

- Нет, - говорит, - не боюсь.

Проехали чёртов лог.

А ночь-то тёмная, лошадь чёрная.

И опять:

- Милая, - говорит, - моя, не боишься ли ты меня?

- Нет, - говорит, - не боюсь, - а сама ни жива ни мертва.

У семи колов на серебряном озере, где лежит серый Волк, у семи колов как обернётся царевич, зубы оскалил, мёртвый - белый - бледный, как месяц.

- Милая, - говорит, - моя, не боишься ли ты меня?

- Нет...

А ночь тёмная, лошадь чёрная...

- Ам!!! - съел.

ЗИМА ЛЮТАЯ

КОРОЧУН

Дунуло много, - буйны ветры.
Все цветы привозблёкли, свернулись.
Вдарило много, - люты морозы.

—

Среди поля весь в хлопьях драковитый дуб, как белый цветок.

Катят и сходятся пухом снеговые тучи, подползает метелица, порошит пути, метёт вовсю, бьёт глаза, заслепляет: ни входу, ни выходу.

И ветер Ветреник, вставая вихорем, играет по полю, врывается клубами в тёплую избу: не отворяй дверь на мороз!

Царствует дед Корочун.

В белой шубе, босой, потряхивая белыми лохмами, тряся сивой большой бородой, Корочун ударяет дубиною в пень, - и звенят злющие зюзи, скребут коготками морозы, аж воздух трещит и ломается.

Царствует дед Корочун.

Коротит дни Корочун, дней не видать, только вечер и ночь.

Звонкие крепкие ночи.

Звёздные ночи, яркие, всё видно в поле.

Щёлкают зубом голодные волки.

Ходит по лесу злой Корочун и ревёт - не попадайся!

А из-за пустынных болот со всех четырёх сторон, почуя голос, идут к нему звери без попяту, без завороту.

Непокорного - палкой, так что секнёт надвое кожа.

На изменника - семихвостая плётка, семь подхвостников: раз хлеснёт - семь рубцов, другой хлеснёт - четырнадцать.

И сыплет и сыплет снег.

Люты морозы, - глубоки снеги.

Не скоро Свету - солнцу родиться, далёк солноворот. Хорошо медведю в тёплой берлоге, и в голову косматому не приходит перевернуться на другой бок.

А дни всё темней и короче.

На голодную кутью ты не забудь бросить Деду первую ложку, - Корочун кутью любит. А будешь на Святках рядиться, нарядись медведем, - Корочун медведя не съест.

И разворочался, топает, месяц катает по небу, стучит неугомонный, - Корочун неугомонный.

Старый кот Котофей Котофеич, сладко курлыкая, коротает Корочуново долгое время, - рассказывает сказки.

МЕДВЕДЮШКА

1

Среди ночи проснулась Алёнушка.

В детской душно. Нянька Власьевна храпит и задыхается. Красная лампадка нагорела: красное пламя то вспыхнет, то погаснет.

И никак не может заснуть Алёнушка: страшно ей и жарко ей.

«Папа поздно пришёл, - вспоминается Алё-

нушке, - я собиралась спать, папа и говорит: «Смотри, Алёнушка, на небо, звёзды упадут!» И мы с мамой долго стояли, в окно глядели. Звёзды такие маленькие, а золотой водицы в них много, как в брошке у мамы. Холодно у окна, долго нельзя стоять. Когда идёшь с папой к ранней обедне, тоже холодно: колокол звонит, как к покойнику, Власьевна вчера рассказывала, будто покойник Иван Степанович рукой во сне её ловит... А звёзд много на небе, звёзды разговаривают, только не слыхать. Дядя Фёдор Иваныч говорит, будто летает он к звёздам и ночью слушает, как звёзды поют тонко-тонко. Днём их нет, днём они спят. Тоже и я полечу, только бы достать золотые крылья... А папа подошёл и говорит: «Алёнушка, звезда падает!» И золотая ленточка долго горела на небе и потом пропала. Холодно звёздочке, где-нибудь лежит она, плачет, - моя звёздочка!»

Алёнушке так страшно и так жалко звёздочки, заныла Алёнушка: - Попить, няня, по-пи-ть!

И когда Власьевна-нянька подаёт Алёнушке кружку, Алёнушка жадно пьёт, вытягивая губки.Теперь Алёнушка свернулась калачиком и заснула.И кажется ей, летит она куда-то к звёздам, как летает дядя Фёдор Иваныч, попадаются ей навстречу звёздочки, протягивают свои золотые лапки, сажают её к себе на плечи и кружатся с ней, а месяц гладит её по головке и тихо шепчет на самое ушко:

«Алёнушка, а Алёнушка, вставай, солнышко проснулось, вставай, Алёнушка!»



Алёнушка щурит глазыньки, а всё ещё кажется ей, будто летит она к звёздам, как дядя Фёдор Иваныч.

- Что тебя не добудишься, вставай скорее! - Это мама, мама наклонилась над кроваткой, щекочет Алёнушку.

2

Алёнушкина звёздочка долго летала и упала наконец в лес, в самую чащу, где старые ели сплетаются мохнатыми ветвями и страшно гудят.

Проснулся густой, сизый дым, пополз по небу, и кончилась зимняя ночь.

Вышло и солнце из своего хрустального терема нарядное, в красной шубке, в парчовой шапочке.

Прозрачная, с синими грустными глазками, лежит Алёнушкина звёздочка неподалёку от заячьей норки на мягких иглах: вдыхает мороз.

А солнышко походило-походило над лесом и ушло домой в свой хрустальный терем.

Поднялись снежные тучи, залегли по небу, стало смеркаться.

Дребезжащим голосом затянул ветер-ворчун свою старую зимнюю песню.

Глухая метель прискакала, глухая кричит.

Снег заплясал.

Дремлет у заячьей норки бедная звёздочка, оттаявшая слезинка катится по её звёздной щеке и замерзает.

И кажется звёздочке, она снова летит в хороводе с золотыми подругами, им весело и хохо-



чут они, как хохочет Алёнушка. А ночь хмурая старой нянькой Власьевной глядит на них.

3

Выставляли рамы.

Целый день стоит Алёнушка у раскрытого окна.

Чужие люди проходят мимо окна, ломовые трясутся, вон плетётся воз с матрацами, столами и кроватями.

«Это на дачу!» - решает Алёнушка.

А небо голубое, чистое, небо Алёнушке ровно улыбается.

- Мама, а мама, а когда мы на дачу? - пристаёт Алёнушка.

- Уберёмся, деточка, сложим всё и поедем далеко, дальше, чем прошлым летом! - сказала мама: мама шьёт халатик Лёве, и ей некогда.

«Поскорей бы уехать!» - томится Алёнушка.

На игрушки и смотреть Алёнушке не хочется, такие деревянные игрушки скучные. Игрушкам тоже зима надоела.

Долго накрывают на стол, стучат тарелками.

Долго обедают, Алёнушке и кушать не хочется.

Приходит дядя Фёдор Иваныч, говорит с мамой о каких-то стаканах, смеётся и дразнит Алёнушку.

А Алёнушка слоняется из угла в угол, заглядывает в окна, капризничает, даже животик у ней разболелся.

Не дожидаясь папы, уложили её в кроватку.

И сквозь сон слышит Алёнушка, как за чаем папа и мама и дядя Фёдор Иваныч в столовой толкуют об отъезде на дачу в лес дремучий, где деревья даже в доме растут, над крышей растут. Вот какие деревья!

Головка у Алёнушки кружится.

Ей представляется большая зелёная ёлка, ярко освещённая разноцветными свечками, в бусах, в пряниках, ёлка идёт на неё, а из тёмных углов крадутся медведи и белые и чёрные в золотых ошейниках, с бубенцами, с барабанами, и падают, летают вокруг медведей золотые звёздочки.

«А где та, моя, где моя звёздочка? - вспоминает Алёнушка. - Дядя сказал, вырастет из неё такая же девочка, как я, или зверушка. И что это за такая зверушка?»

- Ну что, Алёнушка, как твой животик? - Это папа, папа тихонько наклонился над Алёнушкой, крестит её.

- Не-т! - сквозь сон пищит Алёнушка.

- Выздоравливай скорей, деточка, на дачу завтра едем, горы там высокие, а леса дремучие!

Алёнушка перевернулась на другой бок, крепко-крепко обняла подушку и засопела.

4

Как-то сразу замолкли вихри, и разлившиеся реки задремали.

Зарделись почки, кое-где выглянули первые шёлковые листики.

Седые, каменные ветки оленьего моха бледно зазеленелись, разнежились; поползли на цеп-

ких бархатисто-зелёных лапках разноцветные лишаи; медвежья ягода покрылась восковыми цветочками.

Птицы прилетели, и в гнёздах запищали маленькие детки-птички.

Проснулась у заячьей норки и Алёнушкина звёздочка. За зиму-то вся покрылась она шерстью, как медведюшка. На лапках у ней выросли острые медвежьи коготки, и стала звёздочка не звездой, а толстеньким, кругленьким медвежонком.

Хорошо медвежонку прыгать по пням и кочкам, хорошо ему сучья ломать, наряжаться цветами.

Скоро научится он рычать по-медвежьи и пугать маленьких птичек.

- Сидите, детки, в гнёздышках, - учит мать-птица, - медведюшка ходит, укусить не укусит, а страху от него наберётесь большого.

Целыми днями бродит медвежонок по лесу, а устанет - ляжет где-нибудь на солнышке и смотрит: и как муравьи с своим царством копошатся, и как цветочки да травки живут, и как мотыльки резвятся, - всё ему мило и любопытно.

Полежит, поотдохнёт медвежонок и пойдёт. И куда-куда не заходит: раз чуть в болоте не завяз, насилу от мошек отбился, и смеялись же над ним незабудки, мхи хохотали, поддразнивали. А то повстречал чудовище... птицы сказали, - *охотник.*

- Человека остерегайся, глупыш! - долбил дятел: - Человеки тебя в цепь закуют. Вон Сквор-



ца Скворцовича изловили, за решёткою теперь, воли не дают. Летал к нему: «Жив, пищит, корму вдосталь, да скучно». У них всё вот так!

А медвежонку и горя мало, прыгает да гоняется за жуками, и только, когда багровеет небо и серые туманы идут дозором и месяц выходит любоваться на сонный лес, засыпает он где попало и до утра дрыхнет.

Как-то медвежонок и заблудился.

А ночь шла тёмная, душная.

Птицы и звери ни гугу в своих гнёздах и норках.

Ходил медвежонок, ходил, и так вдруг страшно стало, принялся выть, - а голоса не подают. И собрался уж под хворост лечь, да вспомнился дятел.

«Ещё сцапают да в цепь закуют, пойду-ка лучше!»

По лесу пронёсся долгий, урчащий гул, и листья затряслись, ровно от ужаса. Голубые змейки прыгали на крестах елей, и что-то трескалось, билось у старых, рогатых корней.

Как угорелый, пустился медвежонок куда глаза глядят, бежал-бежал, исцарапался, дух перевести не может, хвать - голоса, огонёк. Обрадовался.

«Птичье гнездо!» - подумал.

А огонёк разгорался, голоса звенели.

Раздвинул медвежонок кусты и видит: огромный светлый зал, много чудовищ-охотников, едят охотники и что-то лопочут.

- Ты, Алёнушка, - говорит мама, - одна в лес

не ходи, там тебя медведи съедят. Дядя Фёдор Иваныч намедни пошёл на охоту, а ему медвежонок навстречу, крохотный, с тебя!

- Папа, а папа, - обрадовалась Алёнушка, - поймай ты мне этого медвежонка, я играть с ним буду!

А медвежонок, как услыхал, зарычал и вышел.

- Смотрите, смотрите, - кричала мама, - вон медвежонок!

Тут все бросились из-за стола.

- Медведюшка, иди, иди к нам, ужинать с нами, медведюшка! - прыгала Алёнушка.

И медведюшка подошёл, нюхнул, - очень уж понравилась ему беленькая девочка.

И Алёнушке медведюшка очень понравился: усадила она его рядом с собою, гладила мордочку, тыкала в нос ему белый хлеб. А он ласково смотрел в её светлые глазки, сопел: так устал и напугался.

- Ну, вот и медвежонок у тебя, играй с ним, а теперь отправляйся в кроватку, и так засиделась!

- И он со мною? - робко спросила Алёнушка.

- Нет уж, иди одна, его к кусту папа привяжет!

Мама сердилась на папу за суп, и Алёнушка, едва сдерживая слёзы, одна пошла в детскую.

Долго не спалось ей, всё она думала о медвежонке, как они вместе в лес будут ходить, как ягоды собирать, - бояться некого, никто с медвежонком не съест.

- Медведюшка, миленький мой медведюшка, бедненький! - шептала Алёнушка и засыпала.

5

Как проснётся Алёнушка, прямо бежит к медведюшке, отвяжет его от куста и чего-чего только не делает: и тискает его, и надевает папину старую шляпу, и садится верхом или долго водит за лапку и разговаривает.

Медведюшка всё понимает, только говорить не может, рычит.

Так незаметно проходят дни.

С Алёнушкой хорошо медведюшке, а привязанный он тоскует, вспоминает птиц и зверей разных.

Подошла осень, захолодели ночи. Уж изредка топили печи.

Медведюшка слышал, как папа и мама разговаривали об отъезде домой, и Алёнушка брала его за лапку, гладила, целовала в мордочку.

- Скоро один останешься, - говорила она медведюшке, - папа и мама не хотят тебя брать, ты кусаться будешь.

А сегодня мама сказала Алёнушке, чтобы она не очень-то водилась с медведюшкой.

- Дядя вон погладил твоего медведюшку, а он его за нос и цап!

«Уж не удрать ли в лес, а то убьют ещё!» - раздумывал медведюшка, и так ему было тоскливо, и больно, и жалко Алёнушку.

Собирались уезжать.

Вечером приехали гости, и мама играла на рояли.



Когда же дядя запел, начал и медведюшка подвывать из куста.

И вдруг рассвирепел, оборвал ошейник да прямо в зал.

Все страшно перепугались, словно пожара какого, бросились ловить медвежонка.

А когда поймали его, тяпнул он маму за палец.

Тут все закричали.

- Мой медведюшка, не троньте его! - визжала Алёнушка.

А медведюшку связали и потащили.

- Куда вы дели моего медведюшку? - всхлипывала Алёнушка, вытягивала длинно-длинно свои оттопырки-губки.

- Ничего, деточка, - утешала Власьевна, - в лес его пустят ходить, там ему способнее будет. Спи, Алёнушка, спи, утресь домой поедем, игрушки-то поди соскушнились по тебе!

- Не надо мне игрушков, - медведюшка мой, какие вы все-е!

Личико её раскраснелось, слёзы бегут...

6

Частые-частые звёзды осенние из серебра, золотые тихо перелетают, льются по небу.

Месяц куда-то ушёл.

Трещат сучья. Улетают листья, гудят.

- Медведюшка идёт, прячьтесь скорее! - перекликаются птицы и звери.

С шумом раздвигая ветви, выходит медведюшка: на шее у него оборванная верёвка, и торчит клоками шерсть.

Насупился.

Так подходит медведюшка к берлоге, разрывает хворост, спускается в яму, рычит:

- Спать залягу да поотдохну малость!

И раздаётся по всему лесу храп: это медведюшка лапу сосёт, спит.

Стаями выпархивают птицы, собираются в стаи, улетают птицы в тёплые страны, покидая холод, оставляя старые гнёзда до новой весны.

Лампадка защурилась, пыхнула и погасла.

Серый утренний свет тихомолком подполз к двойным рамам окон, заглянул украдкой в детскую.

Ночная тьма поседела и медленно побрела по потолку и стенам, а по углам встали тени - столбы мутные, какие-то сонные.

Котофей Котофеич, чёрный бархатный кот, приподнялся на своих белых подушечках-лапках, изогнулся и, сладко зевнув, прыгнул к Алёнушке на кроватку.

Алёнушка таращила заспанные глазыньки: уж не медведюшка ли бросился съесть её?

А Власьевны нет...

На кухне глухо стучат и ходят.

Кот подвернул лапки, вытянул усатую мордочку и запел.

Теперь совсем не страшно.

«Господи, - мечтает Алёнушка, - хоть бы Рождество поскорее, а там и Пасха, к заутрене пойду, на Пасху хорошо как!»

Опухшие за ночь губки серьёзничают, а личико светится, и улыбается Алёнушка, словно

вот уж волхвы идут со звездою, большущую тащат ёлку, в пряниках.

1900

МОРЩИНКА

1

В чистом поле жили-были две мышки: Алишка-кургузка и Морщинка-долгоуска. Старая Алишка ходила на промысел добывать себе на день пищу, а молоденькой наказывала, чтобы сидела себе дома, убирала постельки.

Постельки у мышек были из листьев, подушки из цветочков, одеяльца из душистой травки.

Хорошо было Морщинке в тесной норке, да не весело. Крошечное окошечко из мотыльковых крылышек пропускало чуть маленький жёлтый светик. Темно было в норке.

Усядется мышка на сырой подоконник, грызёт морковку и думает либо усиком по стёклышку выводит тонкими буковками *чистое поле.*

Никогда не видала Морщинка чистого поля.

В тёплый полдень возвращалась с добычи Алишка, приносила еды, угощала Морщинку.

Сидели мышки, в молчании кушали.

А потом в постельки ложились.

- Тётушка, тётушка, расскажи мне про чистое поле, - приставала Морщинка-долгоуска.

- Про чистое поле? - зевала Алишка, трудно было кургузке рассказывать после обеда, - чистое поле просторно, в поле тепло и раздолье, за полем топкое болото, там живут незабудки, за

болотом дремучий лес, за лесом быстрая речка, за речкой гора-курган, на горе Забругальский замок.

- Ой, ой, как страшно, вот бы туда! - пищала Морщинка.

- А Носатая птица?

- Какая Носатая?!

- А такая, сидит на болоте. Словит тебя, да и скушает.

- А я не поддамся!

- Один такой не поддался! - отстраняла сердито сонная Алишка.

В щёлку дверки проходил ветерок, приносил с поля пыльцу душистую. Мышек морило.

- Тётушка, а тётушка, расскажи мне про Носатую птицу!

Но уж тётушка задавала храп во всю ивановскую.

2

Раз замешкалась старая Алишка в поле. Морщинка одна осталась, убрала Морщинка постельки и скуки ради зубки точила. Точила-точила и выглянула из норки. И ей понравилось. Повела Морщинка долгим усиком - да в чистое поле.

Вот она, листик за листик, кусток за кусток, мимо Носатой птицы, мимо чудищ, по болоту, по лесу, по речке на горку-курган и очутилась у Забругальского замка.

Долго ли, коротко ли - пришла Алишка домой, принесла кулёк разных съедобных, хвать-похвать, а Морщинки нет в норке.

Не пила старая с горя, не ела, достала из-под подушки карты, стала гадать.

- На кого ты меня покинула! - плакала Алишка, утиралась платочком из листьев.

Выходило по картам такое, что страсть: и Клешня, и Носатая птица, и какие-то раки...

- На кого ты меня покинула! - плакала Алишка, да так и проплакала вплоть до глубокой ночи.

А Морщинка походила-походила вкруг страшного замка, шмыгнула в ворота и попала в чистую кладовую.

А в чистой кладовой чего-чего не было: и пирожки слоёные сладкие, и ветчина с горошком, и мыло розовое, и разноцветные свечки.

Всего Морщинка отведала. Досыта наелась, села в уголок, посидела, запела песенку да подумала.

И уходить неохота. Не жизнь, а масленица!

Взяла мышка свечку под мышку, да и за ворота.

С горки по речке, с речки по лесу, из леса в болото, с болота по полю мимо Носатой птицы, мимо чудищ, - прибежала домой Морщинка, говорит Алишке:

- Тётушка, тётушка, что мы в этой своей противной норке холодаем да голодаем. Пойдём-ка в Забругальский замок.

- Да ты что, с ума, что ли, спятила? - всплеснула руками Алишка.

А Морщинка на тётушку: рассказала ей о

замке, о зубчатых стенах, и какая остроносая башня, и какие ворота, рассказала про чистую кладовую и про все сладкие лакомства.

Не тут-то было. Старую не уломаешь.

Ела старая свечку, похваливала, на своём стояла.

- А Носатая птица меня и не скушала! - хвасталась Морщинка.

- А Клешня одноглазая?

- Какая одноглазая?!

- А такая, в речке живёт. Сцапает тебя, защемит головку в колени да всю с косточками и проглотит.

- Ан не проглотит! - пищала Морщинка.

Утро вечера мудренее.

Тихо лежали мышки в постельках.

Тихий дождик в поле шёл, кропил цветочки, да травки, да ягодки.

- Тётушка, а тётушка, расскажи мне про Клешню одноглазую!

А тётушка уж седьмой сон видела, горы городила.

3

Ещё до свету подняла Алишка Морщинку с постельки.

Ночью старой сон снился: приходила к ней Коза - золотые рога, хороводилась.

Видеть Козу во сне - хорошо, а Козла - неприятность.

Принарядилась старая, и Морщинка принарядилась. Долго мышки вертелись у зеркальца,

зеркальце у мышек - росинка, охорашивались мышки.

Уж солнце взошло, когда вышли мышки из норки в свой опасный путь. Полем шли хорошо.

Чистое поле просторно, в поле тепло и раздолье, от ночного дождя глазки у травок горели, и развевались кудряшки на синих цветочках.

- Тётушка, тётушка, чистое поле! - пищала Морщинка.

Старая застилась лапкой.

- Тётушка, сколько цветочков на поле!

Старая думала думу: голубело под носом топкое болото.

Мышки притихли, мышки согнулись.

- Чего вы тут шляетесь! - окрикнула Носатая птица.

Большие были передряги в болоте. Ползком ползли мышки.

- Мы только в замок, - шептала Алишка: колотилось у мышек сердечко.

- А! Так вы в замок... - разинула клюв Носатая птица.

Едва улизнули от Птицы.

- Наказание с тобою, - ворчала Алишка, оступаясь о кочки.

В тревоге достигли мышки дремучего леса.

Откуда ни возьмись Коза - золотые рога.

- Куда, - говорит, - вы, мышки, путь держите?

Сели мышки в холодок под кустик, всё Козе рассказали.

- Ну, идите, Бог с вами, только моих козля-

ток не трогайте! - погрозила Коза пальчиком.

- Да уж не тронем, что ты, Коза! - в голос сказали мышки, попрощались с Козой и пошли себе дальше.

А дальше лелеялась быстрая речка.

Сели мышки в лодочку, поехали. Ехали, мочили в воде лапки, перемигивались с рыбками.

Хорошо на речке, вода студёная, любо поплавать под солнышком.

Захотелось мышкам выкупаться в речке.

И только что собрались они причалить к берегу, Клешня цап-царап! - прямо на мышек и защемила им хвостики.

Восплакались мышки:

- Пусти, - говорят, - пусти нас, одноглазая!

- Не пущу, - говорит, - откупитесь.

Мышки и серебра ей, и золота, и яхонтов.

- Не надо, - говорит, - мне ни серебра вашего, ни золота, ни яхонтов.

Насилу от Клешни отбоярились, пообещали ей полцарства отдать.

Целое полцарство мышиное!

Села Клешня на рака, нырнула в речку, а мышки на горку полезли.

- Пёс её знает! - оправлялась Алишка: закрутили раки ушки у старой. - С тобой, Морщинка, ещё и последний хвост потеряешь.

А Морщинка торопит:

- Тётушка, тётушка, вон замок белеет, вон остроносая башня!

Карабкались мышки, карабкались, помаленьку и влезли.

Обошли мышки вкруг страшного замка, изловчились - шмыгнули в ворота и прямо в чистую кладовую попали.

А в чистой кладовой чего-чего не было.

- Вон, тётушка, пирожки слоёные сладкие, вон ветчина с горошком, вон мыло розовое, вон разноцветные свечки...

И только что успела Морщинка сказать о свечках, как защёлкал замок в кладовую.

И где-то над самой головой с треском распахнулась ставня, а из дыры с потолка стало вываливаться маленькими колбасиками что-то ужасное: змея не змея, рак не рак, Бог знает что.

Вывалилось чудовище, скалило зубы.

- Опять эти противные мыши! Ищи их, Фингал, раздави, растопчи!

- Хорошо, раздавлю, растопчу! - отвечал пёс Фингал.

Алишка в миску. Морщинка под миску, сели мышки ни живы ни мертвы, сидят.

Вываливалось чудовище - колбаска за колбаской, кусок за куском.

- Ну, пойдём, Фингал, мыши ушли.

С треском захлопнулась ставня.

Защёлкнул замок.

Час, и другой, и десятый высидели смирно ошарашенные мышки, не пискнули.

Первая вылезла Морщинка из-под миски.

- Тётушка, тётушка, пойдём скорее. Хоть бы нам сахарную голову сулили, больше никогда не пойдём в этот замок.



А старая завязла в варенье, трясётся: хвостик у бедняжки отвалился от страха.

Кое-как выбрались мышки и давай Бог ноги.

Бежали, бежали, а как скатились с горки-кургана, в лужу и сели.

Едет Клешня на раке, раком погоняет. И защемила Клешня головки мышкам.

- Подавайте, - говорит, - мне полцарства, сию минуту, мышиное!

А на мышках лица нет, на всё соглашаются.

Видит Клешня, и без неё им попало, пощипала Клешня, попиявила мышек и выпустила.

Покупаться бы теперь мышкам, да не до того уж.

Сели мышки в лодочку, поехали. Переплыли речку благополучно, в лес вступили.

Хотели они с Козой поговорить, а Коза козляток кормила, только глазами поздоровалась.

А уж Носатая птица кричит с болота:

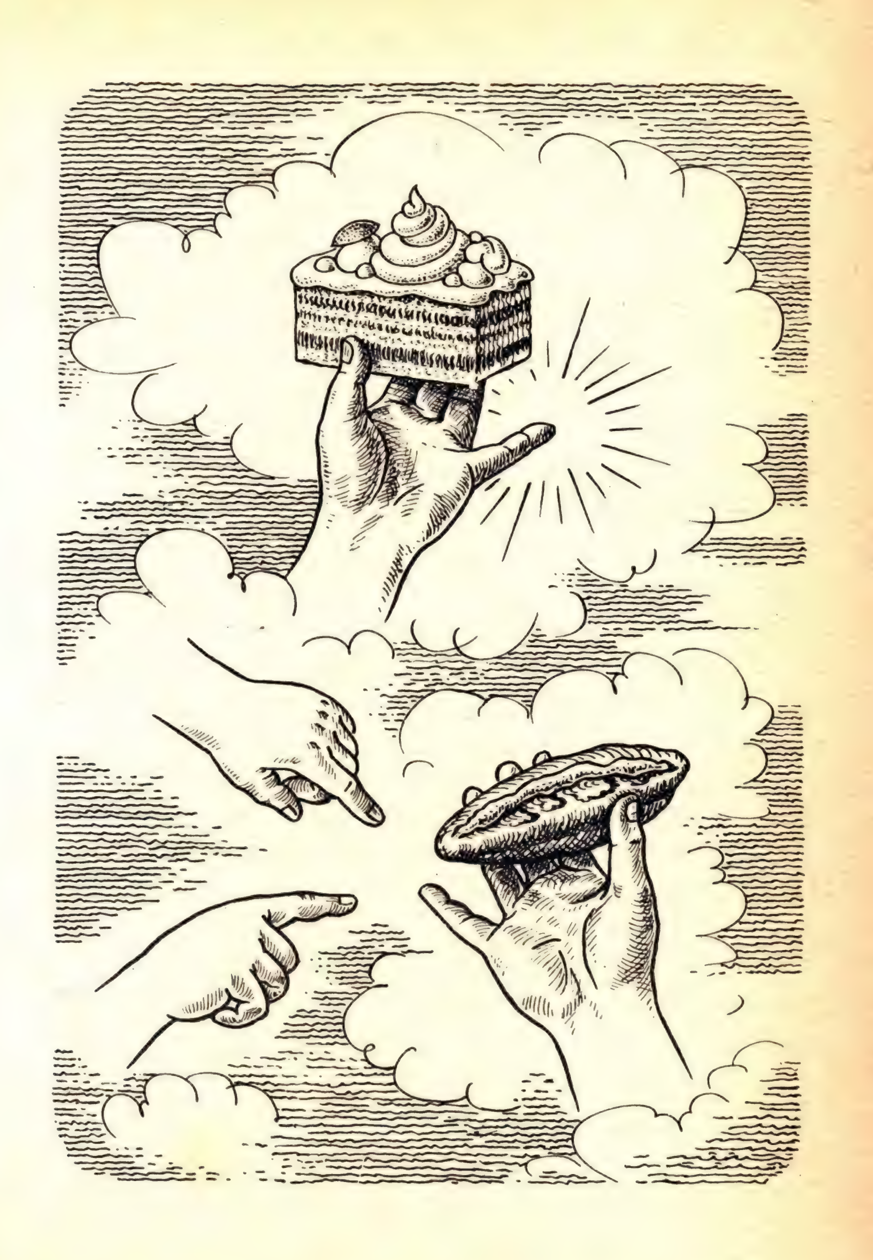
- Давайте мне ваши головы на отсечение или сами полезайте немедленно в клюв!

Струхнули мышки пуще прежнего, съёжились комариком, закрыли глазки да драли куда попало.

Бежали они, бежали, бежали-бежали, прибежали в норку общипанные, обглоданные, облупленные. Сели.И уж там и сидят, в своём мышином подполье, благодарят Бога.

ПАЛЬЦЫ

Жили-были пять пальцев - те самые, которых всякий на руке у себя знает: большой, ука-



зательный, средний, безымянный - все четверо большие, а пятый мизинец - маленький.

Проголодалися как-то пальцы, и засосало.

Большой говорит:

- Давайте-ка, братцы, съедим что-нибудь, больно уж морит.

А другой говорит:

- Да что же мы есть будем?

- А взломаем у матери ящик, наедимся сладких пирожных, - кажет безымянный.

- Наесться-то мы наедимся, - заперечил четвёртый, - да этот маленький всё матери скажет.

- Если скажу, - поклялся мизинец, - так пусть же я не вырасту больше.

Вот взломали пальцы ящик, наелись досыта сладких пирожных, их и разморило.

Пришла домой мать, видит: слипшись, спят пальцы, один не спит мизинец.

Он ей всё и сказал.

А за то остался навеки сам маленький - мизинец, а те четверо с тех пор ничего не едят да с голодухи голодные за всё хватаются.

ЗАЙЧИК ИВАНЫЧ

1

Жил человек, и у того человека было три дочери, - как одна, красавицы и шустрые, не знали они над собою страха.

Старшую звали Дарьей, середнюю Агафьей, а меньшую Марьей.

Изба их стояла у леса. А лес был такой огромадный, такой частый, - ни пройти, ни проехать.



Без умолку день-деньской шумел лес, а придёт ночь, загорятся звёзды, и в звёздах, как царь, гудит лес грозно, волнуется.

Много страхов водилось в лесу, а сёстрам любо: забегут куда - аукают, передразнивают птичек, и в дом не загонишь до поздней ночи.

Такие весёлые, такие проворные, такие бесстрашные - Дарья, Агафья и Марья.

Как-то старшая Дарья мела избу, свалился с полки клубок, покатился клубок по полу, да и за дверь. Схватилась Дарья, взялась клубок догонять.

А клубок катится, закатился в лес, пошёл по кочкам скакать, по хворосту, привёл в самую чащу и стал у берлоги.

А из берлоги Медведь тут как тут.

Как увидел Медведь Дарью, зубы оскалил, высунул красный язык, вытянул лапы с когтями и говорит:

- Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съем.

Согласилась Дарья. Осталась у Медведя.

Вот живёт она себе, поживает, ходит с Медведем по лесу, показывает ей Медведь разные диковины.

У Медведя терем. В терему три клетки.

Раскрыл Медведь первую клеть, а в ней серебро рекой льётся. Раскрыл Медведь вторую клеть, а в ней живая вода ключом бьёт.

Говорит Медведь Дарье:

- Третью клеть я не покажу тебе, и ходить в неё я не велю, а не то я тебя съем.



Целый день нет Медведя, уйдёт куда на добычу, а Дарью одну оставит.

Ходит Дарья у запретной клети, заглянуть смерть хочется.

А сторожил клеть Зайчик Иваныч.

Пробовала Дарья с Зайчиком Иванычем заговаривать, да отмалчивался бесхвостый, - хвостик Зайцу Медведь для приметы отъел, - отмалчивался Зайчик, поводил малиновым усом, уплетал малину.

И не раз вгорячах пхала Дарья Зайчика по чём ни попало, таскала за серебряные заячьи ушки. А отляжет сердце, примется целовать Зайца, а то и в пляс пустится. Зайчику - потеха, мяучит. И сам когда-то горазд был, да лапки уходились - не выходит.

Раз Зайчик Иваныч и прикурни на солнышке, заметила Дарья да в клеть. Отворила Дарья дверцу и чуть не убилась - в глазах помутнело: в огромной клети кипело настоящее золото. И захотелось Дарье потрогать золото, сунула она палец, и стал палец золотым.

Пришёл Медведь, принёс малины. Сели за стол. Пьют чай.

Медведь говорит Дарье:

- Что это, Дарья, у тебя палец-то золотой?

- Да так себе, - отвечает Дарья, - золотой сделался.

Тут Медведь из-за стола встал и съел Дарью, а косточки в угол бросил.

2

Тосковали сёстры. Рыскали по лесу, по-



птичьи кликали, звали сестрицу. Хоть бы голос подала, - не слышит.

И год прошёл, и другой прошёл. Ни духу ни слуху.

Как-то середняя Агафья подметала избу, сронила клубок. Покатился клубок. Пошла за клубком Агафья. Шла-шла и забралась в самую гущу.

Остановился клубок. Глядь - Медведь.

Стал на дыбы Медведь, щёлкнул зубами и говорит Агафье:

- Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съем.

Агафья и так и сяк, да ничего не поделаешь, осталась жить у Медведя.

Водил её Медведь по лесу, деревья выворачивал, мёдом пичкал и всякие медвежьи шутки выкидывал.

У Медведя терем. В терему три клети.

Растворил Медведь клети. Глазела Агафья на серебро и живую воду.

- А третью клеть я не отворю тебе, - говорит Медведь, - и ходить в неё я не велю, а не то я тебя съем.

Загрустила Агафья, ума не приложит, как бы так клеть посмотреть, чтобы Медведь не узнал. А тут этот Зайчик трётся, глаз не сводит. Подходила Агафья к Зайчику Иванычу, щекотала ему малиновый ус, а Зайчик и в ус не дует: мяучит себе по-заячиному, ни слова путного.

Выбежал однажды Зайчик Иваныч на закат полюбоваться, а Агафья стук в клеть. Взгляну-

ла - остолбенела да в столбняке-то и ткни палец в золото, и стал палец золотым.

Охала и ахала Агафья: как быть, увидит Медведь - съест живьём. Побежала к Зайчику. Сидел Зайчик Иваныч, напевал себе под нос, штаны чинил. Выхватила Агафья у Зайчика заплатку, перевязала себе золотой палец.

Вот пришёл Медведь, приволок лесных лакомств полон короб. Сели за стол.

- Что это у тебя, Агафья, с пальцем? - спрашивает Медведь.

- Ничего, - говорит Агафья, - набередила, вот и обвязала тряпочкой.

- Давай вылечу.

Поднялся Медведь, развязал тряпку. А под тряпкой золотой палец.

И съел Медведь Агафью, а косточки в угол бросил.

3

Убивалась Марья.

- Сестрицы, сестрицы мои родимые! - куковала Марья по-кукушечьи.

Только лес шумит, царь-лес!

Так год прошёл и другой прошёл. Нет сестёр.

Как-то подметала Марья пол, скатился клубок и в лес. Шла Марья за клубком, шла, как сёстры, вплоть до самой берлоги.

Выскочил из берлоги Медведь, зарычал, ощетинился. Говорит Медведь Марье:

- Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съем.

Не сразу далась Марья, заупрямилась. Диву дался Медведь и полюбил её пуще всех сестёр.

Ходит косматый по лесу, собирает цветы, венки плетёт. А выйдет с Марьей гулять, про всякую травку ей рассказывает, всякие берложные хитрости кажет. А то ляжет на спину, перекатывается, песни медвежьи поёт. Зайчику в знак своего удовольствия мордочку мёдом вымазал.

У Медведя терем. В терему три клети.

Всё показал Марье Медведь - и серебро и живую воду, а в третью клеть не повёл.

- И ходить в эту клеть я тебе не велю, а не то я тебя съем.

- Съем! Съел один такой! - фыркнула Марья, а сама думает, как бы этак Медведя провести?

А Зайчик Иваныч ей глазом мигает. Зайчик Иваныч в Марье души не чаял.Бывало, уйдёт Медведь, а Марья к Зайчику:

- Зайчик, Заинька, научи меня, серенький, как мне быть, погибли сёстры, погибну и я: заест меня Медведь.

А Зайчик Иваныч подопрётся лапкою, лопочет что-то по-своему.

Так и проводили сны: сядут где на крылечке и сидят рядком, горе горюют.

Раз Зайчик Иваныч лучину щипал: самовар пить собирались.

Известно, примется Зайчик что-нибудь делать, так уж на целый год наделает, такая повадка у Зайчика.

Зайчик весь двор лучинкой закидал.



Марья пособляла Зайчику. И такая тоска на неё нашла, свету она невзвидела, пошла бродить по терему. Постояла, поплакала над костями сестёр да с отчаяния туркнулась в запретную клеть. И ослепило её золото, закружило голову. Да не сплоховала Марья: опустила лучинку в золото. А лучинка, как жар, горит.

- Сёстры, сестрицы мои, мои родимые! - всплакнула Марья.

Запрятала Марья золотую лучинку в красный сафьяновый башмачок, отдала башмачок Зайчику.

Пошёл Зайчик в погреб за молоком да дорогой и сунул башмачок в свою старую норку.

Пришёл Медведь. Сели брагу пить, всё честь честью по-хорошему. И пошла жизнь по-прежнему.

4

Пораскидывал умом Зайчик Иваныч, горе горюя с Марьей на крылечке.

Раз и говорит Зайчик:

– Не умею я по-человечьему сказывать, а то бы сказал.

Тем разговор и кончился.

Бродит Марья по терему, плачет над костями сестёр, заглядывает то в одну, то в другую клеть.

И пришло ей на ум счастье попробовать. Набрала она полон рот живой воды, вспрыснула сестрины кости.

И встала перед ней Агафья - жива-живёхонька.



Что делать, куда деваться? Марья к Зайчику, так и так, говорит.

- Хорошо, - говорит Зайчик, - сию минуту.

Взял Зайчик Агафью за руку, да в дупло и запрятал, а сам ей принёс туда груш да яблоков и всякого печенья. И дело с концом.

Пришёл Медведь. Стал к Марье ластиться. А Марья и говорит:

- Рычун, мой рычун, сделай ты мне, что я тебя попрошу.

- А ты наперёд скажи, что тебе сделать, а то ты, может, третью клеть посмотреть хочешь, так я тебя съем.

- Батя мой завтра именинник, хочу пирогов ему испечь, а ты снесёшь.

- Это можно, пеки.

Обрадовалась Марья да опрометью на кухню ставить тесто. Поставила она тесто и, когда всё было готово, принялась пироги печь. Испекла пироги, взяла мешок, посадила в мешок Агафью, покрыла Агафью пирогами.

Говорит Агафье:

- Сядет Медведь посидеть, станет мешок развязывать, а ты и скажи: «Не садись, муженёк, на пенёк, всё вижу, всё слышу».

Чуть только солнышко взошло, взвалил Медведь мешок на плечи, да и в путь-дорогу.

Полднем вздумалось Медведю поотдохнуть маленько, свалил он мешок наземь, стал развязывать.

- Не садись, муженёк, на пенёк, всё вижу, всё слышу! - как закричит из мешка Агафья.

Вскочил Медведь, повёл ухом.

«Ишь, - подумал, - и голос же у моей Марьи, всё видит, сесть тебе не полагается!..»

И пустился Медведь дальше. А как добежал до избы, шваркнул мешок у калитки да во все лопатки домой обратно.

Долго ли, коротко ли, ни много ни мало, а год, другой прошёл.

Вспрыснула Марья сестрины кости. И встала перед ней Дарья жива-живёхонька. Опять Марья к Зайчику. Запер Зайчик Дарью в чулан.

А вечером Марья говорит Медведю:

- Мамушка моя именинница, испеку я ей пирогов в день ангела, снеси ты их, косолапушка.

А сама Дарье шепнула:

- Как рассядется Медведь, ты ему крикни: «Не садись, муженёк, на пенёк, всё вижу, всё слышу».

Всё так и случилось. Сел было Медведь посидеть, стал мешок развязывать, а как услышал голос, оторопел да скорее в путь. А как добежал до калитки, брякнул мешок и опять домой восвояси.

5

- Зайчик, Заинька, научи меня, серенький, что мне делать, не могу больше у Медведя жить, хочу к сёстрам!

А Зайчик Иваныч и рад бы что посоветовать Марье, да сказать-то ничего Зайчик не может. А уж так привязался, так привязался он к Марье, на шаг от себя не отпустит. Прямо влип.

Что наработал за долгую зиму, всё Зайчик

отдал Марье, какие бисерные кошельки понанизал, всё отдал Марье.

Летось к Медвежьему дяде за тридевять земель скакал, выпросил у старого хрустальную туфельку да жемчугов горстку, всё Марье отдал.

Когда с весной зачирикали птицы и полезли из почек листочки, чтобы на свет посмотреть, сказала Зайчику Марья:

- Ну, Зайчик Иваныч, придумала! Уйду я от Медведя.

Зайчик насупился.А Медведь вечером спрашивает Марью:

- Что ты, красавушка, что ты такая весёлая?

- А как мне весёлой не быть, батю с мамушкой во сне видела. Испеку я им пирогов, отправлю завтра гостинцу. Ещё дрыхнуть ты будешь, я затворюсь в терему, подымусь на вышку, буду следить за тобой, а как тронешься в путь, буду песни петь. Слышишь, ты не зови меня, я одна останусь, буду следить за тобой, буду песни петь.

Послушал Медведь, лёг спать спозаранку. А Марья испекла пирогов, позвала Зайчика, сказала Зайчику:

- Прощай, Зайчик Иваныч, прощай, миленький!

Насупился Зайчик, не пускает Марью, уцепился лапками за передник, на глазах слёзы.

И вдвоём коротали они последнюю ночь. Рассказывал Марье Зайчик свою заячью жизнь, как была когда-то у Зайчика норка и как Мед-



ведь его выгнал из родимой норки и пришиб Зайчиху, и как пришибленная помирала покойница Зайчиха Ивановна.

И плакал Зайчик Иваныч, и о каких-то лисятах поминал сквозь слёзы... Он ли их съел, они ли детей его слопали, понять мудрено было.

На рассвете юркнула Марья в мешок, обложилась в мешке пирогами. Отнёс Зайчик Иваныч мешок к берлоге, запер терем, а сам сел на крылечке караул держать.

И когда Медведь с своей ношей скрылся из глаз, запрятался Зайчик в свою старую норку, вынул из кованого ларчика красный сафьяновый башмачок, поставил к себе на столик и залился горькими слезами:

- Сёстры, сестрицы мои родимые! На кого вы меня покинули одного среди леса в разорённой норке? Зачем вы оставили меня доживать мои последние заячьи дни одиноко среди леса в разорённой норке? Был я вам другом верным, помогал и охранял вас - и все ушли, забыли меня. Сёстры, сестрицы мои родимые!

А Медведь шёл, шёл, задумал присесть, развязал мешок.

- Не садись, муженёк, на пенёк, всё вижу, всё слышу! - закричала из-под пирогов Марья.

- Слышу, слышу! - рявкнул Медведь и во всю прыть дальше помчался.

А как добежал до калитки, шлёпнул мешок и одним духом обратно к своей берлоге.

6

То-то радость была.

Снова вместе все трое, три сестры, три красавицы, – Дарья, Агафья и Марья.

Пошли расспросы да росказни.

До полночи сёстры глаз не сомкнули.

А в полночь весь в звёздах, как царь, загудел лес, грозный, заволновался. И поднялась в лесу небывалая буря. Трещала изба, ветром срывало ставни, дубасило в крышу, а вековые деревья, как былинку, пригибало к земле, выворачивало с корнем столетние дубы, бросало зелёных великанов к небу, за звёзды.

Это - Медведь, Медведь крушил и ломал свою пустую берлогу, сворачивал брёвна, разбрасывал в щепки высокий покинутый терем.

А чуть только свет задымился на небе, Медведь издох от тоски.

ЗАЙКА

1

В некотором царстве, в некотором государстве, в высокой белой башенке на самом на верху жила-была Зайка.

В башенке горели огни, и было в ней светло, и тепло, и уютно.

Лишь только солнце подымалось до купола и в саду Петушок-золотой гребешок появлялся, приходил к Зайке старый кот Котофей Котофеич. Впрыгивал Котофей в кроватку и бережно бархатной лапкой будил спящую Зайку.

Просыпались у Зайки синие глазки, заплетала Зайка свою светлую коску. Котофей Котофеич пел песни.



Так день начинался.

Зайка скакала, беленькая плясала. С ней скакала Лягушка-квакушка с отбитою лапкой, плясали две Белки-мохнатки. А гадкий Зародыш садился на корточки в угол, хлопал в ладошки да звонил в серебряный колокольчик.

То-то веселье, то-то потеха!

И обедать готово, а Зайку за стол не усадишь.

Завязывал Котофей Котофеич Зайке салфетку, и принималась Зайка кушать зайца жареного да козу палёную, а на загладку «пупки Кощея», такие сладкие, такие вкусные, малиновые и янтарные, - весь ротик облипнет.

Тут Лягушка-квакушка себе мух ловила, а Белки-мохнатки орешки грызли.

Но вот заходило за домик Барабаньей Шкурки красное солнце, проходила мимо башенки старуха Буроба, проносила Буроба огромный мешок за плечами.

Не дай Бог повернёт Буроба в башенку!

Подымется Буроба наверх по лестнице, возьмёт Зайку в мешок, унесёт с собою, да и съест.

Которые дети спать не ложатся, Буроба в мешок собирает.

Котофей Котофеич уж охаживал кроватку, усатой мордочкой грел пуховую Зайкину думку, сон нагонял.

Зайка зевать начинала, просилась в кроватку.

Выползал из ямки Червячок. Рос Червячок, распухал, надувался, превращался в огромного страшного червя, потом опадал, становился маленьким и червячком уползал к себе в ямку.

В окне показывался Кучерище, подпирал Кучерище скулы кулаками, ел Зайкины игрушки.

А Зайка расплетала свою светлую коску, скидывала с себя платьице и чулочки да в кроватку бай-бай ложилась.

И подымался из-за угла гадкий Зародыш, залезал Зародыш в фонарик, дул в огонёк. И огонёк становился огонёчком с ноготок Зайкин.

Васютка, сынишка Кучерищев, затягивал в трубе тонко песенку, - сонную песенку.

Так вечер кончался, ночь начиналась.

Ночью нередко Зайка ловила рыбку.

И чихал же наутро старый кот Котофей Котофеич, не пел песен.

А бедная Зайка замирала от страха: по лестнице шлёпала-топала старуха Буроба с огромным мешком за плечами, пробиралась Буроба наверх к Зайке.

Которые дети по ночам ловят рыбку, Буроба в мешок собирает.

2

По праздникам, когда Петушок-золотой гребешок пел голосистей, а Курочка-кудахточ-

ка несла золотое яичко, и солнышко ярче и светлее светило в башенку, вылезал из отдушника кум Котофея Котофеича - Чучело-чумичело.

Чучело-чумичело до самого обеда ходил на голове перед Зайкой, - всё животики надрывала себе Зайка от хохота, а после обеда Чучело усаживался на шесток вместе с Котофеем Котофеичем, и у них разговор начинался.

Прислушивалась Зайка, но понять ничего не могла.

Чучело-чумичело всё рассказывал о крысах, да о мышах, да о мышатах маленьких. А Котофей Котофеич себе под нос мурлыкал.

Раз Котофей Котофеич говорит куму:

- Чучело-чумичело-гороховая-куличина, беда мне с Зайкой, да и только! Сам видишь, обносилась вся, локотки продраны, чулочки все в дырках, а какие были кружевца на штанишках, давно от них и помину нет, все обшаркались.

- Эх, кум, кум, - отвечал укоризненно Чучело, - чего ж ты загодя не сказал: приходил вчера ко мне Волчий Хвост, предлагал Хвост кубышку с золотом, да на что мне золото, я и без золота Чучело.

- Может, опять придёт?.. - замурлыкал Кот. - Ни зайца у нас жареного, ни козы палёной, ничего нынче на обед не было, а одними «пупками Кощея» сыт не будешь, да и «пупков» всего ничего осталось.

Призадумался Чучело-чумичело, да и говорит Котофею:

- Так ты, кум, вот что, как пойдёшь ужотко за

мышами, загляни ко мне в отдушник, там я тебе пошепчу на ушко что-то.

Рано легла баиньки Зайка, а глазки всё не спали - глядели, а ушки всё не спали - слушали.

То Червячок из ямки покажется.

То Васютка в трубе запищит.

- Велите дать говядинки, говядинки! - пищал из трубы Васютка.

Так Зайку всё и разгуливало.

Уж Котофей Котофеич все свои песни перепел, все сказки порассказал, а Зайка всё ворочается, перекладывается то на один бочок, то на другой.

- Спи, деточка, а то люди ночь разберут, - уговаривал Кот.

Только когда Петушок-золотой гребешок прокукарекал полночь, а в домике Барабаньей Шкурки труба закурилась, Зайка засопела носиком и завела далеко-далеко свои синие глазки: прямо на пруд... ловить рыбку.

А Котофей Котофеич прыг с кроватки да тихонько к отдушнику.

Покликал Кот Чучела-чумичела. Высунул Чучело мурло из отдушника. И шептались они долгое время.

3

Наутро Котофей Котофеич не чихал, не пел песен, снаряжал Котофей свою Зайку в путь-дорожку.

Говорил Кот Зайке:

- Зайка беленькая, отправляйся, моя курнопяточка, в тёмный лес, иди всё прямо-прямо, и

будет тебе избушка Бабы-Яги. Заглянуть к Яге в окошко можно, а входить не входи в избушку. Яга тебя без шапки-невидимки заметит и съесть захочет. Ты иди лучше мимо избушки наискосок по тропинке, пролезай через шиповник, не бойся, пальчиков не оцарапаешь. Так-то, Зайка, так-то, беленькая! Встретит тебя птица Гагана, поздоровайся с птицей: Гагана тебе птичьего молочка даст. Покушаешь молочка и снова в путь трогайся. К полночи придёшь к подземелью, не туркайся в дверь, а залезай прямо на дерево и жди, что будет. Пройдёт мимо дерева слепышка Листин, прошуршит листьями, не бойся: Листин не страшный. Листин только пугать любит. Пролетит мимо дерева Сорока-белобока, проскачет Коза рогатая, ты не бойся: больно Коза не забодает, - жди, что дальше будет. Выйдут из подземелья двенадцать чёрных разбойников, ты слушай, что станут говорить разбойники, заруби их слова себе на носике, а когда пропадут разбойники, спускайся в подземелье и скажи то, что они говорили.

Простилась Зайка с Котофеем Котофеичем, простилась с Лягушкой-квакушкой, простилась с Белками-мохнатками, простилась с гадким Зародышем и с Червячком из ямки.

Все дружно проводили Зайку до самой последней ступеньки, назад в башенку вернулись, и занялся всякий своим делом.

Лягушка-квакушка мух ловила; Белки-мохнатки орешки грызли; Зародыш в ладошки хлопал да звонил в серебряный колокольчик;

Червячок выползал из ямки, рос, надувался, превращался в огромного страшного червя, потом опадал, становился маленьким и червячком уползал в ямку.

А Котофей Котофеич по башенке с топориком прохаживал, приводил всё в порядок, подшивал и подглаживал, а то заберётся в Зайкину кроватку и там лапкою гостей замывает.

Каждый вечер все в кружок садились, пили чай - дули на блюдечко, вспоминали свою беленькую Зайку.

Васютка, сынишка Кучерищев, в трубе скучал-насвистывал.

- Зайка-Зайка, вернись-перевернись! - насвистывал из трубы Васютка.

Кучерище в окне игрушки ел.

4

Как сказал старый кот Котофей Котофеич, так всё и вышло.

Не успела Зайка оглянуться в лесу, попался ей Медведь с Мужиком: Медведь с Мужиком стояли на палочке, ковали железо, пели песни. Поздоровалась Зайка с Медведюшкой и дальше пошла. Шла Зайка, шла и видит, стоит избушка на курьих ножках, на собачьих пятках. Заглянула Зайка в окошко, а в избушке Баба-Яга спит, распустила длинные уши: одно ухо вместо подушки, а другим, будто одеялом, с головкою покрыта. Показала Зайка пальчиками нос Бабе-Яге да скорее наискосок по тропинке. Выпорхнула из шиповника птица Гагана, ударила оземь красным крылом. Поздоровалась Зайка с Гага-

ной, взяла у птицы кувшинчик с птичьим молочком, выпила молочко и дальше тронулась в путь.

Вот видит Зайка подземелье, подходит она к двери, а дверь из человечьих костей и скрипит и светится. Забоялась Зайка да на дерево. Вскарабкалась, ждёт - навострила ушко.

Прошёл слепышка Листин, прошуршал листьями, пролетела Сорока-белобока, проскакала Коза рогатая, упала с неба сестричка-звёздочка, и растворилась дверь из человечьих костей, - задрожали у Зайки поджилки, - и двенадцать чёрных разбойников вышли из подземелья, и сказали разбойники в один голос:

-Чучело-чумичело-гороховая-куличина, подай челнок, заметай шесток!

И тотчас дверь подземелья закрылась.

Постояли разбойники, позевали на месяц. Сказали разбойники в одно слово:

-Чучело-чумичело-гороховая-куличина, подай челнок, заметай шесток!

И тотчас дверь подземелья раскрылась.

А как пропали разбойники, спрыгнула Зайка с дерева да все слова разбойничьи и повторила.

И дверь снова раскрылась, и Зайка вошла в подземелье.

Видит Зайка огромный хрустальный зал, по углам банки, в банках золотые рыбки плавают. Хотела Зайка хоть одну рыбку поймать, да одумалась. Подошла к семивинтовому столу. На семивинтовом столе - чёрная шкатулка, на чёрной шкатулке - шитое разноцветными шелками по-

лотенце, а по полотенцу беленькая Мышка-хвостатка бегает. Поздоровалась Зайка с Мышкой-хвостаткой, подала ей Мышка золотой ключик. Приняла Зайка от Мышки золотой ключик, отперла шкатулку. А как открыла крышку, глазёнки так и забегали: вся шкатулка до самого верху была полна бисерными кошельками. Взяла Зайка один кошелёк с голубенькими цветочками, - больно уж кошелёк ей понравился, хотела Зайка его в сумочку положить, а из кошелька вдруг золото орешками и посыпалось. Схватилась Зайка подбирать золото, а двенадцать чёрных разбойников встали с своего места да всю шкатулку Зайке и отдали.

-Чучело-чумичело-гороховая-куличина, подай челнок, заметай шесток! - сказала Зайка по-разбойничьи.

Дверь раскрылась.

И Зайка была такова.

5

Вся башенка поднялась на ноги, когда Петушок-золотой гребешок прокричал о беленькой Зайке:

- Беленькая Зайка домой бежит!

Все спустились по лестнице вниз и на пороге встретили Зайку.

Зацеловали беленькую, задушили курнопяточку: так были все рады-радёхоньки.

А Зайка едва дух переводит, закраснелась, запыхалась вся, все штанишки спустились, по земле волокутся, а волоски взбились хохликом.

Подала Зайка шкатулку Котофею Котофеи-

чу, говорит Коту:

- Вот тебе, Кот, находка, разбирайся!

А сама села присесть да, как убитая, тут же на месте и заснула.

И спала Зайка целых три дня и три ночи без просыпу.

Вышел из отдушника Чучело-чумичело, стал ходить на голове перед Зайкой. Видит Чучело, не обращает Зайка на него внимания, пошушукался с Котофеем Котофеичем и опять в отдушник забрался.

Котофей Котофеич загрёб золото, стал считать. И день считал, и другой считал, всё со счёта сбивается, - ничего не выходит.

Побежал Кот к Барабаньей Шкурке за мерой.

- Дай, - говорит, - мерку мне на минутку.

- А зачем вам мера? - спрашивает Барабанья Шкурка.

- «Кощеевы пупки» считать.

- Хорошо, - ухмыльнулась Барабанья Шкурка, - дам я вам меру, только смотрите, не затеряйте.

А сама думает:

«Тут дело не чисто, кто ж это «пупки Кощеевы» мерой считает - «пупки» в коробках на фунты продаются!»

А чтобы вернее дознаться, что будет Кот мерить, намазала Шкурка дно у своей меры липким мёдом.

Взял Котофей Котофеич Шкуркину меру и домой в башенку.

А уж мерил Кот, мерил, мерил-мерил - конца-краю не видно.

А как вымерил до последнего золотого, отнёс меру Барабаньей Шкурке, накупил платьицев и игрушек, нарядил Зайку и сел себе тихомолком гостей замывать.

Тут пошёл такой в башенке пляс, хоть образа выноси из дому.

Не плясали, а бесновались. Больше всех отличалась Лягушка-квакушка, до того дошла Квакушка, что под вечер ещё одну лапку себе отбила и осталась всего о двух лапках задних.

Ну и Чучело-чумичело, нечего сказать, постарался - Чучело-чумичело лицом в грязь не ударил: ходивши на голове, мозоль натёр себе Чучело на самом носу.

То-то веселье, то-то потеха!

А Барабанья Шкурка не моргала.

Как принёс ей Котофей Котофеич меру, Шкурка всю меру во все глаза оглядела и на самом донышке нашла золотой, - прилип золотой к мёду.

И порешила Шкурка разведать, откуда такое богатство попало в руки Зайки.

Много годов живёт на белом свете Барабанья Шкурка, сундуки Шкурки доверху золотом завалены, а такого золота она глазом отродясь не видала, ни слухом не слыхала: не простое золото, а серебряное!

И стала Барабанья Шкурка подсылать к беленькой Зайке двух своих жогов подручных: Артамошку - гнусного да Епифашку - скусного.

6

Нос крючком, голова сучком, брюшко ящичком, а всё само жилиное и толкачиком, - такие эти были Артамошка с Епифашкой.

В первый раз пришли они чуть свет в башенку. В другой раз - в сумерки, в третий раз - поздно вечером, и повадились. И днюют и ночуют пакостники, отбоя нет.

Придут они в башенку, рассядутся на кухне и клянчают. Немытые, нечёсаные, - страсть взглянуть.

Разжалобили жоги Зайку.

Пробовала Зайка посылать им грибков да щавелику, - не помогает, всё своё тянут, всё ещё клянчают. Ещё больше разжалобили Зайку.

И стала Зайка их в комнаты пускать.

А как влезли они в комнаты, - тут уж ничем их не выживешь.

Зайка скачет, беленькая пляшет, а они мороками по башенке бродят, всё трогают, всё нюхают, а то в игры свои играть примутся: либо угощают друг дружку мордой об стол, либо в окно выбрасываются, - такие эти были Артамошка с Епифашкой.

Остерегал Зайку кот Котофей Котофеич:

- Ой, Зайка, ой, беленькая, не водись ты с этими полосатыми: шатия эта шатается, не будет прока, помяни ты моё котово верное слово... с Буробою они знаются, тётенькою Буробу величают, сам слышал, тоже и башмачок твой намедни сожрали, да то ли ещё натворят, ой, Зайка, ой, беленькая!

А Зайка хохочет.

- Старый ты, старый ворчун, всё б тебе ворчать, иди-ка ты лучше да мышек топчи.

- Не могу я больше мышек топтать, - грустно вздыхал Котофей Котофеич и снова принимался журить Зайку.

Раз села Зайка в ванночку мыться. Котофей Котофеич головку ей мылил, банные песни пел. И случись такой грех: попало едкое мыло Коту в глаз.

Пошёл Котофей Котофеич в кухню глаз промывать, а Артамошка с Епифашкой стук к Зайке в ванночку.

- Расскажи да расскажи, Заинька, откуда бисерные такие кошельки у тебя разноцветные да откуда золото такое не простое, а серебряное?

Зайка всё язычком и выболтала.

Вернулся из кухни Котофей Котофеич, а уж Артамошки с Епифашкой и след простыл.

И с той поры сгинули они из глаз, полосатые, словно никогда их и земля не носила.

Признались Зайка Котофею Котофеичу.

Встревожился Котофей Котофеич.

- Пропали мы, пропади всё пропадом! - одно твердил старый Кот.

Проснётся Зайка ночью попить, покличет Котофея Котофеича, а Кота нет у кроватки: Котофей Котофеич целыми ночами напролёт перешёптывался с Чучелом-чумичелом, куму своё горе поверял.

Всякий праздник, как всегда, вылезал из отдушника Чучело-чумичело, ходил до обеда на

голове перед Зайкой, а после обеда, сидя на шестке с Котофеем Котофеичем, оба об одном рассуждали и на разные лады умом раскидывали, как из беды Зайку выпутать: неспроста приходили полосатые, наделают они дел, не оберёшься.

- Пропали мы, пропали все пропадом! - твердил старый Кот.

7

Артамошка с Епифашкой потирали себе руки от удовольствия: так ловко провели они Зайку и носик ей натянули курносенький.

Получили жоги в награду от Барабаньей Шкурки старую собачью конурку на съедение. Засели в конурку, лакомились да облизывались.

А Барабанья Шкурка намотала себе на ус разговор полосатых и не долго думая снарядилась в поход за шкатулкой: добывать себе чёрную шкатулку не с простым, а с серебряным золотом.

И случилось с Барабаньей Шкуркой то же, что и с беленькой Зайкой.

Пришла Шкурка в полночь к подземелью, влезла на дерево. Вышли из подземелья двенадцать чёрных разбойников, постояли разбойники, позевали на месяц, сказали заклинание и пропали.

-Чучело-чумичело-гороховая-куличина, подай челнок, заметай шесток! - повторила Барабанья Шкурка разбойничьи слова.

Дверь раскрылась, и Шкурка вошла в подземелье.

Обошла Шкурка весь хрустальный зал, всё переглядела и всё перетрогала, забрала с семивинтового стола чёрную шкатулку да к двери.

А дверь не раскрывается.

И барабанила Шкурка, колотила в дверь из всей мочи.

А дверь не раскрывается.

Забыла Шкурка впопыхах разбойничье заклинание.

А разбойники встали с своего места, окружили Шкурку да всю её и измяли.

И превратилась Барабанья Шкурка в кожу, а из этой кожи всяких сапогов да башмаков понаделали, и пошла Шкурка по мостовым шмыгать да ноги натирать, - пропала Шкурка пропадом.

8

Именины Зайки совпали с известием, - мухи рассказывали, что Барабанья Шкурка в кожу превратилась.

Бегал Котофей Котофеич в домик к Шкурке, но ни единой души не нашёл в домике: Артамошка с Епифашкой в лес улизнули и там свили гнездо себе, живут-поживают, творят пакости да народ смущают.

Три дня праздновали в башенке именины, и пир горой шёл.

На третий день, когда Кучерище объелся игрушками, а Чучело-чумичело голову потерял, прокралась незаметно в башенку старуха Буроба да за суматохой всё добро и поклала себе в мешок.

И лишилась Зайка серебряного золота, и чёрной шкатулки, и бисерных кошельков.

Только наутро хватились, - туда-сюда, да, видно, уж чему быть, того не миновать.

Ну хоть бы тебе что, словно в воду кануло!

Мрачный ходил Котофей Котофеич, завязывал ножку у стола и снова и снова принимался пропажу искать.

- Не завалилось ли куда! - мурлыкал Кот.

И с отчаяния Кот обмирал на минуту и опять ходил мрачный.

Ночью покликал Котофей Котофеич Чучела-чумичела. Чучело долго не отзывался.

- Трудно тебе, кум, без головы-то? - соболезновал Кот.

- Страсть трудно, не приведи Бог.

- А я тебе, кум, мышиной мази принёс, ты себе помажь шею, оно и пройдёт.

- Мажусь, не помогает.

- А у нас, кум, несчастье.

- Слышал.

- Подумай, кум, выручи.

- Ладно.

Отошёл Кот от тёплого отдушника, обошёл вдоль и поперёк всю башенку, потрогал засовы - крепко ли держатся, - успокоился и замурлыкал.

В окне сидел Кучерище, давился, - больше не ел игрушек.

Покатывался со смеху гадкий Зародыш, катался в фонарике.

И шалил огонёк: то вспыхнет, то не видать.

А по лестнице шлёпала-топала старуха

Буроба с огромным мешком за плечами, шарила в потёмках Буроба, метила в башенку, подымалась на пальчики, подступала тихонько к двери, отмыкала волшебным ключом тяжёлый засов, приотворяла дверь...

- Кис-кис! - плакала Зайка от страха.

Которые дети любят поплакать, Буроба в мешок собирает.

9

Много ломал голову Котофей Котофеич с Чучелом-чумичелом: жалко им было беленькую Зайку, не было у Зайки ни кошельков бисерных, ни зайца жареного, ни козы палёной, ни «пупков Кощея», и личико у Зайки стало такое грустенькое, глазки заплаканы.

И порешили Котофей с Чучелом: опять идти Зайке к подземелью и проделать всё, что в первый раз делала, и тогда всё пойдёт как по маслу, - будет и чёрная шкатулка, будут бисерные кошельки, будет и золото не простое, а серебряное.

- Только смотри, Зайка, будь осмотрительна! - напутствовал Кот свою Зайку.

Не тут-то было.

Шагу не сделала Зайка, попала в беду.

Ну, заглянула Зайка в окошко к Яге, ну и хорошо, идти бы ей себе дальше, нет, не утерпела. Захотелось ей поближе посмотреть. Отворила Зайка дверку да шасть в избушку. И это бы ничего, с полбеды, а то возьми да и ущипни Ягу за ушко. Яга проснулась, Яга осерчала, села Яга в ступу да за беленькой Зайкой мигом в погоню.



Боже ты мой, чего только не натерпелась бедняжка! И с дороги-то Зайка сбилась, и сумочку Зайка потеряла, и наголодалась, и продрогла вся. Спасибо, Коза рогатая на пути попалась, а то хоть ложись да помирай, вот как! Шла Коза бодать, приметила под кустиком Зайку, накормила Зайку молочком, взяла к себе на закорки да на дорогу и вынесла.

Вот она какая Коза рогатая!

Шла Зайка, шла, пришла к подземелью, влезла на дерево. Вышли двенадцать чёрных разбойников сердитые-пресердитые, сказали заклинание и скрылись.

-Чучело-чумичело-гороховая-куличина, подай челнок, заметай шесток! - сказала Зайка по-разбойничьи.

И когда растворилась дверь и Зайка попала в подземелье, захлопала Зайка в ладошки от радости: всё как стояло на своём месте, так и осталось стоять, - и семивинтовой стол, и чёрная шкатулка, и банки с золотыми рыбками.

Узнала Зайку Мышка-хвостатка, бросилась к Зайке с золотым ключиком. Взяла Зайка у Мышки ключик, и захотелось ей наперёд рыбку поймать, только одну, самую маленькую. А как поймала Зайка рыбку, - Буроба тут как тут.

- А, - говорит, - попалась!

Тут Зайка сложила ручки крестиком да бултых в банку прямо к рыбкам.

И рыбкой, не Зайкой, поплыла.

10

Двенадцать родилось молодых месяцев, и

один за другим двенадцать ясных они рождались слева. С левой стороны показывались месяцы рогатые старому коту Котофею Котофеичу. И Кот вздыхал тяжко.

Недоброе предвещали месяцы: не было Зайки, не возвращалась Зайка беленькая к себе в башенку.

И бросили Белки калёные орешки грызть, помчались в лес разыскивать Зайку, но и Белок не было, не возвращались Мохнатки в башенку.

И сидела в Зайкиной кроватке Лягушка-квакушка под Зайкиной думкой, квакала.

- Кис-кис! - кто-то кликал, как Зайка, в долгие ночи.

-Чучело-чумичело-гороховая-куличина, выручи! - мяукал жалобно Котофей Котофеич, не отставал от Чучела.

Но Чучело, измазанный мышиной мазью, без головы ничего не мог выдумать.

- У меня, кум, что-то вроде мышиной головы пробивается, и я боюсь, ты меня поймаешь и съешь.

- Да не съем, - клялся Кот, - провалиться мне на месте, не съем тебя, только выручи!

- Ладно.

Неладно было в башенке, пусто: ни стрекотни, ни говора, ни смеха.

Только Васютка, сынишка Кучерищев, свистел в трубе, пересвистывал визгливо.

И ночь приходила, приникала к окну тёмными лохмами, засветила свет, а Котофей Котофеич всё сидел у окна пригорюнившись, не

спускал глаз, глядел на дорогу.

В окне сидел Кучерище.

Привязался Кот к Кучерищу, а Кучерище к Коту.

Оба в оба глядели.

- Надоумь меня, Демьяныч! - мяукал Кот.

Кучерище ощеривался:

- Дай сроку, Котофеич, всё устроится.

И молча выползал Червячок из ямки. Рос Червячок, распухал, надувался, превращался в огромного страшного червя, потом опадал, становился маленьким и червячком уползал к себе в ямку.

- Кис-кис! - кто-то кликал, как Зайка, из ночи и грустно и жалостно.

Огонёчек в фонарике таял.

11

Ранним рано, ещё Петушок-золотой гребешок не примаслил головки, вышел Котофей Котофеич из башенки выручать свою Зайку.

Всю дорогу по наущению Кучерища Демьяныча и Чучела-чумичела шёл Кот степенно, заводил умные речи. Никого не обошёл он, со всяким хлеб-соль кушал. Встретились Коту по дороге два Козла-барана, ударялись Козлы-бараны друг о друга стычными лбами. Кот и Козлов не забыл, помяукал бодатым. Переночевал он ночь у Бабы-Яги, с Ягой крысьи хвостики ели. Посидел часок-другой у Артамошки с Епифашкой, осмотрел их гнездо, похитрил чуточку.

- Зайка теперь рыбкой плавает, доловилась! - ехидничали полосатые.

- А я её съем! - подзадорил Кот.

- Ан не съешь!

- Ан съем, и очень просто съем!

- Да как же ты её съешь? Разбойники её караулят!

- Ну и пускай себе караулят.

- Разве что Коза... - почесался Артамошка.

- Конечно, Коза! - подхватил уверенно Кот, будто зная в чём дело.

- А даст ли Коза холодненькую водицу? - усумнился Епифашка.

- За водицей дело не станет, Гагана обещала! - сказал Артамошка.

Слово за слово, всю подноготную Кот и выведал.

Насулили Коту Артамошка с Епифашкой золотые горы, пошли Кота проводить да на другую дорогу и вывели: не к подземелью, а нарочно опять к Зайкиной башенке.

Вот они какие, полосатые!

Уж и плутал Кот, плутал, только на осьмую ночь пришёл Кот к подземелью.

Всё, как водится, вышли двенадцать чёрных разбойников, сказали разбойники заклинание и скрылись.

-Чучело-чумичело-гороховая-куличина, подай челнок, заметай шесток! - сказал Кот по-разбойничьи и вошёл в подземелье.

Вошёл Кот в подземелье да хвост поджал.

Неласково встретили Кота двенадцать чёрных разбойников.

- Иди, Котофей, - сказали разбойники, - от-

правляйся, Котофеич, подобру-поздорову домой, пока цел, нет у нас тут для тебя никакой корысти.

- А Зайка? - замяукал Кот.

- Зайка! - заартачились разбойники: - Не отдадим мы тебе Зайку никогда! Зайка у нас рыбкой плавает, и мы на ней все женимся: такая она беленькая, беляночка.

- Ну, вы меня хоть чаем угостите, а я вам сказку скажу, - будто сдался Кот.

Согласились разбойники, велели самовар подать, а сами расселись вкруг Кота, рты разинули.

Кот пил вприкуску, передыхал, сказывал.

Рассказывал Кот длинную-предлинную сказку о каких-то китайских яблочках и о купце китайском, запутанную сказку без конца, без начала.

Разбойники слушали, слушали Кота и заснули.

А как заснули разбойники, опрокинул Кот чашку на блюдечко, да и пошёл по банкам ходить, искать Зайку.

- Кис-кис! - тихонько покликала Зайка.

Котофей Котофеич и догадался, выловил Зайку лапкой, обернул в платочек да себе в карман и сунул.

А разбойники дрыхнут, ничего не видят, ничего не слышат.

Тут загрёб Котофей Котофеич в охапку чёрную шкатулку, сказал заклинание да поминай как звали.

- Э-эх!! - укорял дорогой Котофей свою Зайку-рыбку.

- Да я, Котофей Котофеич, только одну хотела рыбку поймать, самую маленькую.

- Ну и стала рыбкой, прости Господи! - чихал Кот, не унимался.

Зайка едва дух переводила, так прытко стремился Кот в башенку.

И только когда сестричка-звёздочка с ёлки на Кота глянула, сел Кот посидеть немножечко.

Вынул Котофей Котофеич платочек из кармашка, развернул платочек, покликал Козу рогатую.

Прибежала Коза рогатая, дала Зайке-рыбке холодненькой водицы.

И превратилась Зайка-рыбка в настоящую беленькую Зайку.

- Опасность, друзья мои, миновала: разбойники ошалели от гнева, пустили погоню... да не в ту сторону.

- Ну, спасибо тебе, Коза рогатая, - благодарил Кот, - заходи когда к нам Зайку пободать.

- Хорошо, зайду когда-нибудь, - отвечала Коза, - да лучше вот что, я вас сейчас до дому провожу...

Так втроём и отправились: кот Котофей, Зайка да Коза рогатая.

Много было страху и опаски: и с дороги сбивались, и погоня чуялась, и топали шаги Буробы.

Артамошка с Епифашкой попали впросак и в отместку Коту свои козни строили.

12

Радость необычайная, радость невыразимая! Достигли путники башенки!

Пошёл в башенке дым коромыслом.

Снова пляс, снова смех, снова песни.

Прибежали Белки-мохнатки, притащили кулёк калёных орехов, вылез из отдушника Чучело-чумичело, прискакала Лягушка-квакушка о двух задних лапках, выполз Червячок из ямки, явился и сам Волчий Хвост, улыбался Хвост поджаро, болтался.

А гадкий Зародыш сел на корточки в угол, ударил в ладошки, - и начались хороводы.

Водили хоровод за хороводом, из сил выбились. А Коза всех перебодала, да и опять в лес за кленовым листочком, только Козу и видели. А Чучела-чумичела чуть было Котофей Котофеич не съел: такая у Чучела соблазнительная мышиная мордочка выросла!

- Э-эх, кум, - пенял Коту Чучело, - не говорил ли я тебе, что ты меня съесть захочешь?!

Кот извинился.

Кучерище сидел в окне, ел игрушки, головой поматывал.

То-то веселье, то-то потеха!

Насилу Зайку спать в кроватку уложили, - так разрезвилась, из рук вон.

И три дня пировали в Зайкиной башне.

На четвёртый день утром приступил старый кот Котофей Котофеич к Зайке, тронул Зайку лапкой, сказал Зайке:

- Отпусти меня, Зайка, отпусти, беленькая,

из башенки по свету погулять, выхолил я тебя, Зайку, вынянчил, пора и на волю мне.

Утёрла Зайка слёзки себе пальчиком, погладила по шёрстке Котофея Котофеича и говорит:

- Как же я без тебя жить буду, Котофей Котофеич, меня Буроба съест.

- Не съест, Зайка, не съест, беленькая, где ей, ну а придёт старая, ты только покличь, и я вернусь в башенку.

Поцеловала Зайка Кота в мордочку, вытащила из новой сумочки любимый свой бисерный кошелёчек с *павлином,* подарила его на память Котофею Котофеичу.

- Голубушка беленькая, Зайка моя! - прослезился растроганный Кот.

Так и покинул Котофей Котофеич Зайкину башенку, пошёл с палочкой по свету гулять.

И осталась Зайка одна в башенке, надела себе Зайка золото на пальчики, взяла у Зародыша *афту* - такую краску, размазала афту на дощечку и стала свой собственный портрет писать.

Придёт старый Кот, вернётся Котофей в башенку, Зайка ему портрет и отдаст.

- Афта-афта! - гавкал в трубе собачонкой Васютка, сынишка Кучерищев, стерёг башенку.

Петушок-золотой гребешок на заре по заре распевал петушиные голосистые песни.

И играло солнце над башенкой так весело, весеннее.

1905

А.Н.ТОЛСТОЙ

РУСАЛКА

Русалочьи сказки



Во льду дед Семён бьёт прорубь - рыбку ловить. Прорубь не простая - налажена с умом. Дед обчертил пешнёй круг на льду, проколупал яму, посередине наладил изо льда же кольцо, а внутри его ударил пешнёй.

Хлынула спёртая, студёная вода, до краёв наполнила прорубь.

С водой вошли рыбки - снеток, малявка, плотва.

Вошли, поплавали, а назад нет ходу - не пускает кольцо. Посмеялся своей хитрости дед Семён, приладил сбоку к проруби канавку - сачок заводить и пошёл домой, ждать ночи - когда и большая рыбина в прорубь заходит.

Убрал дед Семён лошадь и овцу - всё своё хозяйство - и полез на печь.

А жил он вдвоём со старым котом на краю села в мазанке.

Кот у деда под мышкой песни запел, тыкался мокрым носом в шею.

- Что ты, неугомонный, - спрашивал дед, - или мышей давно не нюхал?

Кот ворочался, старался выговорить на кошачьем языке не понять что.

«Пустяки», - думает дед, а сна нет как нет.

Проворочался до полуночи, взял железный фонарь, сачок, ведро и пошёл на речку.

Поставил у проруби железный фонарь, стал черенком постукивать по льду.

- Ну-ка, рыбка, плыви на свет.

Потом разбил тонкий ледок, завёл сачок и вытянул его полный серебряной рыбёшки.

«Что за диво, - думает дед, - никогда столько рыбы не лавливал. Да смирная какая, не плещется».

Завёл и ещё столько же вытянул. Глазам не верит: «Нам с котом на неделю едева не проесть».

Посветил фонарём в прорубь - и видит: на дне около кольца лежит тёмная рыбина.

Распоясался дед Семён, снял полушубок, рукава засучил, наловчился да руками под водой и ухватил рыбину.

А она хвостом не бьёт, - смирная.

Завернул дед рыбу в полу, подхватил ведро с малявками и домой...

- Ну, - говорит, - котище, поедим на старости до отвала, смотри...

И вывалил из полы на стол.

И на столе вытянула зелёный плёс, руки сложила, спит русалка, личико - спокойное, детское...

Дед - к двери, ведро уронил, а дверь забухла, - не отворяется.



Русалка спит...

Обошёлся дед понемногу; пододвинулся поближе, потрогал - не кусается, и грудь у неё дышит, как у человека.

Старый кот рыбу рассыпанную не ест, на русалку смотрит, - горят котовские глаза.

Набрал дед тряпья, в углу на печке гнездо устроил, в головах шапку старую положил, отнёс туда русалку, а чтобы тараканы не кусали - прикрыл решетом.

И сам на печку залез, да не спится.

Кот ходит, на решето глядит...

Всю ночь проворочался старый дед; поутру скотину убрал да опять к печке: русалка спит; кот от решета не отходит.

Задумался дед; стал щи из снетков варить, горшок валится, чаду напустил...

Вдруг чихнуло...

- Кот, это ты? - спрашивает дед.

Глянул под решето, а у русалки открытые глаза - светятся. Пошевелила губами:

- Что это ты, дед, как чадишь, не люблю я чаду.

- А я сейчас, - заторопился дед, окно поднял, а горшок с недоваренными щами вынес за дверь.

- Проснулась? А я тебя было за щуку опознал.

Половина дня прошла, сидят дед и кот голодные. Русалка говорит:

- Дед Семён, я есть хочу.

- А я сейчас, вот только, - дед помялся, - хлебец ржаной у меня, больше ничего нет.



- Я леденцов хочу.

- Сейчас я, сейчас... - Вышел дед на двор и думает: «Продам овцу, - куда мне овца? Куплю леденцов...»

Сел на лошадь, овцу через шею перекинул, поскакал в село.

К вечеру вернулся с леденцами.

Русалка схватила в горсть леденцов - да в рот, так все и съела, а наевшись, заснула...

Кот сидел на краю печки, злой, урчал.

Приходит к деду внучонок Федька, говорит:

- Сплети, дед, мочальный кнут...

Отказать нельзя. Принялся дед кнут вить, хоть и не забавно, как раньше бывало.

Глаза старые, за всем не углядишь, а Федька на печку да к решету.

- Деда, а деда, что это? - кричит Федька и тянет русалку за хвост... Она кричит, руками хватается за кирпичи.

- Ах ты, озорник! - никогда так не сердился дед Семён: отнял русалку, погладил, а Федьку мочальным кнутом: - Не балуй, не балуй...

Басом ревел Федька:

- Никогда к тебе не приду...

- И не надо.

Замкнулся дед, никого в избу не пускал, ходил мрачный. А мрачнее деда - старый рыжий кот...

- Ох, недоброе, кот, задумал, - говорил дед.

Кот молчал.

А русалка просыпалась, клянчила то леденцов, то янтарную нитку. Или ещё выдумала:



- Хочу самоцветных камушков, хочу наряжаться.

Нечего делать - продал дед лошадь, принёс из города сундучок камушков и янтарную нитку.

- Поиграй, поиграй, золотая, посмейся.

Утром солнце на печь глядело, сидела русалка, свесив зелёный плёс с печи, пересыпала камушки из ладони в ладонь, смеялась.

Дед улыбался в густые усы, думал: «Век бы на неё просмотрел».

А кот ходил по пустому хлеву и мяукал хриплым мявом, словно детей хоронил. Потом прокрался в избу. Шерсть дыбом, глаза дикие.

Дед лавку мыл; солнце поднималось, уходило из избы...

- Дед, дед! - закричала русалка. - Разбери крышу, чтобы солнце весь день на меня светило.

Не успел дед повернуться, а кот боком махнул на печь, повалил русалку, искал усатой мордой тонкое горло.

Забилась русалка, вывёртывается. Дед на печь, оттащил кота.

- Удуши кота, удуши кота, - плачет русалка.

- Кота-то удушить? - говорит дед. - Старого!..

- Он меня съест.

Скрутил дед тонкую бечёвку, помазал салом, взял кота, пошёл в хлев.

Бечёвку через балку перекинул, надел на кота петлю.

- Прощай, старичок...



Кот молчал, зажмурил глаза. Ключ от хлева дед бросил в колодезь.

А русалка долго на этот раз спала: должно быть, с перепугу.

Прошла зима. Река разломала лед, два раза прорывала плотину, насилу успокоилась.

Зазеленела на буграх куриная слепота, запахло берёзами, и девушки у реки играли в горелки, пели песни.

Дед Семён окно раскрыл; пахучий, звонкий от песен ветер ворвался в низкую избу.

Молча соскочила с печи русалка, поднялась на руках.

Глядит в окно, не сморгнёт, высоко дышит грудь.

- Дед, дед, возьми меня: я к девушкам хочу.

- Как же мы пойдём, засмеют они нас.

- Я хочу, возьми меня. - Натёрла глаза и заплакала.

Дед смекнул.

Положил русалку за пазуху, пошёл на выгон, где девушки хоровод водили.

- Посмотрите-ка, - закричали девушки, - старый приплёлся!..

Дед было барахтаться... Ничего не помогло - кричат, смеются, за бороду тянут. От песней, от смеха закружилась стариковская голова.

А солнышко золотое, ветер степной...

И за самое сердце укусила зубами русалка старого деда, - впилась...

Замотал дед головой да - к речке бегом бежать...

А русалка просунула пальцы под рёбра, раздвинула, вцепилась зубами ещё раз. Заревел дед и пал с крутого берега в омут.

С тех пор по ночам выходит из омута, стоит над водой седая его голова, мучаясь, открывает рот.

Да мало что наплести можно про старого деда!

ИВАН ДА МАРЬЯ



Десятая неделя после пасхи - купальские дни.

Солнце самый пуп земли печёт, и зацветает дивная полынь-трава. В озёра, на самое зелёное дно, под коряги подводные, под водоросли глядит огненное солнце.

Негде упрятаться русалкам-мавкам, и в тихие вечера, в лунные ночи уходят они из вод озёрных и хоронятся в деревьях, и зовут их тогда древянницами.

Это присказка, а сказка вот какая.

Жили-были брат Иван да сестра Марья в избёнке на берегу озера.

Озеро тихое, а слава о нём дурная: водяной шалит.

Встанет над озером месяц, начнут булькать да ухать в камышиных заводях, захлюпают по воде словно вальками, и выкатит из камышей на дубовой коряге водяной, на голове колпак, тиной обмотан. Увидишь, прячься - под воду утянет.

Строго брат Иван наказывал сестре Марье:

- Отлучусь я, так ты после сумерек из хаты - ни ногой, песни не пой над озёрной водой, сиди смирно, тихо, как мыши сидят...



- Слушаю, братец! - говорит Марья.

Ушёл Иван в лес. Скучно стало Марье одной за станком сидеть; облокотилась она и запела:

Где ты, месяц золотой? -
Ходит месяц над водой, -
В глыбко озеро взглянул,
В тёмных водах утонул...

Вдруг стукнуло в ставню.

- Кто тут?

- Выдь к нам, выдь к нам, - говорят за ставней тонкие голоса.

Выбежала Марья и ахнула.

От озера до хаты - хороводы русалочьи.

Русалки-мавки взялись за руки, кружатся, смеются, играют.

Всплеснула Марья ладошами. Куда тут! - обступили её мавки, венок надели...

- К нам, к нам в хоровод, ты краше всех, будь наша царица. - Взяли Марью за руки и закружились.

Вдруг из камыша вылезла синяя раздутая голова в колпаке.

- Здравствуй, Марья, - захрипел водяной, - давно я тебя поджидал... - И потянулся к ней лапами...

Поздним утром пришёл Иван. Туда, сюда, - нет сестрицы. И видит - на берегу башмаки её лежат и поясок.

Сел Иван и заплакал.

А дни идут, солнце ближе к земле надвигается.

Настала купальская неделя.



«Уйду, - думает Иван, - к чужим людям век доживать, вот только лапти новые справлю».

Нашёл за озером липку, ободрал, сплёл лапти и пошёл к чужим людям.

Шёл, шёл, видит - стоит голая липка, с которой он лыки драл.

«Ишь ты, назад завернул», - подумал Иван и пошёл в другую сторону.

Кружил по лесу и опять видит голую липку.

- Наважденье, - испугался Иван, побежал рысью.

А лапти сами на старое место загибают...

Рассердился Иван, замахнулся топором и хочет липку рубить. И говорит она человеческим голосом:

- Не руби меня, милый братец...

У Ивана и топор вывалился.

- Сестрица, ты ли?

- Я, братец; царь водяной меня в жёны взял, теперь я древянница, а с весны опять русалкой буду... Когда ты с меня лыки драл, наговаривала я, чтобы не уходил отсюда далеко.

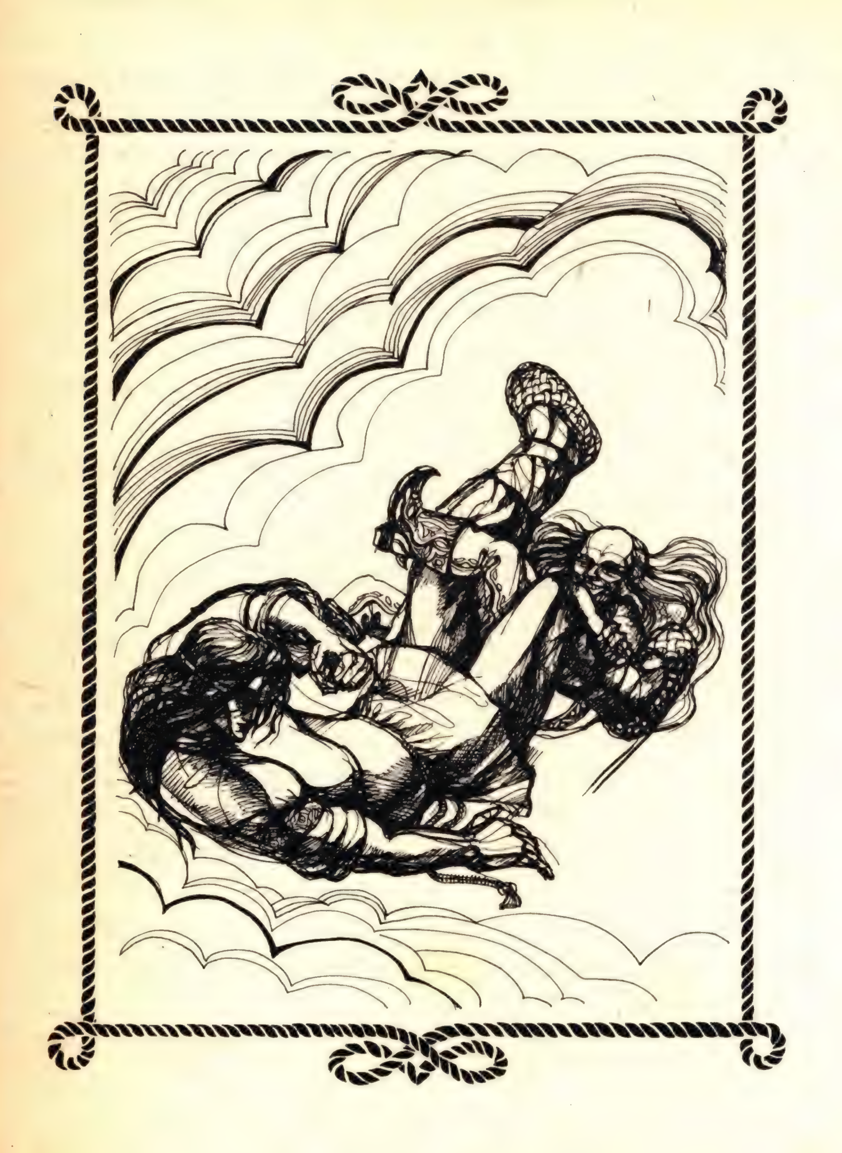
- А нельзя тебе от водяного уйти?

- Можно, найти нужно Полынь-траву на зыбком месте и мне в лицо бросить.

И только сказала, подхватили сами лапти, понесли Ивана по лесу.

Ветер в ушах свистит, летят лапти над землёй, поднимаются, и вверх в чёрную тучу мчится Иван.

«Не упасть бы», - подумал и зацепился за серую тучу - зыбкое место.



Пошёл по туче - ни куста кругом, ни травинки.

Вдруг зашевелился под ногами и выскочил из тучевой ямы мужичок с локоток, красная шапочка.

- Зачем сюда пришёл? - заревел мужичок, как бык, откуда голос взялся.

- Я за Полынь-травою, - поклонился Иван.

- Дам тебе Полынь-траву, только побори меня цыганской ухваткой.

Легли они на спины, по одной ноге подняли, зацепились, потянули.

Силён мужичок с локоток, а Ивану лапти помогают.

Стал Иван перетягивать.

- Счастье твоё, - рычит мужичок, - быть бы тебе на седьмом небе, много я закинул туда вашего брата. Получай Полынь-траву. - И бросил ему пучок.

Схватил траву, побежал вниз Иван, а мужичок с локоток как заревёт, как загрохочет и язык красный из тучи то метнёт, то втянет.

Добежал до липки Иван и видит - сидит на земле страшный дед, водит усами...

- Пусти, - кричит Иван, - знаю, кто ты, не хочешь ли этого? - И ткнул водяному в лицо Полынь-травою.

Вспучился водяной, лопнул и побежал ручьём быстрым в озеро.

А Иван в липку бросил Полынь-траву, вышла из липки сестрица Марья, обняла брата, заплакала, засмеялась.

Избушку у озера бросили они и ушли за тёмный лес - на чистом поле жить, не разлучаться.

И живут неразлучно до сих пор, и кличут их всегда вместе - Иван да Марья, Иван да Марья.

ВЕДЬМАК



На пне сидит ведьмак, звёзды считает когтем - раз, два, три, четыре... Голова у ведьмака собачья и хвост здоровенный, голый.

...Пять, шесть, семь... И гаснут звёзды, а вместо них на небе появляются чёрные дырки. Их-то и нужно ведьмаку - через дырки с неба дождик льётся.

А дождик с неба - хмара и темень на земле.

Рад тогда ведьмак: идёт на деревню людям вредить.

Долго ведьмак считал, уж и мозоль на когте села.

Вдруг приметил его пьяненький портной: «Ах ты, говорит, гад!» - И побежал за кусты к месяцу - жаловаться. Вылетел из-за сосен круглый месяц, запрыгал над ведьмаком - не даёт ему звёзд тушить. Нацелится ведьмак когтем на звезду, а месяц - тут как тут, и заслонит.

Рассердился ведьмак, хвостом закрутил - месяц норовит зацепить и клыки оскалил.

Притихло в лесу.

А месяц нацелился - да как хватит ведьмака по зубам...

Щёлкнул собачьей пастью ведьмак, откусил половину у месяца и проглотил.



Взвился месяц ущербный, свету невзвидел, укрылся за облако.

А ведьмак жалобно завыл, и посыпались с деревьев листочки.

У ведьмака в животе прыгает отгрызанный месяц, жжёт; вертится юлой ведьмак, и так и сяк - нет покоя...

Побежал к речке и бултыхнулся в воду... Расплескалась серебряная вода. Лёг ведьмак на прохладном дне. Корчится. Подплывают русалки стайкой, как пескари, маленькие... Уставились, шарахнулись, подплыли опять и говорят:

- Выплюнь, выплюнь месяц-то.

Понатужился ведьмак, выплюнул, повыл немножко и подох.

А русалки ухватили голубой месяц и потащили в самую пучину.

На дне речки стало светло, ясно и весело.А месяц, что за тучей сидел, вырастил новый бок, пригладился и поплыл между звёзд по синему небу.

Не впервые ясному бока выращивать.

ВОДЯНОЙ



Лежит на возу мужик, трубочку посасывает - продаёт чёрного козла. А народу на ярмарке - труба нетолчёная.

Подходит к мужику седой старец, кафтан на нём новый, а полы мокрёшеньки.

- Ишь, угораздило тебя на сухом месте измочиться, - сказал мужик.

Поглядел старец из-под косматых бровей и спрашивает:

- А ты пустяки не говори; продажный козёл-то?

- Не для себя же я козла привёл; продажный.

Сторговались за три рубля, старик увёл козла, а мужик принялся в кисет деньги совать и видит - вместо трёшницы лягушиная шкурка.

- Держите его, православные! - закричал мужик. - Водяной по ярмарке ходит!

Собрался народ: стали шуметь, рукавицами махать; мужика в волостную избу повели; продержали весь день и выпустили; и пошёл он в сумерки домой, а дорога - лесом. Вдруг видит мужик: идёт его козёл, крутые рога опустил, топает ножками, а на нём верхом чучело сидит зелёное, рачьи усы растопыркой, глаза плошками.



Проехало чучело, ухватило лапой мужика, посадило с собой рядом; помчались к озеру да с кручи вместе прыг в воду, очутились на зелёном дне.

- Ну, - говорит ему чучело, - народ мутить, меня ловить будешь али нет?

- Нет, уж теперь мне, батюшка водяной, не до смеху.

- А чем ты себя можешь оправдать, чтобы я тебя сейчас не съел?

- Мы народ рабочий, - отвечает мужик, - поработаю на тебя.

- А что делать умеешь?

- Неучёные мы, батюшка водяной, только баклуши и бьём.

- Хорошо, - говорит водяной, - бей баклуши... - и ушёл.

Стал мужик из осиновых чурбанов баклуши бить, сам плачет, рыдает. Много набил, целую кучу.

Пришёл водяной и удивился:

- Ты что это вытворяешь?

- Баклуши бью, как вы приказали.

- А на что мне баклуши?

Почесал мужик спину:

- Ложки из них делать.

- А на что мне ложки?

- Горячее хлебать.

- Ах ты, дурень, ведь я одну сырую рыбу ем. Ни к чему ты, мужик, не годишься. Держись.

Щёлкнул водяной мужика по маковке и обернул его в ерша.

Потом усы раздвинул, рот раскрыл и стал ерша заглатывать. А мужик, хоть и в ерша перевернулся, и тут угодить не мог; упёрся водяному поперёк горла щетиной. Закашлял водяной, задавился, вытащил ерша и выкинул его из воды на берег. Отдышался мужик, встал на ноги в своём виде, почесался и сказал:

- Ну да, оно ведь это тоже нелегко, с крестьянством-то.

КИКИМОРА



Над глиняным яром - избушка, в избушке старушка живёт и две внучки: старшую зовут Моря, младшую Дуничка.

Один раз - ночью - лежит Моря на печи, - не спится. Свесила голову и видит.Отворилась дверь, вошла какая-то лохматая баба, вынула Дуничку из люльки и - в дверь - и была такова.

Закричала Моря:

- Бабынька, бабынька. Дуньку страшная баба унесла...

А была та баба - кикимора, что крадёт детей, а в люльку подкладывает вместо них полено.

Бабушка - искать-поискать, да, знать, кикимора под яр ушла в омут зелёный. Вот слёз-то что было!

Тоскует бабушка день и ночь. И говорит ей Моря:

- Не плачь, бабушка, я сестрицу отыщу.

- Куда тебе, ягодка, сама только пропадёшь.

- Отыщу да отыщу, - твердит Моря. И раз, когда звёзды высыпали над яром, Моря выбежала крадучись из избы и пошла куда глаза глядят.

Идёт, попрыгивает с ноги на ногу и видит - стоит над яром дуб, а ветки у дуба ходуном ходят. Подошла ближе, а из дуба торчит борода и горят два зелёных глаза...



- Помоги мне, девочка, - кряхтит дуб, - никак не могу нынче в лешего обратиться, опояшь меня пояском.

Сняла с себя Моря поясок, опоясала дуб. Запыхтело под корой, завозилось, и встал перед Морей старый леший.

- Спасибо, девка, теперь проси чего хочешь.

- Научи, дедушка, где сестрицу отыскать, её злая кикимора унесла.

Начал леший чесать затылок...

А как начесался - придумал.

Вскинул Морю на плечи и побежал под яр, вперёд пятками.

- Садись за куст, жди, - сказал леший и на берегу омута обратился в корягу, а Моря спряталась за его ветки.

Долго ли так, коротко ли, замутился зелёный омут, поднялась над водой косматая голова, фыркнула, поплыла и вылезла на берег кикимора. На каждой руке её по пяти большеголовых младенцев - игошей - и ещё один за пазухой.

Села кикимора на корягу, кормит игошей волчьими ягодами. Младенцы едят, ничего, - не давятся.

- Теперь твоя очередь, - густым голосом сказала кикимора и вынула из-за пазухи ребёночка.

- Дуничка! - едва не закричала Моря.

Смотрит на звёзды, улыбается Дуничка, сосёт лохматую кикиморину грудь.

А леший высунул сучок корявый да за ногу кикимору и схватил...



Хотела кинуться кикимора в воду - никак не может.

Игоши рассыпались по траве, ревут поросячьими голосами, дрыгаются. Вот пакость!

Моря схватила Дуничку - и давай бог ноги.

- Пусти - я девчонку догоню, - взмолилась к лешему кикимора.

Стучит сердце. Как ветер летит Моря. Дуничка её ручками за шею держит...

Уже избушка видна... Добежать бы...

А сзади - погоня: вырвалась кикимора, мчится вдогонку, визжит, на сажень кверху подсигивает...

- Бабушка! - закричала Моря.

Вот-вот схватит её кикимора.

И запел петух: «Кукареку, уползай, ночь, пропади, нечисть!»

Осунулась кикимора, остановилась и разлилась туманом, подхватил её утренний ветер, унёс за овраг.

Бабушка подбежала. Обняла Морю, взяла Дуничку на руки. Вот радости-то было.

А из яра хлопал деревянными ладошами, хохотал старый дед-леший. Смешливый был старичок.

ДИКИЙ КУР



В лесу по талому снегу идёт мужик, а за мужиком крадётся дикий кур. «Ну, - думает кур, - ухвачу я его». Мужик спотыкается, за пазухой булькает склянка с вином.

- Теперь, - говорит мужик, - самое время выпить, верно?

- Верно! - отвечает ему кур за орешником...

- Кто это ещё разговаривает? - спросил мужик и остановился.

- Я.

- Кто я?

- Кур.

- Дикий?

- Дикий...

- К чему же ты в лесу?

Кур опешил:

- Ну, это моё дело, почему я в лесу, а ты чего шляешься, меня беспокоишь?

- Я сам по себе, иду дорогой...

- А погляди-ка под ноги.

Глянул мужик, - вместо дороги - ничего нет, а из ничего нет торчит хвост петушиный и лапа - кур глаза отвёл.

- Так, - сказал мужик, - значит, приходится мне пропасть.

Сел и начал разуваться, снял полушубок.

Кур подскочил, кричит:

- Как же я тебя, дурака, загублю? Очень ты покорный.

- Покорный, - засмеялся мужик, - страсть, что хочешь делай.

Кур убежал, пошептался с кем-то, прибегает и говорит:

- Давай разговляться, подставляй шапку, - повернулся к мужику и снёс в шапку яйцо.

- Отлично, - сказал мужик, - давно бы так.

Стали яйцо делить. Мужик говорит:

- Ты бери нутро, - голодно, чай, тебе в лесу-то, а я шелуху пожую.

Ухватил кур яйцо и разом сглотнул.

- Теперь, - говорит кур, - давай вино пить.

- Вино у меня на донышке, пей один.

Кур выпил вино, а мужик снеговой водицы хлебнул.

Охмелел кур, песню завёл - орёт без толку...

Сигать стал с ноги на ногу, шум поднял по лесу, трескотню.

- Пляши и ты, мужик...

Завертел его кур, поддает крылом, под крылом сосной пахнет.

И очутился мужик у себя в хлеву на тёплом назме...

Пришла баба от заутрени...

- Это ты так, мужик, за вином ходил...

- Ни-ни, - говорит мужик, - маковой росинки во рту не было, кур дикий меня путал.

- Хорошо, - говорит баба и пошла за кочер-

гой. Принесла кочергу да вдруг и спрашивает: - Ну-ка повернись, что это под тобой?

Посмотрела, а под мужиком лежат червонцы.

- Откуда это у тебя?

Стал мужик думать.

- Вот это что, - говорит, - кур это меня шелухой кормил... Дай бог ему здоровья...

И поклонились мужик да баба лесу и сказали дикому куру - спасибо.

ПОЛЕВИК



На току, где рожь молотят, - ворох: ворох покрыт пологом, на пологу - роса. А под пологом девки спят... Пахнет мышами, и на небе стоит месяц.

По току шагает длинный Полевик, весь соломенный, ноги тонкие...

- Ну, ну, - ворчит Полевик, - рожь не домолотили, а спят.

Подошёл к вороху, потянул за полог:

- Эй, вы, разоспались, заря скоро!

Девки из-под полога высовывают головы, шепчут:

- Кто это, девоньки, или приснилось? Никак, светает скоро.

Дрожат с холоду, просыпаются.

На хуторе за прудом кричат петухи.

К молотилке шагает Полевик; под молотилкой, накрывшись полушубками, спят парни.

Постаскал с них Полевик полушубки:

- Вставайте, рожь недомолочена.

Парни глаза протирают...

- Свежо, ребята, ай, вставать пора...

На току ворошится народ, натягивают полушубки да кацавейки, ищут: кто вилы, кто грабли...



Холодеет месяц.

А Полевик уж в поле шагает.

- Голо, голо, - ворчит Полевик, - скучно.

Ляжет он с тоски в канаву, придёт зима, занесёт его снегом.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И АЛАЯ-АЛИЦА



Скучно стало Ивану-царевичу, взял он у матушки благословение и пошёл на охоту. А идти ему старым лесом. Настала зимняя ночь. В лесу то светло, то темно; по спелому снегу мороз потрескивает.

Откуда ни возьмись выскочил заяц; наложил Иван-царевич стрелу, а заяц обернулся клубком и покатился. Иван-царевич за ним следом побежал.

Летит клубок, хрустит снежок, и расступились сосны, открылась поляна, на поляне стоит белый терем, на двенадцати башнях - двенадцать голов медвежьих... Сверху месяц горит, переливаются стрельчатые окна.

Клубок докатился, лунь-птицей обернулся: сел на воротах. Испугался Иван-царевич, - вещую птицу застрелить хотел, - снял шапку.

- Прости глупость мою, лунь-птица, невдомёк мне, когда ты зайцем бежал.

- Меня Алая-Алица, ясная красавица, жижова пленница, за тобой послала, - отвечает ему лунь-птица, - давно стережёт её старый жиж.

- Войди, Иван-царевич, - жалобно прозвенел из терема голос.

По ледяному мосту пробежал, распахнул ворота Иван-царевич - оскалились медвежьи го-



ловы. Вышиб ногой дверь в светлицу: видит - на нетопленной печурке сидит жиж, голова у него медная, глазами ворочает.

- Ты зачем объявился? Или две головы на плечах? - зарычал жиж.

Прицелился Иван-царевич и вогнал золотую стрелу между глаз старому жижу.

Упал жиж, дым повалил у него изо рта, вылетело красное пламя и пояло терем. Иван-царевич побежал в светлицу. У окна, серебряными цепями прикована, сидит Алая-Алица, плачет... Разрубил цепи, взял Иван-царевич на руки царевну и выскочил с ней в окошко.

Рухнул зимний терем и облаком поднялся к синему небу. Сбежал снег с поляны, на земле поднялись, зацвели цветы. Распустились по деревьям клейкие листья.

Откуда ни возьмись прибежали тоненькие, синие ещё от зимнего недоеда, русалки-мавки, закачались на деревьях; пришёл журавль на одной ноге; закуковала кукушка; лешие захлопали в деревянные ладоши; позык аукался.

Шум, гам, пение птичье...

И по синему небу раскатился, загрохотал апрельский гром.

И узнали все на свете, что Иван-царевич справляет свадьбу с Алой-Алицей, весенней царевной.

СОЛОМЕННЫЙ ЖЕНИХ



Внизу овина, где зажигают теплины, в углу тёмного подлаза лежит, засунув морду в земляную нору, чёрный кот. Не кот это, а овинник. Лежит, хвостом не вильнёт - пригрелся. А на воле - студёно. Прибежали в овин девушки, ногами потопали.

- Идёмте в подлаз греться.

Полегли в подлазе, где дымом пахнет, близко друг к дружке, и завели такие разговоры, что - стар овинник, а чихнул и землёй себе глаза запорошил.

- Что это, подружки, никак, чихнуло? - спрашивают девушки.

Овинник рассердился, что глаза ему запорошило, протёр их лапой и говорит:

- Ну-ка, иди сюда, которая нехорошие слова говорила!

Каждая девушка на себя подумала, и ни одна ни с места.

- Ну, что же, - говорит овинник, - или мне самому вылезать?

И стал из норы пятиться...

Тут одна догадливая да бедная, сирота Василиса, взяла ржаной сноп, прикрыла его платком и поставила впереди всех.

- Вот тебе!..

Выскокнул из норы овинник, пыхнул зелёными глазами и стал сноп рвать, а девушки из овина выбежали и - на деревню, а та, что подогадливее - Василиса, - схоронилась за ворох соломы и говорит оттуда:

- Чёрный кот, старый овинник, что со мной делаешь, - всё тело моё изорвал.

Фыркнул овинник, отскочил и кричит:

- Очень я злой, погоди - отойду, тогда разговаривай.

Подождала Василиса и говорит опять:

- Отошёл?

- Отхожу, сейчас, только усы вылижу... Ну, что тебе надо?

- Залечи мне раны...

Фыркнул кот в землю, лапой пыль подхватил и мазнул по снопу.

А сноп так и остался снопом...

- Так ты меня обманула? - говорит кот, а самому уж смешно.

- Обманула, батюшка, - отвечает ему Василиса, - прости, батюшка, да смилуйся - найди мне жениха, чтобы краше его на свете не было.

- Уж больно я сам-то урод, - говорит овинник. - Ну, да ладно. - И ударился о землю, и стал из чёрного кота - кот белый и хвостом Василису пощекотал...

- Чем тебе не жених?

- Нет, - говорит Василиса, - за кота замуж не пойду; дай мне жениха настоящего.

Подумал овинник, походил по овину, - мыша



походя сожрал. Вдруг подскочил к ржаному снопу, заурчал, облизал его, чихнул три раза и сделался из снопа - человек.

- Получай жениха, - говорит Василисе овинник. - Смотри - от сырости береги, а то прорастёт.

Василиса взяла человека за руку и вывела его из подлаза, из овина на лунный свет. И встал перед ней молодой жених в золотом кафтане, в шапке с пером. Глядит на Василису и смеётся. Василиса поклонилась ему в пояс - и они пошли в избу.

Прошло с той поры много дней. Лёг снег на мёрзлую землю, завыли студёные ветра, поднялись вьюги.

Соломенный жених живёт у Василисы, похаживает по горнице, поглядывает в окошечко и всё приговаривает:

- Скучно мне, тёмно, холодно...

И стала Василиса замечать, что жених её портится, позеленело у него на кафтане и на сапожках золото, ночью стал кашлять, стонать во сне. Раз утром слез с кровати, подпоясался и говорит:

- Уйду, Василиса, искать тёплого места.

- А я-то как же?..

- Ты меня жди.

И ушёл, только снег скрипнул за воротами.

Жених идёт, весь от инея белый. Кругом мороз молоточками постукивает - крепко ли закована земля, не взломан ли синий лёд на реке; по деревьям попрыгивает, морозит зайцам уши.



Хочет жених от мороза уйти, а молоточки всё чаще, всё больнее постукивают, - по жилам, по костям. Остудился жених, а степь бела кругом, ровна.

И повисло над степью, над самым краем солнце, красное и студёное. Жених к солнцу бежит, колпаком машет:

- Погоди, погоди, возьми меня в зелёные луга.

И добежал было. Вдруг выскочил из-под снега большой, косматый, крепколобый волк, доскакал большим махом до солнца, обхватил его лапами, прижался пузом, - с одной стороны, с другой приловчился и вонзил клыки в алое солнце.

Завизжали, застучали ледяные молотки, потемнела степь, завыл мёртвый лес. Соломенный жених бежать пустился, упал в снег и не помнит, что дальше было.

Василиса, когда одна осталась, пораскинула бабьим умом и пошла к старому овиннику. А чтобы он не очень сердился, сунула под нос ему пирог с творогом и говорит:

- Жених от меня убежал, должно быть, замёрз, очень жалею его.

- Ничего, - отвечает ей овинник, - жених твой в озимое пошёл.

- А я-то как же?

- Найдёшь ты жениха в чистом поле, ляг с ним рядом, а что дальше будет - сама увидишь.

Пошла Василиса в поле, долго шла, не день и не два.



Видит - большой сугроб. Разрыла его руками, видит - лежит под снегом жених.

Упала на него Василиса, омочила лицо его слезами; жених не шевелится.

Тогда легла она с ним рядом и стала глядеть в зимнее белое небо.

Снег Василису порошит, молоточки в сердце бьют, обручи набивают на тело, и говорит Василиса:

- Желанный мой.

И чудится ей - голубеет, синеет небо, и из самой его глубины летит к земле, раскаляясь, близится молодое, снова рождённое солнце.

Заухали снега, загудели овраги, ручьи побежали, обнажая чёрную землю, над буграми поднялись жаворонки, засвистели серые скворцы, грач пришёл важной походкой, и соломенный жених открыл сонные синие глаза и привстал.

Проходили мимо добрые люди, сели на меже отдохнуть и сказали:

- Смотри, как рожь всколосилась, а с ней переплелись васильки-цветы...

Душисто...

СТРАННИК И ЗМЕЙ



Багряное солнце садилось над мёрзлым бурьяном, скрипели журавли колодцев, вдова Акулина пела у окошка горемычную песню, а по деревне проходил странник. Полушубок на нём древний, из дыр овчина торчит, лыковая котомка за плечами.

Ни молод странник, ни стар, а взглянешь на него - под усами умильная улыбка, глаза серые, ласковые, смешливые.

Подходит он к Акулининому двору, шапку снял и говорит ласково:

- Скучно тебе, милая?

Увидала странника Акулина, кинулась за ворота.

- Странник божий, взойди, сделай милость.

Взошёл странник, сел на лавку. Угощает его вдова, а сама пытает - откуда да куда, не слышал ли про счастье: лежит, говорят, оно в океане, под горючим камнем.

Странник наелся, напился, ложку положил и спрашивает:

- Ну, а ты, милая, всё маешься?

Забилась Акулина на лавке.

- Такая маета - сказать не можно: сушит змей белое моё тело, сосёт сердце, ночи до утра

глаз не смыкаю, а в полночь свистнет над крышей, рассыплется искрами и встанет на дворе - не зверь, не человек...

Улыбается странник, светятся глаза его.

- Силён враг, Акулина, трудно тебе, трудно. А ведь свистнет - опять побежишь?

Заголосила Акулина:

- Страшно мне, ночь придёт, сама ко врагу потянусь, а днём руки бы на себя наложила.

Погладил её по голове странник, и затихла молодая баба.

- Тётенька Акулина, - позвал в окно девичий голосок, - на посиделки тебя кличут, пойдёшь?

А там поглубже заглянул любопытный глаз.

- Ты и странника приводи, сказку скажет!

Рассмеялась и убежала, а странник говорит:

- Что же, Акулина, пойдём, куда зовут.

Акулина ушла за перегородку прибираться, а странник у окна запел:

Ходила во синем море,
Ходила белая рыба,
Ходила, била плёсом
По тому ли синю морю:
Ты раздайся, сине море,
На две волны, на два берега.
Ты выплесни, выкини
Алатырь, горюч камень.

Слушает, вздыхает Акулина за перегородкой; прибралась, вышла, - красивая, глаза мрачные.

- Ну, пойдём, странник.

Пришли на посиделки.

А там народу набилось, как грибов в лукошко; тренькают на балалайке, подплясывают, подпевают, шутки шутят, и в сенях, и на лавках, и на печи - понабились.

Странника обступили, просят.

- Спой нам, скажи сказку.

Странник сел у двери и запел опять про то же:

Ходила во синем море,
Ходила белая рыба.

Пригорюнились девицы, подсели к парням. Кто с печи голову свесил, кто с полатей. Расселись парами - стало тихо. Одна Акулина без друга, как куст обкошенный. Сдвинула брови, белая кипень, стоит посреди избы, под сарафаном грудь ходуном ходит.

- Акулина, Акулина, обойдись, - говорит странник.

А у неё глаза уж как озеро. Дрожит дрожью.

В это время просвистел за окном змеиный свист.

Дрогнула Акулина и - к двери.

- Не ходи, Акулина!

- Пусти!

Выскочила на улицу; странник за ней и схоронился в сенях. Акулина стала посреди двора и шепчет:

- Лети... лети.

И со свистом, как от тысячи птиц, закружился над двором чёрный змей, раскинул крылья, опустился на снег.

Встал на лапы, лебединую голову протянул



Царствует дед Корочун. (стр. 216)



Голова у Алёнушки кружится. (стр. 223)



...прибежала домой Морщинка... (стр. 234)



Впрыгивал Котофей в кроватку и бережно бархатной лапкой будил спящую Зайку. (стр. 259)



И на столе вытянула зелёный плёс, руки сложила, спит русалка, личико - спокойное, детское... (стр. 287)



Заревел дед и пал с крутого берега в омут. (стр. 296)



Встал на лапы... и языком облизнул ей белое лицо. (стр. 336)



Любил князь жену и сына и шумного слова им не сказал во всю бытность. (стр. 350)

к Акулине и языком облизнул ей белое лицо.

А странник подкрался, оттолкнул Акулину да змея по голове лестовкой и ударил.

Взметнулся змей и рассыпался просом, а странник петухом обернулся - зёрна клевать.

Не дала ему, упала на петуха Акулина, ухватила за крылья и в избу поволокла.

- Оборотень, - закричала Акулина, - рубите ему голову!

Петух вырвался - да под лавку, крыльями бьёт, в руки не даётся.

Заметался народ по избе, петуха ловят. Поймали, у Акулины и топор в руках.

- Клади его на порог!

Вытянули за голову, за ноги петуха. Размахнулась Акулина топором... Да так и застыла у неё рука.

Пропали стены. Вместо девушек - берёзы в инее, парни - ели, а Акулина - ива плакучая, вся в сосульках.На пне сидит странник. Улыбается, сияют серые глаза. Возле на снегу лежит петушиное перо.

Поднял странник перо, пустил по ветру, сказал:

- Лети, пёрышко, где сядешь, туда и я скоро приду; много ещё мне исходить осталось, увёртлив змей, не пришло его время.

ПРОКЛЯТАЯ ДЕСЯТИНА



Клонит ветер шёлковые зеленя, солнце в жаворонковом свисте по небу летит, и от земли идёт крепкий, ржаной дух. Одна только невсхожая полоса с бугра в лощину лежит чёрной заплатой - десятина бобыля...

У десятины стоит бобыль; ветер треплет непокрытую его голову.

- Эх, - говорит бобыль, - третий год меня мучаешь, проклятая! - Плюнул на родную землю и пошёл прочь.

Проходит неделя. В четверг после дождя встречает бобыля шабёр и говорит ему:

- Ну, брат, и зеленя же у тебя, - все диву даёмся, ужо заколосятся...

- Врёшь! - сказал бобыль... И побежал на свою десятину.

Видит - выпустили зеленя трубку, распахнули лист, и шумит усатый пшеничный колос.

На чудо не надивуется бобыль, а кошки сердце поскребывают: зачем проклинал родную землю.

Собрал бобыль урожай сам-тридцать; из пудовых снопов наколотил зерна и муку смолол, и замесил из первого хлеба квашню, и лёг подремать на лавке...

Ночь осенняя бушевала ледяным дождём, хлопали наотмашь ворота, выл в трубе ветер.

В полночь поднял бобыль голову и видит - валит из квашни дым.

Надувшись, слетела покрышка, и поползло через края проклятое тесто, рассыпалось на полу землёй...

Смекнул бобыль, что с мукой-то неладно, повёз мешки в город к старому пекарю...

Пекарю муку эту продал, деньги зашил в шапку; потом шапку распорол и деньги все пропил, и, когда домой собрался, не было у него ни денег и ни подводы, - один нос разбитый.

Пекарь в то же время замесил из бобылёвой муки кренделя, поставил в печь и, когда пришло время, - вытащил на лопате не подрумяненные кренделя, а такие завитуши и шевырюшки, что тут же обеспамятел и послал жену к дворянину продать муку за сколько даст.

Дворянин сидел в саду, одной рукой держал наливное яблочко, другой писал записки.

- Что тебе, милая? - сказал дворянин тонким голосом и прищурился.

- Насчёт пшеничной муки, - сказала пекарева жена, - старик-то мой больно плох...

Купил дворянин в долг проклятую муку и пригласил детей дворянских пирожки с вареньем кушать.

Под сиреневым кустом сели дворянские дети, взяли каждый по пирожку и откусили, а в пирожке лапти - крошеные, старые онучи, щепки, - всякая дрянь.



Побросали дворянские дети пирожки и подали на дворянина в суд.

Прослышал про всё это дело король и сказал:

- Я их всех сам буду судить.

И встали перед светлые его очи: дворянин, пекарь и бобыль... Бобыль как встал, так и глаза разинул и босой ногой почесал ногу.

Король велел объявить всё, как было. Выслушал. Державой и скипетром потряс и говорит:

- Проклял ты, бобыль, родную землю, и за то тебе будет наказание великое.

И приказал мужика отвести вместе с мукой на проклятую десятину, чтобы всю муку приел... Так и сделали... Посадили бобыля посреди его земли и ковшом в рот стали муку сыпать. Три раза попросил бобыль водицы, целую меру приел.

Приел, и распучило. Руки растопырились и одеревенели, через колени на землю поплыл живот, и полезли из бобыля шипы, а волосы стали дыбом, как репей.

Кругом бобыля порос густой и непролазный бурьян по всей десятине.

И долго спустя слышали в колючих порослях - жевало и ухало: то, сидя на земле, ел и проесть не мог проклятую муку проклятый бобыль.

ЗВЕРИНЫЙ ЦАРЬ



У соседа за печкой жил мужичок с локоток. Помогал соседу кое-чем, понемножку. Плохое житьё на чужих хлебах. Взяла мужика тоска, пошёл в клеть; сидит, плачет. Вдруг видит - из норы в углу высунулась мордочка и повела поросячьим носом.

«Анчутка беспятый», - подумал мужичок и обмер.

Вылез анчутка, ухо наставил и говорит:

- Здравствуй, кум!

«Какой я ему кум», - подумал мужичок и на случай поклонился.

- Окажи, кум, услугу, - говорит анчутка, - достань золы из-под печки; мне через порог перейти нельзя, а золы надо - тёщу лечить, - плоха, объелась мышами.

Мужичок сбегал, принёс золы, анчутка его благодарит:

- За службу всыплю я тебе казны, сколько в шапку влезет.

- На что мне казна, - отвечает мужичок, - вот бы силой поправиться!

- Это дело пустое, попроси звериного царя...

И научил анчутка, как к звериному царю попасть и что говорить нужно.



Мужичок подумал - всё равно так-то пропадать, и полез в крысиную нору, как его учили.

Там темно, сыро, мышами пахнет. Полз, полз - конца не видно, и вдруг полетел вниз, в тартарары. Встал, почесался и видит: вода бежит и привязана у берега лодочка, - с малое корытце.

Сел мужичок в лодочку, отпихнулся и завертелся, помчался - держи шапку.

Над головой совы и мыши летают, из воды высовываются такие хари - во сне не увидишь.

Наконец загорелся свет, мужичок пригрёб к берегу, выпрыгнул на траву и пошёл на ясное место. Видит - высоченное дерево шумит, и под ним, на семи шкурах, сидит звериный царь.

Вместо рук у царя - лопухи, ноги вросли в землю, на красной морде - тысяча глаз.

А кругом - звери, птицы и всё, что есть на земле живого - сидят и на царя посматривают. Увидал мужичка звериный царь и закричал:

- Ты кто такой? Тебе чего надо?

Подошёл мужичок, кланяется:

- Силёшки бы мне, батюшка, звериный царь...

- Силу или половину?

- Осьмухи хватит.

- Полезай ко мне в брюхо!

И разинул царь рот, без малого - с лукошко.

Влез мужичок в звериный живот, притулился, пуповину нашёл, посасывает.

Три дня сосал.

- Теперь вылезай, - зовёт зверь, - чай, уж насосался.

Вылез мужичок, да уж не с локоток, а косая сажень в плечах, собольи брови, чёрная борода.

- Доволен? - спрашивает царь. - Выйдешь на волю, поклонись чистому полю, солнцу красному, всякому жуку и скотине.

И дунул. И подхватили мужика четыре ветра, вынесли к мосту, что у родного села.

Солнце за горку садится, стадо гонят, идут девки...

Подбоченился мужик и крикнул:

- Эй, Дунька, Акулина, Марья, Василиса, аль не признали?

Девки переглядываются.

А мужик тряхнул кудрями.

- Теперь, - говорит, - пир горой, посылай за свахой. Я теперь самого звериного царя меньшой сын.

Девки так и сели. А мужик выбрал из них самую румяную да на ней и женился.

ХОЗЯИН



В конюшне темно и тепло, жуют сено лошади, стукнет по дереву подкова, цепь недоуздка зазвенит или скрипнет перегородка - караковый почесался.

В узкое окно влезает круглый месяц.

Лошади беспокоятся.

- Опять подглядывает месяц-то, - ржёт негромко вороной, - хоть бы козёл пришёл, - всё не так страшно.

- Козла «хозяин» боится, - сказал караковый, - а месяц сам по себе, его не напугаешь.

- Куда это козёл ушёл? - спросила рыжая кобыла.

- На плотину, в воду глядеть.

Кобыла храпнула:

- К чему в воду глядеть? Одни страсти.

- Страшно мне, - зашептал вороной, - месяц в окно лезет. Схватить его разве зубами?

- Не трогай, - ответил караковый, - захромаешь.

Кобыла жалобно заржала.

В конюшне - опять тихо. На сеновале возятся мыши.

Захрапел вдруг, шарахнулся вороной, копытами затопал.

- Смотрите, смотрите, месяц-то, - зашептал он, - и рога у него, и глаза.

Дрогнул караковый.

- А борода есть?

- И борода веником.

Караковый захрапел:

- «Хозяин» это, берегись.

Вдруг клубком из окошка скатился в стойло вороному старичок и засмеялся, заскрипел.

Вороной стал как вкопанный, мелкой дрожью дрожит.

Рыжая кобыла легла со страха, вытянула шею.

Караковый забился в угол.

- Вороненький, соколик, - заскрипел «хозяин», - гривку тебе заплету, - боишься меня? А зачем козла звал?.. Не зови козла, не пугай меня... - и, с вывертом, с выщипом, ухватил вороного.

Вороной застонал.

- Стонешь? Не нравится? А мне козлиный дух нравится!.. Идём за мной.

Старичок отворил дверь и вывел за гриву вороного на двор.

- Голову-то не прячь, - скрипнул он и ущипнул за губу.

Вспрыгнул на холку, и помчались в поле.

Караковый подбежал к окну.

- Ну и лупят... пыль столбом... под горку закатились. Смотри-ка. На горку вскакнули, стали; «хозяин» шею ему грызёт; лягается вороной; поскакали к пруду.



В конюшню вошёл козёл и почесался.

- Гуляешь, - крикнул козлу караковый, - а вороного «хозяин» гоняет.

- Где? - спросил козёл басом.

- У пруда.

Опустил козёл рога и помчался...

Перебежал плотину, стал - кудластый, и пошёл от козла смрад - в пруду вода зашевелилась, и отовсюду, из камышей, из-под вётел, повылезла вся нечисть болотная, поползла по полю, где вороной под «хозяином» бился.

Заблеял козёл.

И от этого «хозяин» на лошади, как лист, забился, ноги поджал.

Подползает нечисть, блеет козёл.

Побился, покружился «хозяин» и завял, свалился с коня. Ухватили его лапы, потащили в пруд. А вороной, оттопырив хвост, помчался в конюшню. Прибежал в мыле, захрапел, ухватил сено зубами, бросил и заржал на всю конюшню:

- И как только я жив остался!

А спустя время пришёл козёл и лёг в сено.

- Ноги у меня отнялись, - стонала рыжая кобыла.

Караковый положил морду на шею вороному, а козёл чесался - донимали его блохи.

СИНИЦА



Утром рано, на заре, до птиц, пробудилась княгиня Наталья. Не прибираясь, - только накинула белый о́пашень, - отомкнула дверь из светлицы и вышла на мокрое от росы крыльцо.

Ничего не жалел для Натальи, для милой своей хо́ти, князь Чурил: выстроил терем посреди городища, на бугре между старых клёнов; поставил на витых столбах высокое крыльцо, где сидеть было не скучно, украсил его золотой маковкой, чтобы издалека горела она, как звезда, над княгининой светлицей.

В тереме зачала Наталья и родила хозяину сына Заряслава. Было ему ныне три зимы и три лунных месяца. Любил князь жену и сына и шумного слова им не сказал во всю бытность.

Городище стояло на речном берегу, обнесённое тыном, рвом и раскатами. Внутри, дым к дыму - срублены высокие избы. И выше всех - восьмишатровый красный княгинин терем. Бывало, плывут по реке в дубах торговые люди, или так - молодцы пограбить, завалятся у гребцов колпаки, глядят: город не город - диво, - пёстро и красно, и терем, и шатры, и башни отражаются в зелёной воде днепровской и

начнут пригребаться поближе, покуда не выйдет на раскат князь Чурил, погрозит кулаком. Ему кричат:

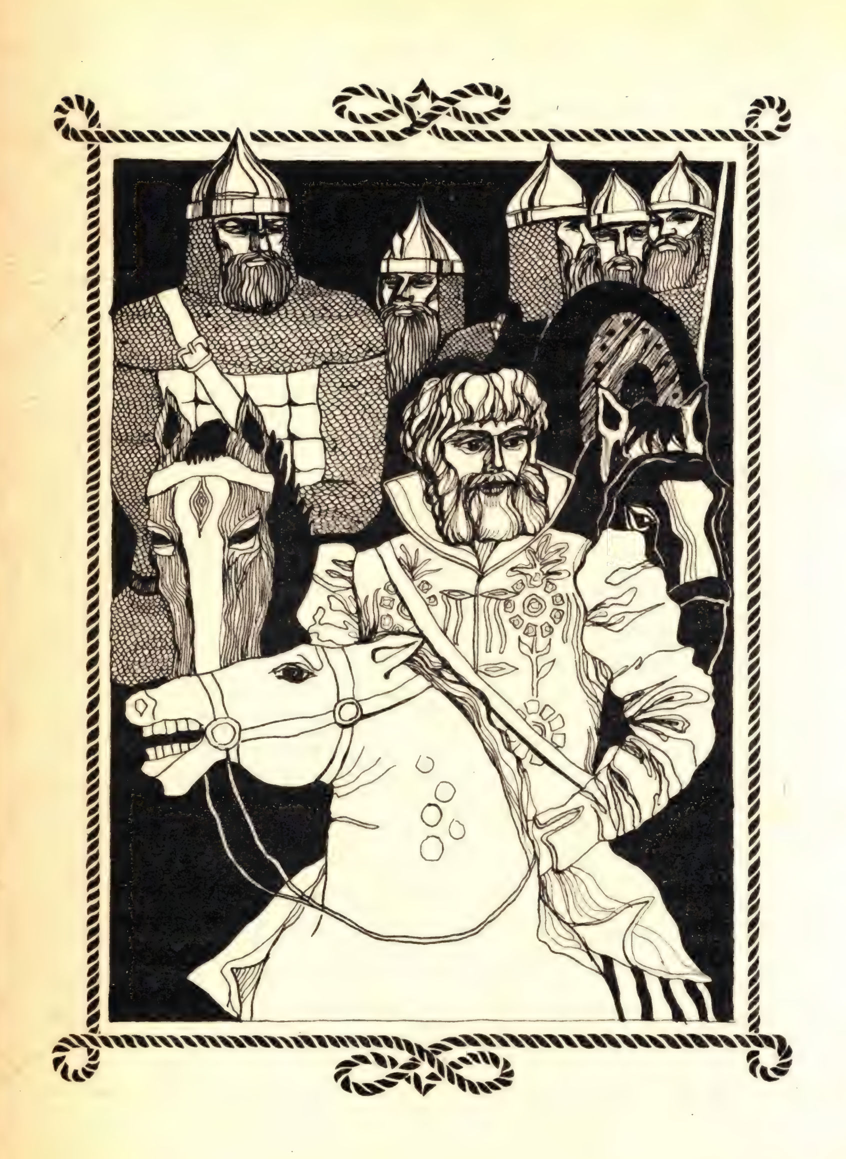
- Ты, рвана шкура, слезай с раската, давай биться!

И пошлют смеха ради стрелу или две.

Далеко шла слава про князя: сорок воинов стоит у его стремени; одни - сивые, в рубцах, вислоусые руссы, северные наёмники, побывавшие не раз и под Цареградом; другие - свои, поднепровские, молодец к молодцу, охотники и зверобои. Богат, хорошо нагорожен город его Крутояр.

Ныне князь отъехал по зверя. В городище бабы остались с ребятами да старики. Шуму нет, тихо. Княгиня Наталья прислонилась непокрытой головой к столбу, сидит и слушает. Внизу журавель заскрипел - сонная девка тянет из колодца воду; собрались воробьи на огороде, зачирикали - собираются по ягоду; идёт поперёк улицы собака с мочалой на шее, стала и давай зевать; птицы и птички пробуждаются, не смеют ещё петь до солнца, голоса пробуют, голос подают; заиграл рожок у северных ворот, замычали коровы, потянуло дымком. И заря за речкой обозначилась сквозь речные туманы бледными, алыми, водянистыми полосами. Сильная сегодня роса! А уж кукушка из лесу - ку-ку.

Княгине охоты нет пошевельнуться, точно сон оковал её. Поднялась рано, сама не знает зачем, и всё ей грустно - и глядеть и слушать. Так бы вот и заплакала. А с чего? Князя ли зажда-



лась? Третий день по лесам скачет. Сына ли жалко - уж очень беленький мальчик. Мило ей всё и жалко.

Княгиня в углу крыльца нагнула каменный рукомойник, омыла лицо, взглянула ещё раз на кровли и башенки Крутояра, на реку, проступающую синей-синей водой из-под тумана, и вошла назад в сонную, тёплую светёлку.

В колыбели спал княжич, выпростал руки поверх одеяла, дышал ровно, хорошо, так весь и заливался румянцем.

Княгиня присела на лавку, опустила голову на колыбель, и слёзы полились у неё. Плачет и сама шепчет:

- Вот уж с большого-то ума.

И такою жалостью залюбила сына, что душа её поднялась, окутала колыбель, прильнула к спящему, а тело оцепенело. На молодую княгиню напал глубокий, непробудный сон.

И не услышала она, как вдруг начали кричать птицы, садясь на крышу: «Проснись, проснись», как завыли, заскулили собаки по всему городищу, захлопали ставни, побежал куда-то народ, как у всех четырёх ворот забили в медные доски, и пошла тревога: «На стены, на стены!»

Большое тусклое, красное солнце поднялось в клубах тумана, и народ со стен, дети, старики, - увидали великую силу людей, малых ростом, с рыжими космами, в шкурах: Чудь белоглазую. Пробиралась Чудь от дерева к дереву, окружала городище, махала дубинками и с того берега плыла через реку, как собаки.



- На стены, на стены! - звали старики, тащили на раскаты брёвна, камни, в колодах горячую воду.

- Чудь идёт, Чудь идёт! - выли бабы, мечась, хороня ребят в клети, в погреба, зарывали в солому.

А Чудь уже лезла через тын, карабкалась на раскаты, визжала. В замковую башню-детинец кидала стрелы, камни, паклю горящую. И задымился угол у башни, и закричали:

- Огонь! Лихо нам!

Били с раскатов Чудь, долбили по башкам, порошили песком в глаза, обливали варом, пыряли шестами. А те только орали шибче. Лезли, падали, опять лезли, как черви. Да и где было справиться с белоглазыми одним старикам да малолеткам. Одолел враг, добрался до раскатов. Покидали защитников, и разбежалась Чудь по городу, и начался другой клич - бабий и детский.

Потоптали в ту пору побили много народа, остальных погнали за стены на луг. Рвали на бабах рубахи. Было горе.

С четырех концов пылал Крутояр, брошенный на поток. Из огня тащили одежду, птиц, поросят, малых детей. Ярилась Чудь. Многие сами погорели, волоса попалили. И добрались до княжьего терема.

Но высок был тын кругом и ворота крепки. Ударили в них бревном - не поддались. А головни, искры, солому так и крутило, обдавало жарким дымом. И занялся терем, задымил.

Тогда с долгим стоном пробудилась княгиня Наталья, повела очами, дико ей стало, кинулась к окну - дым в лицо пахнул, глаза выел. Схватила княжича, прикрыла его платком: «Заряслав, сын милый, спи, спи, батюшка», - и выбежала на крыльцо и обмерла.

Внизу трещало, било пламя, дымили крыльца, занимался огонь под крышей. А кругом все маковки, крыши, избы, шатры - в огне. Дым бьёт высоко и стелется над Днепром. И ещё видит княгиня - над тыном поднялись плоские рыла, кажут на неё, скалятся.

И было ей тошно от смертного часа.

Заряслав забился на руках, заплакал, рвёт с лица покрывало. В спину дунуло жаром. И у княгини захватило дух, стало горячо на душе. Подняла она сына, положила руки его на одно плечо своё, на другое ноги, вдохнула в последний раз запах милый и человеческий и кинулась с высокого терема. И убилась! И мёртвыми руками всё ещё держала Заряслава, не дала ему коснуться земли. Наскочили чудинцы, вырвали княжича, понесли на луг, пялили зенки на мальчика, кукиши совали ему, а не тронули, чтобы живым отнести к жрецу своему в Чудь, на озеро.

Лёгкою бабочкою вылетела душа княгини Натальи из разбитого тела. И раскрытые её глаза, ещё подёрнутые мукой, озираясь, видели голубой свет, переливающийся, живой и животворящий. Радостней, радостней, выше становилось душе. Чаще, зорче глядели глаза. И вот слышимы стали звуки, звоны, шумы, звенения,

глухие раскаты, грохоты. Трепетал весь свет в бездне бездн. Роились в нём водянистые пузыри, отсвечивали радужно и, звуча и звеня, сливались в вихри, бродили столпами.

И вот уже трепещет душа. Нестерпимо глазам от сияния, от радостного ужаса: покрывая все звуки, весь свет, по всей широте шумит весенним громом голос: «Да будет жизнь во имя моё».

Так мчится к Господу светлая душа княгини Натальи. Но чем ближе ей, слаще, радостней - тем пронзительней боль, как жало невынутое, зачем боль? О чём память? И глубже входит жало, и тяжелеет душа, глохнет, слепнет, и глаза снова подёргиваются смертной любовной пеленой. На землю опускается душа княгини, на пепелище. Как жёрнов - любовь. Где Зарярослав? Где сын милый?

Белоглазая Чудь возвращалась на своё озеро без троп и следов, - скорее бы только ноги унести. Волокли добычу. Гнали полонянок с детьми. Княжича тащили в плетёном пещуре. Шли день, и ночь, и ещё день, и настала вторая ночь - тёмная. Погони теперь не страшно, и Чудь полегла во мху, запалила костры от диких собак, что, учуяв поживу, подвывали по зарослям.

Колдун, старикашка гнусный, залез в горелый пень, бормотал заклятья. Кишмя здесь кишела нежить и нечисть, хоронилась за стволы, кидалась в траву, попискивала, поёрзывала. То чиркнет глазом, то лапой тронет, а то уйдёт колом в землю, а вынырнет в омуте, посреди

болота, сострoит пакость и начнёт хмыкать, хихикать.

Не любила Чудь смеха и шуток таких. Молчали, мясо вяленое ели, остерегались. Полонянки давно уж плакать перестали, вволю приняли горя. Один Зарялав спал спокойно в пещуре: тепло укрыла его княгиня Наталья сладким сном.

Укрыла, и сама понеслась клочком тумана по лесу над мхами и омутами, сквозь тяжёлые от влаги деревья. Вверху за сучьями вызвездило, скоро и заря. Из-под вывороченной коряги высунул нечёсаную морду леший и спрятался; на бугорке у норы лиса с лисятами увидала летящее облако, сморщила нос и зевнула, завиляла хвостом.

А вот и стреноженные кони фыркают, щиплют траву. Вповалку, завёрнутые с головой в попоны, спят воины. Князь Чурил лежит, опершись локтем о седло; суровые глаза его открыты, думает; проснулся перед зарёй, отёр усы от росы и задумался о славе своей, о былых сечах, о том, что нет ни у кого ни города такого, ни жены такой, ни сына. От этих дум заворочался Чурил: «Всё ли ладно дома?»

И видит - стелется у ног облачко. «Сыро, - думает, - кольчуга проржавеет», - и потянул на себя попону. А сон летит с глаз: «От двора далёко отъехали, как бы не было чего злого?» Мочи нет. Поднялся Чурил, подтянул ремень на животе:

- Эй, ребята, заспались, заря скоро!

Зачесались воины, поскидали попоны, разбрелись за конями. Оседлали. Тронулись.

Чурил едет впереди шагом. Совестно перед ребятами: заладились охотиться недели на две, а сейчас глаза бы не глядели на зверя. Сесть бы в княгининой светёлке, Заряслава на руки взять... Милее жизни жена, милая Наталья.

Воины ворчат: едет князь дуром, сучья дерут лицо, лунь-птица из-под коня шарахнулась, запуталась в кустах, застучала клювом.

«Эй, князь, спишь, что ли?»

Плывёт, стелется облаком перед Чурилой княгиня Наталья, манит, мается. Рвут кусты лёгкое тело. Нет, не слышит князь, не чувствует. Усы закрутил. Осадил коня, опёрся рукой о круп, говорит дружинникам, чтобы шли в заезд на тура, что навалил густо валежнику у озера.

И княгиня отлетела от Чурила, понеслась по лесу, окинула взором чащобы, видит - лежит олень рогатый, морду опустил в мох, дремлет. И вошла в него, в сонного, похитила его тело, подняла на лёгкие ноги и оленем помчалась навстречу охотникам.

- Стой, - говорит Чурил, - большой зверь идёт. - Подался с конём в кусты, отыскал в колчане стрелу поострее, вложил в самострел и, упёршись в стремена, натянул тетиву.

С шумом раздвигая кусты, выскочил олень. Стал, дрожа дрожью. Крупный самец! Рога как ветви. Эх, жаль, темно, - не промахнуться бы. И князь чувствует - глядит на него олень в ужасе, в тоске смертной.

И только начал поднимать самострел - шарахнулся олень, побежал нешибким бегом, не мечась, только голову иногда обернёт к погоне. Умный зверь.

И сорок рогов затрубило по лесу. Го-го-го, - отозвалось далеко. Затрещал от топота валежник. Закричали сонные птицы. Вороньё поднялось, закаркало. Стало светать.

Скакали долго. Кони вспенились. Княгиня Наталья видит - близко, близко, вон там, за оврагом, залегла Чудь, может, уж и снялась со стана, заслышав рога. Не погубили бы Заряслава. Поспеть бы. И повернула к оврагу. И заметалась: впереди, пересекая путь, выскочили всадники, окружили, машут копьями. Чурил поднял самострел, приложил к ложу худое, свирепое, любимое лицо.

«Остановись, остановись!» - так бы и крикнула Наталья. И резкий, звериный вопль сам вылетел из груди. Запела стрела и впилась под лопатку у сердца. Олень осел на колени. Засмеялся князь. Вынул нож, лезет с седла, чтобы пороть зверя. Идёт по мху. Споткнулся. Княгиня глядит на мужа глазами, полными слёз. Чурил взял её за рога, пригнул голову.

И чуда не было ещё такого за всю бытность: олень, пронзённый стрелой, до самых перьев ушедшей в сердце, поднялся, разбросал рогами охотников, побежал, шатаясь, шибче, шибче, спустился в овраг, скачками поднялся на ту сторону, стал и глядит опять. Смотрит.

Усмехнулись в усы старые воины.

- Легка твоя стрела, князь, уйдёт зверь.

Лихая досада! И опять поскакала охота.

Олень тяжёлым уже скоком выбежал на поляну. Повсюду дымятся костры, раскиданы кости, тряпьё. И за красные сосновые стволы хоронятся какие-то людишки, удирают.

- Чудь, Чудь! - закричали воины.

Здесь олень зашатался, опустил рога в мох и рухнул.

Чёрная кровь хлынула из морды. И вылетела душа княгини, замученная второю смертью.

Чурил глядит на зверя. Дико ему на душе. Подскакал старый воин.

- Князь, князь, - говорит, - не твоей ли княгини эта кика? - и поднял копьём с земли рогатую, шитую золотом кику, что сняли чудинцы с волос Натальи.

Зашатался князь в седле. Кровь кинулась в голову, помутила ум. Сорвал рог с плеча, затрубил, швырнул его далече и сам впереди, а за ним сорок дружинников кинулись в угон за обидчиками. Порубили отсталых и настигли всю бегущую кучей Чудь, окружившую полонянок и добычу.

Много Чуди желтоволосой. Большая будет битва. Стали воины ругаться с врагами, кричат:

- Выходи, белые глаза! Подтягивай портки!.. Молись своему паршивому богу!..

Ихний колдун, став на камень, поднял на руках Заряслава, погрозился, что живым не отдаст, если княжьи начнут драку. Тогда Чурил прыгнул с коня и, прикрываясь локтем кольчуж-



ным от стрел, пошёл биться. Наскочила на него Чудь. Завизжала Чудь. На выручку кинулись дружинники, пешие и конные. Запели стрелы. Начались крики. Лязгало железо. Хватались грудь о грудь. Была великая сеча.

С ножом, поворачиваясь, стряхивая наседающих, весь испоротый, исколотый, лез князь, как тур, добирался до колдуна.

Три раза отбрасывали Чурилу. Колдун, выставив бороду, бормотал, плевался, запакостился от страха. Всё же князь достал его рукой и умертвил на месте. И стоял идолом каменным над сыном. Выдёргивал из себя стрелы. Убивал каждого, кто совался.

До полудня шла битва. Десять дружинников легло в ней смертью, а врагов не считали, и Чудь побежала, но немногие ушли через болота.

Дружинники стали кликать, собирать полонянок. Стали узнавать, кто жену, кто сына. Качали головами, хмурились. И вернулись все - воины, женщины, дети - гурьбой на поле сечи, где бродили кони, торчали стрелы, шлемы валялись, люди убитые.

Князь Чурил лежал мёртвым, с лицом суровым и спокойным, в руке зажат меч. Около него был мальчик, Заряслав. Над ним летала малая птица. Кружилась, попискивала, садилась на ветвь, трясла перьями, разевала клюв.

Княжич, глядя на птицу, улыбался, ручкой норовил её схватить. На ресницах Заряслава, на щеках его горели, как роса, слёзы большими каплями.

Старейший из воинов взял княжича на руки и понёс. Павших положили на коней, тронулись в обратный путь к Днепру, на пепелище. Впереди несли Заряслава, и птица, синяя синица, увязалась вслед. Её не отпугивали - пусть тешится молодой князь. Шли долго.

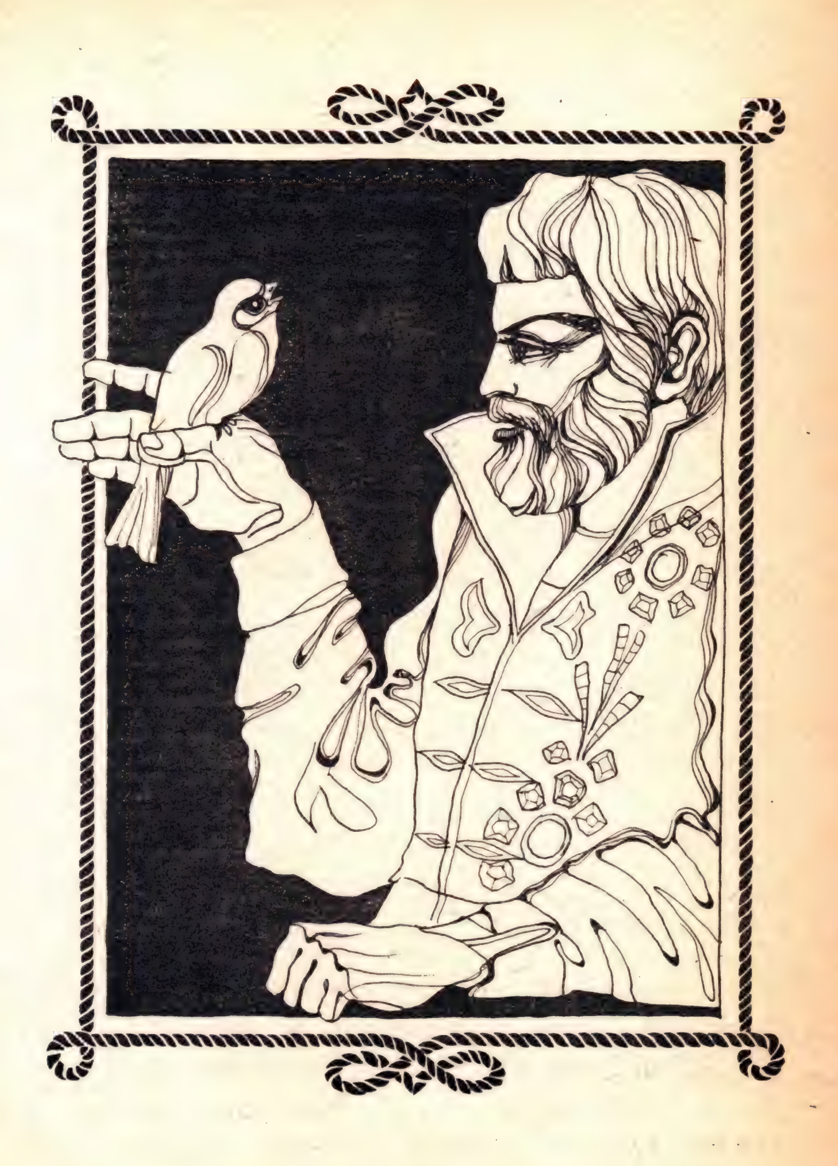
У пепелища погребли усопших и замученных. Над водою, на высоком бугре, в дубовой, крытой шатром, домовине легли рядом князь Чурил с княгиней Натальей. Далеко под ногами их расстилался ясный синий Днепр, широко раскинулись луга, лесистое, озёрное понизовье.

Близ могил стали строить новое городище, где быть князем Заряславу. Зазывали на подмогу вольных людей да пропивших животишки варягов. Осенью бегали за золотом к хазарам в степи.

Заряславу разбили лучший шатёр, покуда к заморозкам дыму не срубят. Мальчик глядел, как строили город, как пищу варили, как вечером большие люди садились над рекою, пели песни.

Женщины жалели мальчика, дружинники говорили: славный будет воин. Да что в том? Чужой лаской горечи не избудешь.

И одною утехою была Заряславу синяя синица. Совсем ручная. Ест ли мальчик, она - скок и клюнет из чашки. Играет ли, бродит ли по лугу - птица порхает около, на плечо сядет или падёт перед Зарявлавом в траву, распушит крылья и глядит, глядит чёрными глазами в глаза. А то и надоест, - отмахнётся от неё: ну что пристала?



И не знает Заряслав, что в малой, робкой птице, в горячем сердце птичьем - душа княгини Натальи, родной матушки.

Прошла зима, снова зазеленели бугры и пущи, разлился Днепр, поплыли по нему, надувая паруса, корабли с заморскими гостями. Затрубили рога в лесах. Зашумели грозы.

Заряслав рос, крепкий становился мальчик. Играл уже отцовским мечом и приставал к дружинникам, чтобы рассказали про битву, про охоты, про славу князя.

А когда женщины гладили его по светлой голове, жалея, что растёт без матушки, - отталкивал руку.

- Уйди, - говорил, - уйди, а то побью, я сам мужик.

Однажды он побился с товарищами и сидел на крыльце сердитый, измазанный. Подлетела синица, покружилась и, чтобы заметил её мальчик, вдруг прилегла к его груди, прижалась к тельцу.

- Ну вот, нашла время!

Взял Заряслав птицу и держал в кулаке и думал, как бы ему подраться ещё с обидчиками, а когда разжал пальцы - в руке лежала птичка мёртвая, задушенная.

Богатырская будет сила у молодого князя.

Так и в третий раз умерла княгиня Наталья светлой и лёгкой смертью.

Всё было исполнено на земле.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. И. Даль

О ПОВЕРЬЯХ, СУЕВЕРИЯХ И ПРЕДРАССУДКАХ РУССКОГО НАРОДА

ВСТУПЛЕНИЕ

Шиллер сказал: «и в детской игре кроется иногда глубокий смысл», - а Шекспир: «и на небе и на земле есть ещё много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во сне». Это можно применить к загадочному предмету, о коем мы хотим поговорить. Дух сомнения составляет свойство добросовестного изыскателя; но само по себе и безусловно, качество сие бесплодно и даже губительно. Если к этому ещё присоединится высокомерное презрение к предмету, нередко служащее личиной невежества особенного рода, - то сомнение, или неверие, очень часто бывает лицемерное. Большая часть тех, кои считают долгом приличия гласно и презрительно насмехаться надо всеми народными предрассудками, без разбора, - сами верят им втихомолку, или, по крайней мере, из предосторожности, на всякий случай, не выезжают со двора в понедельник и не здороваются через порог.

С другой стороны, если и смотреть на поверья народа, вообще, как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания, как значительная частица народной жизни; это путы, кои человек надел на себя - по своей ли вине, или по необходимости, по большому уму, или по глупости, - но в коих он должен жить и умереть, если не может стряхнуть их и быть свободным. Но где и когда можно или должно сделать то или другое, - этого нельзя определить, не разобрав во всей подробности смысла, источника, значения и силы каждого поверья. И самому глупому и вредному суеверию нельзя противодействовать, если не знаешь его и не знаком с духом и с бытом народа.

Поверьем называем мы вообще всякое укоренившееся в народе мнение, или понятие, без разумного отчёта в основательности его. Из этого следует, что поверье может быть истинное и ложное; в последнем случае оно называется, собственно *суеверием* или, по новейшему выражению, *предрассудк*ом. Между этими двумя словами разницы мало; предрассудок понятие более тесное и относится преимущественно к предостерегательным, суеверным, правилам, что, как и когда делать. Из этого видно, ещё в третьем значении, важность предмета, о коем мы говорим; он даёт нам полную картину жизни и быта известного народа.

Не только у всех народов земного шара есть поверья и суеверия, но у многих они довольно схожи между собой, указывая на один общий источник и начало, которое может быть трёх родов: или поверье, возникшее в древности, до разделения двух народов, сохранилось по преданию в обоих; или, родившись у одного народа, распространилось и на другие; или же, наконец, поверье, по свойству и отношениям своим к человеку, возникло тут и там независимо одно от другого. В этом отношении есть много учёных указаний у г. Снегирёва. Сочинитель настоящей статьи ограничился одними только поверьями русского народа, или даже почти исключительно тем, что ему случилось собрать среди народа; посему статья эта вовсе не есть полное исследование этого предмета, а только небольшой сборник подручных в настоящее время запасов.

Север наш искони славится преимущественно большим числом и разнообразием поверий и суеверий о кудесничестве разного рода. Едва ли большая часть этого не перешла к нам от чудских племён. Кудесники и знахари северной полосы отличаются также злобой своею, и все рассказы о них носят на себе этот отпечаток. На юге видим более поэзии, более связных, сказочных и забавных преданий и суеверий, в коих злобные чернокнижники являются только как необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигде не услышите вы столько о порче, изурочении, как на Севере нашем; нигде

нет столько затейливых и забавных рассказов, как на Юге.

Поверья местные, связанные с известными урочищами, курганами, городами, сёлами, городищами, озёрами и проч., не могли войти в эту статью главнейше потому, что такое собрание вышло бы ныне ещё слишком неполно и отрывочно. Если бы у нас много лет подряд занимались повсеместно сбором этих преданий, тогда только можно бы попытаться составить из них что-нибудь целое. Но предания эти гибнут невозвратно; их вытесняет суровая вещественность, - которая новых замысловатых преданий не рождает.

Всё на свете легче осмеять, чем основательно опровергнуть, иногда даже легче, нежели дать ему веру. Подробное, добросовестное разбирательство, сколько в каком поверье есть или могло быть некогда смысла, на чём оно основано и какую ему теперь должно дать цену и где указать место - это нелегко. Едва ли однако же можно допустить, чтобы поверье, пережившее тысячелетия и принятое миллионами людей за истину, было изобретено и пущено на ветер, без всякого смысла и толка. Коли есть поверья, рождённые одним только праздным вымыслом, то их очень немного; - и даже у этих поверий есть, по крайней мере, какой-нибудь источник, например: молодцеванье умников или бойких над смирными; старание поработить умы самым сильным средством - общественным мнением, против которого слишком трудно спорить.

У нас есть поверья - остаток или памятник язычества; они держатся потому только, что привычка обращается в природу, а отмена старого обычая всегда и везде встречала сопротивление. Сюда же можно причислить все поверья русского баснословия, которое, по всей вероятности, в связи с отдалёнными временами язычества. Другие поверья придуманы случайно, для того, чтобы заставить малого и глупого, окольным путём, делать или не делать того, чего от него прямым путём добиться было бы гораздо труднее. Застращав и поработив умы, можно заставить их повиноваться, тогда как пространные рас-

суждения и доказательства, ни малого, ни глупого, не убедят и, во всяком случае, допускают докучливые опровержения.

Поверья третьего разряда, в сущности своей, основаны на деле, на опытах и замечаниях; поэтому их неправильно называют суевериями; они верны и справедливы, составляют опытную мудрость народа, а потому знать их и сообразовываться с ними полезно. Эти поверья бесспорно должны быть все объяснимы из общих законов природы: но некоторые представляются до времени странными и тёмными.

За сим непосредственно следуют поверья, основанные также в сущности своей на явлениях естественных, но обратившихся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям.

Пятого разряда поверья изображают дух времени, игру воображения, иносказания - словом, это народная поэзия, которая, будучи принята за наличную монету, обращается в суеверие.

К шестому разряду, наконец, должно причесть, может быть только до поры до времени, небольшое число таких поверий, в коих мы не можем добиться никакого смысла. Или он был утрачен по изменившимся житейским обычаям, или вследствие искажений самого поверья, или же мы не довольно исследовали дело, или, наконец, может быть в нём смысла нет и не бывало. Но как всякая вещь требует объяснения, то и должно заметить, что такие вздорные, уродливые поверья произвели на свет, как замечено выше, или умничанье, желание знать более других и указывать им, как и что делать, - или пытливый, любознательный ум простолюдина, доискивающийся причин непонятного ему явления; эти же поверья нередко служат извинением, оправданием и утешением в случаях, где более не к чему прибегнуть. С другой стороны, может быть, некоторые бессмысленные поверья изобретены были также и с той только целью, чтобы, пользуясь легковерием других, жить на чужой счёт. Этого разряда поверья можно бы назвать мошенническими.

Само собой разумеется, что разряды эти на деле не всегда можно так положительно разграничить; есть переходы, а многие поверья, без сомнения, можно причислить и к тому и к другому разряду; опять иные упомянуты у нас, по связи своей с другим поверьем, в одном разряде, тогда как они в сущности принадлежат к другому. Так, например, все лицедеи нашего баснословия принадлежат и к остаткам язычества, и к разряду вымыслов поэтических, и к крайнему убежищу невежества, которое не менее, как и само просвещение, хотя и другим путём, ищет объяснения непостижимому и причины непонятных действий. Лица эти живут и держатся в воображении народном частью потому, что в быту простолюдина, основанном на трудах и усилиях телесных, на жизни суровой, - мало пищи для духа; а как дух этот не может жить в бездействии, хотя он и усыплён невежеством, то он и уносится, посредством мечты и воображения, за пределы здешнего мира. Не менее того пытливый разум, изыскивая и не находя причины различных явлений, в особенности бедствий и несчастий, также прибегает к помощи досужего воображения, олицетворяет силы природы в каждом их проявлении, сваливает всё на эти лица, на коих нет ни суда, ни расправы, - и на душе как будто легче.

Вопрос, откуда взялись баснословные лица, о коих мы хотим теперь говорить - возникал и в самом народе: это доказывается сказками об этом предмете, придуманными там же, где в ходу эти поверья. Домовой, водяной, леший, ведьма и проч. не представляют, собственно, нечистую силу; но по мнению народа, созданы ею, или обращены из людей, за грехи или провинности. По мнению иных, падшие ангелы, спрятавшиеся под траву *прострел,* поражены были громовою стрелою, которая пронзила ствол этой травы, употребляемой по этому поводу для залечения ран - и низвергла падших духов на землю; здесь они рассыпались по лесам, полям и водам и населили их. Все подобные сказки явным образом изобретены были уже в позднейшие времена; может быть древнее их мнение, будто помянутые лица созданы были нечис-

тым для услуг ему и для искушения человека; но что домовой, например, который вообще добродетельнее прочих, отложился от сатаны - или, как народ выражается, от чёрта отстал, а к людям не пристал.

В. Даль

I

ДОМОВОЙ

Домовой, домовик, дедушка, старик, постень или *постен,* также *лизун,* когда живёт в подполье с мышами, - а в Сибири *суседко,* - принимает разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне, а по праздникам и в синем кафтане с алым поясом. Летом также в одной рубахе; но всегда босиком и без шапки, вероятно, потому, что мороза не боится и притом всюду дома. У него порядочная седая борода, волосы острижены в скобку, но довольно косматы и частью застилают лицо. Домовой весь оброс мягким пушком, даже подошвы и ладони; но лицо около глаз и носа нагое. Косматые подошвы выказываются иногда зимой, по следу, подле конюшни; а что ладони у домового также в шерсти, то это знает всякий, кого дедушка гладил ночью по лицу: рука его шерстит, а ногти длинные, холодные. Домовой по ночам иногда щиплется, отчего остаются синяки, которые, однако, обыкновенно не болят; он делает это тогда только, когда человек спит глубоким сном. Это поверье весьма естественно объясняется тем, что люди иногда, в работе или хозяйстве, незаметно зашибаются, забывают потом об этом, и, увидев через день или более синяк, удивляются ему и приписывают его домовому. Иные, впрочем, если могут опамятоваться, спрашивают домового, когда он щиплется: любя или не любя? к добру иль к худу? и удостаиваются ответа, а именно: домовой плачет или смеётся, гладит мохнатой рукой или продолжает зло щипаться: выбранит или скажет ласковое слово. Но домовой говорит очень редко; он гладит мохнатой рукой к богатству, тёплой к добру вообще, холодной или шершавой, как щётка, к худу. Иногда домовой просто толкает ночью, будит, если хочет уведомить о чём хозяина, и на вопрос: что доброго? предвещает теми же знаками, добро или худо. Случается слышать, как люди хвалятся, что домовой погладил их такой мягкой ручкой, как собольим мехом. Он вообще не злой человек, а больше причудли-

вый проказник: кого полюбит или чей дом полюбит, тому служит, ровно в кабалу к нему пошёл; а уж кого невзлюбит, так выживет и, чего доброго, со свету сживёт. Услуга его бывает такая, что он чистит, метёт, скребёт и прибирает по ночам в доме, где что случится; особенно он охоч до лошадей: чистит их скребницей, гладит, холит, заплетает гривы и хвосты, подстригает уши и щётки; иногда он сядет ночью на коня и задаёт конец-другой по селу. Случается, что кучер или стремянный сердятся на домового, когда барин бранит их за то, что лошадь ездой или побежкой испорчена; они уверяют тогда, что домовой наездил так лошадь, и не хуже цыгана сбил рысь на иноходь или в три ноги. Если же лошадь ему не полюбится, то он обижает её: не даёт есть, ухватит за уши, да и мотает голову; лошадь бьётся всю ночь, топчет и храпит; он свивает гриву в колтун и, хоть день за день расчёсывай, он ночью опять собьёт хуже прежнего, лучше не тронь. Это поверье основано на том, что у лошади, особенно коли она на плохом корму и не в холе, действительно иногда образуется колтун, который остригать опасно, а расчесать невозможно. Если домовой сядет на лошадь, которую не любит, то приведёт её к утру всю в мыле, и вскоре лошадь спадает с тела. Такая лошадь пришлась *не по двору,* и её непременно должно сбыть. Если же очень осерчает, так перешибёт у неё зад, либо протащит её, бедную, в подворотню, вертит и мотает её в стойле, забьёт под ясли, даже иногда закинет её в ясли кверху ногами. Нередко он ставит её и в стойло занузданную, и иному барину самому удавалось это видеть, если рано пойдёт на конюшню, когда ещё кучер, после ночной погулки, не успел проспаться и опохмелиться. Ясно, что все поверья эти принадлежат именно к числу мошеннических и служат в пользу кучеров. Так напр., кучер требовал однажды от барина, чтобы непременно обменять лошадь на другую, у знакомого барышника, уверяя, что эту лошадь держать нельзя, её домовой невзлюбил и изведёт. Когда же барин, несмотря на все явные доводы и попытки кучера, не согласился, а кучеру не хотелось потерять обещанные магарычи, то лошадь точно, нако-

нец, взбесилась вовсе, не вынесши мук домового, и околела. Кучер насыпал ей несколько дроби в ухо; а как у лошади ушной проход устроен таким изворотом, что дробь эта не может высыпаться обратно, то бедное животное и должно было пасть жертвою злобы мнимого домового. Домовой любит особенно вороных и серых лошадей, а чаще всего обижает соловых и буланых.

Домовой вообще хозяйничает исключительно по ночам; а где бывает днём, это неизвестно. Иногда он забавляется, как всякий знает, вскочив сонному коленями на грудь и принявшись, ни с того, ни с сего, душить человека; у других народов есть для этого припадка название альп, кошемар, а у нас нет другого, как домовой душил. Он, впрочем, всегда отпускает душу на покаяние и никогда не душит на смерть. При этом домовой иногда бранится чисто по-русски, без зазрения совести; голос его грубый, суровый и глухой, как будто раздаётся вдруг с разных сторон. Когда он душит, то отогнать его можно только такою же русскою бранью; кто может в это время произнести её, того он сей же час покидает, и это верно: если в сём припадке удушья сможешь заговорить, бранное или небранное, то всегда опомнишься и можешь встать. Иные и в это время также спрашивают: к добру или к худу? и дедушка завывает глухо: к ху-у-ду! Вообще, он более знается с мужчинами, но иногда проказит и с бабами, особенно если они крикливы и бестолковы. Расхаживая по дому, он шаркает, топает, стучит, гремит, хлопает дверьми, бросает чем попало, со страшным стуком; но никогда не попадает в человека; он иногда подымает где-нибудь такую возню, что хоть беги без оглядки. Это бывает только ночью, в подполье, в клети, сенях, чулане, в порожней половине или на чердаке; иногда он стаскивает и сваливает ворохом всё, что попадётся. Перед смертью хозяина, он садится иногда на его место, работает его работу, надевает его шапку; поэтому, вообще, увидать домового в шапке - самый дурной знак. Перебираясь в новый дом, должно, перекрестившись в красном углу, оборотиться к дверям и сказать: «хозяин домовой, пойдём со мной в дом». Коли ему полюбится

житьё, то станет жить смирно и ходить около лошадей; а нет, так станет проказить. Голоса его почти никогда не услышишь, разве выбранит кого-нибудь, или зааукает на дворе, либо станет дразнить лошадей, заржав по-конино-му. Следы проказ его нередко видны и днём: например, посуда вся очутится за ночь в поганом ушате, сковородники сняты с древка и надеты на рога ухвата, а утварь сиделая, столы, скамьи, стулья переломаны, либо свалены все в одну кучу. Замечательно, что домовой не любит зеркала; иные даже полагают, что его можно выкурить этим средством из такой комнаты, где он много проказит. Но он положительно не терпит сорок, даже мёртвых, почему и полезно подвешивать на конюшне убитую сороку. В каких он сношениях с козлом, неизвестно: но козёл на конюшне также удаляет или задабривает домового. В этом поверье нет, однако же, связи с тем, что козёл служит ведьме; по крайней мере никто не видал, чтобы домовой ездил на козле. Иные объясняют поверье это так: лошади потеют и болеют, если в конюшне водится ласочка, которая в свою очередь будто не любит козла и от него уходит.

В иных местах никто не произнесёт имени домового, и от этого обычая не поминать или не называть того, чего боишься, как напр., лихорадку, - домовой получил столько иносказательных кличек, а в том числе почётное звание дедушки. В некоторых местах дают ему свойство оборотня и говорят, что он катится иногда комом снега, клочком сена или бежит собакой.

Для робких, домовой бывает всюду, где только ночью что-нибудь скрипнет или стукнет; потому что и домовой, как все духи, видения и привидения, ходит только в ночи, и особенно перед светом; но, кажется, что домовой не стесняется первым криком петуха, как большая часть прочих духов и видений. Для недогадливых и невежд, домовой служит объяснением разных непонятных явлений, оканчивая докучливые спросы и толки. А сколько раз плуты пользовались и будут пользоваться покровительством домового! Кучера, под именем его, катаются всю ночь напролёт и заганивают лошадей или

воруют и продают овёс, уверяя, что домовой замылил лошадь или не даёт ей есть; а чтобы выжить постылого постояльца или соседа, плутоватый хозяин не раз уже ночи три или четыре напролёт возился на чердаке, в сенях и конюшне и достигал иногда цели своей. Нередко, впрочем, и случайные обстоятельства поддерживают суеверие о домовом. Во время последней польской войны наш эскадрон стоял в известном замке, в Пулаве, и домовой стал выживать незваных постояльцев: в продолжение всей ночи в замке, особенно в комнате, занятой нашими офицерами, подымался такой страшный стук, что нельзя было уснуть; а между тем самые тщательные разыскания ничего не могли открыть, нельзя было даже определить с точностью, где, в каком углу или месте домовой возится, - хотя стук был слышен каждому. Плутоватый кастелян пожимал плечами и уверял, что это всегда бывает в отсутствие хозяина, которого домовой любит и уважает, а при нём ведёт себя благочинно. Случайно открылось, однако же, что домовой иногда и без хозяина успокаивался, и что это именно случалось тогда, когда лошади не ночевали на конюшне. Сделали несколько опытов, и дело объяснилось: конюшня была через двор; не менее того, однако же, в одной из комнат замка пришлась как-то акустическая точка, относительно этой конюшни, и топот лошадей раздавался в ней так звучно, что казалось, будто стук этот выходит из подполья или из стены. Открытие это кастеляну было очень не по вкусу.

В народе есть поверье о том, как и где домового можно увидеть глазами, если непременно захотеть: должно выскать (скатать) такую свечу, которой бы стало, чтобы с нею простоять в страстную пятницу у страстей, а в субботу и в воскресенье у заутрени; тогда между заутрени и обедни, в светлое воскресенье, зажечь свечу эту и идти с нею домой, прямо в хлев или коровник: там увидишь дедушку, который сидит, притаившись в углу, и не смеет тронуться с места. Тут можно с ним и поговорить.

II

ЗНАХАРЬ И ЗНАХАРКА

Знахарь и знахарка - есть ныне самое обыкновенное название для таких людей, кои слизывают от глазу, снимают всякую порчу, угадывают о пропажах и проч. *Колдун, колдунья, ведун* и *ведунья* встречаются реже, и должны уже непременно знаться с нечистой силой, тогда как знахарь, согласно поверью, может ходить во страхе Божием и прибегать к помощи креста и молитвы. *Волхв* означает то же, что колдун, но слово это в народе не употребительно; даже о *колдун*е или колдунье слышно уже более в сказках; *кудесники* и *доки* местами тоже известны, более на севере, и означают почти то же, что колдун. *Ворожея, ворожка* относится собственно к гаданию разными способами, не заключает в себе условия чернокнижия, но и не исключает его положительно, почему и говорится: я не колдун, да отгадчик, то есть, не знаясь с бесом, умею отгадывать. Кроме общеизвестных способов гадания на картах, на кофейной гуще, на руке, на воске или на вылитом в воде яйце или топлёном свинце, на бобах - отчего родилась поговорка: беду на бобах развести, - есть также гадания по священным книгам, суеверие, выходящее ныне уже из употребления. Гадают также, повесив на верёвочку решето и псалтырь, причём то или другое должно перевернуться, если назовут имя виновного.

Несколько лет тому назад, один кучер, подозревавший товарища своего, денщика, в воровстве, потребовал, чтобы этот шёл с ним к ворожее, жившей у триумфальных ворот, по Петергофской дороге. Пришли, ворожея ещё спала; кучер просидел с денщиком за воротами около часу, потом пошёл справиться, не пора ли? Говорят: можно. Он возвращается, зовёт товарища - но его нет, и нет по сей день. Струсив ворожеи, при нечистой совести, он бежал и пропал без вести. Для такой же острастки кладут на стол заряженное ружьё и велят всем целовать его в дуло, уверяя, что оно вора убьёт. Кто боится этого и виноват, тот признаётся, или, по крайности,

откажется, под каким-нибудь предлогом, от целования ружья.

Святочные гаданья, представляющие более игры - также нередко принимаются в прямом значении, и суеверные им верят: строят из лучин над чашкой воды мостик и ставят его под кровать - суженый приснится и поведёт по мосту; кладут гребень под подушку, суженый-ряженый почешется и оставит волосок; ставят два прибора, в бане, девушка садится о полуночи, и суженый является ужинать; ставят зеркало и две свечи, девушка сидит перед ним и должна увидеть суженого; бросают башмачок за ворота: куда ляжет носком, туда идти девушке; кормят курицу счётным зерном, насыпают перед каждым гостем овёс; пускают петуха, и к кому он подойдёт, тому идти замуж или жениться; накрывают приборы, по числу гостей и подкладывают разные вещи - что кому придётся; девушка выходит за ворота и спрашивает имя первого прохожего - так будут звать жениха её; подслушивают под окнами - и из этого выводят заключения; выливают олово, свинец, воск и проч.

Гадания гороскопические, со времени познания истинной планетой системы и течения миров, сами собой потеряли всякую цену. Не отвергая связи между землёю с её жителями и между планетами, луной и солнцем, невозможно, однако же, допустить какую-либо зависимость собственно судьбы или участи каждого из людей от взаимного *стояния* или *сосложения* земли нашей и других небесных тел. Тут нельзя найти и тени смысла.

Обо всех поименованных нами выше лицах, ворожеях и колдунах, ходит столько чудес по белу свету, что они всякому известны. Если какая-нибудь Ленорман могла дурачить в нынешнем веке весь Париж, в течение десятков лет, и оставить после себя огромное состояние, то нет ничего мудрёного, что крестьяне наши, а иногда, может быть, и какое-либо иное сословие, наклёвываются на эту же удочку. Иногда обман чрезвычайно прост, и не менее того для тех, до кого относится, навсегда остаётся загадкой. Офицер, будучи на съёмке, заступился за хозя-

ина своего, у которого ночью были украдены деньги. Весьма основательное подозрение падало на Карпа, которого, однако ж, нельзя было уличить и заставить сознаться. Офицер собрал мужиков в одну избу, объявив им, что у него есть волшебная стрелка, которая во всякой толпе отыщет вора и прямо на него укажет. Заставив всех мужиков наперёд перекреститься, сложить шапки в кучу и повернуться по солнцу, он расставил их в избе, как ему нужно было, каждого порознь, вынул и раскрыл с разными околичностями компас свой, развертел пальцем стрелку, и потом дал ей свободу; со страхом и ожиданием мужики глядели на волшебную стрелку, которая, к бесконечному изумлению их, указала прямо на Карпа, поставленного, как само собою разумеется, на север. Карп едва не обмер, пал в ноги и повинился. Надобно, впрочем, сознаться, что из посвятивших себя этому промыслу людей, попадаются люди необыкновенные по способностям своим, и что некоторые, действуя иногда чисто наугад, по тёмному, безотчётному чутью или чувству, нередко угадывают истину. Бесспорно, что ложь и обман гораздо чаще ими руководят; но сила воли, навык обращать всё внимание своё на один предмет, сосредоточивать напряжённые духовные силы по одному направлению, может быть, и способность смекать, соображать и заключать мгновенно, бессознательно, как бы по вдохновению - возвышают людей этих временно над толпою и дают им средство угадывать и знать более обыкновенного. Впрочем, не говоря здесь об уловках, коими хитрые знахари, ворожеи и другие всезнайки пользуются, выспрашивая осторожно, окольными вопросами, о том, о чём нужно гадать, узнавая о том же через лазутчиков своих или посторонних людей, - знахари всех наименований иногда ещё пользуются известными им по преданию тайными средствами, снадобьями и зельями разного рода, и тем производят мнимые чудеса. Примеры этому встретятся ниже, где, по случаю разных тайных поверьев, кое-что будет объяснено. Колдуны употребляют, так говорят, сушёное волчье сердце или медвежье мясо или сало, чтобы испортить поезд молодых, на

свадьбах; лошади весьма естественно боятся этого духа, и потому ртачатся, не идут; тогда все кланяются знахарю, дарят его, зовут на свадьбу, потчуют - и он исправляет беду, не знаю, какими средствами; но смешно и досадно видеть, с какой глупою важностью такой знахарь сидит в подобном случае, не ломая шапки, на первом месте свадебного стола.

Одного такого знахаря умный гость прекрасно наказал за наглость и бесстыдство его. Поспорив с ним, он вызвался, по предложению знахаря, выпить ковш наговорной воды, и, исполнив это при всех, сказал: ну, теперь ты выпей моей водицы, из того же ковша и ведра. Знахарю нельзя было отказаться, так как он слишком много наперёд того хвастал и хвалился, что ему никто ничего не может сделать. Гость зачерпнул в ковш воды и, отошедши в тёмный угол нашёптывать, бросил в ковш порядочную щепоть табаку. Несчастный знахарь провалялся в самом жалком положении всю ночь на соломе, к общему удовольствию поезжан, и свадьба была отпразднована как нельзя лучше.

Удивительно, до какой степени слепая уверенность морочит людей: народ не только верит, что знахарь портит свадьбу, испортив жениха или изноровив лошадей так, что поезд не может тронуться с места, или даже оборотив всех поезжан в собак или волков; но многие расскажут вам, как очевидцы, добросовестно и в полном убеждении, случай, вроде следующего: - Я ехал однажды с работником, - говорил зажиточный крестьянин, за которым кой-что водилось. - Мы случайно подъехали в деревне к свадьбе, и он попросил меня остановиться, уверяя, что тут должен быть недобрый человек, который хочет свадьбу испортить, а потому-де его надо наказать. Только что работник мой вошёл в избу, как оттуда вышел препоганый мужичишка и, подошед к воротам, принялся грызть зубами столб. Кровь льёт изо рта, а он всё грызёт; наконец, работник мой вышел, а мужик взмолился ему; тогда тот, погрозившись на него пальцем, сказал: ну, на этот раз ступай, Бог с тобой; да смотри, вперёд не шали. Мужик поклонился ему, утёрся рукавом и

пошёл. - В Сибири какая-то трава, прикрыт или прикрыш, избавляет молодых от всякой порчи.

О знахарях и колдунах говорится, что, не отказав никому своего ремесла, они мучатся, не могут умереть и даже встают от этого после смерти. Надо выкопать такого мертвеца, перевернуть его ничком, подрезать пятки и вколотить между лопатками осиновый кол. Если предавшийся чернокнижию не найдёт во всякое время немедленно работы чертям, кои являются к услугам его, то они его растерзают. Не знаю, впрочем, справедливо ли, будто всегда предполагается у колдуна чёрная книга; кажется, дело делается, по народному поверью, и без книги. Общую многим народам сказку, что кудесники иногда дают дьяволу расписку кровью своею, продавая ему душу, находим мы и в России, но более на юге и на западе.

О колдунах народ верит также, что они *отводят глаза,* т.е. напускают такую мару или мороку, что никто не видит того, что есть, а все видят то, чего вовсе нет. Например: едут мужики на торг и видят толпу, обступившую цыган, из которых один, как народ уверяет вновь прибывших, пролезает насквозь бревно, во всю длину его, так что бревно трещит, а он лезет! Вновь прибывшие, на которых не было напущено мары, стали смеяться над толпой, уверяя, что цыган лезет подле бревна, а не сквозь него; тогда цыган, оборотившись к ним, сказал: а вы чего не видали тут? Поглядите лучше на возы свои, у вас сено-то горит! Мужики кинулись, сено, точно, горит; отхватили на скорую руку лошадей, перерезав упряжь, а толпа над ними во всё горло хохочет; оглянулись опять - возы стоят, как стояли, и не думали гореть.

Упомяну здесь ещё о заговоре змей: мне самому не удалось испытать этого на деле, но уверяют, что ясеневое дерево, кора, лист и зола смиряют всякую змею, лишают её возможности кусаться и даже повергают вроде оцепенения. Ясеневая тросточка или платок, вымоченные в отваре ясеневой коры или в настое золы, также веточка этого дерева, действуют, как говорят, на змею, на расстоянии нескольких шагов, и гадина подпадает власти зна-

харя. Я вспомнил при этом, что читал подобное в каком-то путешествии англичанина по Индии: там было именно сказано, что индиец касался змеи веткой ясеня.

Предоставляю на усмотрение и убеждение читателя, сколько во всех чудесах этих можно или нельзя объяснить, приняв за известного двигателя и деятеля ту таинственную силу, которую учёные называют животным магнетизмом. Об этом будем говорить по поводу сглаза.

III

КЛИКУШЕСТВО И ГАДАНЬЕ

Нельзя не упомянуть здесь кстати мимоходом о *миряке* и *кликуше*. Есть поговорка: просватать миряка за кликушу; это значит свести вместе такую пару, которая друг друга стоит, такую ровню, где оба никуда не годятся. Кликуша известна почти во всей России, хотя теперь проказницы эти уже довольно редки; это, по народному поверью, юродивые, одержимые бесом, кои, по старинному обычаю, показывают штуки свои преимущественно по воскресеньям, на погосте или паперти церковной. Они мечутся, падают, подкатывают очи под лоб, кричат и вопят не своим голосом; уверяют, что в них вошло сто бесов, кои гложут у них животы, и проч. Болезнь эта пристаёт от одной бабы к другим, и где есть одна кликуша, там вскоре показывается их несколько. Другими словами, они друг у друга перенимают эти проказы, потому что им завидно смотреть на подобострастное участие и сожаление народа, окружающего кликушу и нередко снабжающего её из сострадания деньгами. Кликуша, большею частью, бывает какая-нибудь бездомная вдова, рассорившаяся с мужем дурного поведения жена или промотавшаяся со стороны нищая. Есть глупые кликуши, кои только ревут и вопят до корчи и пены на устах; есть и более ловкие, которые пророчествуют о гневе Божием и скором преставлении света. Покуда на селе одна только кликуша - можно смолчать, потому что иногда это бывает баба в падучей болезни; но коль скоро

появится другая, или третья, то необходимо собрать их всех вместе в субботу, перед праздником, и высечь розгами. Двукратный опыт убедил меня в отличном действии этого средства: как рукой сымет. Средство это весьма недурно, если бы даже это был род падучей болезни, которая так легко сообщается другим: один из знаменитейших врачей прошлого века прекратил этим же или подобным зельем распространение падучей в одном девичьем пансионе, где внезапно большая часть учениц, одна подле другой, впадали от испуга и переимчивости в эту болезнь. Страх действует в таком случае благодетельно на нервы и мозг.

Миряк - почти то же между мужчинами, что в бабах кликуша: это также одержимый бесом, который кричит, ломается, неистовствует и обыкновенно объясняется голосом того или другого зверя или вообще животного. Миряки в особенности появляются в Сибири, и, по мнению некоторых, происходят от языческих шаманов.

Поверья об *огненных змиях,* почитаемых злыми духами мужского пола, основаны, вероятно, на явлении метеоров, сопровождаемом огнём и треском. В особенности народ полагает, что змеи эти летают к женщинам, с коими дружатся и коротко знаются. Такие девки или бабы обыкновенно худеют, спадают с тела и почитаются нечистыми, а иногда и ведьмами. Сказки об этом сохранились у нас издревле, и богатырь Тугарин Змеевич и Краса Зилантовна суть исчадия такой четы, родившейся в диком воображении народа. Сказки об огненных змиях разного рода, о змиях семиглавых, двенадцатиглавых и проч., сохранились именно только как сказки, составляя или шутку, или преданье старины - всё это было, да быльём поросло, а ныне таких чудес нет.

Ворожба и *гадания, снотолкования*, а затем и *заговоры* - принадлежат более к последнему из принятых нами разрядов, т.е. к таким поверьям, к коим прибегает в отчаянии бедствующий, чтобы найти хотя какую-нибудь мнимую отраду, чтобы успокоить себя надеждой. Это иногда можно сравнить с мнимою помощью, подаваемою лежащему на смертном одре, в полном убеждении,

что помощь эта ни к чему не послужит; а между тем, нельзя же оставаться при страдальце в бездействии, надобно, по крайней мере, в успокоение совести своей и для удовлетворения общего требования, делать, что люди велят, - тогда хоть можно сказать впоследствии: что только можно было придумать - всё делали. Иногда, впрочем, суеверия эти служат только шуткой, забавой и смешиваются с играми и обрядами. Между тем ворожба, гаданья и заговоры до того близки к житью-бытью колдунов, знахарей и ведьм, что здесь будет удобнее поговорить об этом предмете.

Самая сбыточность или возможность ворожбы, гаданий и снотолкований, основанных не на обмане и суеверии, может быть допущена только в виде весьма редких исключений, а именно: в тех только чрезвычайных, выходящих из ряду случаях, где мы должны признать временное возвышение души человеческой над обыкновенным, вседневным миром, и где человек, сам собою (болезненно) или искусственно (при магнетизировании) входит в особенное, малоизвестное нам доселе магнетическое состояние. Несмотря на бесчисленное множество случаев и примеров, где, при подробном разыскании, или случайно был открыт подлог, обман или ошибка - в наше время уже нельзя отвергать вовсе чудес животного магнетизма; но вопрос состоит в том, до какой степени чудеса эти могут деяться, и где предел их, за коим следует бесконечная степь, скрытая под маревом сказочных видений тысячи одной ночи? Осторожность обязывает нас, не отрицая положительно всех чудес этих, верить тому только, в чём случай и опыт нас достаточно убедят; а сверх того, ещё убеждаться с крайнею осмотрительностью, зная уже, что в этом деле бывало доселе несравненно более ошибок, недоразумений, умышленных и неумышленных обманов, чем истины. Не худо, кажется, во всяком случае рассудить также следующее: если и допустить, что душа может иногда находиться в положении или состоянии ясновидения, то и тогда она могла бы видеть одно только прошедшее и настоящее, - но не будущее, которого ещё нет; другими словами, пред-

положив, что душа наша иногда может быть превыше *пространства,* никоим образом нельзя допустить, чтобы она могла быть также превыше *времени,* по крайней мере, относительно будущего. Тогда должно бы верить в судьбу, в неотвратимый рок язычества и мусульманства. Тогда не было бы на свете ни добра, ни худа, ни добродетели, ни пороков, а всё шло бы только вперёд установленным порядком. Этому я верить не могу; я верю в судьбу другого рода: в неминуемые, неизбежные последствия известного сочетания обстоятельств и действий; даны премудрые, вековечные законы природы, дана человеку свободная воля и рассудок - всё остальное есть судьба, образующаяся из последствий действий того и другого. На таком только основании можно допустить ясновидение - где оно несомненно будет доказано на деле. Перейдём теперь опять к своему предмету.

Вообще, всякое решение, посредством ворожбы, заключает в себе: или простую ложь, сказанную наудачу; или ловкое изречение, по примеру древних оракулов, допускающее произвольное толкование; или такие сведения по предложенному вопросу, коих никто не мог предполагать в ворожее; или соображения, догадку более или менее основательную; или, наконец, бессознательное соображение и сочетание обстоятельств и условий, называемое ясновидением. Но, повторяем, последнее всегда почти крайне сомнительно и едва ли может быть наёмно или продажно; сами даже ясновидящие весьма нередко бредят, как в горячке, и не могут отличить правды от лжи.

О снотолкованиях должно сказать почти то же; предоставляем всякому судить, по собственному убеждению, о возможности предвещательных снов, кои могут рождаться у сонного ясновидящего, как и наяву; обыкновенные же грёзы, как всякому известно, бывают следствием думы, действий и беседы в продолжение дня или же происходят от причин физических: от прилива крови или давления на известные части мозга, из коих каждая, бесспорно, имеет своё назначение. Связь эту и последствия её каждый сам легко может испытать: изучите нем-

ного черепословие, дайте приятелю покрепче заснуть и начните осторожно нажимать пальцем - хоть, например, орган музыки; продолжайте, усиливая давление, до просыпа спящего; тогда спросите его, что ему грезилось? и вы услышите, к удивлению своему, что ему снилось что-нибудь весьма близкое к предмету этого органа. Это доказывает, что физическое влияние разного рода, зависящее от сотни случайных обстоятельств, рождает сон того или другого рода, изменяемый и дополняемый настройством души, - а мы ищем в сих случайностях будущую свою судьбу.

О кудесничестве, чарах, гадании разного рода, - сошлюсь на книгу Сахарова, не желая повторять однажды напечатанное.

IV

ЗАГОВОРЫ

Заговоры - которые у нас обыкновенно совершаются с молитвой, потому что народ наш страшится чернокнижия, - хотя изредка есть люди, коим невежество народа приписывает связи с нечистым - заговоры составляют для меня самый загадочный предмет, между всеми поверьями и суевериями; я признаюсь, что неохотно приступаю теперь к речи о нём, чувствуя наперёд недостаточность, неполноту сведений моих и убеждений. Всякому, кто займётся подобным исследованием на деле, легко убедиться, что тут кроется не один только обман, а ещё что-нибудь другое. Если самый способ действия признать обманом, потому что убеждение наше отказывается верить тому, в чём мы не видим ни малейшего следа смысла - то всё ещё остаётся решить, какие же именно невидимые нами средства производят видимые нами действия? Будем стараться, при всяком удобном случае, разыскивать и разъяснять их; по мере этих разъяснений, мнимые чудеса будут переходить из области заговоров в область естественных наук, и мы просветимся. Уже этой одной причины, кажется, достаточно для того, чтобы не пренебрегать, как обыкновенно делают, сим предметом;

жаль, что учёные испытатели природы, копаясь по целым годам над каплею гнилого настоя и отыскивая в ней микроскопических наливняков, не посвятят средств и сил сему, более общему и важному, предмету, о коем они, не зная его вовсе, по одному только предубеждению относятся презрительно.

Заговоры, в том виде, как они иногда с большим трудом достаются в наши руки, состоят в нескольких таинственных по смыслу словах, коих образцы можно видеть в издании Г. Сахарова. Ниже приложено несколько из мною собранных, для примера. В них то общее, что после обычного вступления, в коем крестятся, благословляются, поминают море-океан, бел-горюч-камень алатырь и пр., следует первая половина заговора, состоящая из какого-то странного иносказания или примера, взятого, по-видимому, весьма некстати, из дальних и неведомых стран; а затем уже заговорщик обращается собственно к своему предмету или частному случаю, применяя первое, сколько можно, ко второму и оканчивая заклинание своё выражением: слово моё крепко, быть по-моему, или аминь. Мы видим в заговорах, вообще, невежественное смешение духовных и мирских - святых и суеверных понятий. Невежеству народа, простоте его, а не злонамеренности, должно приписать такое суесвятство и кощунство. Таковы заговоры любовные, заговоры от укушения змеи или собаки, от поруба или кровотечения, от ружья или пули, от огня или пожара и проч. - Есть ещё особый род заговоров, соединяющих в себе молитву и заклятие; сюда, напр., принадлежит заговор *идучи на суд,* где заговорщик испрашивает себе всех благ, а на противников своих и неправедных судей накликает всевозможные бедствия. Я очень жалею, что этот замечательный образчик смеси чёрного и белого, тьмы и света, не может быть здесь помещён, и что вообще нельзя отыскать о сём предмете всё то, что было бы необходимо, для некоторого разъяснения его.

Собственно в болтовне заговора, конечно, не может быть никакого смысла и значения, как, по-видимому, и сам народ утверждает пословицами и поговорками свои-

ми: язык без костей - мелет; собака лает, ветер носит; криком изба не рубится; хоть чёртом зови, да хлебом корми и проч. Это подтверждается ещё и тем, что на один и тот же случай есть множество различных, но, по мнению народа, равносильных заговоров. Но народ при всём том верит, что кто умеет произнести заговор, как следует, не только языком, но и душой, соблюдая притом все установленные для сего, по таинственному преданию, приёмы и условия, тот успеет в своём деле. Стало быть, народ верит в таинственную силу воли, в действие духа на дух, на незримые по себе и неведомые силы природы, которые, однако же, обнаруживаются затем в явлениях вещественных, доступных нашим чувствам. Нельзя не сознаться, что это, с одной стороны, свыше понятий наших, может быть, даже противно тому, что мы привыкли называть здравым смыслом, - но что это в сущности есть то же самое явление, которое, несколько в ином виде, учёные наши прозвали животным магнетизмом. Всё это отнюдь не служит ни доказательством, ни объяснением, а, так сказать, одним только намёком и предостережением.

Передать силу заговора можно, по народному поверью, только младшему летами; обнаружив заговор гласно, сам лишаешься способности заговаривать, а будешь молоть одни бессильные слова; у заговорщика, во многих случаях, должны быть непременно все зубы целы, иначе он заговаривать не может; если употребить заговор во зло, то, хотя бы это и удалось на этот раз, человек, однако же, на будущее время теряет способность заговаривать; но должно пояснить примером, что именно, по народному поверью, называется употребить заговор во зло: заговор от червей составлен для скотины и лошадей; если же барин принудит знахаря заговорить червей на собаке, то это на сей раз удастся, но вперёд уже черви никогда этого знахаря не послушаются. Многие заговоры читаются натощак, на пороге, в чистом поле, лицом к востоку, на ущерб луны, по лёгким дням (вторник, среда, суббота), или наоборот, по чёрным дням, если заговор принадлежит к чернокнижию - дни эти поимено-

ваны ниже; другие заговоры читаются на ветер, над проточной водой, на восходе или на закате солнца, под осиной, под связанными сучьями двух берёзок (от лихорадки), над ковшом или черепком воды, над волосами, ногтями или следом (собранною землёю из-под ступни) того человека, кого надо испортить или влюбить; и все почти заговоры читаются шёпотом или про себя, втихомолку, так чтобы никто о том не знал, не ведал. Есть, наконец, сверх всего этого множество особых примет, по коим судят об успехе предпринимаемого заговора. Список о чернокнижии считает 33 дня в году, в кои кудесники совершают свои чары: января 1, 2, 4, 6, 11, 12, 19 и 20; февраля 11, 17, 28; марта 1, 4, 14 и 24; апреля 3, 17 и 18; мая 7 и 8; июня 17; июля 17 и 21; августа 20 и 21; сентября 10 и 18; октября 6; ноября 6 и 8; декабря 6, 11 и 18; понедельник и пятница, как известно, считаются тяжёлыми или чёрными днями, в кои ничего не должно предпринимать, а по мнению некоторых, не должно и работать.

Равноденственные дни также принадлежат кудесникам, и известная воробьиная ночь на Украине посвящена ведьмам. Первая и последняя четверть луны вообще почитаются временем, удобным для предприятий всякого рода, хозяйственных и других распоряжений - а полнолуние и новолуние временем, менее к тому пригодным.

Большая часть заговоров начинаются словами: на море на океане - и во многих поминается бел-горюч камень алатырь. На Руси есть город Алатырь - не менее того, однако же, никто не объяснил доселе, какой это таинственный камень. Иные полагали, что это должен быть янтарь, но, кажется, это неосновательная догадка. Раз только удалось мне выпытать прямо из уст крестьянина объяснение, которое, впрочем, ровно ничего не объясняет: на Воздвиженье змеи собираются в кучу, в ямы, пещеры, яры, на городищах, и там-де является белый, светлый камень, который змеи лижут, насыщаясь им, и излизывают весь; это и есть бел-горюч-камень алатырь. К сказке этой, вероятно, подало повод то, что змеи залегают и замирают на зиму, почему народ и искал

объяснения, чем они в это время питаются, и придумал камень алатырь; осенью же они точно собираются для приплода в кучи.

Есть много людей, правдивых и притом нелегкомысленных, кои утверждают самым положительным образом, что испытали тем или иным способом действительность того или другого заговора; а потому, откинув на сей раз всякое предубеждение, постараемся разыскать, сколько и в какой степени может быть тут правды? Утверждают, что заговор действует только на верующих: если пуститься на месмерические или магнетические объяснения, то, может быть, это покажется менее диким и невероятным, чем оно с первого взгляда представляется; но мы вовсе не намерены писать рассуждение о магнетизме и потому удовольствуемся одним только намёком и указанием на него.

Кто в деревнях не знает заговора от червей? У какого помещика нет на это известного старика, который спасает летом и крестьянскую и господскую скотину от этого бича? Заговорщик идёт в поле, отыскивает траву или куст мордвинник, или будак (carbuus cnicus, C. Benebictis), заходит к нему так, чтобы тень на него не пала, говорит: «ты трава, Богом создана, имя тебе мордвинник; выведи червей из пегой (серой, бурой, чёрной) яловки или коровы такого-то. Коли выведешь, отпущу, а не выведешь, с корнем изжену». В некоторых местах говорят просто: «тогда тебе подняться, когда у гнедой кобылы такого-то черви из бока (уха, зада и проч.), вывалятся». Вместе с тем привязывают верхушку будака ниткой к колышку и втыкают его в землю, так, чтобы нагнуть стебель, но не переломить его; другие же просто нагибают стебель мордвинника, подтыкая его под стебли соседних трав так, чтобы он не мог сам собою высвободиться. Дело это вообще известно под выражением: заламывать траву. На другой или третий день знахарь идёт справляться, вывалились ли черви у скотины? а на утвердительный ответ, непременно отыскивает опять свой мордвинник и отпускает его, в некоторых местах ещё с особой поговоркой: «ты мне отслужила, я тебе отслужу». Если этого не сде-

лать, то трава в другой раз не послушается; а если по какому-либо случаю средство не поможет, то и не должно отпускать мордвинника, в наказание за ослушание. Если червей мазали дёгтем, скипидаром и проч., то их, по уверению знахарей, уже заговаривать нельзя. Довольно замечательно, что убогий мужик, как мне случилось видеть, занимавшийся этим ремеслом, взявшись с успехом вывести червей из двух скотин, отказался от третьей потому, что рану уже мазали дёгтем, и ни за что не соглашался даже на попытку, хотя ему обещали значительное для него вознаграждение.

Об этом средстве я не смею сказать ничего положительного; нужно повторить сто раз опыт, с наблюдением всех возможных предосторожностей, прежде чем можно себе позволить сказать гласно слово в пользу такого дела, от которого здравый смысл наш отказывается; скажу только, что я не мог доселе открыть ни разу в подобных случаях, чтоб знахарь употреблял какое-либо зелье или снадобье; а скотина нередко ночевала у нас под замком. Объяснение, будто знахари берутся за дело тогда только, когда, так называемые, черви - правильнее гусеницы - созрели, в поре, и потому сами выползают, вываливаются и ищут нужного им убежища, для принятия образа личинки, - объяснение это никак не может меня удовлетворить; знахари не разбирают поры, не спрашивают, давно ли черви завелись - чего, впрочем, и сам хозяин обыкновенно в точности не знает; осматривают скотину издали, одним только взглядом, или даже, спросив, какой она масти, делают дело за глаза. Какая возможность тут рассчитать день в день, когда черви должны сами собой вываливаться? Кроме того, всякий хозяин знает по опыту, что если раз черви завелись в скотине, то им уже нет перевода почти во всё лето, потому что насекомые, от яиц которых они разводятся, вероятно, их беспрестанно подновляют. Первые врачи Петербурга, не говоря о множестве других свидетелей, не сомневаются в том, что одна известная дама, бывшая здесь несколько лет тому, одним взглядом своим повергала детей в сильно-судорожное состояние и творила над ними другие

подобные чудеса. Если это так, то, отложив всякое предубеждение, всякий ложный стыд, я думаю, можно бы спросить: вправе ли мы отвергать положительно подобное влияние незримых сил природы человека на животное царство вообще? Осмеять суеверие несравненно легче, нежели объяснить, или хотя несколько обследовать его; также легко присоединиться безотчётно к общепринятому мнению просвещённых, несуеверных людей, и объяснить всё то, о чём мы говорили, вздором. Но будет ли это услуга истине? Повторяю, не могу и не смею говорить в пользу этого тёмного дела - но и не смею отвергать его с такою самоуверенностью и положительностью, как обыкновенно водится между разумниками. Не верю, но не решусь сказать: это ложь.

Любовные заговоры бывают двоякие: приворот милых или желаемых людей и извод постылых. В последнем случае действует мщение или ревность. Те и другие заговоры бывают заглазные, голословные или же соединены с нашёптыванием на воду, которую дают пить или с заговором и другими действиями над волосами, отстриженными ногтями, частями одежды, или над следом прикосновенной особы, т.е. над землёю, взятою из-под ступни её. Любжа вообще, т.е. изводное и приворотное зелье, бесспорно принадлежит к числу тех народных врачебных средств, кои наделали много зла; под этим предлогом нередко отравляли людей, как мне самому случалось видеть. Большею частью дают в этом случае сильно возбуждающие яды, коих последствиями иногда удавалось воспользоваться, что и служило мнимым подтверждением таинственной силы заговора. Довольно известное бестолковое средство привораживать к себе женщину, заключается в следующем: нашедши пару совокупившихся лягушек, должно посадить их в коробку или корзинку с крышкой или бурак, навертев в него много дыр; бросив или закопав это в лесу, в муравейник, бежать без оглядки - иначе попадёшься чертям на расправу; - через трое суток найдёшь в коробке одни кости и между ними какую-то вилочку и крючочек. Зацепив мимоходом женщину где-нибудь крючочком этим за

платье и отпустив опять, заставишь её страдать и вздыхать по себе; а если она уже надоест, то стоит только прикоснуться к ней вилочкой, и она тебя забудет. Этот вымысел праздного воображения известен у нас почти повсеместно. Другой подобный состоит в чарах над змеёй; третий - над сердцами двух белых голубей, и пр. Это подробнее описано в книге Сахарова. Вообще слово любжа означает зелье, для извода постылых людей, нелюбых сердцу, и для приворота любых, по коим сохнешь. Для составления любжи копают лютые коренья, также как и для клада, в Иванов день 23 июня.

В средние века творили в Европе чары над поличием того, кому желали зла, или над куклой, одетой по наружности так, как тот обыкновенно одевался. Замечательно, что у нас на Руси сохранилось местами что-то подобное, изредка проявляющееся, кажется, исключительно между раскольниками. Люди эти не раз уже - и даже в новейшее время - распускали в народе слухи, что по деревням ездит какой-то фармасон, в белой круглой шляпе, - а белая шляпа, как известно, в народе искони служит приметой фармасонства: - этот-де человек обращает народ в свою веру, наделяя всех деньгами; он списывает со всякого, принявшего веру его, поличие и увозит картину с собою, пропадая без вести. Если же впоследствии новый последователь фармасонщины откинется и изменит, то белая шляпа стреляет в поличие отступника и этот немедленно умирает.

Возвратимся к своему предмету, к порче любовной и любже. Это поверье, кроме случаев, объяснённых выше, принадлежит не столько к числу вымыслов праздного, сказочного воображения, сколько к попыткам объяснить непонятное, непостижимое и искать спасения в отчаянии. Внезапный переворот, который сильная, необъяснимая для холодного рассудка, страсть производит в молодом парне или девке, - заставляет сторонних людей искать особенной причины такому явлению, и тут обыкновенно прибегают к объяснению посредством чар и порчи. То, что мы называем любовью, простолюдин называет порчей, сухотой, которая должна

быть напущена. А где необузданные, грубые страсти не могут найти удовлетворения, там они также хотят, во что бы то ни стало, достигнуть цели своей; люди бывалые знают, что отговаривать и убеждать тут нечего, рассудок утрачен; легче действовать посредством суеверия - да при том тем же путём корысть этих бывалых людей находит удовлетворение. Но я попрошу также и в этом случае не упускать из виду - на всякий случай - действие и влияние животного магнетизма, который, если хотите, также есть не иное что, как особенное название общего нашего невежества. Настойчивость и сильная, непоколебимая воля и в этом деле, как во многих других, несмотря на все нравственные препоны, достигали нередко цели своей, - а спросите, чем? *Глазами,* иногда, может быть, и речами, а главное, именно силою своей воли и её нравственным влиянием. Если же при этом были произносимы таинственные заклинания, то они, с одной стороны, не будучи в состоянии вредить делу, с другой - чрезвычайно спорили его, дав преданному им суеверу ещё большую силу и ничем непоколебимую уверенность. Бесспорно, впрочем, что самая большая часть относящихся сюда рассказов основаны на жалком суеверии отчаянного и растерзанного страстями сердца.

Парень влюбился однажды на смерть в девку, которая, по расчётам родителей его, не была ему ровней. Малый был не глупый, а притом и послушный, привыкший сызмала думать, что выбор для него хозяйки зависит безусловно от его родителей, и что закон не велит ему мешаться в это дело; родители скажут ему: мы присудили сделать то и то, а он, поклонившись в ноги, должен отвечать только: - власть ваша. - Положение его становилось ему со дня на день несноснее; вся душа, все мысли и чувства его оборотились вверх дном, и он сам не мог с собою совладать. Он убеждался разумными доводами, а может быть, более ещё строгим приказанием родителей, но был не в силах переломить свою страсть и бродил ночи напролёт, заломив руки, не зная, что ему делать. Мудрено ли, что он в душе поверил, когда ему сказали, что девка его испортила? Мудрено ли, что он Бог весть

как обрадовался, когда обещали научить его, как снять эту порчу, которая-де приключилась от приворотного зелья или заговора, данного ему девкой? Любовь, несколько грубая, суровая, но тем более неодолимая, и без того спорила в нём с ненавистью, или по крайней мере с безотчётною досадою и местью; он подкрепился лишним стаканом вина, по совету знающих и бывалых людей, и сделал вне себя, чему его научили: пошёл и прибил больно бедную девку своими руками. - Если побьёшь её хорошенько, - сказали ему, - то как рукой сымет. - И подлинно, как рукой сняло; парень хвалился на весь мир, что он сбыл порчу и теперь здоров. Опытные душесловы наши легко объяснят себе эту задачу. Вот вам пример - не магистический, впрочем - как, по-видимому, самое бессмысленное средство, не менее того иногда довольно надёжно достигает своей цели. И смешно и жалко. Не мудрено, впрочем, что народ, склонный вообще к суевериям и объясняющий всё недоступное понятиям его посредством своей демонологии, состояние влюблённого до безумия не может объяснить себе иначе, как тем же необыкновенным образом. Указание на это находим мы даже в народных песнях, где, например, отчаянный любовник говорит своей возлюбленной, что она ему «раскинула печаль по плечам и пустила сухоту по животу!»

Вот пример другого рода: молодой человек, без памяти влюбившийся в девушку, очень ясно понимал рассудком своим, что она ему, по причинам слишком важным, не может быть четой - хотя и она сама, как казалось, бессознательно отвечала его склонности. Ему долго казалось, что в бескорыстной страсти его нет ничего преступного, что он ничего не хочет, не желает, а счастлив и доволен одним этим чувством. Но пора пришла, обстоятельства также - и с одной стороны, он содрогнулся, окинув мыслями объём и силу этой страсти и бездну, к коей она вела, - с другой, почитал вовсе несбыточным, невозможным, освободиться от неё. Тогда добрые люди, от коих он не мог утаить своего положения, видя, что он близок к сумасбродству и гибели, сумели

настроить разгорячённое воображение его на то, чтобы в отчаянии искать помощи в таинствах чар: - встань на самой заре, выдь, не умывшись, на восход солнца и в чистом поле, натощак, умойся росою с семи трав; дошедши до мельницы, спроси у мельника топор, сядь на бревно верхом, положи на него перед собою щепку, проговори такой-то заговор, глядя прямо перед собой на эту щепку, и, подняв топор выше головы, при последнем слове: «и не быть ей в уме-помысле моём, на ретивом сердце, в буйной в головушке, как не срастись щепе перерубленной - аминь», ударь сильно топором, со всего размаху, пересеки щепку пополам, кинь топор влево от себя, а сам беги без оглядки вправо, домой, и крестись дорогой - но не оглядывайся: станет легко. - Что же? Благородная решимость молодого человека в этом бестолковом средстве нашла сильную подпору: не веря никоим образом, при выходе из дому, чтобы стало сил человеческих на подавление этой страсти, хотя и был убеждён, что долг и честь его требуют того - он возвратился от мельницы весёлый, спокойный - на душе было легко: - вслед за тем он возвратил девице полученную от неё записку *не распечатанною.* Так сильно был убеждён, что дело кончено, союз расторгнут - и с этого дня об этой несчастной любви не было более речи!

Сглаз, притка или порча от сглазу, от глаза, недобрый глаз - есть поверье довольно общее, не только между всеми славянскими, но и весьма многими другими, древними и новыми народами. Мы ставим его сюда потому, что оно, по народному поверью, близко к предыдущему. Уже одна всеобщность распространения этого поверья должна бы, кажется, остановить всякое торопливое и довременное суждение о сём предмете; хотя всякое образованное общество и считает обязанностью издеваться гласно над таким смешным суеверием, - между тем как втайне многие искренно ему верят, не отдав себе в том никакого отчёта. Скажем же не обинуясь, что поверье о сглазе, без всякого сомнения, основано на истине; но оно обратилось, от преувеличения и злоупотреблений, в докучную сказку, как солдат Яшка, Сашка серая

сермяжка или знаменитое повествование о постройке костяного дома. Бесспорно, есть изредка люди, одарённые какою-то тёмною, непостижимою для нас силою и властью поражать прикосновением или даже одним взглядом своим другое, в известном отношении подчинённое, слабейшее существо, действовать на весь состав его, на душу и тело, благотворным или разрушительным образом, или по крайней мере обнаруживать на него временно явно какое-либо действие. Известно, что учёные называли это животным магнетизмом, месмеризмом, и старались объяснить нам, невеждам, такое необъяснимое явление различным и весьма учёным образом; но, как очень трудно объяснить другому то, чего и сам не понимаешь, - то конец концов был всегда один и тот же, то есть, что мы видим в природе целый ряд однообразных, но до времени необъяснимых явлений, которые состоят в сущности в том, что животные силы действуют не всегда отдельно в каждом неделимом, но иногда также из одного животного или чрез одно животное на другое, в особенности же через человека. Учёные называют это магнетизмом, а народ сглазом. Стало быть, и тут опять учёные разногласят с народными поверьями только в названии, в способе выражения, а в сущности дела они согласны. Как бы то ни было, но если только принять самое явление это за быль, а не за сказку, то и поверье о сглазе и порче, в сущности своей, основано не на вымысле, а на влиянии живой, или животной природы. Переходя, однако же, затем собственно к нашему предмету, мы бесспорно должны согласиться, что описанное явление применяется к частным случаям без всякого толка и разбора, и от этого-то злоупотребления оно обратилось в нелепую сказку. Из ста, а может быть, даже из тысячи случаев или примеров, о коих каждая баба расскажет вам со всею подробностью, едва ли найдётся один, который более или менее состоит в связи с этою таинственною силою природы; все остальные были, вероятно, следствием совсем иных причин, коих простолюдин не может или не хочет доискаться; поэтому он, в невежестве своём, сваливает всё сподряд, по удобству и сподручности, на

сглаз и порчу, который же кстати молчит и не отговаривается, а потому и виноват.

V

ВОДЯНОЙ

Водяной, водовик или *водяник,* водяной дедушка, водяной чёрт, живёт на больших реках и озёрах, болотах, в тростниках и в осоке, иногда плавает на чурбане или на корчаге; водится в омутах и в особенности подле мельниц. Это нагой старик, весь в тине, похожий обычаями своими на лешего, но он не оброс шерстью, не так назойлив и нередко даже с ним бранится. Он ныряет и может жить в воде по целым дням, а на берег выходит только по ночам. Впрочем, водяной также не везде у нас известен. Он живёт с русалками, даже почитается их большаком, тогда как леший всегда живёт одиноко и кроме какого-нибудь оборотня, никого из собратов своих около себя не терпит. О водяном трудно собрать подробные сведения; один только мужик рассказывал мне о нём как очевидец, - другие большею частью только знали, что есть где-то и водяные, но Бог весть где. Водяной довольно робкий старик, который смел только в своём царстве, в омуте, и там, если осерчает, хватает купальщиков за ноги и топит их, особенно таких, которые ходят купаться без креста, или же не в указанное время, поздней осенью. Он любит сома и едва ли не ездит на нём; он свивает себе иногда из зелёной куги боярскую шапку, обвивает также кугу и тину вокруг пояса и пугает скотину на водопое. Если ему вздумается оседлать в воде быка или корову, то она под ним подламывается и, увязнув, издыхает. В тихую лунную ночь, он иногда, забавляясь, хлопает ладонью звучно по воде и гул слышен на плёсу издалеча. Есть поверье, что если сесть у проруба на воловью кожу и очертиться вокруг огарком, то водяные, выскочив в полночь из проруба, подхватывают кожу и носят сидящего на ней, куда он загадает. При возвращении на место, надо успеть зачурать: чур меня! Однажды ребятишки купались под мельницей; когда они уже стали одеваться, то кто-то выныр-

нул из-под воды, закричал: скажите дома, что *Кузька помер* - и нырнул. Ребятишки пришли домой и повторили отцу в избе слова эти: тогда вдруг кто-то с шумом и криком: ай, ай, ай, соскочил с печи и выбежал вон: это был домовой, а весть пришла ему о ком-то от водяного. Есть также много рассказов о том, что водяной портит мельницы и разрывает плотины, а знахари выживают его, высыпая по утренним и вечерним зорям в воду по мешку золы.

VI

МОРЯНЫ

Моряны, огняны и *ветряны* есть у других славянских племён; но русские, кажется, ничего об этом не знают. Праздник Купала и другие в честь огня или воды, суть явно остатки язычества и не представляют ныне, впрочем, олицетворения своего предмета. *Лад, Ярило, Чур, Авсень, Таусень* и проч. сохранились в памяти народной почти в одних только песнях или поговорках, как и дубыня, горыня, полкан, пыжики и волоты, кащей бессмертный, змей горынич, Тугарин-Змеевич, яга-баба, кои живут только ещё в сказках, или изредка поминаются в древних песнях. Народ почти более о них не знает. О бабе-яге находим более сказок, чем о прочих, помянутых здесь лицах. Она ездит или летает по воздуху в ступе, пестом погоняет или подпирает, помелом след заметает. Вообще это создание злое, несколько похоже на ведьму; баба-яга крадёт детей, даже ест их, живёт в лесу, в избушке на курьих ножках и проч.

Кикимора также мало известна в народе и почти только по кличке, разве в северных губерниях, где её иногда смешивают с домовым; в иных местах из неё даже сделали пугало мужского пола, тогда как это девки-невидимки, заговорённые кудесниками и живущие в домах, почти как домовые. Они прядут, вслух проказят по ночам и нагоняют страх на людей. Есть поверье, что кикиморы - младенцы, умершие некрещёными. Плотники присвоили себе очень ловко власть пускать кики-

мор в дом хозяина, который не уплатил денег за срубку дома.

Игошá - поверье, ещё менее общее и притом весьма близкое к кикиморам: уродец, без рук без ног, родился и умер некрещёным; он, под названием игоши, проживает то тут, то там и проказит, как кикиморы и домовые, особенно, если кто не хочет признать его, невидимку, за домовика, не кладёт ему за столом ложки и ломтя, не выкинет ему из окна шапки или рукавиц и проч.

Жердяй, от жерди - предлинный и претоненький, шатается иногда ночью по улицам, заглядывает в окна, греет руки в трубе и пугает людей. Это какой-то жалкий шатун, который осуждён век слоняться по свету без толку и должности. О нём трудно допроситься смысла; но едва ли поверье это не в связи с кащеем бессмертным, которого, может быть, тут или там пожаловали в жердяи. Чтобы избавиться от всех этих нечистых, народ прибегает к посту и молитве, к богоявленной воде, к свечке, взятой в пятницу со страстей, которой коптят крест на притолке в дверях; полагают также, вообще, что не должно ставить ворота на полночь, на север, иначе всякая чертовщина выживет из дома.

VII

ОБОРОТЕНЬ

Оборотень, - на Украине *вовкулака* - какой-то недобрый дух, который мечется иногда человеку под ноги, или поперёк дороги, как предвестник беды. От него крестятся и отплёвываются. Он никогда не является иначе, как на лету, на бегу, и то мельком, на одно мгновение, что едва только успеешь его заметить; иногда с кошачьим или другим криком и воем, иногда же он молча подкатывается клубком, клочком сена, комом снега, овчиной и проч. Оборотень перекидывается, изменяя вид свой, во что вздумает, и для этого обыкновенно ударится наперёд обземь; он перекидывается в кошку, в собаку, в сову, петуха, ежа, даже в клубок ниток, в кучу пакли и в камень, в копну сена и проч. Изредка в лесу встречаешь его страшным

зверем или чудовищем; но всегда только мельком, потому он никогда не даст рассмотреть себя путём. Нередко он мгновенно, в глазах испуганного на смерть прохожего, оборачивается несколько раз то в то, то в другое, исчезая под пнём или кустом, или на ровном месте, на перекрёстке. Днём очень редко удаётся его увидеть, но уже в сумерки он начинает проказить и гуляет всю ночь напролёт. Перекидываясь или пропадая внезапно вовсе, он, обыкновенно, мечется, словно камень из-за угла, со странным криком, мимо людей. Некоторые уверяют, что он-то есть коровья смерть, чума, и что он в этом случае сам оборачивается в корову, обыкновенно чёрную, которая гуляет со стадом, под видом приблуды или пришатавшейся, и напускает порчу на скот. Есть также поверье, будто оборотень-дитя, умершее некрещёным, или какой-то вероотступник, коего душа нигде на том свете не принимается, а здесь гуляет и проказит поневоле. В некоторых местах, на севере, оборотня называют кикиморой; ведьме и домовому иногда приписывают также свойства оборотня. Из всего этого видно, что если мужик видел что-нибудь в сумерки или ночью и сам не знает *что*, - то это бесспорно был оборотень.

VIII

РУСАЛКА

Русалка - также *чертовка,* или *шутовка,* или *водява,* что означает почти то же, потому что тут у мужиков говорится именно взамен недоброго слова чёрт. Русалка почти отовсюду вытеснена людьми; а она любит пустые и глухие воды. Нигде почти не найдёте вы теперь такого места, где бы, с ведома жителей, поныне водились русалки; или они были тут когда-то и перевелись, или вам укажут, во всяком месте, на другое - а тут-де нет их. На Украине их считают девочками, умершими без крещения; в других местах полагают, что каждая утопленница может обратиться в русалку, если покойница была такова при жизни; или когда девка утонула, купаясь без креста, причём полагают, что её утащил водяной; опять иные

считают русалок вовсе не людского поколения, а нечистыми духами или даже просто наваждением дьявольским. На юге у нас русалка вообще не зла, а более шаловлива; напротив, великорусская русалка или шутовка, особенно же северная, где она и называется не русалкой, а просто чертовкой, злая, опасная баба и страшная неприятельница человеческого рода. При таком понятии о них, их представляют иногда безобразными; но вообще русалки большею частью молоды, стройны, соблазнительно хороши: они ходят нагие, или в белых сорочках, но без пояса, с распущенными волосами, зелёными, как иные утверждают; живут дружно, обществами, витают под водой, но выходят и на берег; резвятся, поют, шалят, хохочут, качаются на ближних деревьях, вьют плетеницы из цветов и украшаются ими, и если залучат к себе живого человека, которого стараются заманить всеми средствами, то щекочут его, для потехи своей, до смерти. Иные утверждают, что у русалок между перстов есть перепонка, как у гуся; другие даже, что у неё, вместо ног, раздвоенный рыбий хвост. Они манят к себе прохожего, если он ночью подойдёт к ним - днём они почти не выходят - иногда гоняются за ним, но далеко от берега реки или озера не отходят, потому что боятся обсохнуть. Если при русалке есть гребень, то она может затопить и сухое место: доколе она чешет мокрые волосы, дотоле с неё всё будет струиться вода; если же на русалке и волосы обсохнут, то она умирает. Следы этих шаловливых подружек остаются изредка на мокром песке; но это можно только видеть, застав их врасплох: в противном случае они перерывают песок и заглаживают следы свои. Где верят в водяного, там считают его атаманом русалок. Но они, бедненькие, очень скучают без мужчин и все их затеи клонятся к тому, чтобы залучить человека и защекотать его на смерть. Сказывают, что они иногда от скуки перенимают заночевавшее на воде стадо гусей и завёртывают им на спине, как шаловливые школьники, одно крыло за другое, так что птица не может сама расправить крыльев; они же, сидя в омутах, путают у рыбаков сети, выворачивают мотню и скатывают их с речной травой.

Вообще, полная власть шаловливым русалкам дана во время русальной недели, которая следует за Троицыным днём и до заговенья. Первое воскресенье за Троицей также называются русальным. Это время, по народному мнению, самое опасное, так что боятся выходить к водам и даже в леса. Кажется, несправедливо - как иные полагают - будто русалки хозяйничают до Петрова дня и будто они, по народному мнению, девочки лет семи: этих поверьев я не встречал нигде. На юге, русалка - взрослая девушка, красавица; на севере, чертовка - стара, или средних лет и страшна собой. На Украйне, в продолжение клечальной недели, есть разные игры в честь русалкам, кои в это время бегают далече в леса и поля, топчут хлеб, кричат, хлопают в ладоши и проч. Г. Сахаров напечатал песни русалок, бессмысленные слова или звуки, отзывающиеся украинским или белорусским наречием.

IX

ВЕДЬМА

Ведьма известна, я думаю, всякому, хотя она и водится собственно на Украине, а Лысая гора, под Киевом, служит сборищем всех ведьм, кои тут по ночам отправляют свой шабаш. Ведьма тем разнится от всех предыдущих баснословных лиц, что она живёт между людьми и, ничем не отличаясь днём от обыкновенных баб или старых девок, кроме небольшого хвостика, ночью расчёсывает волосы, надевает белую рубашку, и в этом наряде, верхом на помеле, венике или ухвате, отправляется через трубу на вольный свет, либо по воздуху, либо до Лысой горы, либо доить или портить чужих коров, портить молодцов, девок и проч. Ведьма всегда злодейка и добра никогда и никому не делает. Она в связи с нечистой силой, для чего варит травы и снадобья в горшке, держит чёрную кошку и чёрного петуха; желая оборотиться во что-либо, она кувыркается через 12 ножей. Ведьма не только выдаивает коров, но даже, воткнув нож в соху, цедит из неё молоко, а хозяйская корова его теряет. Если сорока стрекочет, то беременной женщине выходить к

ней не должно: это ведьма, которая испортит, или даже выкрадет из утробы ребёнка. Из этого следует, что ведьма перекидывается также в сороку, и, может быть, от этого сорока противна домовому, для чего и подвешивается в конюшне. Ведьме, для проказ её, необходимы: нож, шалфей, рута, шкура, кровь и когти чёрной кошки, убитой на перекрёстке, иногда также и трава тирличь. Ведьма варит зелье ночью в горшке и, ухватив помело, уносится с дымом в трубу. Ведьма иногда крадёт месяц с неба, если его неожиданно заволакивает тучами или случится затмение; она крадёт дожди, унося их в мешке или в завязанном горшке; крадёт росу, посылает град и бурю и проч. Есть на Украине предание, взятое, как говорят, из актов: злая и пьяная баба, поссорившись с соседкой, пришла в суд и объявила, что та украла росу. По справке оказалось, что накануне росы точно не было, и что обвиняемая должна быть ведьма. Её сожгли. Проспавшись, баба пришла в суд каяться, что поклепала на соседку, а судьи, услышав это, пожали плечами и ударили об полы руками, сказав: от тоби раз!

Ведьме удаётся иногда оседлать человека, и он, увлекаемый чарами её, везёт её на себе через трубу и возит по свету до упаду. Есть и обратные примеры, то есть, что осторожный и знающий человек выезжал на ведьме, как мы видим из рассказов Гоголя. Всё это приближает ведьму к разряду знахарок, ворожей и колдунов, давая ей иное значение, чем поверьями дано прочим баснословным лицам. Ведьма есть олицетворённое понятие о злой и мстительной старухе, и злые бабы пользуются суеверием людей. Много было примеров, что вместо мнимой ведьмы ловили злую соседку на том, как она перевязывает вымя у коровы волоском, или выходит ночью в одной рубахе, без опояски, босиком, распустив космы, пугать, с каким-либо намерением, суеверных. Много страшного рассказывают о последнем смертном часе ведьм, и в этом отношении, они также сравниваются со знахарями и кудесниками: душа не может расстаться с телом, и знающие люди принимают тут различные меры - вынимают доску из потолка, раскрывают угол

крыши. Есть также поверье, что ведьмы встают и бродят после смерти, как колдуны; что ведьму можно приковать к месту, притянув тень её гвоздём; что её должно бить наотмашь, т.е. от себя, оборотив ладонь, и, наконец, поверье смешивает ведьм иногда с упырями, известными исключительно на Украине и у южных славян, и говорят, что ведьмы также по смерти сосут кровь из людей или животных и этим их морят. Для этого с ними поступают так же, как с колдунами: перевёртывают в могиле ничком и пробивают насквозь осиновым колом между лопаток. Ведьму отчасти смешивают также с вовкулаками или оборотнями, рассказывая, что она иногда подкатывается под ноги клубком, или перекидывается в собаку, волка, свинью, сороку, даже в копну сена. Ведьмы же и сами портят людей и делают из них оборотней. Есть рассказы о том, что, снимая шкуру с убитой волчицы или с медведицы, к общему изумлению людей, находили не волчью тушу, а бабу в сарафане, или в юбке и запаске. Если найти чёрную кошку, без единого белого волоска, сварить её и выбрать все кости, то можно найти кость-невидимку, которая служит ведьме: сядь против зеркала и клади сподряд все косточки попеременно в рот; как попадёшь на невидимку, так и сам исчезнешь в зеркале. Иные велят вместо этого просто варить кости чёрной кошки по ночам, покуда все истают, а одна только невидимка останется.

Известны неистовства, которые в прежние времена происходили по случаю обвинения какой-либо бабы в том, что она ведьма; это в особенности случалось в южной Руси. Нет той нелепицы, какую бы не придумывали люди, от злобы, глупости, с отчаянья или с хитрым умыслом, для искоренения ведьм и для исправления настроенных ими бед. В старину народ верил, что ведьмы, или другого рода колдуньи могут держать обилие, т.е. заключать в себе и хранить огромные запасы денег, жита и даже зверьков, доставлявших промышленникам богатый пушной товар; на Украине подобное суеверие встречается иногда поныне, в особенности же относительно дождей и урожая.

Трава чернобыльник, по народному поверью, противная ведьмам и охраняет от них двор и дом.

Общее и единогласное поверье утверждает, что в Москве нет сорок. По этому поводу ходит много разных преданий: говорят, что сорока выдала боярина Кучку, убитого в лесу на том месте, где теперь Москва, и что сорока за это проклята была умирающим; другие рассказывают, что митрополит св. Алексий запретил сорокам летать на Москву, потому именно, что под видом сорок залетали туда ведьмы; и, наконец, есть предание будто они прокляты за то, что у одного благочестивого мужа унесли с окна последний кусок сыра, которым он питался.

Таинственные песни ведьм, состоящие из вымышленных, бессмысленных слов, находятся в известном издании г. Сахарова. На Украине же переходит по преданию счёт, будто бы употребляемый ведьмами: одион, другиан, тройчан, черичан, подон, лодон, сукман, дукман, левурда, дыкса; одино, попино, двикикиры, хайнам, дайнам, споволось, сподалось, рыбчин, дыбчин, клек.

X

ПОРЧИ И ЗАГОВОРЫ

Если мы затем, независимо от сказанного, разберём некоторые поверья о порче и сглазе, то найдём, что они принадлежат вовсе к иному разряду, и именно, к поверьям, где, как объяснено было выше, полезный обычай усвоил себе силу закона, посредством небольшого подлога. Например: новорождённое дитя без всякого сомненья должно держать первое время в тепле, кутать и сколько можно оберегать от простуды; существо это ещё не окрепло; оно должно научиться дышать воздухом и вообще витать в нём. Но такой совет не всяким будет принят; ничего, авось и небось - у нас великое дело. Что же придумали искони старики или старухи? Они решили, что ребёнка до шести недель нельзя выносить, ни показывать постороннему, иначе-де его тотчас сглазят. Это значит, другими словами: дайте новорождённому покой,

не развёртывайте, не раскрывайте, не тормошите и не таскайте его по комнатам, а накрывайте слегка совсем и с головою. Вот другой подобный случай: не хвалите ребёнка - сглазите. Неуместная похвала, из одной только вежливости к родителям, бесспорно, балует ребёнка; чтобы хозяину раз навсегда избавиться от неё, а с другой стороны, уволить от этого и гостя, не совсем глупо придумали настращать обе стороны сглазом.

Средства, употребляемые знахарями от сглазу или порчи, относятся большею частью к разряду тех поверьев, где человек придумывает что-нибудь, лишь бы в беде не оставаться праздным и успокоить совесть свою поданием мнимой помощи. Прикусить себе язык, показать кукиш, сплёвывать запросто или в важных случаях, с особыми обрядами, слизывать по три раза и сплёвывать, нашёптывать, прямо или с воды, которою велят умываться или дают её пить, надевать бельё наизнанку, утаивать настоящее имя ребёнка, называя его другим, подкуривать волосом, переливать воду на уголь и соль, отчитывать заговор и пр., - во всём этом мы не можем найти никакого смысла, если не допустить тут, и то в весьма редких и сомнительных случаях, действие той же таинственной силы, которая могла произвести самую порчу. Вспомните, однако же, что бессмысленное, в глазах просвещённых сословий, нашёптывание на воду, которой должен испить недужный, в сущности близко подходит к магнетизированию воды, посредством придыхания, чему большая часть учёных и образованных врачей верят, приписывая такой воде различные, а иногда и целебные, свойства.

Относительно порчи вообще, уроки, извода, изуроченья, притки - должно сказать, что простолюдин всякое необыкновенное для него явление над человеком, как напр., падучую болезнь, пляску св. Вита, параличи разных родов, косноязычие, дрожание членов, малоумие, немоту и пр., называет порчей или изуроченьем. Не зная причин таких припадков, не постигая их и отыскивая, по природному побуждению, ключ к загадке, народ всё это приписывает влиянию злых духов или злых людей. Но

поверье, что в человека заползают иногда гадины, змеи, лягушки, жабы - поверье это, как в последнее время дознано вполне положительными и нисколько не сомнительными опытами, не есть суеверие, а основано на довольно редких, истинных случаях. Я имел случай наблюдать сходное с этим явление: солдат проглотил две или три пиявки, напившись ночью из какой-то лужи, и эти животные спокойно жили, вероятно, в желудке человека, несколько недель, покуда их не извели ложкою соли, и их выкинуло рвотой. Несколько лет тому, не говоря о множестве других примеров, в Ораниенбаумском госпитале пользовали человека, наблюдая за ним строжайшим образом, и болезнь кончилась тем, что его, в присутствии посторонних свидетелей, вырвало змеёй, которая, вероятно, до сего дня сохраняется в спирте; весьма недавно в Киевской губернии один жид, напившись болотной воды, стал чувствовать различные припадки, в продолжение нескольких месяцев; страшную боль в животе, движение, царапанье в желудке и пр., а между тем живот вздувало. Наконец, от постоянного употребления простокваши и скипидара, в течение трёх месяцев вышло рвотой 35 лягушек, разной величины и всех возрастов; свидетелей было при этом много, неоднократно, и между прочим сам врач. Лягушки принадлежали к одному обыкновенному виду, но отличались бледностью и нежностью кожи.

Заговор от крови, от поруба, или вернее, от кровотечения, по моему мнению, объясняется всего проще тем, что почти всякое кровотечение из кровяной (не боевой) жилы, изо всех подкожных и вообще мелких сосудов, останавливается через несколько времени самою природою, и что это именно делается тогда, когда на рану ляжет кровяная печёнка, а под нею клейкая пасока, которая, сгустившись, затянет всю поверхность раны. Опасно только кровотечение из разрезанных крупных боевых сосудов, кои вообще лежат довольно глубоко, а потому редко подвергаются такому насилию. Из них алая кровь брызжет перемежающеюся струёй, согласно с ударами сердца. Кто не знает этого во всей подробности, у кого нет

в этом деле достаточной опытности и верного взгляда - тот в испуге готов верить, что каждая рана угрожает смертельным кровотечением, а потому он и готов приписать чудесному средству обыкновенную и естественную остановку крови. На это можно только возразить, что многие, сведущие и опытные люди; хотя может быть и негласно, утверждают, будто они сами были свидетелями успешного заговора крови; но мы всё-таки ещё вправе, вполне доверяя их добросовестности, не доверять, однако же, их опытности и верности взгляда. Впрочем, если допустить, что глаз, придыхание, известное движение рук или пальцев и сильная воля человека могут возмутить равновесие или вообще направление жизненных сил другого, то не вижу, почему бы считать положительной сказкой применение магнетизма и к этому частному случаю, т. е. к кровотечению? Я не утверждаю, чтобы это было так; я даже думаю, что нужно ещё много добросовестных и весьма затруднительных разысканий на деле, для решения этого вопроса; но я предостерегаю только от лжепросвещённого отрицания всезнайки, которое всегда и во всяком случае вредно. Не верю, покуда меня не убедят; но самую возможность отрицать не смею. Я с крайнею недоверчивостью буду следить за действиями знахаря, заговаривающего кровь; но не менее того, буду наблюдать и разыскивать, полагая, что предмет этот достоин внимания и разыскания.

Есть также поверье, что при сильном течении из носу должно взять замкнутый висячий замок и дать крови капать сквозь дужку; кровь должна остановиться. Это, вероятно, придумано, чтобы успокоить человека, дать ему более терпенья, дав забаву в руку, и усадить спокойно на одно место. Другие советуют, вместо того, взять в каждую руку по ключу и по куску мела и стиснуть кулаки; или подсунуть кусочек бумажки или дробинку под язык и проч. Кажется, всё это придумано для того, чтобы не быть в это время без дела и без совета, а подать хотя мнимую помощь; равно и для того, чтобы угомонить человека и успокоить его. При кровотечении из носу, делают также следующее: рукою противной сторо-

ны, из которой ноздри идёт кровь, достают, под локоть другой руки, поднятой кверху, мочку уха; вскоре, как уверяют, кровь останавливается. Само собою разумеется, что все средства эти тогда только могли бы быть признаны дельными, если бы они, при опасных или продолжительных кровотечениях, оказались действительными, в чём, конечно, нельзя не усомниться.

На заводах уральских есть особый способ заговаривать кровь, если во время работ кто-нибудь по неосторожности бывает сильно ранен. Способ этот относится до известных во всей Европе симпатических средств, о коих частью будет говориться ниже, а частью уже говорилось выше. Если кто порубится или порежется сильно на работе, то на заводах есть для этого так называемая «тряпка»: это простая белая ветошка, напоенная растворами нашатыря; её немедленно приносят, напояют кровью из раны и просушивают исподволь у горна или печи, на огне. Как тряпка высохнет, так, говорят, и кровь должна остановиться. При этом наблюдают только, чтобы сушить тряпку *не круто,* чтобы с неё пар не валил: иначе-де рана будет болеть, рассорится.

По случаю этого страннообразного средства, нельзя не вспомнить поверье наших предков, которое творило разные чудеса и чары над человеком, посредством крови его, волос или других частей. На этом основано и у нас поверье, особенно в простонародии, чтобы волос своих никогда и никому не давать и даже на память не посылать. Волосы эти, как говорят в народе, могут-де попасться во всякие руки. Иные даже собирают во всю свою жизнь тщательно остриженные волосы и ногти, с тем, чтобы их взять с собою в гроб, считая необходимым иметь всё принадлежащее к телу при себе; иначе потребуется в том отчёт. Суеверные раскольники делают это и с другою, ещё более бессмысленною целью, о коей будет говориться в своём месте. Врачи прежних времён предостерегали не ставить кровь, после кровопускания, на печку или на лежанку, утверждая, что тогда жар или воспаление в больном усилится. Я, впрочем, и ныне знал образованного и опытного врача, который был того же

мнения и уверял, что делал неоднократно опыты, которые его в истине этого дела вполне убедили. По ныне известным и общепринятым законам природы, всё это ни с чем не вяжется и не может быть допущено. В наше время кудесничество этого рода также известно кой-где в народе, и именно в северных губерниях: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской, Вятской; оно едва ли не перешло к нам от чуди, от финских племён, кои сами в течение веков обрусели. Там беспрестанно слышишь о чудесах, о порче, по злобе или мести, посредством клока остриженных волос или чар над поднятым с земли следом человека или над частицею крови его.

Близко к тому поверье, или вернее суеверие, заключается в заломе или закруте хлеба на корню. Эту штуку злого знахаря, делаемую из мести, не должно смешивать с заломом травы, для заговора червей, о чём уже говорено было на своём месте. Злой знахарь берёт в руку горсть стеблей хлебных и, произнося заклятие на хозяина этой нивы, ломает хлеб в правую сторону, а закручивает его в левую. Обыкновенно в самом узле залома находят немного золы, которая берётся из печи того же хозяина; иногда кладут под закрут, кроме золы, также соль, землю с кладбища, яичную скорлупу, распаренные хлебные зёрна, уголь. Закрут может быть разведён, по суеверию народа, только хорошим знахарем; в противном случае, хозяина нивы постигнет всякое бедствие: домовины вымрут, дом сгорит, скот падёт и проч. В особенности опасно, по мнению народа, сорвать или скосить закрут; если его недосмотрят вовремя и это сделается, то беда неотвратима. Мне самому случалось успокаивать мужика, на ниве коего сделан был закрут; я взял на себя развести его, уверив испуганного мужика, что знаю это дело хорошо, а когда я вырвал весь кустик и зарыл в землю золу, уголь и соль, то всё кончилось благополучно. Если некому развести закрута, то осторожные хозяева обжинают его.

Заговоры от ружья, от орудия вообще не могут заключать в себе никакого смысла. У стрелков, ловцов, у охотников есть, однако же, как у всех промышленников,

особого рода приёмы и поверья, кои довольно трудно исследовать, потому что сущность их обыкновенно скрывается под каким-нибудь гаерством. Травой Адамова голова окуривают, в Великий четверток, силки и сети, коими ловят птиц, и самоё ружьё окуривают травою клюквы (или колюки), уверяя, что оно тогда не боится заговора или порчи. Капканы вытирают дёгтем или конским навозом, с разными наговорами - и если в этом пошёптывании нельзя признать толк, то навоз и дёготь бесспорно служат к тому, чтобы зверь не причул человеческого духа. Не только простолюдины, но люди образованные рассказывают иногда, как очевидцы, престранные вещи, близкие к предмету настоящего нашего рассуждения, например: у одного грека-землепроходца, путешествовавшего, по словам его, ко Св. местам, была какая-то ладонка, спасавшая от всякой пули. Надев на себя, он вызывал присутствующих офицеров стрелять по нём; а когда никто на это не согласился, то он надел ладонку на лошадь, просил стрелять по ней и отвечал хозяину цену лошади. И на это не согласились, а избрали жертвою петуха. Затем, петуха привязали и сделали по нём, почти в упор ружья, около десятка или более выстрелов дробью и пулей: петух вскрикивал, подлетал, метался, но на нём не было крови; он издох уже в следующую ночь, а ощипав его, нашли, что он весь покрыт синебагровыми рубцами.

Охотники и промышленники в Сибири, в особенности на выездах, боятся недоброй встречи. Если кто, не пожелав охотнику добра, проговорит, встретив его: едет поп, не стрелец - несёт крест, не ружьё, - то уже никакой удачи на промысле не будет. Поэтому там всегда выезжают тайком, до свету, и прячут ружьё. Сам скажи о том, что ружьё бывает с чёртиком; это значит, как станешь целиться, так нечистый стоит прямо перед тобой и держит утку за крылья, растопырив их врозь; выстрелишь, убьёшь - он бросит и пойдёт себе своим путём. Вообще заговор от ружья бывает различный; один спасает человека от всякого оружия, другой портит известное оружие, лишает только то или другое оружие средства вредить,

делает его негодным. В числе множества рассказов об этом предмете, находим между прочим также объяснение, для чего заговоры эти так многословны; некто заговорился от ружья, от пули свинцовой, медной, железной, чугунной, стальной, крылатой, пернатой - а от серебряной и золотой позабыл, это узнали, да и убили его серебряной пулькой. Излишне кажется упоминать здесь, что заговор ружья или пистолета фигляров состоит в том, что они искусно подменивают оружие, или вынимают из него заряд. Есть также поверье, что от пули, облеплённой воском, никто заговориться не может.

Заговор змей, вероятно, объясняется тем, что сказано об этом выше, если только справедливо, что сила ясеневого дерева, листа, коры и золы действует описанным образом на змею. Если это так, то едва ли это средство не может служить намёком на решение загадки, относительно некоторых других; они точно послушались его и прыгали со всех сторон в миску. Но этот ларчик открывается очень просто и всякий может сделать то же: чувствуя издали теплоту, блохи полагают, что это должно быть животное, спешат со всех ног на него взобраться и попадают впросак. Это для них хорошая ловушка.

Заговор и нашёптывание употребительны при вывихах, переломах и многих болезнях. Тут также доселе ещё вовсе ничего не исследовано, в каких случаях это только обман, с одной стороны, а легковерное воображение, с другой, и в каких случаях кроется что-нибудь более: т.е. действительное влияние физических или животных сил. Это такое дело, которое уже явно смешивается с народным врачеванием и потому только косвенно касается нашего предмета. Но весьма нередко мы находим, под видом и названием заговора от болезни, врачебные средства, коим народ охотнее верит под таинственной личиной заговора: например, от криков младенцев, должно вытряхнуть из маковки все зёрна, налить туда тёплой воды, взять ребёнка, отнести его на чердак, под насест, где сидят куры, нашептать заговор, перевернуть ребёнка через голову, воротиться и дать выпить воду. Явно, что здесь ребёнку даётся лёгонький сонный напиток; а

чтобы он не перестоялся и не сделался слишком крепким, то придумали определить время прогулкой на чердак, под насест и обратно. Собственно от вывихов и переломов, конечно, подобные штуки представляют самую ненадёжную помощь - и если с заговором не соединяется работа костоправа, что нередко бывает - то нашёптывания эти приносят, конечно, много вреда, оставляя людей без помощи или устраняя всякое разумное пособие.

Заговоры от *зубной боли* принадлежат к числу весьма распространённых и находят много заступников, кои, по словам их, столько раз на себе испытали силу их, что готовы положить за правду эту голову на плаху. Скажем то же, что о так называемых симпатических средствах вообще: если тут кроется что-нибудь, то учёные наши объяснят это со временем, причислив сии явления к животному магнетизму. Я бывал свидетелем тому, как заговорённая бумажка, или нашёптывание, или наложение руки на щёку мгновенно укрощали боль; но собственно на меня это не действовало и жестокая зубная боль продолжалась. Бабы говорят, что если кто разувается, всегда начиная с левой ноги, то у него никогда не будут болеть зубы; целый ряд подобных поверьев помещён нами ниже в разряд шуточных. К числу средств, кои даются от зубной боли с наговорами, но помогают иногда по естественным причинам, принадлежит следующее: положить на больной зуб два обрубка круглого корешка или прутик обыкновенного корня дикой земляники, и держать их стиснув легонько зубы, чтобы палочки лежали одна на другой и не перекатывались. Усилие это и однообразное напряжение нередко доставляют скорое облегчение. Иные верят, что должно задушить крота двумя пальцами, или же вымазать пальцы кровью чёрного крота, чтобы приобрести силу исцелять зубную боль одним прикосновением руки. По опытам моим, это не подтвердилось.

Заговоры разного рода *на пчёл,* относятся до, так называемого, пчелиного знахарства, изложенного довольно подробно у Сахарова. Но об одном предмете

можно бы написать целую книгу, в коей дельные замечания, основанные на многолетнем опыте, но укутанные в таинственные и суеверные обряды, путались бы попеременно с затейливыми или вовсе глупыми вымыслами праздного воображения. Есть, между прочим, поверье даже о том, что можно *делать* пчёл, наклав всякой всячины в закупоренную бочку и поставив её, с известными обрядами, на зиму в омшеник.

Весьма близки, по значению своему, к заговорам, а часто вовсе с ними сливаются, и притом не более их исследованы, так называемые *симпатические средства*. Сюда же принадлежат подвески, привески, подвязки, талисманы, амулеты, ладонки и проч. Суеверие об особенном значении и силе каждого из самоцветных камней перешло к нам с Востока, из области поэзии. Конечно, не может настоять в том никакого сомнения, что большая часть поверий этого разряда так же пусты и вздорны, как мнимое волшебное действие самоцветных камней; но с другой стороны, нельзя произнести приговор этот над всеми, сюда относящимися, поверьями, хотя мы и не всегда находим удовлетворительное объяснение загадки. Некоторые из сих средств только по странности своей и причудливому способу употребления принадлежат, с виду, к симпатическим средствам, между тем как самое их действие основывается на давно известных законах природы. Так, например, повязки на руках и ногах, от лихорадки не только признаны действительными, но даже употребляются иногда врачами. Помощь их основана, по-видимому, на законах обращения крови: повязки на руках и ногах останавливают возврат крови к сердцу через поверхностные кровяные жилы (вены), и кровь не может скопляться, во время озноба, во внутренностях, отчего и происходит перелом болезни. Для этого берётся обыкновенно красная тесьма или гарус, коего девять ниток на шее служат также предохранением для детей от скарлатины и краснухи. Есть ли тут ещё и своеродное действие собственно красного гаруса, который преимущественно для сего употребляется, в этом, конечно, должно усомниться. Я знал человека, который разда-

вал привески от лихорадки, нашёптывая их наперёд, и хотя они мне самому и некоторым другим не помогали, но зато, под личным моим наблюдением, много раз немедленно прекращали болезнь, по крайней мере, упорная лихорадка без всяких видимых причин, с того же дня, как таинственная ладонка была привешена, не возвращалась. Это был корень неизвестного растения, указанный знахарю, по словам его, одним ссыльным, которому он, на пути следования, оказал какую-то услугу. Замечательно было для меня вот что: испытав несколько раз силу этого корешка над больными и призадумавшись над ним поневоле, я мог искать разрешения загадки в одном только воображении больных. Итак, я взял другой, первый попавшийся мне корешок, и стал его привешивать, выдавая за полученный от знахаря, к лихорадочным. Я повторил это, как нахожу в записках своих, на пяти различных больных, но без всякого успеха; все они неохотно и без доверенности дозволили повторить опыт, привескою настоящего корня; после чего у двух из них лихорадка немедленно отстала. Когда же у меня у самого была лихорадка, то мне не помогла ни яичная плёнка, ни привески, хотя я брал их непосредственно от знахарей, исполняя строго все их предписания. Привеска от лихорадки нетопыри, лягушки и проч., вероятно, действует наиболее посредством настроенного воображения, надобно одолеть обычное отвращение от этих тварей, и нравственное волнение также производит физический перелом. Привеска написанных на клочке бумажки таинственных слов, или абракалабры, или приём бумажки этой внутрь, в виде пилюль, если только лихорадка испугается этого и покинет больного, по всей вероятности, также обнаруживают силу свою посредством воображения, этого довольно могучего рычага. Не иначе действуют, кажется, окачивания холодной водой через оглоблю, или в лесу через берёзку; привеска птичьего гнезда, бечёвки, на которой удавлена собака; последовательный приём, прямо с реки и натощак, нескольких ложек воды, начиная в первый день с одной; также приём замятой в хлебном мякише вши; впрочем насекомое

это, как уверяют, действует врачебно и употребляется также для понуждения последа, после родов. Варят также в моче больного три куриные яйца, выносят их, с горшком, в муравейник, разбивают и зарывают все вместе. Когда муравьи уничтожат яйца, то лихорадка должна пропасть. Или больной должен проносить несколько хлебных зёрен в рукавице, на голой ладони, во время приступа; потом сеют их, а когда взойдут, больной должен их раздавить и растоптать. Завязывают в лесу над головой больного два сучка берёзы, приговаривая: покинешь - отпущу, не покинешь - сама сгинешь. Пишут на бумажку абракалабра, известным треугольником, или имя больного, молитву, или другие таинственные слова и привешивают к больному; или остригают волосы и ногти больного, просверливают в осине дыру, затыкают её этим и заколачивают камешком; нечаянно, с молитвой, окачивают во время озноба водой, сажают лягушку за пазуху и проч. От судорог носят в кармане медный грош, кусочек серы и ржаного хлеба, или зашивают в подвязку серый цвет.

XI

СИМПАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

От лихорадки народных средств вообще чрезвычайно много; и это потому именно, что болезнь эта, поселяясь в брюшной полости, исцеляется противодействием на головной мозг. Зернистый перец, шубий клей, паутина, яичный белок и тому подобные снадобья не принадлежат, впрочем, вовсе к средствам симпатическим и сила их давно уже признана врачами. Болезни этой дано множество названий: лихоманка, трясучка, трясавица, комуха, кумаха; иногда её ублажают, величают лихоманкой ивановной, чтоб не обиделась, или боятся её назвать; на Украине различают 99 видов лихорадок, смотря по тому, от чего она прикинулась, называя её *пидтынныца,* если она человека застала сонного под тыном, на сырой земле; *веретённыца,* если баба допрялась до лихорадки: *гноевая,* если попала на спящего на

навозной куче; *степовая,* если на переночевавшего в поле и проч. Есть и в России поверье, что лихорадок 9 крылатых сестёр, коих по временам нечистый спускает с цепей. Если одна из них пролётом поцелует человека, то или губы обмечет, или же нападёт трясавица. Покидая одного больного, чтобы потрясти другого, сёстры эти дают каждому временный покой. Иные мажут себе лицо сажей и переодеваются в чужое платье, чтобы лихорадка, воротившись, не узнала. Поэтому и скорый отъезд в другое место, как народ толкует, иногда спасает от лихорадки; она потеряет человека и не найдёт его. От болезни этой, по мнению народа, спасает, между прочим, также восковой шарик, слепленный из 12 крошек воску, снятых в 12 раз во время чтения Страстей, от свечки, которая в продолжение службы зажигается, как известно, 12 раз. От лихорадки же и вообще от злых духов и порчи, выкапчивают в страстную пятницу крест на притолке и над дверьми у входа, и притом свечой, принесённой с Страстей. Но вот ещё народное средство, которое я испытал раз 30 и в чрезвычайном действии коего всякому легко убедиться, хотя и не так легко объяснить его и добиться до желаемого смысла: перед приступом лихорадки, за час или более, обкладывают мизинец левой руки, а в некоторых местах большой палец, внутренней плёной сырого куриного яйца; кожица эта вскоре прилипнет плотно и присыхает, а чтобы уберечь её, обматывают палец слегка тряпичкой. От этого средства лихорадка, не всегда, но большею частью, покидает недужного. В самое то время, когда бы ей следовало быть, в мизинце появляется боль, иногда довольно жестокая, и начинает стрелять вдоль локтя, иногда до самого плеча. Вместо вторичного приступа, бывает опять то же, но только гораздо слабее, а за третьим разом всё кончено. Замечу, что по опытам моим над самим собою и над другими: 1) плёна эта не оказывает ни малейшего действия над здоровыми; 2) иногда и у лихорадочных, без явной причины, бывает не действительна, и тогда озноб и жар идут своим порядком и боли в мизинце нет; 3) или же дело принимает обратный ход: мизинец рвёт и болит во время промежутков лихорадки, а присту-

пы идут своим чередом, и притом боль на это время утихает; 4) изредка боль в мизинце, в локте и плече бывает так сильна, что хворый не в силах перенести её и срывает плёну; тогда боль исчезает, а лихорадка вместо того появляется; 5) также в редких случаях, по излечении сим способом лихорадки, мизинец бывает покрыт кровяницами и даже образуется нарыв около ногтя, в виде ногтоеды. Я был однажды свидетелем случая, где весьма опытный и учёный врач приходил в отчаяние от недействительности хинина и других аптечных средств противу злой лихорадки, грозившей ударом - а яичная плёнка спасла больную! Бывшие этому свидетелями врачи, без сомнения, основательно утверждали, что средство это не есть симпатическое, а должно действовать иначе; но как именно и от чего, этого доселе никто не мог мне объяснить. Вот пример такого явления, взятого из опытности простонародья, которое и не могло бы, кажется, заслуживать никакой веры; множество разумников готовы при первом слове закричать: «вздор»; но я попрошу изведать дело на опыте, а потом судить и писать приговор!

Народному поверью, что сердце лежит под грудной костью, под ложечкой - сердце болит, отвечает по крайности и учёное, латинское название этого места (sevobiculum cordis); а поверью, что душа сидит немного пониже, в желудке, соответствует положение брюшных нервных узлов, называемых также брюшным мозгом и седалищем животной души. Кровь ходит, приступает, говорит простолюдин; а учёный врач называет это конгестиями и оргасмом. Во всём этом есть смысл; мы иногда не понимаем народа, а он нас; но речи его не всегда так бессмысленны, как с первого взгляда кажутся.

У лекарок есть симпатические средства *от бородавок:* разрезать яблоко ниткою, натереть бородавку обеими половинками, сложить и связать их тою же ниткою и закопать в навоз. Когда сгниёт яблоко, тогда, говорят, пропадут и бородавки. Натирают также бородавки сырым мясом или свиным салом и закапывают его или отдают собаке; делают на щепочке столько зарубок, сколько у человека бородавок, прикоснувшись к каждой

соответствующею ей зарубкой; или вяжут на ниточке, на алой шелковинке, узелки, обмеряя каждую бородавку вокруг, и бросают на дорогу; кто поднимет щепку эту или шелковинку, на того перейдут бородавки. Во время убыли луны, поводят рукою по стене, на которую падает лунный свет, а потом поглаживают бородавку тою же рукою. Это повторяется в продолжение целой недели, и бородавка должна пропасть, Иные обводят пальцем сучок в деревянной избе, куда падает лунный свет, а потом водят по бородавке. Обмывают также бородавку, три раза, дождевой водой, скопившейся в лунке, ямке большого камня; иные смазывают бородавку пеной или накипом от горящих сырых сосновых дров.

От докучливого *ячменя* есть множество симпатических средств: уколоть ячмень зерном ячменя и отдать его курице; обвести ячмень обручальным кольцом и прочитать молитву; подавить ячмень кольцом, поцеловать глаз и сплюнуть; повесить иглу на нитке перед глазом и смотреть на неё. Довольно забавно видеть в доме барском старуху, няню, у которой весь день болтается перед глазом игла, привешенная к головному платку. От ячменя же, перво- или последнерождённый из братьев и сестёр должен показать кукиш больному глазу, но чтобы никого притом не было; иные советуют говорить при этом: ячмень, ячмень, вот тебе кукиш, что захочешь, то себе купишь; купи себе топорок, переселись поперёк; приговаривая это трижды, провести по ячменю пальцем. От *лишая* есть также много средств; наприм., взять поту с окна, или слюней, обвести сучок в бревне избы, а потом лишай, и сказать: ни шире, ни дале, тут тебе и быть, на сём месте тебе и пропасть.

От *желтухи*, берут в руки живую щуку и глядят на неё, покуда она уснёт. От *курячей* слепоты, сидят над паром воловьей печени и едят её, и это средство было одобряемо некоторыми врачами; но, испытав его много раз, во время Турецкого похода, я, однако же, никогда не видал от него помощи. От детского недуга, *собачья старость,* вероятно, сухотка хребтового мозга, *перепекают* ребёнка, т.е. сажают его на лопату и трижды всовывают

наскоро в затопленную печь. В трудных детских болезнях, где родители отчаиваются в жизни ребёнка, должно, по народному поверью, подать его нищей в окно: если она примет его Христа ради, то он выздоровеет. Это, конечно, поэтическое поверье, без всякого другого значенья. Изгнание полунощника, или полунощницы, семью прутиками или сорочкою ребёнка, которую меряют взад и вперёд и накрест ниткою, всучивают между двух прядей её и потом кладут под порог, чтобы народ её топтал; лечение переполоха выливкой, - всё это должно почитать баснями, как и лечение костоеды, ногтоеды и зубной боли вызовом, посредством кипятка, на хлебный колос, каких-то волосатиков или червей; кладут по 3 пучка ржаных колосьев по нескольку раз на больное место и обливают щёлоком гречишной соломы. Откуда тут взяться волосам, или волосатикам, коих, по нашим понятиям, нет и быть не может в больных членах - этого нельзя постигнуть. Всё это или невинные грёзы, или необъяснённые доселе тайны, или, вероятнее, последнее убежище беспомощного отчаянья. Переполох (кажется, неправильно пишут: переполог), от переполошить, испугать, почитается следствием испуга ребёнка, которому от переполоха надевают рубашонку задом наперёд. Переполох от собаки почитается не так опасным, потому что она *вылает* его сама же впоследствии; но переполох от злого и молчаливого гусака, кинувшегося на ребёнка, почитается несравненно опаснее. Известно, что укушение гусака бывает иногда ядовито и очень долго не поджива-ет. Если кто поперхнётся или подавится, то советуют класть ломоть хлеба на темя, или тереть переносье указательным пальцем правой руки. Утверждают, что сверчки пропадают, если в комнате повесить живого рака за клешню, покуда он начнёт портиться; что сим же способом, повесив рака на дереве, можно согнать с него всех гусениц; известно, что самая близость серных ключей отнюдь не дозволяет разводить пчёл; что газ, употребляемый для освещения комнат, хотя бы он, по хорошему устройству снарядов, не распространял ни малейшего запаха, вредит однако же цветам и вообще растениям,

кои блёкнут и листья с них обваливаются; что, сохраняя или перевозя в бочках и ящиках живых раков, надобно остерегаться встречи со свиным стадом; иначе раки внезапно все засыпают. Все эти намёки такого рода, кои должны предостеречь нас быть крайне осмотрительны в приговорах своих. Но чтобы сверчки, тараканы, мыши ползли и бежали из дому *перед пожаром* - этому, конечно, здравый рассудок отказывается дать веру. Или мыши и тараканы выбирались уже вследствие гари, т.е. их выкурило, а через сутки или более пожар вспыхнул, или же злые люди когда-нибудь воспользовались этим поверьем и сожгли дом, из злобы, для грабежа, или просто для потехи, когда народ заметил, что насекомые выбираются из него и что быть худу. Говорят, если корова обнюхает подойник, то молоко будет тягучее и легко ссядется; чтобы исправить это, должно напоить из подойника быка. Солёные огурцы должно встряхнуть в кадке или бочонке, в день Воздвижения, тогда они лучше держатся; солить же их на молодой месяц, как и вообще об эту только пору делать все заготовления впрок. Об этом обстоятельстве необходимо сказать несколько слов. Странно, что некоторые общеизвестные истины упорно оспариваются или не признаются учёными нашими, тогда как господа учёные были бы обязаны наставлять народ, указывать ему путь к истине и пользоваться для этого всеми случайными открытиями, поверяя их на опыте и объясняя их затем умозрением, которое во всяком случае тогда только строится не на ветер, когда ему неоспоримый опыт служит основанием. Все хозяйки, хозяева и в особенности мясники и солельщики в целом свете, в Англии, Франции, Бельгии, Германии, заготовляющие солонину в большом количестве для флотов, знают очень хорошо, что солонина, приготовленная во время полнолуния, никуда не годится и очень скоро портится. Это есть неоспоримая истина, которую всякий может испытать на деле; он будет наказан за неверие своё и выкинет вскоре весь запас. Как и почему, этого мы не знаем; но я не вижу, почему бы этому не быть, когда разнообразное влияние солнца, луны и других небесных тел на

землю нашу и её произведения вообще давно признано, хотя доселе ещё удовлетворительным образом не объяснено. Скажем то же об отношениях известного женского периода к разным веществам, в особенности же к таким, кои находятся в брожении; между прочим, женщине в это время не должно подходить к бочонку, в коем делается уксус, иначе он испортится, не удастся. То же самое говорят и о хлебной квашне. Уверяют, что печёный хлеб легко и скоро плесневеет, в то время, когда хлеб на корню цветёт; что вино поэтому о ту пору легко портится и за ним нужен особый надзор; что об эту же пору пятна красного вина, только не подкрашенного, гораздо легче вымываются из столового белья, без употребления к тому особых средств; что о ту пору, когда хлеб цветёт, нельзя белить холстов; словом, много есть в народе и у хозяек наших подобных чудес на примете, и я, не советуя никому верить всем им на слово, не думаю, однако же, чтобы было справедливо и благоразумно отвергать положительно всё это, как нелепость, не удостоверившись в том из многократного опыта.

К числу симпатических привесок принадлежат, как упомянуто, ладанки, в кои зашивают, для охранения от уроки, порчи, ладан и другие вещи и снадобья, иногда наговорённые бумажки и проч. Туда же зашивают так называемую природную сорочку младенцев, родившихся в рубашке. Случайное обстоятельство это, заключающееся в том, что плёна или кожа яйца, по крепости своей, иногда не прорывается во время родов, а выходит цельная, содержа в себе ребёнка, почитается особенным счастьем и предзнаменует новорождённому всякого рода благополучия. Смысла в этом, конечно, нет и быть не может; не менее того, от этого поверья произошла и поговорка о счастливом человеке: он родился в сорочке.

XII

ПРИМЕТЫ

В древней рукописной книге «Иконопись», может быть частью переведённой с греческого, или позаимст-

вованной у греков, вставлены тут и там, между описаниями постановки, положения и одежды, любопытные заметки о тайнах живописи, вроде следующих:

«Подзолотой пробел краски творить на яйцо, а яйцо бы свежее было, желток с белком вместе сбить гораздо, да тут закинуть соли, ино краска не корчится, на зубу крепка. И первое разбить, процедить сквозь плат».

«Вначале тереть мягко с олифою вохры, в которой примешать шестую часть сурику. И истёрши вложить в сосуд медный и варить на огне и прибавить малую часть скипидару, чтоб раза 3 или 4 вскипало кверху, потом пропусти сквозь тряпицы, чтобы не было сору, а как будет вариться, то хотя прибавить смолы еловой чистой пропускной».

«Трава на реке на берегу растёт прямо в воду. Цвет у неё жёлт, и цвет от неё отщипать да ссушить. Да камеди положить и ентарю прибавить да стереть всё вместе и месить на пресном молоке. Пиши, что хошь, будет золото».

«Взять яйцо свежее от курицы молодушки и выпусти из него белок чистой и положи в желток ртути и запечатать серою еловою и положить под курицу, которая б по три цыплёнка высиживала, и выпаря взять яйцо из-под курицы и смешать спичкою чистою и будет яко золото и пиши на чём хочешь, пером или кистью».

Обратимся теперь ко второму разряду поверий, изобретённых первоначально для того, чтобы застращать человека, заставить малого и глупого, окольным путём, делать то, чего напрямик добиться от него было бы несравненно труднее. Эти поверья каждый мальчишка затверживает с тятей и мамой, повинуется им безответно и следует им безотчётно. Например: не сорить, не ронять ни одной крошки хлеба, иначе будет голод и неурожай; другими словами: хлеб дорог, береги его и уважай его, как нужнейший нам Божий дар. Если кто за обедом, не доев своего ломтя хлеба, возьмётся за другой, или отломит кусок от другого, то кто-нибудь из близких голодает или будет терпеть нужду. Это, как поверье, глупо; но как правило житейское, хорошо и полезно. Не

макать хлеба в сольницу, потому что крошки туда попадают и соль, вещь покупная у мужика, засорится; не класть испечённый, особенно горячий хлеб на горбушку, потому что она тогда легко отстаёт и хлеб в промежутке этом легко плесневеет; кто ест хлеб с плесенью, будет хорошо плавать; другими словами: не прихотничайте, дети, ешьте сподряд хлеб, каков ни есть. Скорлупу от выеденных яиц должно давить на мелкие части, иначе, если она попадёт на воду, то русалки построят себе из неё кораблик и будут плавать, на зло и смех крещёным людям; а если скорлупа останется на дворе и в ней накопится дождевая вода, да сорока напьётся, то у того, кто выкинул скорлупу, будет лихорадка. Сущность дела, вероятно, та, что скорлупа, выкинутая целиком, поваживает собак таскать яйца и даже учит кур и уток наклёвывать и выпивать их. Кто, не разбирая постов, ест скоромное, у того будет рябая невеста; почитая большим грехом не соблюдать постов, старики выдумали острастку эту для легкомысленных ребят. Маленьким ребятишкам говорят также в пост, что молочко улетело на берёзку, и указывают на первого весёленького воробья. Муха во щи залетела - счастье, придумано, конечно, для успокоения брюзгливых и прихотливых. Есть и читать в одно и то же время не годится: память проглотишь; а врачи наши дают то же наставление, подкрепляя его только более дельными доводами. Свистать в комнатах почитается или грехом, или дурным предзнаменованием; вероятно, потому, что в жилом покое, где люди есть, не всякому приятен свист шалуна, который этим многим досаждает; чтобы застращать его, говорят, что от этого дом пустеет. Поверье моряков, что в тихую погоду можно насвистывать ветер, который от свиста мало-помалу свежеет, должно отнести к тому, что в безветрие от скуки и нетерпения морякам нечего делать, и надо чем-нибудь позабавиться. Порожней колыбели не качать, а то дитя жить не будет; этим унимают старших баловней, от которых и без того в тесной избе некуда деваться. Новорождённую должно купать в белом белье, чтобы была бела и нежна. Это недурно придумано, для того, чтобы заставить неоп-

рятную мать или мамку не мыть ребёнка в грязном белье, от которого и вода вся делается грязною, хотя многие этого не понимают. Через порог не здороваться; поссоришься, либо дети немые будут. Невежливость здорованья через порог, не дав гостю войти, противна русскому хлебосольству, почему и придумали острастку. Нехорошо воз- вращаться, идучи от людей из дому, когда уже совсем собрался, оделся, простился и ушёл, потому что это по-пустому тревожит хозяев; а если что забудешь и воротишься, то, значит, скоро опять свидеться. Не заставляй пришивать пуговицы на себе, или зашивать платье, которое надето; пришьют тебе память. Это явно выдумка хозяек наших, которым весьма неловко чинить платье на нетерпеливом супруге, если он не хочет раздеться и ещё торопит. Кто свищет в ключ, занятие не для всех слушателей приятное, тот просвищет память, позабудет, где что положил. Кто, сидя, от безделья ногами болтает, тот чёрта качает; этим просто отучают от дурной привычки. Ребёнка до шести недель никому не показывать, т.е. не раскрывать и не выносить; ребёнка до году не стричь, и притом стричь в великий четверток, раз в год! и многие врачи советуют то же, полагая, что стричь ребёнка должно только на весну, а ни когда попало. Беременной не велят заготовлять белья для младенца, а то он жить не будет 1). Это значит: так как ей работать и шить тяжело, то ей обязаны помогать другие, а кто помогает обшивать невесту, тот помолодеет - и это придумано с добрым расчётом. Кто, выстригшись, кинет куда-нибудь волосы, у того голова будет болеть; должно собрать их в кучу, свертеть и заткнуть под стреху или в тын, подальше: это, при неопрятности крестьян наших, недурное правило; иначе, может быть, по всей избе и по двору валялись бы кучи обстриженных волос. Впрочем, о поверьях касательно соотношений разных частиц, взятых от плоти нашей, к живому телу и об основанных на этом чарах, - было говорено выше. Коли домовой завьёт у лошади по-своему гриву, то не трогать её, а то он рассердится и испортит лошадь: правда, космы в гриве - это болезнь, род колтуна, и если их остричь, то лошадь всегда

почти захворает. Порядочным людям грешно купаться после Ильина дня (20-е июля); а после Ивана постного (29-го августа) грешно уже всякому, даже и сорванцу, потому что в конце июля вода дрогнет, как говорится, и зацветает; а в конце августа она холодна, и ребятишки, набегавшись наперёд, легко простужаются. Яблоки грешно есть до Спаса, а орехи прежде Воздвиженья; это основано на том, что до сих сроков яблоки и орехи редко вызревают и что ребятишек трудно удержать от незрелого, нездорового лакомства, если не настращать их и не уверить, что это грешно. Слово грешно, в народном предании, отвечает известному *табу* островитян Южного океана и заключает в себе понятие о строгом запрещении, не входя в смысл, значение и причины его. Если кто бьёт домашних своих лучиной, как иногда привыкли делать злые старухи, тот сам иссохнет как лучина; недурно, если бы все этому свято верили. Кто в большой праздник проспит заутреню, того купают, бросают с размаху в воду, или обливают - обычай старинный, запрещённый даже особым указом 1721 года апреля 17-го. Вдова не должна быть в церкви, когда венчают, потому что в такое время вдова напоминает молодым неприятное и тем нарушает общее веселье. Ключей не класть куда попало на стол, иначе выйдет ссора в доме, а класть их всегда на определённое место, в стороне. Это поверье удивительно полезно и справедливо: как только хозяйка станет раскидывать ключи по столам, куда попало, то непременно вслед затем станет искать их, обвинять и подозревать других, и выйдет брань и ссора. Перебравшись на новое жильё, в старом не покидать сору, тряпья, черепков и проч. Во-первых, это-де подаст повод обвинять вас в колдовстве, а во-вторых, и вас можно над этим изурочить. В сущности же, полезное поверье это велит всякому, выбираясь из дому, выметать хоть сколько-нибудь жильё, где доведётся вслед затем жить другому. Корова с подойником продаётся, а лошадь с недоуздком: это должна быть выдумка дешёвых покупателей и хозяйственных скопидомок, и дело вошло в обычай; продавцу, взяв деньги, можно придать к скотине такую безделку, притом

и необходимую при самой покупке, а покупателю всё годится как Осипу Хлестакова. Не должно спрашивать хозяйку, сколько у ней дойных коров, сколько кур несётся, сколько наседок; это значит, кажется: не заботься о чужом хозяйстве. С кладбища, с похорон, ни к кому не заезжать: привезёшь смерть в дом; или же, возвратившись, приложить ладони трижды к печи: это не есть поверье простолюдина, а изобретение наших старушек, которые боятся смерти и не любят о ней вспоминать. Покойника должно как можно скорее снять с постели и положить на стол; душа его мучается за каждое пёрышко в перине и подушке; это крайне дурное, бесчеловечное поверье, которое причиной тому, что у нас весьма нередко человека ещё заживо стаскивают с постели и тормошат на все лады, также придумано досужливыми вещуньями, коим везде и до всего дело и которые не могут дождаться часу, где до них дойдёт очередь распоряжаться. В некоторых местах бессмысленная и наглая услужливость их доходит до того, что они стаскивают умирающего с одра смерти и торопятся обмыть и одеть его, покуда он ещё не остыл, может быть, покуда он ещё дышит. Первоначально все обычаи, относящиеся к этой торопливости, возникли, вероятно, от желания кончить, как можно скорее, печальные обряды и дать осиротевшим покой; но это употребили во зло, самым непростительным, бесчеловечным образом. Поверье, что у грешника ангелы душу сквозь рёбра вынимают, чтобы она только не досталась сатане, принадлежит к числу вымыслов поэтических и также к числу суеверных острастков; подробный рассказ о том, как это делается, может быть, удержит иного от дурного поступка.

Если гости уйдут домой, после обеда или ужина, прежде, чем скатерть снята со стола, то женихи откажутся от хозяйских невест; у нас говорят, вместо этого, просто: невежливо бежать от стола, как от корыта, и это выходит на то же. Какое-то естественное приличие требует посидеть, поблагодарить хозяйку, дать ей время управиться немного с хозяйством и не принимать такого вида, будто пришёл с тем только, чтобы накушаться и

уйти. Разбить посуду, стекло во время какого-нибудь пира или празднества, свадьбы, крестин и пр., - хорошая примета. Без сомнения, это хорошее поверье сочинено для того, чтобы разбитая рюмка или стакан не нарушили спокойствия и удовольствия хозяйки, а с тем вместе не лишили бы гостей весёлого расположения. Кто змею убьёт, тому прощается 40 грехов. Это поощрение, конечно, изобретено бабами, которые боятся змей. Кто 40 покойников проводит, тому отпускается три тяжкие греха - выдумка охотниц до кутейных пирушек. Не годится прощаться и уходить, если у хозяйки не допита чашка чаю, и точно, не годится, можно обождать, покуда она её допьёт. Бабе грешно резать или колоть птицу, а четвероногое животное и подавно; это должен делать мужчина. В этих поверьях обычай, приличие, взаимные правила житейской вежливости соединяются в суеверии; оно заставляет народ исполнять то, что другими способами трудно было бы завести. В последнем по мере мы видим отговорку или оправдание женщин, коих чувство противится нанесению смертного удара, или у коих рука не поднимается на утку или курицу.

Обратимся к *третьему разряду* поверьев, к таким, кои в сущности своей основаны на опыте, на замечаниях, но которые при всём том к каждому частному случаю применены быть не могут, потому что в них есть только общий смысл. Сюда относятся замечания о погоде, об урожае, или так называемый календарь земледельца. Зима без трёх подзимков не живёт; через 6 недель после первого снега с морозом, становится зима; в день Благовещенья и Светлого Христова Воскресения бывает одинаковая погода; в день Алексея Божьего человека, 17-го марта, разверзаются все подземные источники; в день Преполовения, и в день Казанской Богоматери, 22 октября, всегда идёт дождь; в день Ильи пророка всегда бывает гром - а к этому уже досужие толкователи прибавляют: а если не будет грома, то в этот год *кого-нибудь* убьёт грозою или зажжёт дом. Реки вскрываются, когда дня бывает 14 часов, это поверье со средней Волги, и там оно подходит довольно близко к истине. Если беляк-заяц

рано белеет, и когда зайцы с осени жирны, когда хомяк таскает рано большие запасы, - то будет внезапная и холодная зима. Если пчёлы рано закупориваются, то будет ранняя и строгая зима, и наоборот: когда они заводят в другой раз детку, то будет продолжительная и тёмная осень. Не знаю, до какой степени все эти приметы верны, но нельзя утверждать, чтобы у животных не было какого-то, для нас вовсе непонятного, предчувствия относительно погоды. Известно, например, всякому, что скотина глухо мычит перед дождём и бурей, дышит и роет землю; собака скучает и ест траву; петухи кричат взапуски с лягушками; воробьи и утки купаются в пыли, на сухой земле; галки с криком вздымаются высоко, роями; ласточка ширяет низко; на море морская свинка играет, бурная птица является внезапно и скользит по волнам; на этом и основаны живые барометры; зелёная лягушка, пиявица, рыба вьюн предвещают довольно верно погоду, если держать их в склянке с водою. Нередко человек предчувствует вёдро и ненастье: мозоли болят, пальцы горят, ломота появляется в раненых или ушибённых членах и проч. Есть люди, кои безотчётно, по какому-то тёмному, но верному чувству, угадывают близость кошки, как бы она ни спряталась. Если солнце красно заходит, то на другой день будет ветренно; если пасолнца является, то это на мороз. Перед ненастьем, табак льнёт к крыше табакерки, как замечают табачники; перед вёдром крышка ослабевает. Горничные наши знают, что после дождя и перед ветром подушки и перины делаются, как они говорят, легче, выше вздуваются. Таким образом, рассматривая собственно поверья, основанные на правильных замечаниях, но не всегда верно применяемые, мы невольно опять возвратились к поверьям сочувственным или симпатическим, как мы и вперёд оговорились, сказав, что все принятые нами разряды незаметно друг в друга переходят. Если лучина трещит, когда горит, и мечет искры, то будет ненастье. Это довольно верно: значит, лучина отсырела более обыкновенного и воздух вообще сыр. Если кошка спит, подвернув голову под брюхо, то это зимой на мороз, а

летом к ненастью. Сюда же принадлежат поверья и приметы относительно ожидаемого урожая, и между ними есть такие, кои достойны всякого внимания; например, крестьянин замечает, как колос зацветает: снизу, со средины, или сверху; чем ниже, тем дешевле будет хлеб, а чем выше, тем дороже. Другими словами: здоровый и обильный колос всегда должен зацветать снизу; тогда можно надеяться на урожай, если град не побьёт и червь не поест, и тогда хлеб будет дёшев; а чем выше колос зацветает, тем менее он даст, потому что плевелки ниже цвета всегда бывают пусты и не дают зерна, и, стало быть, тем дороже будет хлеб. Зимняя опока на деревьях обещает, как говорят, хороший урожай на хлеб; урожай на орехи обещает обильную жатву хлеба на грядущий год, по крайней мере замечено, что сильный урожай на орехи и на хлеб никогда не бывает вместе; что, кроме того, никогда не бывает большого урожая на орехи два года сряду; стало быть, при обилии в орехах, их на следующий год не будет, а, вероятно, будет урожай на хлеб. Когда рябина сильно цветёт, то будет, говорят, урожай на овёс; много ягод на рябине предвещает строгую зиму, может быть, если предположить, что природа заготовляет на этот случай корм для птицы. Посему и заготовляют тогда рябинный квас, слабительный и прохладительный, предсказывая на зиму воспалительные болезни, неразлучные со строгою зимою. Если день Богоявления (января 6) тёплый, то хлеб будет тёмный, т.е. густой; если ночь звездистая, то будет много ягод; а если, во время посева, у жуков под брюхом много яичек (вшей), то будет урожай; если они на передних лапках, то должно сеять ранее, если на средних, то позднее, а если на задних, то ещё позже. Последние приметы, вероятно, одна только шутка. На средокрестной неделе великого поста, пост преломляется пополам, пекут кресты, а ребятишек покрывают решетом или кадкой и бьют сверху палкой, чтоб слышали и помнили, как пост переломился пополам. Судя по ценам в день Ксении полузимницы или полухлебницы (янв. 24), заключают об урожае и о ценах на хлеб во весь предстоящий год. С этого дня остаётся ждать

нового хлеба столько же времени, сколько ели старый. Февраль - широкие дороги - 4-го марта Герасима Грачевника. В день 40-ка мучеников, 9-го марта, прилетают сороки и жаворонки, почему и пекут 40 жаворонков. Марта 17-го, Алексия Божьего человека: Алексея с гор потоки, с гор вода, а рыба со стану, т.е., рыба трогается с зимовья и трётся под берегами. Марта 19-го Хрисанфа и Дарии; Дарии, жёлтые проруби, замарай проруби; Марта 25-го, Благовещение, если мороз, то будет много огурцов. Апреля 1-го, Марии Египетской, зажги снега, или заиграй-овражки. Апреля 3-го ап. Иродиона: уставь или заставь соху, пора пахать под овёс; когда заквакают лягушки, то пора сеять овёс; когда появятся крылатые муравьи, сеют хлеб. Овёс сеять хоть в воду, да впору; а рожь, обожди часок, да посей в песок. В великий четверток мороз, так и под кустом овёс; а озимь в засеку не кладут, т.е. не верь всходам с осени. Снегу много, хлеба много, говорит народ. Апреля 16-го, Ирины разрой берега. Апреля 25-го, Великомученика Георгия, выгоняют скотину. Если дождь, то в этот год скот хорошо пойдёт. Георгий везёт корму в тороках, а Никола (9 мая) возом. Мая 5-го, Ирины рассадницы: сеют капусту. Это же время считается ветряным и потому удобным для палов, для выжигания полей, потому что пал, для безопасности, всегда пускается по ветру туда, где неопасно. Мая 13-го, муч. Гликерии, Лукерья-комарница, появляются комары. Мая 14-го Исидора, садят огурцы. Мая 18-го, семи дев: сеют первый лён. Мая 21-го Константина и Елены: ранний лён и поздняя пшеница. Мая 29-го, Феодосии волосяницы: рожь колосится. Мая 31-го, Ерёмия повесь-сетево: т.е. кончай посев. Июня 13-го, Акулины гречушницы: сеют гречу. 1-го июля, Казанские Богоматери, лучший день для сбора касмахи или червца, который будто собирается изо всей окружности под один куст; кто найдёт его, найдёт много вдруг. Июня 20-го, пророка Ильи: если дождь, то будет мало пожаров; всегда бывает гром и где-нибудь убивает человека. В иных местах говорят ещё, что в этот день дана воля всем гадам и лютым зверям, а потому и нельзя выгонять скотину в поле. Иные верят также, что в день

Рождества Христова скотину не должно выпускать из хлевов. В Стефанов день поят лошадей через серебро. Августа 1-го, происхождение св. Древ: первый Спас; можно есть яблоки. Августа 13-го, Флора и Лавра, кончай посев ржи. Августа 23-го, св. Луппа, морозом овёс лупит; первые утренники. Без воды зима не станет; дожди, потом следуют подзимки, а там морозы, которые разделяются на никольские, рождественские, крещенские, афанасьевские, стретенские и, наконец, мартовские заморозки. Оттепели должны быть: михайловские, 3-го ноября; введенские, 21-го ноября и проч. Августа 29-го, Иоанна Предтечи: не варят щей, потому что кочан капусты напоминает усечённую голову. Сентября 1-го, бабье лето, начало женским сельским работам; сентября 14-го, Воздвижение, кафтан с шубой сдвинулся. Октября 22-го, Парасковьи-льняницы; пора мять лён. Ноября 26-го, Егорий с мостом, а Никола с гвоздём, декабря 6-го. О зимнем пути говорят: либо неделю не доедешь до Благовещенья, либо неделю переедешь. Первый прочный, постоянный снег выпадает ночью, а дённой сходит; это довольно верно. 12-го декабря, солнце поворотилось на лето, а зима на мороз. Если в день Рождества Христова много инею, опоки на деревьях, то будет урожай на хлеб. В день Наума, 1-го декабря, в Малороссии отдают детей в школу, полагая, что они тогда более ума наберутся.

В южной Руси частью те же, частью и другие поверья, о погоде, урожае и проч., и в особенности замечается игра слов или созвучий, подающих повод к поверью; напр., 23-го июня, Иоанна Предтечи, смешивают с крестителем и с Купалою языческим и называют день Ивана-Купалы; Пантелеймона (27-го июня) называют Палий и боятся в этот день грозы; празднуют, мая 11-го, обновление Царя-града, иначе хлеб выбьет градом; июня 24-го, Бориса и Глеба, называют *барыш* день, и празднуют его для получения во весь год барышей; если июля 19-го, в день Макрины, ясно, то осень будет сухая, а если *мокро,* там ненастная. 24-го января, Ксении полухлебницы или полузимницы, замечают цены на хлеб: если поднялись, будет дорог, если нет, то наоборот. Февраля 2-го, в день

Сретения Господня, лето встречается с зимою: коли снег метёт через дорогу, то будет поздняя весна, а коли не метёт, то ранняя, и проч.

К сему же и частью к предыдущему разряду принадлежат и следующие поверья, не относящиеся до календаря земледельца: если выкинет из трубы, то должно опустить в неё живого гуся: распустив в испуге крылья, гусь, при этом падении, может иногда погасить пламя. Известные пятнышки на лице, вроде веснушек, появляющиеся временно у женщин, называют *метежами,* и говорят, что внезапное появление их есть верный признак беременности. В этом поверье есть истина; но она отнюдь не безусловна. Телятину есть считают грехом; вероятно, это произошло от хозяйских расчётов: во-первых, деревенские коровы перестают доиться без телят; во-вторых же, не расчёт съесть телёнка, из которого через 2-3 года выйдет полнорослая скотина. Кроме того, почитают грехом есть голубей, как священную птицу; не едят зайцев и всех вообще слепорождённых животных и однокопытчатых, т.е. с нераздвоенными копытами, вероятно, на основании Ветхого Завета. Угря не едят, не признавая его рыбой; а как, по пословице, в поле и жук мясо, то разрешают есть угря, когда в семи городах нельзя будет найти рыбы. Сома не едят, потому что сом - чёртов конь; рыба эта жирна, невкусна и нездорова, кроме плёса, который идёт в пирог. Раков не везде едят; уральские казаки называют их водяными сверчками и выкидывают из сетей. Зато во многих местах простолюдины не брезгуют грачами, галками и воронами; но сорок нигде не едят; по уверению бывалых людей, в некоторых местах России запекают в пироги полевых мышей, под названием *житничков.* Очень умно, если это делается; но я нигде толком не мог о том допроситься.

Ямщик, если вы нанимаете его на протяжных, ни за что не повезёт барыню с кошкой, уверяя, что от кошки лошади худеют; от табаку, напротив, по уверению извозчиков, лошади добреют, и потому табак для них кладь желанная. Извозчики, с коими рядились для отвоза из Ромна шерсти и табаку, за провоз последнего делали

маленькую уступку. Если верить другому поверью, что чепрак из барсовой кожи вреден для лошади, то можно допустить также однородное влияние кошки; я говорю только, что подобное дело сбыточно, хотя и не совсем вероятно. Так, например, известное влияние кошки на змею весьма замечательно: змея не боится самой злой собаки, напротив, самая злая и смелая собака сильно пугается змей; но лишь только подойдёт к ней кошка, как змея мгновенно свёртывается в клубок и, схоронив голову, лежит не смея дохнуть, не бежит, не защищается, и кошка смело её грызёт. Индюшки также заклёвывают змей, преследуя их с остервенением; овцы пожирают ядовитых тарантулов, от укушения коих другие животные умирают, по крайней мере долго хворают.

Суеверие, будто у скопы ядовитые когти, вероятно, вышло просто из того, что скопа довольно странная птица, соединяющая в себе свойства хищных и водяных птиц; она питается рыбой, хватая её не клювом, а когтями.

Выше говорили мы об остатках язычества; христианство вытеснило их из области веры, и они нашли приют в поверьях или суевериях.

Нельзя не отнести сюда всех суеверных обрядов, соединённых у простолюдинов с обрядами веры; их много; все пересчитать трудно. Обращаются, например, в известных случаях, с молитвою исключительно к тому или другому св. угоднику, полагая, что тогда молитва будет лучше услышана; молятся от слепоты Казанской Богоматери; от глазных болей - Мине Египтянину, Лаврентию Архидиакону, Логину сотнику; от болезней вообще - Богородице Всех Скорбящих; от головной боли - Иоанну Предтече; от зубной боли - св. Антипию; от лихорадки - св. Марою, также Фотинии или Василию Новому; от грыжи - Артемию; от бесчадия - Роману чудотворцу, также св. Ипатию; от трудных родов - Богородице Феодоровской или св. Екатерине; если муж возненавидит жену - св. Гурию, Самону и Авиве; о согласии супругов - св. Евангелистам; о здравии младенцев - Богородице Тихвинской, Симеону Богоприимцу; от родимца - св. Ники-

те; от оспы - Конону Саврийскому; о просвещении разума на грамоту - Козме и Демиану; на иконное писание - Иоанну Богослову; о сохранении от смерти без покаяния - св. Палсию; об изгнании лукавых духов - св. Нифонту, или Марофу; о сохранении целомудрия - Мартимиану, Иоанну многострад., Моисею Угрину, Финаиде; от запоя - Вонифатию, также Моисею Мурину; от грозы - Богородице Неополимой Купины, также Никите Новгородскому; о вёдренной погоде - св. Илье; от потопа и беды на войне и на море - св. Николаю Чудотворцу; от скотского падежа - св. Флору и Лавру; о сохранении скота от зверя - св. Георгию; он же защитник девиц и покровитель сельских работ; об овцах, - св. Мамонту, или св. Анастасии; о свиньях - св. Василию Великому; о пчёлах - св. Зосиме и Савватию; о курах - св. Козме и Демиану, или св. Сергию; о гусях - св. муч. Никите; о рыболовстве - св. Ап. Петру; о добром сне и грёзах - девяти мученикам; от вора и обидчика - Иоанну Воину; о обретении покражи и бежавших рабов - Феодору Тирону; о укрощении гнева человека - Прор. Давиду; от очарования - св. Киприану и Устинии - и проч.

Многие из принадлежащих сюда поверьев до того тесно связаны с народною поэзией, что настоящий их источник не всегда может быть указан, особенно при малых сведениях наших о дохристианском русском мире, в существе своём также поэтическом. Сюда принадлежат обычаи, поверья и обряды в различные праздники, столь подробно описанные г. Снегирёвым. Например, игры и обряд на Ивана Купала, колядованье на Рождество, щедрованье на Новый год, семик и проч. Сюда же принадлежит поверье, что в пятницу грешно работать, а наши субботники, или русские жиды шабашат в субботу, также обычай опахивать в полночь деревню, впрягая девок в соху, чтобы избавиться от мора, от скотского падежа. Бабы и девки едут, верхом на помелах и лопатах и убивают до смерти первую попавшуюся навстречу живую тварь; это неистовые вакханалии, шабаш ведьм, где в прежние времена нередко случались убийства, для избавления околодка от чумы. Вместо того зали-

вают также в одну ночь во всей деревне огонь, а там разносят по всем дворам древесный или живой огонь, добытый трением; для него устраивают род деревянного точила, которое после хранят в тайном месте. Этим же огнём поджигают разложенное в разных местах курево. Это средство известно по всей южной и восточной границе России, начиная с Чёрного моря до Китая. Есть ещё иное средство от падежа на скот: должно согнать с вечера внезапно весь скот на один двор и обставить его строго караулом. С рассветом хозяева должны сами разбирать скотину, каждый свою, выпуская её осторожно по одной из ограды; останется одна корова лишняя, ничья: это-то и есть самая моровая, или коровья смерть, и её должно взвалить на поленицу и сжечь живьём. Эти поверья постепенно переходят к поэтическим вымыслам, в коих видна игра воображения, или дух времени, или просто иносказание и народная поэзия, принимаемая ныне нередко в прямом, насущном смысле за наличную монету. Например: в Благовещенье птица гнезда не вьёт; если же она завьёт гнездо или проспит заутреню, то у неё на время отымаются крылья и она делается пешею. К последнему поверью, вероятно, подали повод подлини, птица, у коей правильные перья вылиняли и которую тогда можно ловить руками. В день 40-ка мучеников, 9-го марта, когда пекут жаворонков, уверяя, что они непременно в этот день прилетают, говорят также, что сорока положила уже 40 палочек в гнездо своё. В южной России, ласточка есть представительница чистоты христианской; воробей же, напротив, представитель жидовства. К поверью, что птица в Благовещенье не вьёт гнезда, присовокупляют: кроме окаянного воробья, который не знает праздника. В день Благовещенья и в Светлое Воскресенье, между заутреней и ранней обедней, солнышко от радости играет, в чём нетрудно убедить кого угодно, заставив его смотреть прямо на солнце, оно заиграет в глазах. В Петров день, 29-го июня, солнце играет радугой на восходе, то выказывается, то опять прячется; в ночь Иоанна Крестителя, на 6-е января, вода в проруби играет и плещет. Если курица снесёт яйцо в Благовещенье и его

подсылить наседке, то непременно выйдет урод. Во всё время между Рождеством и масленой, где целый ряд праздников, грешно прясть. Если девка, или баба шьёт, работает в заговенье, или по праздникам, то у неё будут заусеницы и ногтоед. Кто в ночь родительской субботы, после трёхдневного поста, придёт с молитвой на погост, тот увидит там тени тех, кому суждено умереть в течение года. Поверье это принадлежит южной России и Украине. Есть много преданий о том, что испытали и видели на том свете обмиравшие и очнувшиеся впоследствии люди: страшные, для суеверов, рассказы эти обыкновенно оканчиваются тем, что трёх слов нельзя сказать, нельзя выговорить; это было им запрещено и язык отымается при всякой к тому попытке; а в этих-де трёх словах и заключается всё главное и существенное. На Украине, каждый человек, отговев, покупает вязанку бубликов (баранков) и делит её со всеми приятелями, чтобы увидеться с ними на том свете. При первом ударе колокола, во время благовеста, мужик не перекрестится; за вторым перекрестится, за третьим поклонится. Коли звезда падает, то это ангел за душой усопшего полетел; а если успеешь, не дав угаснуть этой искорке, пожелать чего-нибудь, то оно исполнится; ангелы на этом перелёте никому ни в чём не отказывают. Остригши ногти, собирать обрезки в одно место; на том свете придётся по крутой горе лезть и ногти пригодятся. Это поверье принадлежит раскольникам. Для той же причины не велят бить кошек; они тогда снабдят из дружбы своими когтями. Когда убирают под венец невесту, то почётная, счастливая супруга должна ей вдеть серьги; тогда молодая будет счастлива. Исстари водилось, что брат невестин или другой мальчик должен в продолжение девичника укладывать жениховы подарки, на дому у жениха, который привозит их невесте; мальчик же должен обуть невесту под венец, подвязать ей подвязку и продать жениху косу её; молодая, в знак покорности, разувает молодого, у которого в сапогах плеть и деньги; ударив жену слегка, он её награждает. У крестьян, новобрачных укладывают не в жилой избе, а в пустой клети или другом месте; стелют

постель из снопов, и кладут именно 21 сноп; дарят младенца на зубок, дарят и родильницу, подкладывая тайком деньги под подушку. Во время венца кто первый из новобрачных ступит на подножие, тот будет властвовать; у кого свеча длиннее остаётся, или у чьих дружек, тот долее проживёт; если венец, для облегчения не надевают на голову невесты, то народ считает такой брак недействительным, незаконным, и предсказывает беду; если же над головою уронят венец, то и подавно. Молодых иногда осыпают деньгами, хмелем и хлебом; впрочем, большая часть сих и множество других, сюда относящихся, обычаев не принадлежат собственно к поверьям, а именно к обычаям и к числу празднеств. В иных местах кладут под порог замок, в то время, когда молодые идут к венцу, и лишь только они перешагнут порог, как вещие старухи берут замок, запирают его и хранят, а ключ закидывают в реку; от этого молодые будут жить хорошо. Если баба заспит младенца, то он, по народному поверью, делается оборотнем, или по крайней мере не будет принят в число праведников. Кроме того, мать должна идти на покаяние и стоять 3 ночи в церкви, очертившись кругом; в первую ночь бесы будут только дразнить и казать ей младенца; во вторую будут его мучить и приглашать её, чтобы она вышла из круга и взяла его; в третью замучат его в глазах матери до смерти, а сами исчезают с первыми петухами, покинув труп. Мать должна вынести всё это; если же она перешагнёт заветный круг, то сама сгинет. В старину родители иногда скрывали крёстное имя дитяти, его называя вовсе иным, в уверенности, что человека нельзя испортить, изурочить, не зная имени его. Есть изредка также обычай, особенно когда дети не долговечны, чтобы вслед за народившимся младенцем выйти на улицу, дать ребёнку имя первого встречного человека и даже звать этого человека в кумовья. В прощёный день (воскресенье, перед чистым понедельником) дарят друг друга куличом, или огромным пряником (фигура), с солдатиками или надолбами по краям и с чашкой посредине; такой же пряник везут молодые, на другой день брака, к родителям, которые им

кладут деньги или подарки на пряник. Если смочит поезд свадебный, то это счастье, как и вообще дождь означает благодать, обилие. Усопших младенцев непременно подпоясывать: во-первых, для того, чтобы их на том свете по первому взгляду можно было распознать от татарчат и жиденят; во-вторых, чтобы малюткам, гуляя по вертоградам небесным, можно было собирать за пазуху виноград. Если ребёнок умирает, то подать его нищенке христа-ради в окно; коли та, ничего не зная, примет его, помолится и посадит под избой, то будет жив. Затмения, как известно, предзнаменуют, в глазах народа, бедствия, чему верили невежды почти во все времена и во всех землях. Явления эти весьма приноравливались к событиям настоящим, будущим или прошедшим и, по необычайности своей, всегда поражали умы народа, настраивали их на ожидание чудес или бедствий.

У раскольников есть много странных поверьев, нередко порождения довольного дикого, необузданного воображения, кои иногда основаны на безграмотной игре слов: кто пьёт чай, отчаивается от Бога; кто пьёт кофе, налагает ков на Христа; хмель и табак произросли на могиле знаменитой блудницы, - хмель из головы, а табак из чрева. На этом основании, вероятно, хмель считается у них благороднее табака, и многие раскольники не чуждаются его, тогда как табака все они не терпят, называя его смертельным грехом. Раскольники в особенности настоятельно требуют, чтобы остриженные ногти класть с ними вместе в гроб, и даже носят обрезки эти в перстнях. Земля, по народному поверью, лежит на трёх рыбах, китах, или даже на четырёх; но один из них умер, отчего и последовали потоп и другие перевороты; когда же перемрут они все, то последует преставление света. Между тем, когда киты эти, отлежав бока, начинают оправляться да повёртываться, то бывает трус, землетрясение. Иные, напротив того, утверждают, что свет стоит на трёх слонах. Прежде нас жили на свете *волоты,* великаны, а после нас будут *пыжики,* т.е. карлы. Народное поверье волотам назначает место жительства в вологодской стороне; вероятно этому подало повод одно

только сходство звуков. Народ ожидает преставления света непременно в одну из великих суббот, перед Троицей. Если по торной дороге подымается столбовой вихорь, то это чёртова свадьба, ведьма с сатаной венчается, или, по крайней мере, возится; а потому, если кинуть в вихорь этот нож, то он будет в крови. Чума летает уткой, а голова и хвост у неё змеиные. Не садиться по 13-ти человек за стол и не подавать другому соли; эти два поверья, как всякому известно, напоминают измену Иуды. Не дарить ни ножа, ни ножниц, не принимать булавки, разве уколоть слегка подателя, или отдать грош, т.е. купить вещи эти. Взяв от соседа прививку плодовую, или отводок, также должно положить около дерева копеечку, чтобы ветка хорошо принялась. Молодых супругов сажают на мохнатую шубу, в ознаменование привольной жизни; велят также стричь ребёнка на шубе: богат будет; когда ребёнок впервые пойдёт, то черкнуть ножом по земле между ног, что и называется перерезать путы. Если у ребёнка долго зубы не режутся, то проколоть чёрному петуху гребешок, костяным или деревянным гребнем, и кровью помазать дёсны. Это поверье, принадлежа отчасти к разряду симпатических средств, конечно, придумано для того, чтобы успокоить встревоженную мать, при таких обстоятельствах, где человеческая помощь невозможна. Советуют также надевать ребёнку ожерелье из рачьих жерновинок, носить фиалковый корень и проч. Пожар от грозы заливать парным молоком от чёрной коровы. Коли чёрная корова с вечера впереди стада идёт на село, то день будет ненастный, коли белая, ясный. Коли корова перестанет доиться, то кто-нибудь из счастливых в семье, обыкновенно девушка или ребёнок, должны выкупить её у хозяйки или у коровницы, за грош; корова называется с того времени собственностью покупателя и будет опять доиться. Коли корова доится с кровью, что, между прочим, случается-де оттого, когда под брюхом у неё пролетит невзначай ласточка, то подоить её сквозь обручальное колечко хозяйки; ласточка же пролетает под коровой в наказание за то, когда кто разорит у неё гнездо. Чтобы предупредить

порчу свадьбы от недоброго кудесника, который-де не только сделает, что кони не пойдут со двора, но, пожалуй, оборотит и гостей и молодых в волков, все гости и поезжане опоясываются, сверх рубахи, вязаным, а не плетёным, пояском, в котором тьма узелков. Колдун ничего не может сделать, не развязав сперва всех узелков, или не сняв с человека такой поясок. Крестьяне рассказывают, что такие оборотни, т.е. волки, бывшие когда-то свадебными гостями, попадаются; если подобного зверя убьёшь, то на нём, к крайнему удивлению всех крещёных людей, найдёшь под шкурой красную рубаху, - но только без опояски! Так дорого можно поплатиться иногда за небольшую оплошность! Есть поверье, что ворон купает иногда детёнышей своих в великий четверток, и приносит для этого воду в гнездо своё в выеденном яйце. Ворон, ворона, грач, сыч, сова, филин, пугач, иногда также сорока и кукушка, почитаются зловещими птицами, и притом не только у нас, но почти повсюду. Если ворон и филин кричат, сидя на кровле, то в доме быть покойнику. Ночные птицы получили прозвание зловещих, конечно, за дикий, неприятный крик, который, среди глухой ночи, иногда чрезвычайно неприятен; так наприм., пугач, большой лесной филин, завывает точно как человек, зовущий отчаянно на помощь; а иногда, как ребёнок; иногда хохочет, стонет или ржёт. Нет сомнения, что пугачу надобно принять на свой счёт большую часть того, что рассказывают о лешем. Суеверы носят при себе когти филина, чтобы отвратить от себя зло. Ворон, ворона, сорока, грач, вероятно, попали в этот разряд, как полухищные, жадные к падали и до нестерпимости крикливые, вещуньи. Иногда загадывают, сколько лет кому жить, и считают, сколько раз кукушка кукутнёт. Отчего вообще птица, залетевшая нечаянно в покои, особенно воробей, предзнаменует бедствие, смерть в доме и проч., этого объяснить не умеем; но птичка, залетевшая в чистом поле прямо в руки, а равно и гнездо, свитое где-нибудь в доме, бывает, как думают, к добру. Не велят бранить пойманного сома, хотя это для рыбаков не находка, страшая тем, что водяной чёрт за такую брань отомстит. Лас-

точку, голубя, пигалицу и синичку, по мнению народа, бить грешно, за это бывает падёж на скот. Есть ещё поверье, что если собаки ночью воют, или когда они роют норы, то будет в доме покойник. Много раз уверяли тут и там люди, что собаки, лошади или другая домашняя скотина предчувствовали, предугадывали смерть хозяина, и что животные показывали это воем, мычаньем, ржаньем, ночным топотом, необычайною пугливостью, страхом и проч. Там, где подобное предчувствие относится до внезапной, насильственной смерти, оно во всяком случае необъяснимо, а потому уже слишком невероятно; но нельзя оспаривать возможности того, чтобы какое-либо животное не могло чувствовать, не знаю каким чутьём или чувством, невидимой для нас перемены, происшедшей с таким человеком, который по состоянию своего здоровья не может прожить более известного и весьма короткого срока, который обречён уже тленью, носит в себе ничем неутолимый зародыш смерти, и поэтому самому, может быть, в испарине своей, или Бог весть как и где, представляет для некоторого рода животных нечто особенное и неприятное. Я не утверждаю всего этого, я только не отвергаю такую возможность. Опытные врачи, фельдшера, сиделки и хожалки видят, иногда по первому взгляду на больного, что его спасти нельзя; иные утверждают даже, что слышат это чутьём, по испарине; почему же другое существо, или животное, не может видеть или слышать то же самое, но только ещё гораздо ранее, может быть, накануне, или даже несколькими днями прежде нас? Как объяснить себе чутьё, которое безошибочно указывает собаке, что на таком-то месте пробежал заяц, причём собака ещё знает, до какой степени след этот свеж, и что всего мудрёнее, в какую сторону заяц пробежал, взад или вперёд?

Есть чисто шуточные поверья, или лучше сказать, просто шутки, в кои, однако, же иные свято верят; наприм., когда стоят жестокие морозы, то должно с вечера насчитать 12 лысых, поимённо, назвав последним самого лысого, у которого голова как ладонь, от бровей до затылка: на нём мороз лопнет. Когда в бане моют бар-

чонка, то приговаривают: шла баба из-за моря, несла кузов здоровья; тому, сему кусочек, тебе весь кузовочек; а когда окачивают водой: с гоголя (гуся) вода, с тебя худоба; вода б книзу, а сам бы ты кверху; сороке б тонеть, а тебе бы толстеть, и проч. Девиц умывают *с серебра,* чтоб была девушка бела и богата; это называется умыться водой, в которую, при первой весенней грозе, брошена серебряная ложка. Чтоб быть белой и чистой, девушки моются также первым снегом, с кровли бани. Если всё девочки родятся, то в этот год войны не будет; если ребёнок наперёд станет говорить папа, а также если младенец родился с косичкой, то вслед за ним родится сын; а если заговорит мама, то дочь. Сидеть между двух сестёр или братьев, значит вскоре жениться, или замуж выйти. Правый глаз чешется к смеху, левый к плачу. Правая ладонь чешется - отдавать деньги, левая - получать; локоть чешется - на новом месте спать; переносье чешется - о мёртвом слышать; кто щекотлив, тот ревнив; за первым вешним громом выбежать умыться дождевой водой, с золотым кольцом на пальце, или ухватиться за карман, в котором деньги, что делают также, увидав молодой месяц, и сказать, при *деньгах*! - богат будешь. Если зеркало поднять над головой так, чтоб в нём отразился молодой месяц, то увидишь столько лун, сколько луне дней. Эта шутка основана на том, что при таком косвенном отражении месяц в зеркале точно двоит, и пожалуй, иногда семерит. Если волосок из ресниц вывалится, положить его за пазуху, - будет подарок. У кого редкие зубы - не будет долго жить. Если забывшись ляжешь спать в одном чулке, то придёт тот, кого ждёшь. Если булавку на полу увидишь к себе головкой, то это хорошо, а к себе остриём, худо. Если брови свербят, будешь глядеть на потных лошадей, т.е. принимать гостя. Выщербленные деньги обещают прибыль, и поэтому их должно хранить в кошельке. Когда у детей падают зубы, то велят стать тылом к печи, закинуть зуб через себя и сказать: мышка, мышка! на тебе костяной зуб, а мне дай железный; или: на тебе репяной зуб, а мне костяной. Смешное и глупое поверье, что икота есть беседа

души с небом, вероятно, также было сначала неуместной шуткой; кому икается легко, того добром поминают, а при тяжёлой икоте за глаза бранят. Когда лошадь дорогой распряжётся, то что-нибудь дома нездорово, либо жена изменила, если сам хозяин в дороге. Если мышь попортит часть свежего товара, то купцы утешаются тем, что товар от этого скоро и хорошо с рук пойдёт. Если кто в беседе скрестит незаметно ноги, нога на ногу, то от этого последует всеобщее молчание. Если кто плюнет себе на платье, то это означает, что скоро будет обнова. В новый год должно надеть обновку; тогда их много будет в течение года. Другие толкуют, что плюнуть на себя, значит терпеть напраслину. Кто ущемит платье в дверях, выходя из дому, тому скоро в этот же дом возвратиться. Если из вязанки дров вывалится полено, то будут гости. Кто поперхнётся в разговоре, тот хотел соврать; кто поперхнётся первым глотком, к тому спешит обеденный гость. Обнову предвещает и то, когда собака, став перед кем, потянется. Если уши горят, то заглазно над тобой издеваются; если в ушах звенит, то загадывают что-нибудь и спрашивают: в котором ухе? когда отгадают, то загаданное сбудется. Если в беседе чихнёшь, то это подкрепляет истину того, что говорится. Кроме того иные говорят, что чихнуть в воскресенье, значит в гостях будешь; в понедельник, - прибыль будет; во вторник, - должники надоедят; в среду, - станут хвалить; в четверг, - будешь сердиться; в пяток, - письма или нечаянная встреча; в субботу, - о покойнике слышать. Если у женщины, при одеваньи юбки подол случайно загнётся, то предсказывают ей роды. Если каша или пирог-баба подымется из горшка и наклонится в печь, то к добру; если же из печи, то к худу. Если кузнечик куёт в доме, то иные уверяют, что он выживает из дому. Счастливый сын походит на мать, а счастливая дочь на отца. Самовар играет, гостей зазывает, кто мимо пойдёт, - зайдёт. Невзначай свечу погасить - нежданный гость. Булавочка из наряда молодой хранится подругами и обещает счастье, а девушке скорое замужество. Свеча грибком нагорела - будет письмо, и с той стороны, куда нависла. Если шутка эта не в связи с

поверьями о ведьме, то она просто придумана для потехи; но я знал помещиц, кои читали Сю и Занда, а строго придерживались помела и кочерги. Кто не весел, с утра брюзжит - встал левой ногой с постели. Кто утрёт лицо первым яичком рябенькой курицы, у того не будет веснушек. Руки горят - бить будешь; руки стынут - кто-нибудь тебя злословит; если мужчина белоручка, то невесте его не быть красавицей; нагорела свеча - долгоносая невеста; кошка умывается, сорока у порога скачет, самовар поёт, полено дров из беремени повалится, нечаянно свечу погасить, всё это значит: будут нежданные гости. Тёплая или холодная лапа у кошки означает добрых или недобрых гостей. Чулок или рубашку наизнанку надеть, потерять подвязку, остегнуться пуговкой - пьян или бит будешь. Не строить нового дома под старость, не шить обновы, в особенности белья, иначе вскоре умрёшь; эти поверья, может быть, частью придуманы наследниками, чтобы удержать стариков от безрассудного мотовства, а может быть, возникли и оттого, что, затевая житейское, старику и старушке поневоле приходит в голову близкий конец их, а это, для многих, воспоминание неприятное. Кроме того, весьма нередко случается, что, затеяв под старость обшиваться и строиться, человек умирает, не покончив дела, и это в таких случаях служит подтверждением суеверью. Я знал в Москве старушку, богатую вельможу прошлого века; она уже лет 20 не шила на себя белья, ни за что не соглашалась к этому, считала всякого, кто ей о том говорит, смертным врагом своим, и ходила в таком белье, на котором, кроме подновляемых по временам заплаток, не оставалось ровно ничего.

XIII

БАСНИ, ПРИТЧИ И СКАЗКИ

Поэтические поверья переходят непосредственно в басни, притчи или иносказания; не менее того, по невежеству, иногда принимаются в прямом смысле, и многие верят слепо тому, что придумано было для одной забавы. К этому числу принадлежит: поверье о том, что медведи

были некогда людьми, к чему, конечно, подала повод способность медведя ходить на двух ногах и поступь его, всей плюсной, по-человечьи; люди эти жили в лесу, ни с кем не знались и были не хлебосольны, не гостеприимны. Однажды зашёл к ним какой-то благочестивый старец, постник и сухоядец и, постучавшись тщетно сподряд у всех ворот, прошёл всё село из края в край, отряс прах с ног своих и проклял недобрых хозяев, велев им жить отныне в берлогах. Собака, по такой же сказке, также была человеком; но обращена в пса за обжорливость свою. Пчела просила себе смертоносное для человека жало; оно дано ей, но только с обратным условием: оно смертоносно для неё же самой. Известный древний мудрец, начальствовавший всеми животными, послал ворону, которая случилась у него на вестях, чтобы она привела лучшего певчего: старику хотелось уснуть под сладкие песни. Но он уснул, не дождавшись песен, и проснулся в испуге от страшного карканья: ворона привела ему целое гнездо воронёнков, извиняясь тем, что лучших певчих нельзя было сыскать во всей поднебесной. Есть даже несколько длинных и довольно складных сказок, принадлежащих сюда же, как напр., сказка о Георгии храбром и о волке; Езопова басня о куре и лисе, которая известна едва ли не у всех народов; равно и сказка о Лисе Патрикеевне, которая морочит волка, медведя и многих других животных, промышляя на их счёт. Эта замечательная сказка, отысканная в древних рукописях на французском и немецком языках, живёт доныне в преданиях всех почти европейских народов и пересказывается, между прочим, также у нас, на Руси и на Украине, с небольшими только отменами против той, которую обработал Гёте.

Есть поверье или рассказ о том, что означают видимые на луне пятна: туда посажены навсегда братоубийца и жертва его, в том самом положении, как преступление было совершено: и воображение народа видит на луне двух людей, из коих один закалывает другого вилами. Другие уверяют, что это Каин и Авель.

О ласточках говорят, что они чириканьем своим пре-

достерегали Спасителя от преследователей Его, а воробьи предали Его, крича: *жив, жив,* за что у воробьёв ноги связаны невидимыми путами, и птица эта не может переступать, а только прыгать. Есть также предание, что ласточки крали у римлян гвозди, коими распинали Христа, а воробьи отыскивали их и опять приносили. Поэтому ласточек, по народному мнению, грешно бить или разорять их гнёзда.

О громе говорят, что это Илья пророк ездит по небу в огненной колеснице, поражая стрелою дьявола, а тот прячется за людей. Суеверие это подтверждается частью находимыми в песчаных местах громовыми стрелами, похожими с виду на минерал, известный под названием *чёртов палец.* Дело в том, что от удара молнии в песок действительно он сплавляется в виде сучковатых сосулек. Стрелы эти, между прочим, окачиваются водой, коею поят больных от колотья.

Зеркало, как дивная для простолюдина вещь, подало раскольникам повод к особой сказке: какой-то пустынник, не устояв противу соблазна дьявола, возмечтал о себе столь нелепо, что вздумал свататься на какой-то царской дочери. Царевна, по девичьим причудам, отвечала: если он достанет мне ту вещь, которую по всему царству не могли найти, вещь, в которую бы я могла видеть себя чище, чем в воде, то выйду за него. Пустынник пошёл стараться и наткнулся путём на порожнюю избушку, в которой чёрт отозвался ему, сказав, что попал в рукомойник, заперт и заговорён в нём каким-то стариком, и что готов отслужить какую угодно службу тому, кто его выпустит. Порядившись с ним на ту затейливую вещь, которую требовала царевна, пустынник снял деревянный крест, которым накрыт был глиняный висячий рукомойник, чёрт выскочил, встряхнулся, сделал и подал старику зеркало, которое этот отнёс царевне. По словам некоторых, он женился на ней, но был наказан тем, что видел всюду двойника своего, который не давал ему ни днём, ни ночью покоя и замучил его до смерти; а по словам других, старик покаялся до свадьбы, смирился и ушёл навсегда опять в пустыню. По сей причине у

раскольников и поныне зеркало есть вещь запрещённая, созданная дьяволом.

В местах, где есть мамонтовые кости, жители не знают и не могут постигнуть, чтобы это были остатки допотопного животного; а потому и сложили повесть о подземном слоне, который живёт и роется всегда под землёй как крот, никогда не выходит наружу, а только по смерти своей случайно попадается, потому что земля изрыгает кости его. Предание о волотах или великанах и о находимых костях их, без всякого сомнения, также основано на ископаемых костях различных животных.

Беда не по лесу ходит, по людям, а как пойдёт беда, растворяй ворота, никогда одной бедой не кончится. Это поверье основано на случайностях, служивших поводом к изобретению его. Но есть кроме того поэтическое поверье в *бедовиков,* несчастных на все руки, или *бедокуров;* к чему бы такой человек ни прикоснулся, от этого ожидают только худого; его жалеют, его не хотят обидеть, но всяк сам себе ближе, и бедняка не менее того выпроваживают за порог, если он куда зайдёт, не держат в одной рабочей артели, не дают никуда приткнуться, даже не смеют подать помощи, опасаясь вреда для себя и для других. Жалкое заблужденье это так упорно, что его иногда ничем нельзя победить.

Привязанность к прадедовским обычаям, от коих так трудно отстать народу, и страсть рядиться и красоваться подавали в купеческом сословии нашем повод к забавным явлениям: так напр., купчиха, не устоявшая противу искушения одеваться заживо в немецкое платье, успокаивала совесть свою завещанием, чтобы её похоронили в русском сарафане.

В числе сказок о нечистом, находим также определение различия между многими именованиями его: чёрт *смущает,* бес *подстрекает,* дьявол *нудит*, сатана *творит лживые чудеса* для соблазна.

Есть сказка о блаженных островах Макарийских, где сытовые реки, кисельные берега, или молочные реки, медовые берега; девка выйдет, одним концом коромысла ударит, готовый холст подымет; другим зачерпнёт,

нитки жемчуга вытянет; стоит там и берёза золотые сучья; и корова, на одном рогу баня, на другом котёл; олень с финиковым деревом на лбу, и птица сирин, иначе райская, перья непостижимой красоты, пение обаятельное, лик человеческий, и пр.

Поверье о неразменном или неизводном рубле, который можно достать у нечистого, продав ему на перекрёстке в полночь жареного в перьях гусака, рассказывается различным образом и принадлежит к тем же сказочным вымыслам, принимаемым тут и там за наличную монету, и также распространено у различных народов, напр., в Германии.

В числе, так называемых, лубочных картин, которые ныне уже начинают делаться редкостью, и без цензуры не печатаются, есть, кроме изображения помянутого сирина, известная космография, где расписаны все баснословные, сказочные страны, люди с пёсьими головами, блаженные острова Макарийские и много других чудес. Об этом листе была, помнится, когда-то статья в «Телеграфе». На другом листе находим мы изображение людей дивных или диких, найденных Александром Македонским внутри гор Рифейских: это люди одноногие, трёхрукие, одноглазые, двуносые и пр. Все они выходят навстречу герою-победителю, коему предшествует пеший ратник в полном вооружении.

Всем известно довольно загадочное явление, что в Москве нет сорок; народное поверье изгнало их за 40 вёрст из Москвы; но они есть гораздо ближе, хотя, сколько мне известно, никто не видал, чтобы сорока залетала в самую Москву. На это сложено несколько поэтических сказок; Москва основана на том месте, где убит боярин Кучка; его предала сорока неуместным сокотаньем своим, когда он спрятался под кустом; он её проклял умирая, и сороки исчезли оттуда навсегда. Другие говорят, что сорока унесла с окна последний кусок сыра у одного старца, угодного небесам; он её проклял за это и изгнал из округа.

Третьи сказывают, и это предание сохранилось в народных песнях, что Маринка Мнишек, будучи ведь-

мой, перекинулась в сороку, когда пришлось ей худо, и вылетела из окна терема своего; за это сорока была проклята в то время и не смеет явиться в Москву.

Есть ещё довольно сложное и старинное поверье о *василиске,* который родится из петушьего яйца. Заметив, что курица иногда сдуру силится запеть петухом, люди из этого заключили, что и петух может иногда прикинуться курицей и снести яичко. Это яйцо кругленькое, маленькое, называется *спорышек,* и в сущности есть не иное что, как выносок куриный, т.е. уродливое яичко, как говорят, последнее, когда курица перестаёт нестись. Народ иногда утверждает, не знаю по каким приметам, что это яйцо петушье: что петухам во сто лет разрешено снести одно только такое яйцо; а если девка поносит его шесть недель под мышкой, то из него вылупится василиск. Об этом василиске есть множество рассказов: он делается оборотнем, или соединяется со злым человеком, с колдуном, и невидимо в нём живёт; он вообще исполняет все приказания мачехи своей, выносившей его под мышкой, приносит ей золото, мстит за неё тем, на кого она зла, даёт ей разные вести и пр. Может быть, поверье или сказка эта в связи с преданиями о сожительстве женщин с нечистым духом, со змиями огненными, летучими и другого разбора. Ведьма, по мнению некоторых, есть именно плод подобного супружества, а сказка о Тугарине Змеевиче и ей подобные суть уродливые порождения разгула народного воображения, настроенного на этот лад. Кирша Данилов рассказывает один из подобных случаев, о рождении Волхва Всеславича, такими словами:

По саду саду, по зелёному, ходила, гуляла
Молода княжна Мария Всеславична:
Она с камня скочила на лютого на змея -

Обвивается лютый змей около чобота
зелень-сафьян,
Около чулочка шёлкова, хоботом бьёт по
белу стегну...

А в ту пору княжна понос понесла...
А и на небе просветил ясен месяц.

А в Киеве родился могуч-богатырь,
Как бы молодой Волхв Всеславьевич:
Подрожала мать-сыра земля,
Стряслося словно царство индейское,
А и сине море всколебалося
Для ради рожденья богатырского...

У нас осталось ещё предание, в поговорке: *обвести мёртвою рукою.* Суеверье говорит, что если сонного обвести рукою мертвеца, то человек спит непробудным, мёртвым сном. На этом основании воры нашивали с собою руку мертвеца, и, вломившись тихонько в избу, усыпляли этою рукою, по убеждению своему, тех, кого хотели обокрасть. К сожалению, даже и новейшее суеверное мошенничество прибегало изредка к этому средству, и воры разрывали для этого могилу.

Русские литейщики, собираясь отлить какую-нибудь значительную вещь, напр., колокол, стараются отвлечь внимание праздной и докучливой толпы от своей работы какой-нибудь новостью, выдумкой или вестью, которую молва пускает по городу. Мастера уверены, что отливка от этого лучше удаётся, и в колоколе не будет пузырей. Таким же точно образом тщательно скрывают день и час родов, отвлекая иногда внимание соседей какими-нибудь сказками и заставляя даже домашних отлучиться на это время, под произвольно придуманными предлогами. Этот обычай, впрочем, полезен, потому что всякий лишний человек при подобном деле помеха. По той же причине родильниц уводят тайком в баню, чтобы избежать в тесном доме помех и свидетелей; но топить в это время баню и душить роженицу на полке, в страшном жаре, есть обычай невежественный и вредный.

XIV

ПРИВИДЕНИЯ

Все поверья о привидениях, мертвецах и вообще о взаимных сношениях двух миров, видимого и незримого, вещественного и духовного, составляют смешанный

ряд преданий и рассказов, принадлежащих, может быть, ко всем видам принятого нами разделения поверий. Эта статья до того обширна, что из неё можно бы составить десятки томов; постараемся объясниться на нескольких страничках.

Под словом *видение* разумеем мы такое явление, такой видимый предмет, который предстал глазам нашим необыкновенным, сверхъестественным образом, т.е. необъяснимым, по известным нам доселе законам природы. Подразумевается, что человек видит явившееся не во сне, а наяву; что сверх того, видение это, по крайности, большею частью не вещественное, неосязаемо для рук, хотя и видимо для глаз; словом, что оно занимает какую-то неопределённую средину между плотским и бесплотным миром. Видения эти большею частью основаны на явлении тени или духа, как выражаются, т.е. человека, уже отшедшего в вечность и снова принявшего плотской, видимый образ, и в этом-то смысле видение получает более точное, определительное название *привидения.* Впрочем, есть и видения другого рода, бесконечно разнообразные, как самое воображение человека.

Ум, разум и рассудок наш решительно противятся тому, чтобы допустить возможность или сбыточность видений. Частного, таинственного свидетельства небольшого числа людей слишком недостаточно для изнасилования нашего здравого ума и для вынуждения из нас веры, вопреки убеждению; мы слишком хорошо знаем, что чувства наши и воображение несравненно легче и чаще подвергаются обману, чем здравый смысл наш и рассудок. В деле такого рода, конечно, вернее видеть и не верить, чем верить не видавши. Мы не смеем утверждать, чтобы душа наша ни под какими условиями не могла войти в духовные связи с бесплотным миром, не смеем потому, что у нас нет к тому достаточных доказательств. Но спросим, могут ли сношения эти сопровождаться признаками вещественными? Каким образом душа, коей бренная плоть несомненно давно уже истлела, может облечься снова в ту же плоть, уничтоженную всевечными законами природы? А каким же обра-

зом плотское око наше может принять впечатление от чего-либо не вещественного, т.е. для него не существующего? Если допустить даже, что душа может быть приведена особыми обстоятельствами в восторженное состояние, в коем делается независимою от пяти чувств и превыше времени и пространства, что она в ясновидении своём созерцает в настоящем и прошедшее и будущее, то всё-таки этим ещё не будет разрешена загадка: каким образом являющийся нам дух может вызвать из праха истлевшую плоть свою или облечься в её подобие?

С другой стороны, мы видим, что чувства наши беспрестанно подвергаются обманам. Например: не слышим ли мы иногда внезапно звук, звон, свист, даже имя своё, между тем как всё около нас тихо, спокойно, и никто не звал нас и не свистал? Не видим ли мы иногда под дрёму, или впотьмах наяву, или забывшись и крепко задумавшись, такие предметы, каких около нас нет? Это происходит от двояких причин: какая-нибудь причина произвела волнение, переворот в крови нашей, от которого последовали на нервы зрения или слуха впечатления, сходные с действием зримого предмета или слышимого звука; тогда орган слуха или зрения передаёт впечатление это в общее чувствилище, и сие последнее бывает обмануто. В этом случае действие основано на вещественной, плотской половине нашего существа; но может быть и противный случай: воображение с такою живостью и убеждением представит себе какой-либо звук или предмет, что впечатления идут обратным порядком из общего чувствилища и до самых орудий чувств, производят там те же перемены, как и явления действительные, и мы опять-таки бываем обмануты.

Что сила воли и воображения производит в нас вещественные перемены, это доказать не мудрено, потому что мы видим это беспрестанно и на каждом шагу: вспомните только мнимобольных; кроме того, каждый из нас в состоянии силою воображения значительно участить биение сердца, если настроить себя умышленно, вообразив живо радость, гнев, беспокойство и пр. Также легко играть зеницей своей, расширяя и суживая её по произво-

лу, если, глядя на один и тот же предмет, воображать попеременно, что напрягаешь зрение для рассмотрения в подробности самого близкого предмета.

Бесспорно, что воображение наше сильно участвует во всех видениях. Вот почему люди нервические, или не привыкшие обуздывать своего воображения более дельным направлением, склонны к видениям. Вот почему мрак или полусвет, опутывая зрение наше непрободаемыми тенётами, бывают всегдашними спутниками видений. Ночная тишина, где каждый малейший шорох раздаётся иначе и громче, нежели днём; покой и сон, потёмки, сумерки, одиночество, настроенное воображение, неприятное и непривычное положение человека, временно лишённого одного из главнейших чувств своих, зрения; наконец, следующий за напряжениями тела и духа прилив крови к мозгу и к самым орудиям зрения, всё это в совокупности олицетворяет перед нами безличное и неодушевлённое, переносит картины воображения в окружающую нас туманную существенность. В других случаях, мы обращаем грёзы в видения; душа не распознаёт, при живости впечатления, минувшего от настоящего, и также бывает обманута. Это в особенности часто встречается у детей, прежде чем они научатся различать сон от действительности; а как и взрослые весьма часто в том или другом отношении походят на детей, то и они нередко поддаются тому же обману.

Если видения, привидения, духи во плоти, тени, призраки, живые мертвецы и пр. возможны, то многие из нас дали бы дорого за то, чтобы увидеть их и созерцать спокойным духом. Людей, кои постоянно видят разные видения или призраки, называют духовидцами. Есть особый ряд видений, по сказанию очевидцев, это *двойники,* т.е. человек видит самого себя, и тут народное поверье наше о домовом, который-де иногда одевается в хозяйское платье, садится на его место и пр., совпадает с распространённым по всей Европе, особенно северной, поверьем о двойнике. Иногда видят его также другие люди, но обыкновенно видишь его только сам; для прочих он невидимка. Если двойника застанешь у себя в комнате,

или вообще, если он предшествует человеку, идёт наперёд, то это означает близкую кончину; если же двойник идёт следом за хозяином, то обыкновенно намерен только предостеречь его. Есть люди, кои, по их уверению, почти беспрестанно видят своего двойника, и уже к этому привыкли. Этот непонятный для нас обман чувств чаще встречается между людьми средних и высших сословий, чем в простом народе.

Загадочная вещь, в царстве видений, это вещественные призраки, сопровождающие, по уверению многих, такие явления. Сюда принадлежат, например, трещины, кои старая, сухая деревянная утварь даёт внезапно, в предвещание бедствия, особенно смерти, или собственно в то мгновение, когда является призрак. В трещины эти, как в предвещание беды, верят почти все народы, и легко было бы набрать целые томы росказней о подобных происшествиях. Вероятнее всего, однако же, что внезапная и неожиданная трещина, иногда среди тихой и спокойной ночи, подаёт собственно повод к тем рассказам, кои сочиняются бессознательно разгорячённым воображением. Допустив возможность предчувствия в животных, в том смысле, как это было объяснено выше, мы, однако же, до крайности затрудняемся найти какую-либо связь между усыхающим от погоды стулом или шкапом и долготою дней его хозяина. Недавно ещё я видел разительный пример такой случайности: старинная мебель прошлых веков, простояв столько времени спокойно, внезапно и без всякой видимой причины, начала лопаться с ужасным треском. Без всякого сомнения, воздушные перемены были причиной этому явлению, и если бы наблюдать за сим внимательно, то вероятно это могло бы служить указаниями метеорологическими, имеющими одну только общую и отдалённую связь с долголетием человеческого рода.

Я видел однажды милое, желанное видение, которое не стану ближе описывать, видел очень ясно, и не менее того, не только теперь, но даже и в то же самое время очень хорошо понимал, как это сталось, и не думал искать тут ничего сверхъестественного. Воображение до

того живо представило себе знакомый лик, что бессознательно олицетворило его посредством обратного действия на чувства, и очи узрели снаружи то, что изваялось на глубине души...

Я ещё два раза в жизни своей видел замечательные привидения, и оба случая стоят того, чтобы их пересказать. Они пояснят несколько то, что сказал я об этом предмете вообще, то есть, что должно всякую вещь десять раз примерить и один раз отрезать!

Будучи ещё студентом, я жил в вышке или чердаке, где печь стояла посреди комнаты, у проходившей тут из нижнего жилья трубы. Кровать моя была в углу, насупротив двух небольших окон, а у печки стоял полный остов человеческий - так, что даже и в тёмную ночь я мог видеть с постели очерк этого остова, особенно против окна, на котором не было ни ставен, ни даже занавески. Просыпаюсь однажды заполночь, во время жестокой осенней бури; дождь и ветер хлещут в окна, и вся кровля трещит; ветер, попав видно где-нибудь в глухой переулок, завывает по-волчьи. Темь такая, что окна едва только отличаются от глухой стены. Я стал прислушиваться, где завывает так жестоко ветер, в трубе ли, или в сенях, и услышал с чрезвычайным изумлением совсем иное: бой маятника от стенных часов, коих у меня не было и никогда не бывало. Прислушиваюсь, протираю глаза и уши, привстаю, одно и то же; кругом всё темно, холодно, сыро, буря хлещет в окно, а где-то в комнате, по направлению к печи, мирно ходит маятник. Одумавшись хорошенько и сообразив, я встал и начал подходить на слух, медленно, шаг за шагом, к тому месту, где ходит маятник. В продолжение этого перепутья, короткого по расстоянию, но долгого, если не по времени, то по напряжению чувств, я ещё положительнее убедился в том, что слышу не во сне, а наяву, что маятник ходит мерно, звонко, ровно, хотя у меня стенных часов нет. При едва только заметном сумеречном отливе против окон, ощупью и на слух, дошёл я до самой печи и стоял ещё в большем недоумении, носом к носу с костяком своим, коего очерк мутно обозначался против белой

печи. Что тут делать и как быть? Маятник явным образом ходит в скелете; из него отдавались мерные удары, но движения незаметно никакого. Ближе, ближе носом к лицу его, чтобы рассмотреть впотьмах такое диво, как остов мой, с кем я давно уже жил в такой тесной дружбе, внезапно плюнул мне в лицо... Невольно отшатнувшись, я обтёрся рукою и удостоверился, что всё это было не воображение, а существенность: брызги, разлетевшиеся по лицу, были, точно, мокрые. Этим следовало бы кончить исследования, и я попросил бы вас переуверить меня, что я ошибся, что всё это было не то, и не так! Я стоял, всё ещё сложа руки перед постоянным товарищем, пялил глаза и прислушивался к мерным ударам маятника, который, однако же, вблизи стучал несколько глуше; но подумав ещё немного и не видя ни зги, я безотчётно протянул руку и погладил череп по лысине: тогда я вздохнул и улыбнулся, всё объяснилось. В кровле и потолке, подле трубы или печи, сделалась небольшая течь, капля по капле, на лысую, костяную, пустую и звонкую голову моего немого товарища!

Другой случай состоял в следующем:

Сидя вечером в кругу товарищей, я сказал, как пришлось к слову, что робость и пугливость не одно и то же: первое может быть основано на опасении, поселяемом в нас здравым рассудком; второе, напротив, есть склонность к страху безотчётному, а потому иногда и безрассудному; что, может быть, я иногда робок, но не пуглив, и не могу робеть, страшиться, или опасаться чего-нибудь, если опасение это не оправдывается моим рассудком. «Ну, ты в мертвецов веришь?» Верю в мёртвых. «А в живых?» Нет, не верю. «Стало быть, и не боишься их?» И не боюсь; впрочем, если бы я и верил в мертвецов потвоему, то и тогда ещё не вижу, для чего их бояться. «А пойдёшь ли ты в полночь на кладбище?» Пожалуй, пойду. «Нет, не пойдёшь!» Нет, пойду! За спором дело стало, и решено было, чтобы мне идти, как пробьёт полночь, одному на кладбище, отстрогнуть щепочку от креста и принести её, и завтра всем вместе идти и примерить щепочку, для поверки дела.

Ночь была тёмная, до кладбища версты две, дорога под конец едва заметная; я сбился немного и не счёл за нужное отыскивать торную дорогу, а пошёл знакомым путём вперевал, по направлению, где против неба темнела едва заметно кладбищенская церковь. Прихожу ко рву, окружающему кладбище, перескакиваю его; ножичек у меня в руках и я хочу уже отстрогнуть щепочку от первого пошатнувшегося в сторону креста, но мне показалось, что завтра осмеют меня, скажут: рад, что добрался, небось, не прошёл дальше! - и я стал подвигаться ощупью вперёд, спотыкаясь между могил, ям, кустов, камней и разрушенных памятников. В это время, помню, родилось во мне двоякое опасение, ускорившее, при таких обстоятельствах, биение сердца и дыхание: первое, чтобы товарищи не вздумали подшутить надо мною и не сделали какой-нибудь глупости; второе, чтобы какой-нибудь сторож не принял меня за вора и не вздумал бы, выскочив внезапно сбоку, прежде всего поколотить меня порядком, чтобы, может быть, потом уже, за вторым приёмом, допросить, кто я и зачем пришёл. Первое опасение устранилось, однако же, тем, что сидевшие со мною товарищи не могли опередить меня на этом пути, а второе тем, что сторожа, конечно, теперь все спят и мне только не должно шуметь. Во всяком случае, я, скрепив сердце, дал себе слово быть спокойным, рассудительным и хладнокровным, не пугаться, что бы ни случилось. Глупое сердце продолжало стучать вслух, хотя, право, не знаю о чём и почто.

Вдруг я слышу подземный глухой стук, удара два, три сряду. Я остановился: через несколько секунд повторилось то же, потом ещё раз, а потом раздался слабый подземный стон или вздох. Всё это, сколько я мог заключить, полагаясь на слух свой, происходило в самом близком расстоянии от меня и притом именно «под землёй». После нескольких секунд молчания и нескольких шагов моих вперёд, повторилось опять то же; но подземные удары были звучнее и до того сильны, что мне показалось, будто земля подо мною дрогнула; стон, довольно внятный, исходил из земли и, бесспорно, от мертвеца.

Если бы я кончил похождение своё на этой точке, то уже и этого было бы довольно, и я бы, конечно, поныне мог бы вам только божиться по совести, что всё это точно святая истина и действительно так со мною случилось... но дело зашло ещё дальше: я опять подвинулся несколько шагов вперёд, по тому направлению, откуда звук до меня доходил, прислушивался и всё подвигался ощупью вперёд. Внезапно стук этот очутился почти подо мною, у самых ног; что-то охнуло, закашляло; земля вскрылась и расступилась; меня обдало, обсыпало землёй, и мертвец в белом саване медленно потянулся из могилы, прямо передо мной, никак не далее двух шагов... Кончим на этом; примите от меня совестливое уверение, что всё это случилось точно таким образом, как я описываю, и скажите после этого, есть ли привидения и живые мертвецы, или их нет?

Я остановился и глядел во все глаза на мертвеца, у которого в руках увидел я, несмотря на потёмки, заступ. Я не думал и не мог бежать, а стоял, растерявшись и не зная, что именно делать. Помню, что я хотел завести разговор с покойником, но по незнакомству с ним не знал, с чего начать, чтобы не сказать ему какой-нибудь глупости. К счастью, он вывел меня из этого тягостного положения, спросив сам первый: «Кто такой ходит тут, зачем?» Эти слова возвратили мне память и объяснили вдруг всё. - Да я, любезный, не попаду на дорогу, сбился, от берега, где и канавы не заметил, и не знаю куда выйти. - «А вот сюда ступайте, вот!» - Да ты что же тут делаешь? «Известно что, копаем могилу». - Для чего же ночью? «А когда же больше? Как с вечера закажут, чтобы к утру готова была, так когда же копать её, как не ночью?»

Вот всё, что я по собственному опыту могу сказать об этом предмете. Я бы мог рассказать ещё кучу подобных приключений, наприм., как один офицер искрошил в ночи саблей, вместо привидения, белый канифасный халат свой, висевший на гвозде, на который надета была ещё и шапка; как привидения ходят за любовными приключениями, или просто на какой-нибудь промысел, пользуясь робостью хозяина; но всё это известно и при-

том, конечно, ничего не доказывает; надобно каждому предоставить веру в собственное своё убеждение, которое, однако же, тогда только может иметь место, когда оно основано на собственном, безошибочном опыте, и когда опыт этот, как в приведённых мною случаях, доведён до конца.

Недавно ещё рассказывали мне, поставив и свидетелей, следующее: хозяин, прохаживаясь в сумерки в зале, услышал и увидел в окно, что на двор прикатила карета четвернёй. Он заглянул в гостиную и сказал жене: приготовься принять гостей: кто-то приехал. Но как всё оставалось по-прежнему тихо и спокойно и никто не входил, то хозяин выглянул в переднюю: покойная бабушка его стояла там у дверей, но исчезла в ту же минуту; пол под нею треснул, а карета покатила со двора, по направлению к кладбищу. Иные прибавляли ещё к этому, что посторонние люди видели, как карета исчезла в самой ограде погоста. Что прикажете сделать из такого рассказа? Если бабушка могла воротиться с того света, то где и как успела она собрать всю упряжь свою, карету, лошадей и кучеров, которые, конечно, не были ею взяты с собою на тот свет? Не короче ли предположить, что добрый хозяин, внук или сын, задумался о бабушке, которой с недавнего времени не стало в доме, и что он увидел её не плотскими глазами своими, а оком души?

О двойниках, предвещающих кончину, говорят почти всюду и во всех землях. Известно, что горным шотландцам приписывают способность видеть двойников в высшей степени. Если объяснить явление это языком магнетизёров, то явление двойника значит, что душа наша получила возможность, как бы отделившись от тела, созерцать его вне себя, со стороны. Это довольно тёмно, хотя и несколько понятнее, чем явление покойников.

Может быть, некоторые читатели слышали, что рассказывают многие из современников наших, как очевидцы, о смерти довольно известного в кругу своём человека. Он был начальник учебного заведения; дети, в хороший зимний день, кажется, в сочельник перед Рождеством, бегали по саду, где лежал глубокий снег и были

расчищены только три дорожки, в виде П. Несколько молодых людей сидели на скамье и, увидав подходящего к ним со стороны здания начальника, привстали; он прошёл, но не успели они оглянуться, как увидели его вторично, идущего тем же путём, по тому же направлению, тем же мерным шагом и точно в таком же положении. С крайним изумлением они снова ему поклонились; он поздоровался с ними и обошёл кругом дорожек. Двойники так быстро прошли один за другим, что не было никакой возможности допустить, будто старик сделал круг и обошёл вторично. Дети изумлялись и перешёптывались весь день; что происходило в душе старика, никому неизвестно; но он на другой же день в какой-то припадке лишил себя жизни. Случай этот весьма замечателен тем, что несколько посторонних свидетелей единогласно утверждают сказанное нами и убеждены в том, что сами видели двойника. При таких обстоятельствах остаётся только пожать плечами и предоставить дело на совесть каждого.

XV

КЛАДЫ

Сюда же, к этому же разряду поэзии народной и игры воображения, принадлежит целый ряд сказок и поверьев о цвете папоротника, который-де цветёт ночью на Иванов день. Этот небывалый цвет (папоротник тайниковое, бесцветное растение) почитается ключом колдовства и волшебной силы, в особенности же для отыскания кладов: где только зацветёт папоротник в полночь красным огнём, там лежит клад; а кто сорвёт цвет папоротника, тот добыл ключ для подъёма всякого клада, который без этого редко кому даётся.

Предмет этот, о кладах, богат поверьями всякого рода. С суевериями о кладах связывается и много сказок и преданий; у каждого края свой герой или разбойник прежних лет, коему приписываются все находимые и искомые клады. В восточных губерниях клады принадлежат Пугачёву, на Волге - Стеньке Разину, на Украине - Гаркуше, в средней России - Кудеяру и проч. клад вообще

не всякому даётся; хозяин клада, по смерти своей, бродит тихо вокруг и бережёт его строго и чутко: либо вовсе не найдёшь, либо и найдёшь, да не возьмёшь, не дастся в руки; не подымешь по тяжести; обмираешь, как тронешь, ровно кто тебе руки и ноги перебьёт; кружишь на этом месте и не выйдешь, ровно леший обошёл, поколе не положишь клад опять на место; или, если клад под землёй, в подвале, глубокой яме, то взявший его не вылезет никак, перед тобою земля смыкается, железные двери с запорами затворяются; либо выскочит откуда ни возьмётся невидимка, схватит и держит на месте, покуда не выпустишь из рук клада; либо навалится на плечо ровно гора, так что и языка не повернуть; либо ноги подкосятся, либо станут, упрутся, словно приросли к земле; или, если и возьмёшь клад и унесёшь, то сколько ни носишь его домой, берёшь золото, а принесёшь черепки; или же, наконец, возьмёшь, да и сам не рад: вся семья сподряд вымрет. Всё это от того, что клад кладётся *со свинцом* или с зароком, что клад бывает всегда почти заповедный и даётся тому только, кто исполнит зарок; избавляет же от этой обязанности только цвет папоротника или разрыв - прыгун - скакун - плакун - или спрыг-трава, железняк или кочедыжник; папоротнику и плакуну повинуются все духи, а прыгун ломает замки и запоры, побеждая всякое препятствие. Иногда клад бродит не только свечой, огоньком, но даже каким-нибудь животным или человеком; если, догадавшись, ударить его наотмашь и сказать: аминь, аминь, рассыпься, то перед тобою очутится кубышка с деньгами. Во время выемки клада приключаются разные страсти, и черти пугают и терзают искателя. Брать взаймы у клада иногда можно, если он даст, но к сроку принеси, иначе постигнет беда большая. Можно также менять деньги у клада и при этом даже иногда обсчитывать его, положив то же число монет, меньшей ценности.

У нас почти всюду есть много рассказов и преданий о кладах, а Саратовская губерния, где волжские вольницы зарывали когда-то свои награбленные богатства, едва ли не богаче прочих подобными воспоминаниями. Мы упо-

мянули, что клад даётся *со словцом* или *по завету*: это значит, что кто его зарывает, тот должен во всё время причитывать вслух, какой зарок на него кладёт: напр., семидневный пост, а затем рыть голыми руками, на молодой месяц, или на разрыв-траву и проч. Один человек зарывал клад, приговаривая: «на три головы молодецких»; стало быть, клад не дастся никому, если не поклониться ему тремя головами молодецкими; а другой бродяга, сидя случайно тут же в дупле, подслушал его и переговаривал каждый раз: «на три кола осиновых». Клад слушается всегда последнего заговора; посему, когда хозяин ушёл, а подсидевший его вырубил три осиновые кола и поклонился ими кладу, то и взял его преспокойно. Есть также заговоры, во всём похожие на прочие заговоры, как для укладки клада, так и для развязки его.

В одном месте Рязанской губернии, где исконное поверье искало кладов, уверяя, что целовальник рязанский встретил земляка в Сибири, в ссылке, и узнал от него тайну нескольких кладов, получив и запись с приметами, где они лежат, люди с седыми бородами рассказывали вот что: «Я рубил в лесу жерди, привязав лошадь к дереву; вдруг вижу: под деревом высыпан из земли и уже порос травой и мохом крест; я вспомнил, что это была одна из примет, и выхватил топор, чтобы натюкать на деревьях зарубки; вдруг как понесёт моя лошадь, сорвавшись, как загремит, я за ней, за ней, а она дальше, дальше, затихла и пропала; я воротился, а она стоит привязанная, где была, а места того, где высыпан крест, не нашёл, хоть сто раз был опять в лесу да искал нарочно». Другой рассказывал так: «И я по дрова ездил, да нашёл на знакомом месте, где сто раз бывал и ничего не видал, погреб: яма в полчеловека, в пояс, а на дне устлана накатом, который уже порос травой и мхом, да кой-где доска прогнила, провалилась. Подумав немного и оглянувшись, да опознавшись ещё раз на месте, я спустился в яму; только что я было припал, да стал заглядывать в провалы, как меня хватит кто-то вдоль спины хворостиной, так я насилу выскочил да бежать, а он всё за мной, до

самой дороги! Я на другой день показывал хозяйке своей синевицы на спине».

Третьему рязанцу посчастливилось лучше: он без больших хлопот у себя дома под углом нашёл съеденный ржавчиной чугунчик, в коем было с пригоршню серебряных монет. Их купил г. Надеждин, а описал г. Григорьев, в Одессе; это были замечательные арабские монеты IX до XI века.

Весьма нередко клад служит защитою для скрытия важных преступлений. В одной из подмосковных губерний у помещика был довольно плохой, в хозяйственном отношении, крестьянин, один из тех, кому ничего не даётся: хлеб у него всегда хуже чём у прочих; коли волк зарежет телят, либо порвёт жеребёнка, так верно у него же; словом, и скот не держится, и счастья нет, и ничем не разживётся. По этому поводу, помещик посадил его в постоялый двор, или в дворники, для поправки хозяйства. Впрочем, это был мужик смирный, трезвый и худа никакого за ним не слыхать было.

Вскоре он, точно, поправился, и даже слишком скоро. Он уплатил долги, купил скота, стал щеголять, наряжать жену в шёлк и проч. Помещику это показалось подозрительно, и после строгих допросов, на основании разнёсшихся слухов, дворник признался, что ему дался клад: «Я вышел ночью, услыхав проезжих извозчиков, и увидал за оврагом, по ту сторону ручья, в лесу небольшой свет. Я спустился, подошёл тихонько и вижу, что два человека с фонарём делят меж собою клад. Увидав меня нечаянно, они было хотели бежать, после хотели убить меня, а, наконец, поделились со мною, отсыпав мне полную шапку целковых, с тем, чтобы я никому ни слова не говорил». Всё это, конечно, много походило на сказку, тем более, что мужик сбивался и не мог дать толком отчёт, когда заставили его показать на месте, где именно вырыт клад; но других подозрений не было, молва уверяла, что дворник разжился от клада, сам он сознался в том же, и дело было оставлено.

К осени барин хотел перестроить постоялый двор, который был плох и в особенности тесен и неопрятен, но

дворник под разными предлогами отговаривал барина, да и вперёд, когда об этом заходила речь, убеждал его не трогать двора, каков он есть. «Что мне, - говорил он, - в господах: я господ не люблю пускать; за ними только хлопот много, а выгоды нет никакой: стаканчик сливок возьмут, да раз десять воды горячей поставить велят, да целую половину и займут; я, благодаря Бога, разжился от извозчиков, которые берут овёс да сено; а с них будет и этой избы; им где ни свалиться, только бы лошадь накормить».

Удерживая такими уловками барина от перестройки двора, мужик через год или два умер. Весь околоток знал, что он разбогател от клада, и во всякой деревне рассказывали по-своему, как это случилось; но барин приступил к перестройке избы, и совсем неожиданно нашёл клад другого рода: под печью, едва прикрыты землёй, лежали два человеческие остова с проломленными черепами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Орест Михайлович Сомов родился 10 декабря 1793 года в г. Волчанске Слободско-Украинской губернии (ныне - Харьковской области). В 1809 г. поступил в Харьковский университет. В 1816 г. в «Украинском вестнике» напечатал свои первые стихи. Переводчик, литературный и театральный критик. Дворянин. Славу писателя приобрёл в Петербурге. Его литературные и дружеские связи - Грибоедов и Пушкин, Рылеев и Бестужев, Гоголь и Дельвиг... Сомов защищал от нападок «Горе от ума» и поддерживал молодого Гоголя. Редактировал «Литературную газету». Печатал свои произведения в изданиях Булгарина и Греча.

Для прозы Сомова характерны обращения к фольклору и этнографические подробности. Он открыл в русской литературе мир малороссийских легенд, в чём-то предваряя произведения Гоголя. Сказовая фантастика Сомова как бы включается в реальный мир, наделённый достоверными деталями, и от этого воспринимается правдоподобной.

Сомов играл огромную роль в становлении русской литературы начала XIX века.

Умер Орест Михайлович 27 мая 1833 года в Петербурге.

В советское время выпущено две книги О.М. Сомова, его произведения включены также в несколько сборников.

Сказки «Русалка», «Оборотень», «Кикимора» печатаются по книге: Сомов О.М. «Были и небылицы». - М.: «Сов. Росс.», 1984 г. Сказки «Киевские ведьмы», «Купалов вечер», «Бродящий огонь», «Недобрый глаз» - Орест Сомов «Купалов вечер». - Киев: «Дніпро», 1991 г.

Русалка

* *Горпинка,* уменьшительное имени *Горпина* (Агриппина). Это имя в малороссийском наречии гораздо ближе к римскому своему корню, нежели Аграфена или Груша.

* *Дрибушки* - мелкие косы; *скиндячки* - ленты, повязываемые на голове.

* *За гонор* по-польски значит: *за честь.*

* *Сага* - залив реки. Слово малороссийское.

* Когда Малороссия находилась под властью поляков, тогда взаимная недоверчивость поляков и малороссиян, особливо в простом народе, была в самой сильной степени. Понятия религиозные подкрепляли сие неприязненное чувствование в тот век, не ознаменованный ещё, подобно нынешнему, веротерпением. *Католик* - было у малороссиян бранчивое слово, сделавшееся народным. И теперь ещё употребляется оно в том же смысле необразованными простолюдинами в Малороссии.

* Киев, по баснословным народным преданиям, искони славился своими ведьмами и колдунами не только в Малороссии, но и по всей России.

* *Фенна* - Феона, по малороссийскому выговору.

* *Девятисмерт,* или сорокопуд, небольшая птичка, весьма обыкновенная в лесах Малороссии. О ней говорят, будто бы она сперва убивает восемь насекомых и съедает уже девятое; отсюда происходит имя её - *девятисмерт.* Много есть и других суеверных рассказов об этой птице, которая занимает непоследнее место в *баснословной зоологии* малороссиян.

* *Пан-отче* - звательный падеж сложного слова пан-отец, которое малороссияне из учтивости говорят старшим летами или достоинством.

В собственном смысле оно соответствует русскому выражению государь-батюшка.

* *Русалка* - Простой народ в Малороссии думает, что русалки суть утопленницы и удавленницы, произвольно лишившие себя жизни. Одни говорят, что у русалок зелёные волосы, другие просто наряжают их в большие зелёные венки. Сочинитель принял последнее из сих поверий, а для отличия русалок, одних из них покрыл венками из осоки, других - венками из древесных ветвей. Разумеется, что первые из них утопленницы, а вторые удавленницы. Они, по мнению малороссиян, бегают по лесам на *зелёной* (т.е. Троицкой) *неделе,* аукают, качаются на деревьях, и если поймают живого человека, то щекочут его до смерти. Посему малороссияне боятся в продолжение сей недели откликаться на лесное ауканье.

* Луна, по малороссийскому поверью, есть *солнце утоп-*

ленников. Они выходят ночью из воды греться на лучах месяца, которым воображение малороссиян придало теплоту.

Оборотень

* Santa Hermandad, слово в слово: святое братство. Так назывались в Испании сыскные команды инквизиции.

* *Антидот* - противоядие (прим. ред.).

Киевские ведьмы

* *Подножек* (пидножок) раб, прислужник, припадающий к ногам.

Гетман Брюховецкий писал к царю Алексею Михайловичу: «Вашего царского пресветлого величества, благодателя мого милостивого верныи холоп и найнижний подножок пресветлого престола, боярин и гетман верного войска вашего царского пресветлого величества запорожского Ивашка Брюховецкий».

* *Кишень* - карман.

* *Крамарь* - мелочной торговец красным товаром.

* *Завзятость* - удальство, молодечество.

* *Перекупка* - рыночная торговка, продающая плоды, овощи и т.п. - *Перекупками* называются они потому, что покупают сии произведения дешёвою ценой у сельских жителей и продают дороже в городе.

* *Печёрск и Подол* - части города Киева.

* *Кныши* - род саек; *сластёны* - оладьи. *Черешни* - небольшие сливы, похожие на французские mirabelles и очень сладкие.

* *Ярчук* - собака, родившаяся с шестью пальцами и, по малороссийскому поверью, имеющая природный дар узнавать ведьм по духу, даже кусать их.

* *Кагал* - синагога или сборище.

* *Приспа* - завалина, земляная насыпь вокруг хаты.

* *Чёртов палец* - ископаемое, находимое весьма часто в Украине. Оно имеет вид конический и цветом похоже на нечистый янтарь.

* *Журавель* - малороссийская пляска, род длинного польского, только гораздо живее; танцуется попарно.

* *Гоцки* - гоц-гоц! Чоканье ногой об ногу.

* *Веселье* (висилье) - свадьба, свадебный пир.

* *Горлица и метелица* - малороссийские пляски; танцуются кадрилью.

* *Дудочка* - тоже пляска, живая и быстрая. По большей части две женщины танцуют её с одним мужчиной.

* *Сопелка* - дудка, свирель.

* *Бублики* - калачи или крендели.

* *Дзыга* - волчок или юла, игрушка.

* *Высоки скоки* - свадебная песня. - Заметим, что здесь предлог *в* заменяет предлог *у* русского языка.

* *Пекельный* - адский. *Пекло* - ад, от глагола: *пеку, печь* (по-малороссийски: *пекты*).

* *Родич* - родня, родственник.

Купалов вечер

* День Коляды был, по нашему счислению, 24 декабря; следовательно, среди зимы.

(Прим. О.М. Сомова)

Павел Владимирович Засодимский - прозаик, публицист, критик. Родился 1 ноября 1843 года в Великом Устюге Вологодской губернии. Дворянин. Писать начал с 9 лет. В 1863 году поступил на юридический факультет Петербургского университета, закончить который не смог в связи с отсутствием средств на обучение.

Произведения Засодимского проникнуты народнической идеологией, показывают тяжёлую жизнь народа: «Грешница», «Тёмные силы», «Хроника села Смурина», «Кто во что горазд», «Степные тайны», «По градам и весям», «Песня спета», «Перед потухшим камельком», «Спасайся, кто может!», «Грех»...

В 1891 году Засодимский за выступление на похоронах Шелгунова был выслан из Петербурга и долгое время находился под негласным надзором полиции.

В 70-х годах XIX века раскрылся талант Засодимского и как детского писателя: «Задушевные рассказы», «Бывальщины и сказки», «Свет и тени».

П.В. Засодимский скончался 4 мая 1912 года в Опеченском Посаде Новгородской губернии.

Сказка «Разрыв-трава» публикуется по книге «Русская литературная сказка». - М.: «Сов. Росс.», 1989 г.

Алексей Михайлович Ремизов один из крупнейших мастеров русской прозы. Он родился в Москве, в купеческой семье 24 июня 1877 года, а скончался 26 ноября 1957 года в Париже. Он автор романов «Пруд», «Часы» (1908 г.), повестей и рассказов «Серебряные ложки», «Чёртик» (1906 г.), «Святой вечер» (1908 г.), «Неуёмный бубен» (1909 г.), «Крестовые сёстры» (1910 г.) и т.д. Проза Ремизова проникнута причудливо-сказовой манерой повествования, она насыщена фантастикой, «видениями», гротеском. В некоторых своих произведениях Ремизов идеализирует старину, патриархальные начала. Перу писателя принадлежат и циклы литературных переработок апокрифов, житий, легенд. Ремизов пытался возродить старинный «лад русской речи», язык допетровской эпохи. Слово воспринималось им как некий «магический знак», «ключ» к таинственному миру древностей.

В годы эмиграции Ремизов написал несколько книг: «Взвихренная Русь» (1927 г.), «По карнизам» (1929 г.), «Подстриженными глазами» (1951 г.), «В розовом блеске» (1952 г.), «Иверень», «Огонь вещей. Сны и предсонья» (1954 г.), «Мартын Задека. Сонник» (1954 г.), «Легенды о царе Соломоне» (1957 г.), «Тристан и Изольда. Бова королевич» (1957 г.).

Цикл сказок «Посолонь» впервые опубликован в 1907 году. Это литературная обработка и переложение обрядов и игр русского календарного фольклора, детских игр и «считалок». Враждебный, пугающий мир силой мастерства писателя преображается в нечто светлое, подвластное добрым силам русского духа. В данном издании «Посолонь» публикуется по книге: Ремизов А. М. Неуёмный бубен. - Кишинёв: «Лит. артистикэ», 1988 г.

Посолонь

* *Посолонь* - по солнцу, по течению солнца. Церковнославянское слънъ (слонь), слънъ-це (слоньце), древнерусское сълънъ (солонь), сълънъ-це (солонь-це) - солнце, отсюда посълънъ (посолонь) - по солнцу. На Спиридона-поворота (12 декабря) солнце поворачивает на лето (зимний солоноворот) и ходит до Ивана Купалы (24 июня), с

Ивана Купала поворачивает на зиму (летний солоноворот).

Содержание книги делится на четыре части: весна, лето, осень, зима, - обнимает собою круглый год. Посолонь ведёт свою повесть рассказчик - «по камушкам Мальчика с пальчика», как солнце ходит: с весны на зиму.

I

* *Весна-красна.* Содержание «Весны» представляет мифологическую обработку детских игр («Красочки», «Кострома», «Кошки и мышки»), обряда кумовства - «крещения кукушки» («Кукушка») и игрушки («У лисы бал»). Игры, обряд, игрушки рассматриваются детскими глазками как живое и самостоятельно действующее.

* *Монашек* - беленький монашек - вестник Солнца. Монашек ходит по домам и раздаёт первые зелёные ветки - символ народившейся Весны. Благовещение.

* *Красочки,* или Краски, - игра. Играют в Красочки так: выбирают считалкой[1] (считают кому водить, т.е. быть главным лицом, начинать игру) Беса и Ангела, остальные называют себя каким-нибудь цветком; названия цветов объявляют Ангелу и Бесу, не говоря, кому какой цветок принадлежит. Ангел и Бес должны будут сами разобрать цветы. Сначала приходит Ангел, звонит, спрашивает цветок, потом приходит Бес, стучит, спрашивает цветок. Так, чередуясь, разбирают все цветы. Играющие составляют две партии - цветы Ангеловы и цветы Бесовы. Ангел приступает к исповеди, а Бес с своей партией искушает - рассмеивает. Вся игра в том и заключается, чтобы рассмеять: кто рассмеётся, тот идёт к Бесу.

Федя-Медя,
Съел медведя,
Продал душу
За лягушу,
Родивон,
Выди вон. (Прим. А. М. Ремизова.)

Красочки, краски - цветок, цветы. Говорят: идти по красочки, собирать красочки. Хлеб в краске - время цветения хлебов.

* *Вертушка* - те, кто вертится, кто на месте смирно минуты не посидит, непоседа, а также человек ветреный.

* *Пузичко* - животик.

* *Юлой юлят* - егозят, юла - волчок.

* *Гуготня* - хохот, писк, шушуканье, прыск сорвавшегося долго сдерживаемого смеха, все вместе.

* *Рогача-стрекоча* задавать - выверты, вывёртывать. Тут дело идёт о бесенятах рогатых. Известно, бесенята отскочат да боднут - такая у них игра. Рогач - ухват, рогачи - вилы. Стрекоча - стреконуть, скочить кузнечиком.

* *Да бегом горелками* - играющими в горелки.

* *Бес-зажига* - зачинатель; зажиг - зачин;

* *Кострома* - игра. Выбирают Кострому или кто-нибудь из взрослых разыгрывает Кострому, остальные берутся за руки, делая круг. В серёдку круга сажают Кострому и начинают ходить вокруг неё хороводом. Из хоровода кто-нибудь один (коновод или хороводница), а не все, допытывает у Костромы, что она делает? Кострома отвечает, - Кострома делает всё, что делает обыденно: Кострома встаёт, умывается, молится богу, вяжет чулок и т.д. и, как всякий, в свой черёд умирает. И когда Кострома умирает, ее с причитаниями несут мёртвую хоронить, но дорогой Кострома внезапно оживает. Вся суть игры в этом и заключается. Окончание игры - весёлая свалка.

Похороны Костромы, как обряд, совершался когда-то взрослыми. В Русальное заговенье на всехсвятской неделе (воскресенье перед Петровками) или на Троицу и Духов день делалось чучело из соломы и с причитаниями чучело хоронилось - топили его в реке или сжигали на костре. Кострому изображала иногда девушка, её раздевали и купали в воде. В Купальской обрядности рядом с куклой-женщиной (Купало, Марина-Марёна) употреблялась и мужская кукла (Ярило, Кострома, Кострубонько). Миф о Костроме-матери вышел из олицетворения хлебного зерна: зерно, похороненное в землю, оживает на воле в виде колоса. См.: Е.В. Аничков. Весенняя обрядовая песня на западе и у славян. СПб., 1903-1905.

Кострома - костёр - жёсткая кора конопли, костёр.

* *Лепуны-щекотуньи* - прозвище детворе. Лепуны - лепетать, лопотать; лепает - говорит кое-как.

* *Чувыркают-чивикают* - воробьиное щебетанье. В песне говорится:

Как на крыше, на повети,
Воробей чувыркал...

**Бросаются все взахлёс* - один за другим безостановочно. Наседая, вцепляются в Кострому удавкой - так, что ей уж никакими силами не выбраться из петли детских рук.

**Проходят калиновый мост.* - Калина - символ девичьей молодости; ходить по калиновому мосту - предаваться беззаветному веселью.

«Ой, нагнала лета мои на калиновом мосту;
Ой, вернитеся, вернитеся хоть на часок в гости!».

**Зеленей зеленятся* - зеленятся озимью; зеленя - озимь, зель в противоположность яровому (яри).

**По чёрным утолокам.* - Толока - пар, пустое поле.

**По пробойным тропам* - по торным тропам. Пробой - выбоина.

**Гиблое болото* - губящее, где погибло много народа.

**Лесонь-птица* - мифическая птица, живёт в лесу, там и гнездо вьёт, а уж начнёт петь, так поёт без просыпу. В заговоре от зубной боли «от зуб денной» говорится: «Лесонь-птица умолкает, умолкни у раба твоего зубы ночные, полуночные, денные, полуденные...» Лесонь-птица - птица лесная, как лесонь-добыча - лесная добыча.

**Егорий кнутом ударяет.* - Св. Георгий - скотопас, все звери у него под рукою. Егорий вешний - 23 апреля.

**Кошки и мышки* - игра известная. Выбирается Кошка и Мышка. Остальные берутся за руки и делают круг. В круг (на кон) пускается Кошка, а за кругом (за коном) бегает Мышка. У Кошки и у Мышки имеются условленные свои ворота, через которые можно им входить и выходить: одни пары играющих подымают руки только для Кошки, другие только для Мышки. Вся игра в том, чтобы Кошка поймала Мышку.

**Тащили кулёк с костяными зубами.* - Есть такое поверье, когда у детей выпадает зуб, следует его бросить под печку мышкам, говоря: «На тебе, мышка, зуб костяной, а дай мне железный».

**Заячьи ушки* - название ландышей.

**Громовая стрелка* - чёртов палец, сплав, который образуется от удара молнии в песчаную почву. Эта Громовая

стрелка ведёт мену с мышками: за зуб костяной даёт зуб железный. А уж мышки потом детям раздают. Вот почему мышки к Громовой стрелке и пробираются с кульком.

* *Свистуха* - непоседа.

* *Кот-Котонай* - Котофей. В песне:

Уж ты кот-котонай,
Уж ты серенький коток
Кудреватенький.

* *Строковат* - строка, насекомое из породы слепней, липнет к котам и кусает больно.

* *Гуси-лебеди* - игра. Выбирается Мать-гусыня и Волк. Остальные играющие, изображая стадо, бегут на выгон в поле. Потом, когда на зов матери гуси собираются домой уходить, все они перенимаются волком. Мать идёт выручать гусей и, найдя своих, нападает на Волка. Топят баню и моют Волка. Развязка самая шумная.

* *Черти бились на кулачки* - предрассветный сумрак - лисья темнота (полночь).

* *Рай-дерево* - название сирени.

* *Томновать* - томность, томный, - тосковать.

* *Девки-пустоволоски* - простоволоски, с непокрытой головой.

* *Бабы-самокрутки* - окрутившиеся своей волей, ведьмы.

* *Одолень-трава* - одолей трава - приворотная, одолевающая.

* *Водяники* - водяницы, русалки, утопленницы.

* *Кукушка.* - Можно заметить, что обрядовые действия, вырождаясь у взрослых, переходят к детям в виде игры. Так древние обряды Ивановского кумовства (на Ивана Купала) с завиванием венков, с сплетением травы, волос, с поцелуями и песнями перешли в игру «Крещение кукушки». Крестят кукушку на Николин день или на Вознесенье, на Семик и Троицу. Гурьбой отправляются дети в лес или рощу. Дорогой, отыскав траву-кукушку, наряжают её девочкой, а другую траву-кокуна мальчиком, обе травки кладут под берёзу, на сук вешают крестельник и, став друг против друга под крестом, кумятся: протягивают одна другой руку и, поцеловавшись, переменяют место, так трижды. Потом раскладывают костёр и готовят яичницу. Иногда на кумов-

стве завивают венки, через венки целуются, потом пускают венки на реку.

**Прилетел кулик из-за моря* - кулик прилетает 9 марта, на святые Сороки, на сорок мучеников. В этот день пекут жаворонков.

* *Кукушечье-горюшечье* - кукушка - символ тоскующей женщины.

* *Виловатая сосна* - развилистая.

* *На красе* - на басе, так что все только и любуются.

* *Гора-круча* - обрывистая гора.

* *Кукушка, кукушка, сколько годов мне осталось жить?* - Кукушка почитается имеющей влияние на судьбу человека, по её голосу можно узнать, сколько лет осталось жить.

* *Ворогуша* - веснуха, одна из сестёр-лихорадок, она садится в виде белого ночного мотылька на губы сонного и приносит ему болезнь. Ворогуша - ворогуха - ворожея. В Орловской губернии больного купают в отваре липового цвета. Снятую с него рубаху больной должен ранним утром отнести к речке, бросить её в воду и промолвить: «Матушка-ворогуша! на тебе рубашку с раба божьего, а ты от меня откачнись прочь!» Затем больной возвращается домой молча и не оглядываясь.

* *В петушках* - петушки - цветы травы, поднимающиеся из листа, будто петушиная шейка. Если взять траву и, зажав её в ладонях, приложить губы к большим пальцам и дуть, то можно прокукурекать не хуже молодого петуха.

* *Чирюкан* - сверчок, кузнечик.

* *У лисы бал* - деревянная игрушка. Десять фигурок укреплены на скрещении сдвигающихся и раздвигающихся дощечек-дранок. Когда дощечки раздвинуты, получается ряд фигурок: 1-2-1-2-1-2-1, а когда сдвинуты: 3-3-3-1. Читать надо строго, любовно и важно. Там, где звери собираются и переходят ров и вал, надо напустить страха: «сам с усам, сам с рогам». Рисунок художника М.В. Добужинского «У лисы бал» воспроизведён в «Золотом руне». Музыка к тексту - В.А. Сенилова.

2

* *Лето красное.* - Содержание «Лета» представляет мифологическую обработку детской игры («Калечина-Мале-

чина»), обряда опахивания («Чёрный петух»), купальской ночи («Купальские огни»), грозной воробьиной ночи («Воробьиная ночь»), обряда завивания бороды Велесу, Илии, Козлу («Борода»), легенды о Костроме. Сюда же входит рассказ «Богомолье» о Петьке.

* *Калечина-Малечина* - игра. Играют так: берут палочку, ставят торчком на указательный палец и, стараясь удержать её, приговаривают: «Калечина-Малечина, сколько часов до вечера?» И сам же держащий палочку отвечает: «Один, два, три, четыре...» На каком часе палочка с пальца свалится, столько часов, выходит, и остаётся до вечера.

Калечина-Малечина - тоненькая, как палочка, об одном глазе, об одной руке и об одной ноге. Калечина-Малечина - лесная. Братья её - семь ветров, а восьмой - витной вихрь - её друг сердечный, который и бьёт её, и треплет, и неверен, постылый. Целую ночь гуляет Калечина в лесу, а на день где-нибудь в плетне сидит и ждёт вечера, чтобы снова трепаться. И всякому, кто только ни спросит её о вечере, непременно скажет: так ждёт она с нетерпением вечера. Музыка к тексту написана В.А. Сениловым.

* *Курица со двора, Калечина в ворота* - с рассветом важно выступает курица из ворот на улицу, открывая день. Калечина, прогулявшая ночь, измызганная сигает в ворота.

«Ку-ри-ца со дво-ра»... - эту фразу надо читать медленно и важно, с приподнятой головой, изображая медлительностью курицын выход, и, сделав небольшую паузу, скороговоркой продолжать: «Калечина в ворота».

Точно так же и последние две фразы: «Ку-ри-ца в во-рота - Калечина со двора».

* *Вихорь витной* - свивающий, скручивающий.

* *Вир* - водоворот, крутень.

* *Тёмную нитку прядет* - ночь, ткущая тёмную ткань, - древний образ ночи, встречающийся в Гимнах Вед.

* *Чёрный петух* - сожжение чёрного петуха относится к обряду опахивания - очищения села от болезни и нечисти. Подробное и сравнительное исследование этого обряда в книге проф. Е.В. Аничкова «Весенняя обрядовая песня на западе и у славян», ч. I и II, Спб., 1903-1905. Чёрный петух - поглощает все болезни и нечисть, - символ всех зол и

напастей и самой Смерти в противоположность не чёрному, будимиру, который является символом воскресения, солнца.

* *От недели до недели* - с воскресенья до воскресенья, с седмицы до седмицы.

* *Алатырное* - бледно-янтарное; алатырь - легендарный краеседмицы угольный камень.

* *Пчёлка несёт праздники* - воск для церкви и мёд для пиров.

* *Коровья смерть* - чума на скот.

* *Веснянка-Подосенница* - весенняя и осенняя лихорадка.

* *Подтынница, Навозница, Веретенница, Болотница и др.* - название сорока сестёр-лихорадок.

* *Носить змеиного выползка* - помогает от лихорадки; носить надо месяц, не снимая ни на ночь, ни в бане; выползок - змеёныш, выползший из норы.

* *Спорыши* - петушиные яйца, если петух возьмётся яйца нести.

* *Стряпает из ребячьего сала свечу* - этой свечой можно усыпить; когда такая свеча зажжена, бери всё что угодно, никто не проснётся; сало надо обязательно из живого человека.

* *Золотой гриб* - помогает от всех болезней.

* *Курник* - курятник.

* *Мутовка* - палочка с рожками на конце для пахтанья, взболтки и чтобы мешать.

* *Шумя и качаясь* - очистительная сила огня.

* *С горящим угольком* - очистительная сила дыма. Такое же значение имеют качели.

* *Назём* - навоз.

* *На месяце подымал на вилы Каин Авеля* - народное объяснение лунных пятен.

* *Дыхал гарным петушиным духом* - горелым, пережжённым, выжженным огнём, гарью.

* *Надел на Алёну хомут* - испортил, наслав грудную болезнь: одышку, удушье.

* *Шаландать* - шататься, шалить; шаланда - парусное судно.

* *Вольготно* - хорошо, легко, удобно, свободно.

* *Умора* - умора да и только, т.е. такое состояние, при котором умираешь со смеха.

* *Купальские огни* - канун Иванова дня, с 23 на 24 июня.

* *Солнце заскалило зубы* - чёрт дочку замуж выдаёт, - так говорится, когда светит солнце и в то же время идёт дождь.

* *Чарая* - носящая в себе чары.

* *Навьё, навы* - мертвецы, покойники, выходцы с того света; нава - смерть.

* *Криксы-вараксы* - мифическое существо, олицетворение детского крика. Если ребенок кричит, надо нести его в курник и, качая, приговаривать: «Криксы-вараксы! идите вы за крутые горы, за тёмные лесы от младенца такого-то». Крикса - плакса. Варакса - пустомеля. Вараксать - вахлять, валять.

* *Зарочные три головы и т.д.* - зарекать, запрещать. Обыкновенно клады зарывались с зароком, чтобы, скажем, погибло три человека и сто воробьёв и тогда пускай даётся клад в руки.

* *Кулички* - кулича, выкорчёванный лес; поговорка возникла при первом корчевании, когда на таких выселках поселялись, и имелась в виду отдалённость. См.: Максимов С. Крылатые слова. СПб., 1890.

* *Чокнется* - чёк, бух, хлоп, стук, бряк, шлёп - звук удара.

* *Дуб-сорокавец* - древний дуб.

* *Скоропея* - скорпий, идол. Скоропит. Scorpio.

* *Гуш-гуш, хай-хай!* - восклицание на отогнание беса.

* *Облом* - нечистый, дьявол.

* *Неподтыканный* - независимый и неприкосновенный. Тронь-ка, попробуй, он тебе даст!

* *С мухой в носу* - колдун. В Белоруссии о колдуне говорят: «У него мухи в носе». Нечистая сила охотно превращается в мух. Выражение про человека, что он «с мухой» означает, что тот человек находится в опьянении. Водка - кровь Сатанина. См.: Тиханов П. Брянский говор. Сб. Отд. Рус. яз. и Словес. Имп. Акад. наук, т.LXXVI, N 4.

* *Приходи вчера* - говорит против действия живой злоехидной силы. См.: Максимов С. Крылатые слова.

* *Тихим походом* - ходом.

* *Обрада* - желанный.

* *Сорока-щектуха* - щекотуха. В одном заговоре говорится: «От всякой злой птицы, сороки-щектухи, от чёрного ворона».

* *Тихой поплынёй* - тихо плывя.

* *Вытарашка* - олицетворение любовной страсти, лишающей человека рассудка: её ничем не возьмёшь и в чёрную печь не угонишь, как выражается один заговор на присуху. См.: Зеленин Д. Отчёт о диалектологической поездке в Вятскую губернию. Сб. Отд. Рус. яз. и Словес. Имп. Акад. наук, т. LXXVI, N 2. Вытарашка - также название вечно тревожащегося, мечущегося человека.

* *Воробьиная ночь* - так называется грозная ночь с сплошной молнией, когда лишь под утро разражается ливень.

Эта ночь представляется воробьиной свадьбой, на которой невеста-воробушка перед венцом причитывает.

* *Копы* - копны.

* *В заводях* - заводь, затон - мелкий речной залив.

* *Кузнец Кузьма-Демьян.* - Брак представляется ковкою.

* *Воробушка* - олицетворение молний.

* *Узлюлёкнула* - воскликнула, возрыдала.

* *До любви* - досыта, до полного удовольствия.

* *Засвирило всё небо* - застонало.

* *Перекати-поле* - название растения; иначе - бабий ум, кучерявка.

* *Не разжалила* - не разжалобила.

* *Гнездо ремезово* - за искусство вить гнездо ремез зовётся первой пташкой у бога; гнездо кошелем.

* *Догорела страстная свеча* - четверговая, зажигается во время грозы, чтобы оградить дом от молнии.

* *Поросятки-викуны* - викать, визжать.

* *В падалках* - в упавших с дерева фруктах-скороспелках.

* *Борода.* - «Завивание бороды» Велесу (Волосу), Спасу Илье, Николе или Козлу - древний жатвенный языческий обряд, совершавшийся в последний день жатвы, называемый дожинками, зажинками, обжинками. См.: А.Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1866-1869. На Ильин день - 20 июля начинают зажинать рожь. Связь зажинок с Козлом - А.А. Потебня («Объяснения малорусских и сродных народных песен». Варшава, 1887)

объясняет тем, что по распространённому верованию почти всех европейских народов «душа нивы есть козло - или козообразное существо (как фавн, Сильван), преследуемое жнецами и скрывающееся в последний несжатый пук колосьев или в последний сноп».

* *Ильинский олень окунул рога в речке* - по народному поверью на Ильин день прибегает к реке олень и мочит свои рога и оттого вода холоднеет.

* *На все прилучья* - на все случаи.

* *Скоро-им-в-путь-опять* - такая же птичья скороговорка, как перепелиное: «спать-пора!» или «пить-пийдём!».

* *На красное годье* - время.

* *Нивка, отдай мою силу!* - «Нивка-нивка! отдай мою силку. Что я тебя жала, силку роняла!»

* *Пригудка* - прибаутка.

* *Горкуя голубем* - воркуя голубем.

* *От четырёх птиц - железных носов* - в одном охотничьем заговоре говорится: «Стоит в чистом поле дуб, на том дубе четыре птицы - железные носы».

* *Из-за тёмных каточин* - ложбин.

* *Купёна-лупёна* - волчья трава, сорочьи ягоды.

* *Вындрик-зверь.* - Индрик-зверь - мифический зверь, Индра, ходит под землёю, как солнце на небе.

В Голубиной книге рассказывается об этом звере, о властителе подземелья и подземных ключей, а также как о спасителе вселенной во время всемирной засухи, когда он рогом выкопал ключи и пустил воду по рекам и озёрам. Индрик угрожает своим поворотом всколебать всю землю. Так рассказывается о нём в древних стихах, но в более поздних христианских зверь укрощён: он живёт семьянином и молится богу, а от поворота его колышется только его родная гора, да кланяются ему прочие звери. Индрик-зверь - мать зверям. См.: П.А. Бессонов. Калики перехожие, т. I. М., 1861.

* *Кикимора* - существо проказливое, озорное. На севере любят Кикимору, и она дурного ничего не делает, там она почётная гостья: без неё и пир не в пир. На юге другое, там она родная сестра Полудницы, а Полудницы не очень-то ласковы. Встретишь Полудницу, она тебе загадку загнёт, да

такую, что век не разгадаешь. Ну и пропал - защекочет до смерти. См.: Ф.И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861; И.П. Сахаров. Сказание русского народа. СПб., 1885.

3

* *Осень тёмная.* Содержание «Осени»: богатая осень - «Бабье лето», рассказ «Змей», обряд «Разрешение пут». Заплачка невесты; протяжная осень - «Троецыпленница», сказка «Ночь тёмная» и «Снегурушка».

* *Бабье лето* - начало осени с Семёнова дня по Аспосов день (с 1-8 сентября), вообще же бабьим летом зовутся тёплые ясные дни осени.

* *Расторопица* - распутица, осенние и весенние грязи.

* *Сырым серебром* - старинное народное определение: «сыро серебро, сухо золото».

* *Едет по полю Егорий* - св. Георгий разъезжает на белом коне и раздаёт зверям наказы. Егорий холодный - 26 ноября (Юрьев день).

* *Вылынь* - волынать, выплывать.

* *Гомон* - гом, гам, громкий говор, крик, шум.

* *Житьё-бытьё испроведовать* - узнать, доведаться.

* *По-тёмному* - несправедливо.

* *Таратора* - тараторить - без умолку говорить; звукоподражательное слово.

* *Смертную рубашку* - рубашку на смерть, в которой в гроб лечь.

* *Батюшка-пещерник* - в пещере живёт.

* *Не выведешь монашкой* - монашка - угольная курильная свечка, зажигается эта свечка, чтобы воздух прочистить.

* *Пострел* - пострелёнок, непоседа, повеса, сорванец, сорвиголова.

* *Гулёна* - праздный, шатун.

* *Хвост зачиклечился* - если нитка или хвост бумажного змея за что-нибудь заденет и застрянет.

* *Разрешение пут* - северный обряд, олонецкий.

* *Пунтилей* - св. Пантелеймон.

* *Плача* - плач девушки перед замужеством, - с зырянского. См.: Г.С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. Спб., 1889.

**Троецыпленница*.* - Троецыпленница - курица, высидевшая три семьи цыплят - по три года парившая. Существует поверье, что такого рода курицу нужно непременно зарезать, причём есть её могут только «честные» вдовы. На обед с троецыпленницей допускается всего один мужчина, да и тому голову завязывают по-бабьи. Обряд «моления кур» - троецыпленница справляется 1 ноября в день Косьмы и Дамиана, - в курьи именины.

См.: Д. Зеленин. Отчёт о диалектологической поездке в Вятскую губернию.

* *С дерева листье опало* - опадение листьев - символ разлуки, потери.

* *Не состояться воде* - не просветлеть, не успокоиться.

* *Очертя голову* - отчаянно.

* *Без прилуки* - без приманки.

* *Бедовое время* - отчаянное время. Бедовое в таком же значении, как «бедовый человек».

* *В свины-поздни* - поздно.

* *Трубой ввалились* - разом.

**Хватавщина* - «хлебные панихиды», во время которых на особый столик кладутся блины и другие съестные приношения «на алчного, на жадного, на хватущего». По окончании церковного служения «алчные, жадные и хватущие» устремляются к столику и расхватывают приношения кто сколько может.

* *Семик* - древний праздник, празднуется в четверг на седьмой неделе по Пасхе; вся неделя называется Русальная, Зелёная, Клечальная. Вдовы на Семик собирают прошлогодние уцелевшие цветы.

См.: Д. Зеленин. Отчёт о диалектологической поездке в Вятскую губернию.

* *Разводили бабы бобы* - канителились.

* *Алалакают* - причитают.

**Ночь тёмная.* В этой сказке об Иване-царевиче и царевне Копчушке воспроизводится мотив о живом мертвеце, мотив очень древний, восходящий к древнеклассическому сказанию о Протозилае и Лаодамии. В русской литературе через бюргеровскую Ленору этот мотив разработан Жуковским в Людмиле, а в новейшее время Фёдор Сологуб восп-

роизводит его в трагедии «Дар мудрых пчёл». - Собрание сочинений. Изд. «Шиповник». т. VIII.

* *Хунды* - лихорадки (Белоруссия).

* *Гавкала* - тявкала, брехала, лаяла.

* *Шандырь-шептун* - колдун. Шандырь употребляется в детской считалке: «Шандырь-бандырь козу гнал, немец курицу украл» и т.д.

* *Пери да Мери, Шуды да Луды* - знакомые из считалки:

Перя-меря.
Шуда-луда.
Пята-сота.
Ива-дуб.
Клён кре.

* *Кок-Кокоряшка* - тоже из считалки:

Свистень-перстень.
Кок-кокоряшка.
Сизянка-полянка.
Кол-семикол.
О полицу лбом.

* *Стрекал* - сшибал, так что трескало.

* *«С гуся вода, с лебедя вода...* а с тебя, моё дитятко, вся худоба на пустой лес, на большую воду» (спрыскивание водой от глаза).

* *Украла язык* - испортила, сделала так, что Коза, подательница плодородия, уж не могла ничего говорить. Чтобы украсть у кого-нибудь язык, нужно только хватиться (прикоснуться) безымянным пальцем к сучку в половице или в стене, говоря заклинание.

* *Гремуч вир* - гремящий омут.

* *Чёртов лог* - чёртов овраг.

* *Ам!!! - съел.* - Эту фразу надо прочитать так, чтобы действительно слушатели забоялись, а для этого следует подготовлять предыдущими фразами и сразу после паузы: «ам!!!».

4

* *Зима лютая.* Зимнее время долгое - не очень побегаешь. Пришла Снегурушка, принесла первый белый снег, а за нею мороз идёт. И наступило на земле царство Корочуново с метелями и морозами - «Корочун». Кот Котофей Котофеич любит сказки рассказывать в зимнее время, вспоминать приятелей: «Медведюшка», «Морщинка», «Пальцы»,

«Зайчик Иваныч», «Зайка». Всё заканчивается *медвежьей* колыбельною песней.

* *Корочун* - зимний Дед Мороз. - Дневнерусское название зимнего солоноворота (12 декабря), время от 15 ноября до Рождественского сочельника. Древнерус. карачун, корочун, корочюн; малорус. керечун, - от крачити, крак - шаг, нога. Этот самый дед Корочун, оказывается, по словам румынской колядки, приютил божию матерь с младенцем у себя в хлеву. См.: Акад. А.Н. Веселовский. Разыскания. VI-X.

* *Дунуло много - буйны ветры* - дунуло много ветров, - буйны ветры.

* *Вдарило много, - люты морозы,* - вдарило много морозов, - люты морозы. Такие опущения встречаются в народных русских песнях.

* *Драковитый дуб* - развилистый.

* *Ветреник* - шаловливый ветер, он румянит щёки и вешает сосульки на бороды и усы; если в студёное время отворить дверь наружу, так он тут как тут - заклубится паром.

* *Злющие зюзи* - трескучие морозы, зюзи - морозы (Белоруссия).

* *Без попяту* - не спячиваясь, не устремляясь на попятный.

* *Без завороту* - не возвращаясь, не оборачиваясь.

* *Секнёт* - лопнет, отскочит в стороны.

* *На голодную кутью* - 5 генваря в Крещенский сочельник. На эту кутью (кутья бывает ещё в Рождественский сочельник - постная, и под Новый год ласая, или щедрая, или богатая) чествуется Корочун.

Выбрасывая Корочуну за окно первую ложку, зовут кутью есть, а летом просят жаловать мимо, лежать под гнилой колодой и не губить посевов.

* *Морщинка.* Эту сказку я слышал от старухи няньки.

* *Пальцы.* В основу сказки положен южнославянский миф. См.: И.А. Бодуэн де Куртенэ. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. П. «Образцы языка на говорах тверских славян в северо-восточной Италии». Сб. Отд. Рус. яз. и Словес. Имп. Акад. наук. Т. LXXVIII, N 2, Спб., 1904.

* *Зайчик Иваныч.* Есть известная народная сказка о трёх сёстрах. Рассказывали мне её в Сольвычегодске.

* *Зайка.* У детей глаза подслеповато-внимательные. Для них нет, кажется, ни уголка в мире незаполненного, всё вокруг кишит жизнями, которые позже, по мере сознательности, или рассеятся, или уж сядут на свои твёрдо определённые места. Не отделяя сна от бодрствования, дети мешают день с ночью, когда руководит ими не мама и нянька, а Сон. Всякую ночь Сон приходит к кроватке и ведёт их гулять на свои поля к своим приятелям. Знакомые лица игр и игрушек ночью живут самой полной жизнью, и это отражается на отношении детей к предметам в дневной жизни, когда они кушают. Среди бела дня вдруг покажется Кострома, а станет солнце закатываться, глядишь, и Буроба с своим мешком тащится, а уж когда совсем смеркнется и где-нибудь в углу червячок зашевелился, станет расти - и ко сну клонить начинает.

* *Лягушка-квакушка с отбитою лапкой* - фарфоровая лягушка с отбитой лапкой.

* *Зародыш* - такой из пузыря человек, когда его надуешь, распухнет, но когда воздух выйдет, то, пискнув, он свернётся в гадкую раскрашенную плёнку.

* *«Пупки Кощея»* - бульдегом. Коробка - 25 коп. Самое любимое кушанье детей - варёный куриный пупочек, и на конфеты сладкие переносится название пупочков.

* *Кучерище* - игрушка щелкун. Сидит такое чудище с разинутым ртом, а перед ним коробочка с ручкой, если вертеть ручку, то вылезает из неё человечек и прямо в пасть. И сколько бы ни вертеть, человечек всё вылезает, а чудище знай его проглатывает. Такая игрушка изображена в «Азбуке» Александра Н.Бенуа. Изд. Экспедиции заготовления государств. бумаг. СПб., 1905.

* *Васютка, сынишка Кучерищев* - ветер в трубе.

* *Птица Гагана* - мифическая птица, которая даёт птичье молочко, гага. Гаганить - гоготать.

* *Слепышка Листин* - в лесу живёт, весь из листьев. Есть и Листина баба - игрушка: туловище сделано из мха, а вместо рук еловые шишки, на ногах настоящие лапотки.

* *Медведь с Мужиком* - деревянная игрушка. На двух

палочках укреплены Медведь и Мужик, а между ними наковальня. Если двигать палочки в разные стороны, то попеременно Мужик и Медведь ударяют молотком по наковальне. Игрушка изображена в «Азбуке» Александра Н.Бенуа.

* *Мороками* - мрачно, себе на уме.

* *Завязывал ножку у стола* - такая есть примета: чтобы поскорей найти потерянное, надо завязать ножку у стола, и потерянная вещь найдётся.

* *Два Козла-барана* - деревянная игрушка, сделанная по образцу Медведь и Мужик.

* *Заартачилась* - заупрямилась.

* *Афта* - краска, которой пишутся автопортреты, по толкованию Зайки.

* *Медвежья колыбельная песня* - с латышского. Хорошо читать колыбельные песни, напевая (мурлыкая). Весною 1906 г., когда я писал «Посолонь», мне приснился «удалой воин небаюканый, нелюканый». Весь закованный, подходил он ко мне, и я слышал, как в стуке шагов его напевалась колыбельная песня медвежья. Мотив для этой колыбельной песни запомнился мне из моего сна.

(Примечания А. М. Ремизова).

Алексей Николаевич Толстой. Классик советской литературы, общественный деятель, академик (с 1939 года). Родился 29 декабря 1882 года в Николаевске Самарской губернии. Скончался 23 февраля 1945 года в Москве. С однофамильцами Л.Н.Толстым и А.К.Толстым Алексея Николаевича связывает общий пращур - сподвижник Петра I граф П.А.Толстой.

Первыми прозаическими опытами А.Н.Толстой считает «Сорочьи сказки» (1910 г.), в дальнейшем дополненные и разделённые на два цикла: волшебно-фантастический «Русалочьи сказки» и более приземлённый - «Сорочьи сказки».

Цикл «Русалочьи сказки» публикуется по изданию: Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. - Т.8. - М.: «Худ. лит.», 1985 г.

* *Пешня* - железный лом с деревянной рукояткой.

* *Игоша* - мёртворождённый младенец, уродец.

* *Наземь* - навоз.

* *Жиж* - образовано от «жижа», в детском языке - огонь, обжигающее.

* *И полю теремь* - охватило пламенем.

* *Лестовка* - лестовец, чётки у старообрядцев.

* *Шабер* - сосед.

* *Анчутка* - чертёнок.

* *Опашень* - летняя верхняя одежда.

* *Хоть* - любимая жена.

* *Дым к дыму* - двор ко двору.

* *Кика* - головной убор замужней женщины.

Владимир Иванович Даль (10 ноября 1801 года, Лугань - 22 сентября 1872 года, Москва) - знаменитый создатель «Толкового словаря живого великорусского языка». Отец - датчанин, приехал в Россию по приглашению Екатерины II, врач. Мать - немка. В 1814 году Владимир поступает в Морской корпус в Петербурге. Его соученики - будущий адмирал П.С. Нахимов и будущий декабрист Д.И.Завалишин. В числе 12 лучших гардемаринов Даль путешествует к берегам Швеции и Дании.

Даль был и военным инженером, и хирургом-окулистом, и писателем, и этнографом, и чиновником особых поручений... В 1838 году В.И.Даль был избран членом-корреспондентом Академии по отделу естественных наук.

В нашем сборнике в качестве дополнения к сказкам мы печатаем полностью ставшую уже библиографической редкостью работу В.И.Даля «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа». Текст публикуется по изданию: Полное собрание сочинений Владимира Даля. Том 10. - СПб, М.: издание тов-ва М.О.Вольф, 1898 г.

Вступление

* Я с намерением не перечитывал теперь сочинений ни г. Снегирёва, ни г. Сахарова. Я даю только сборник, запас, какой случился. Праздничных обрядов я мало касаюсь, потому что предмет этот обработан г. Снегирёвым; а повторения того, что уже помещено в *Сказаниях* г. Сахарова, произошли случайно, из одного и того же источника. Я дополнил статью свою из одной только печатной книги: *Русские*

суеверия Чулкова, в которой, впрочем, весьма не много русского.

* *Зилан* - по-татарски змея.

* *Осина,* в народных поверьях и в хозяйстве, замечательное дерево. На нём, по народному преданию, удавился Иуда - отчего и лист осиновый вечно дрожит; осиновым колом прибивают в грудь мертвеца-колдуна, ведьму, упыря, - который встаёт и бродит по ночам; осиновыми кольями должно бить коровью смерть, при известном ночном опахивании деревни, где действуют одни нагие бабы; в осиновый пень вколачиваются волосы и ногти больного, чтобы избавить его от лихорадки; разбитые параличом должны лёжа упираться босыми ногами в осиновое полено; такое же полено, засунутое в куль негашёной извести, как говорят, не даёт ей сыреть и портиться, равно положенное в посуду с квашеной капустой не даёт ей бродить и перекисать; осиновые дрова, если ими протапливать изредка печь, уничтожают всю сажу, так что вовсе не нужно труб чистить; осина, самое мягкое и негодное дерево, даёт самые прочные торцы, для мостовой, особенно на конных приводах.

* Вот несколько образчиков заговоров, взятых из разных губерний, они очень походят на заговоры, собранные Сахаровым.

1.*Заговор от поруба.* Встану я благословясь, лягу я перекрестясь и лягу во чистое поле, во зелёное, стану благословясь, лягу перекрестясь, пойду стану благословясь, пойду перекрестясь во чистое поле, во зелёное поморье, погляжу на восточную сторону: с правой, с восточной стороны, летят три врана, три братеника, несут трои золоты ключи, трои золоты замки; - запирали они, замыкали они воды и реки и синие моря, ключи и родники; заперли они, замкнули они раны кровавыя, кровь горючую. Как из неба синего дождь не канет, так бы у раба Божьяго N.N. кровь не канула. Аминь.

2.*Приворотный заговор* или *любжа, который читается на подаваемое питьё.*

Лягу я раб Божий помолясь, встану я благословясь, умоюсь я росою, утрусь престольною пеленою; пойду я из дверей в двери, из ворот в вороты, выйду в чистое поле, во зелёное поморье. Стану я на сырую землю, погляжу я на восточную

сторонушку, как красное солнышко воссияло: припекает мхи-болоты, чёрныя грязни. Так бы прибегала, присыхала раба Божия N. о мне рабе Божьем N. очи в очи, сердце в сердце, мысли в мысли; спать бы она не заспала, гулять бы не загуляла, аминь тому слову.

3. *Заговор от ружья.* На море на океане, на острове на Буяне, гонит Илья Пророк на колеснице гром со великим дождём: над тучей туча взойдёт, молния осияет, гром грянет, дождь польёт, порох зальёт. Пена изыде и язык костян. Как раба-рабица N. мечется, со младенцем своим не разрожается, так бы у него раба N. бились и томились пули ружейные и всякого огненного орудия. Как от кочета нет яйца, так от ружья нет стрелянья. Ключ в небе, замок в море. Аминь, трижды.

4. *От лихорадки.* Встану я раб Божий N. благословясь, пойду перекрестясь с дверей в двери, из ворот в вороты, путём дорогой к синему окиану-морю. У этого окиана-моря стоит древо карколист; на этом древе карколист висят: Косьма и Демьян, Лука и Павел, великие помощники. Прибегаю к вам раб Божий N. прошу, великие помощники К. и Д. Л. и П., сказать мне, для чего-де выходят из моря-окиана женщины простоволосые, для чего-де оне по миру ходят, отбивают от сна, от еды, сосут кровь, тянут жилы, как червь точут чёрную печень, пилами пилят жёлтые кости и суставы? Здесь вам не житьё-жилище, не прохладище; ступайте вы в болота, в глубокие озёра, за быстрые реки и тёмны боры: там для вас кровати поставлены тесовые, перины пуховые, подушки пересные; там яства сахарные, напитки медовые - там будет вам житьё-жилище, прохладище - по сей час, по сей день, слово моё, раба Божьяго N. крепко, крепко, крепко.

5. *От укушения гада.* Молитв ради Пречистыя твоея Матери благодатный свет мира, отступи от меня, нечестивый, змея злая, подколодная, гадина люта, снедающая людей и скот: яко комары от облаков растекаются, тако и ты, опухоль злая, разойдись, растянись, от раба Божьяго N. Все святые и все монастырские братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовые святые лики, станьте мне на помощь, яко в дни, тако и в нощи, во всяком месте, рабу Божьему N. Аминь.

6. *Украинский заговор от-звиху* (от вывиха). Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Гдесь-недесь на сынему мори лежыть камень билый, на билому камени кто-сь седыть, высижа, язь жовтом кости цвиль выкликая; жовтая кость левовь дух; якь у льву дух не держится, то щоб так у жовтои кости раба Божьяго N. звих не держався. Миколаю угоднику, скорый помощнику, мисяцу ясный, князю прекрасный, стань мени у помощь, у первый раз, у третий раз. Аминь.

XI. *Симпатические средства*

* Кто бы поверил, что деревянная дощечка с тремя магнитами на одном конце, свободно обращающаяся на игле, поставленная в комнате и накрытая стеклянным колпаком, показывает, за полчаса вперёд, направление ветра! А между тем это верно, открыто случайно и теперь занимает всех учёных.

XII. *Приметы*

* Общее и повсеместное поверье, что встречный предмет, особенно неприятный, имеет влияние на роды беременной женщины и даже на наружность ребёнка, существует также в России и притом во всех сословиях.

Примечания В. И. Даля.

Иллюстрации к сказкам О. Сомова «Русалка», «Кикимора», «Купалов вечер», П. Засодимского «Разрыв-трава» и разделу сказок «Зима лютая» из цикла «Посолонь» А. Ремизова - А. Дёмин, к циклу А. Толстого «Русалочьи сказки» - О. Колесниченко, к остальным сказкам - С. Стенин.

Художественное оформление серии - Г. Юшков.

В издании сохранены некоторые особенности стилистики и правописания предыдущих публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

О.М.Сомов

Русалка ... 7
Оборотень ... 24
Киевские ведьмы ... 44
Кикимора ... 67
Сказка о Никите Вдовиниче ... 85
Купалов вечер ... 109
Бродящий огонь ... 113
Недобрый глаз ... 117

П.В.Засодимский

Разрыв-трава ... 126

А.М.Ремизов

Посолонь ... 155
- Весна-красна ... 156
  - Монашек ... 156
  - Красочки ... 157
  - Кострома ... 161
  - Кошки и мышки ... 165
  - Гуси-лебеди ... 169
  - Кукушка ... 172
  - У лисы бал ... 174
- Лето красное ... 175
  - Калечина-Малечина ... 175
  - Чёрный петух ... 176
  - Богомолье ... 180
  - Купальские огни ... 182
  - Воробьиная ночь ... 187
  - Борода ... 192
  - Кикимора ... 194
- Осень тёмная ... 196
  - Бабье лето ... 196
  - Змей ... 199
  - Разрешение пут ... 204
  - Плача ... 205
  - Троецыпленница ... 206
  - Ночь тёмная ... 210
- Зима лютая ... 216
  - Корочун ... 216
  - Медведюшка ... 217

Морщинка 232
Пальцы 240
Зайчик Иванович 242
Зайка 259

А.Н.Толстой

Русалочьи сказки 286
Русалка 286
Иван да Марья 297
Ведьмак 305
Водяной 308
Кикимора 312
Дикий кур 317
Полевик 320
Иван-царевич и Алая Алица 323
Соломенный жених 326
Странник и змей 334
Проклятая десятина 338
Звериный царь 342
Хозяин 346
Синица 350

Приложение 367

В.И.Даль

О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа 368
Вступление 368
I. Домовой 374
II. Знахарь и знахарка 379
III. Кликушество и гаданье 384
IV. Заговоры 388
V. Водяной 400
VI. Моряны 401
VII. Оборотень 402
VIII. Русалка 403
IX. Ведьма 405
X. Порчи и заговоры 408
XI. Симпатические средства 419
XII. Приметы 425
XIII. Басни, притчи и сказки 448
XIV. Привидения 454
XV. Клады 464
Примечания 469

КОЛДОВСКИЕ СТРАШНЫЕ СКАЗКИ

Составитель **А.Гущин**
Редактор **И.Щербакова**
Художники: **Г.Юшков, А.Демин, С.Стенин, О.Колесниченко**
Технический редактор **И.Заузолкова**
Корректоры: **Н.Зайцева, А.Зайцев**
Компьютерный набор **С.Фетисова**
Изготовление оригинал-макета **Е.Ромашова**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.07.92 г.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага офсетная № 2. Уч.-изд. л. 24,0.
Усл. печ. л. 27,3. Тираж 100 000 экз. Заказ № 260. С 005.

Банк культурной информации:
620073, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 137, Киноцентр, БКИ.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии издательства «Уральский рабочий»:
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.







